

ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Брюно Дажан

КХМЕРЫ

История
Город и королевство
Государственное устройство
Экономика
Религия
Жизнь кхмеров

БРЮНО ДАЖАН

КХМЕРЫ

Москва
«Вече»
2009

ББК 63.3(5Кам)
Д12

*Издание осуществлено при поддержке
Национального центра книги
Министерства культуры Франции*

*Ouvrage publié avec le concours du Ministère
français chargé de la culture – Centre National du Livre*

Перевод с французского В.Е. Степанова

Дажан, Брюно

Д12 Кхмеры / Брюно Дажан. — М. : Вече, 2009. —
432 с. : ил. — (Гиды цивилизаций).

ISBN 978-5-9533-2738-1

Камбоджа, Кампучия, Земля кхмеров... Маленькое государство с долгой и трудной судьбой подарило миру великую, неповторимую культуру, в которой сочетались тысячелетние традиции индуизма и буддизма. Храмовый комплекс Ангкор Ват, бесценная жемчужина среди вечнозеленых роскошных лесов, — это неразгаданная тайна, оставленная нам зодчими и ваятелями, священный образ мироздания. Традиции национальной музыки и танцев, литературы и восточной медицины, — все это ожидает читателя на страницах книги, которая поистине может стать для него путеводителем по удивительному миру кхмеров.

ББК 63.3(5Кам)

ISBN 978-5-9533-2738-1 **Bruno Dagens. Les Khmers**

© Les Belles Lettres, Paris, 2009

© Степанов В.Е.,

перевод на русский язык, 2009

© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

Наш справочник не претендует на непогрешимость. А поскольку из-за ограниченного объема книги у нас нет возможности детально рассмотреть каждую из непроверенных гипотез, мы предпочли пойти по пути последовательного изложения проверенного материала. Это поможет удовлетворить любопытство читателя по наиболее интересным и важным для него вопросам. Но прежде всего нужно определиться относительно датировки монументов, в первую очередь стел, воздвигавшихся в честь их закладки или открытия. Ведь если мы будем датировать памятник временем его открытия, то тогда придется считаться с тем, что его строительство было начато предшественниками достроившего его короля, что поставит под сомнение точность датировки. В ученых кругах уже долгое время кипят споры относительно того, какая политическая ситуация — плюрализм или унитаризм — царила в первые века существования Страны кхмеров. Не иссякает также полемика и по поводу выдвинутой В.-П. Гролье теории «гидротехнического города»¹.

Впрочем, одного вопроса мы вообще не коснемся в нашем исследовании, поскольку он еще недостаточно изучен: это кхмерская «табель о рангах», ее иерархическое построение и изменения в ней. В настоящее время ведутся раскопки в районе Анг-

¹ Результаты международных исследований в рамках проекта GAP (Greater Angkor Project) позволяют утверждать, что приблизительно тысячу лет тому назад вокруг Ангкорского храма на площади около 3000 кв. км был построен город. Сотни километров каналов прорезали его территорию, а ирригационная система, включавшая не менее 1000 искусственных водоемов, полностью обеспечивала население пресной водой (*примеч. пер.*).

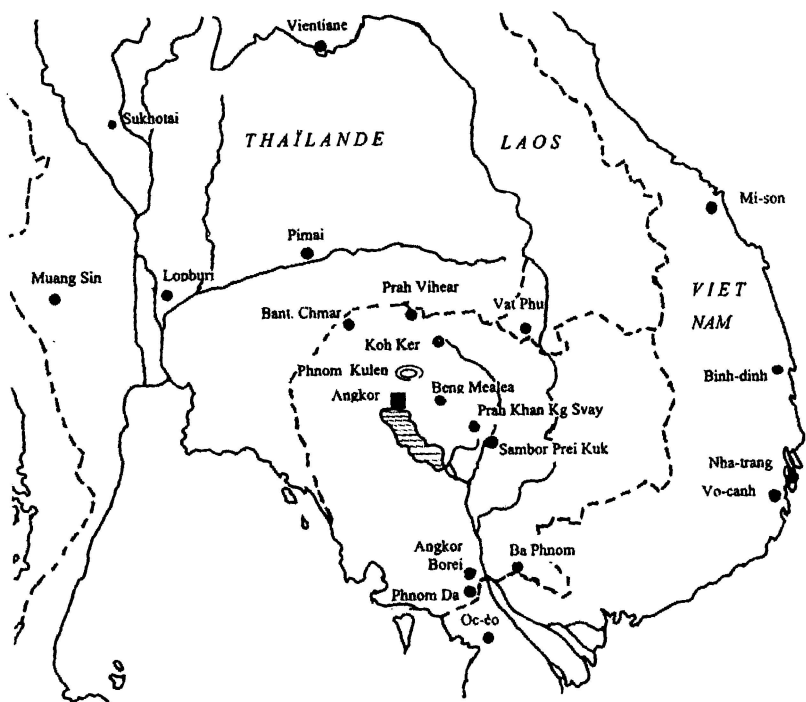

кор Тхома и в других местностях. Мы многого ждем от них, в частности, новых сведений относительно экономики, образа жизни в древней Камбодже или связи между доисторическими и историческими эпохами. Радужные перспективы открываются и в области эпиграфики: недавно была осуществлена точная идентификация некоторых шиваитских текстов на санскрите на стенах. Это поможет приступить к изучению теологического контекста, в рамках которого в IX столетии в стране укрепился индуизм, а также отыскать корни религиозного кризиса, разразившегося в Камбодже в XIII веке. Большая часть этих надписей уже переведена и опубликована. Они помогут понять происходившие экономические процессы, установить значение титулов и различных привилегий, в деталях изучить заказы на строительство храмов и создание произведений искусства, а также установить их точную временную принадлежность.

Если внимательно и вдумчиво прочесть этот справочник, то можно по-новому взглянуть на уже известные факты, осмыслить результаты последних исследований и заглянуть за открытые ими новые горизонты.

СТРАНА КХМЕРОВ

Территория империи кхмеров в пору ее расцвета в конце XII столетия

I

ИСТОРИЯ

В научных кругах историю Ангкора принято делить на следующие периоды: доангкорский (с момента основания до 802 н. э.), ангкорский (ок. 802 — ок. 1431) и постангкорский (начиная с XV столетия). Такое деление удобно с практической точки зрения, но не учитывает тот факт, что ангкорский регион играл большую роль и до 802 года, «официальной» даты становления ангкорской монархии, а исход из Ангкора (1431) и его «забвение» не были окончательными и полными, как это считалось раньше. Продолжая использовать термины «доангкорский» и «ангкорский», мы отдаем себе отчет в некоторой условности подобного деления, в частности, в отношении начального периода. Но для нас очевидно, что им охватывается только тот период, в течение которого Ангкор безраздельно контролировал Страну кхмеров, территория которой иногда достигала весьма внушительных размеров.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Изучение различных древних поселений на территории современной Камбоджи показывает, что для **предыстории Страны кхмеров характерны те же процессы, что и для соседних более изученных регионов.** Впрочем, нет полной уверенности в наличии связи между отдельными поселениями. В некоторых, самых древних (пещера Леанг Спеанг в про-

винции Баттамбанг, V тысячелетие до н. э.), люди жили в пещерах. Однако большая часть поселений располагалась на открытом воздухе и занимала довольно большие площади. Некоторые из них, например, в Мимоте (провинция Компонг Чам, 3—2 тысячелетие до н.э.) находились на возвышенностях и были окружены рвом, что свидетельствует о том, что «города» имели круглую форму. Впоследствии такой градостроительный тип получил широкое распространение на территории современного Таиланда. От других поселений, таких, как Самронг Сен (провинция Компонг Том, 2 тысячелетие до н.э.), остались лишь скопления ракушечника с остатками строительных и поделочных материалов. Найденный в ходе раскопок археологический материал позволяет установить некоторую общность между ними: способ обработки каменных инструментов свидетельствует о принадлежности к хоабинской культуре, хоть и дополняется не свойственной той техникой полировки. Изделия из бронзы (украшения, вазы, барабаны) свидетельствуют о тесных взаимоотношениях с так называемой донгшонской цивилизацией, которая незадолго до начала н. э. ознаменовала собой наступление эры металлов на севере Вьетнама. А самые последние исследования подтверждают очевидность аналогичных связей с некоторыми индийскими областями. Но все эти контакты не шли дальше обмена товарами, хотя мы не можем утверждать это с полной уверенностью.

Вполне вероятно преемственность между этими доисторическими (или протоисторическими) культурами и расцветом в начале н. э. на территории Страны кхмеров молодой цивилизации, но она не подтверждена фактами. Не лишены логики замечания Жана Дельвера относительно повсеместного распространения жилищ на сваях (устанавливаются на воде или на заболоченной почве. *Примеч. пер.*), хотя

другие археологические находки вызывают больше вопросов, чем дают ответов. Например, насколько широко был распространен тип круглых городов или почему первые кхмерские надписи обнаружены в Северо-Восточном Таиланде. При раскопках в самой Камбодже (Ангкор, Самбор Преи Кук) под монументами были обнаружены неолитические руины. Но взаимосвязь и преемственность этих сооружений совсем не обязательны. Складывается мнение, что в кхмерских «колониях» в Северо-Восточном Таиланде между кхмерской и местными доисторическими культурами существовало скорее совпадение, чем взаимопроникновение.

ФУНАНЬ

Сведения о Камбодже первых веков н. э. можно почерпнуть из китайских источников (несмотря на то, что они появились лишь в III веке) и из археологических данных, главное место среди которых занимают надписи. Они появляются в IV веке, а с конца VI века их количество и значимость начинают неуклонно возрастать. **Первое государственное образование на территории современной Камбоджи, упоминаемое в китайских летописях, получило название «королевство Фунань». Оно, вероятно, появилось в I веке н. э. и, судя по описаниям, было «двуязычным», что впоследствии станет на много веков одним из неперменных атрибутов Страны кхмеров.**

Фунань, по сути, являлся объединением нескольких княжеств или, вернее, самым крупным среди них. Он занимал прибрежную зону современной Камбоджи и дельту реки Меконг. Если верить китайским летописцам, его столица находилась в глубине материка, в Бапнومه или в Ангкор Бореи: там действительно обнаружены следы присутствия челове-

ка. Однако самым знаковым местом королевства в первых столетиях н. э. был Ок-Ео (в современном Вьетнаме на западе полуострова Камау). Это был важный с экономической и политической точек зрения эмпорий.¹ В 40-х годах прошлого века там проводил раскопки Людовик Маллере, недавно они были возобновлены. Обнаруженные артефакты показали, что торговые связи Фунаня простирались до Китая и Индии, охватывали Ближний Восток и запад Средиземноморья (при раскопках найдены римские и ближневосточные монеты). Китайские источники также подтверждают наличие этих отношений. Они сообщают, что наряду с регулярными политическими и экономическими связями с Китаем Фунань приблизительно в 240–245 годах направлял посольство в Индию. Кроме того, в летописях говорится, что в 357 году правителем Фунаня был король, иностранец по происхождению, по имени Тианжу Жантан, что свидетельствует о том, что он был индийцем (Тианжу), носящим иранский титул (Жантан = ир. Шандан). Наконец, эти же источники приводят более поздние, но весьма красноречивые факты, свидетельствующие о том, какое положение занимал Фунань в отношениях с Индией и Китаем: один буддистский монах, индиец по происхождению, был послан в 484 году королем Фунаня к китайскому императору, а два других, выходцы из Фунаня, в начале VI столетия отправились в Китай переводить санскритские тексты на китайский язык.

Уже говорилось, что Фунань был двуязычным государством. Несмотря на то, что его население было однородным по своему национальному составу, имеются свидетельства того, что в ходу в нем были и слова индийского происхождения. Много-

¹ Эмпорий — торговый порт в иностранном государстве (*ист., примеч. пер.*).

численные факты свидетельствуют о том, что коренным населением королевства являлись кхмеры. Одним из аргументов в пользу этого утверждения являются легенды о его происхождении, впоследствии упомянутые китайскими летописями и воспроизведенные в не менее легендарных надписях о зарождении ангорской династии. Кроме того, мы не располагаем никакими свидетельствами того, что в этом регионе в период между началом н. э. и VI веком имели место серьезные этнические изменения, то есть именно в тот период, когда кхмерское присутствие здесь подтверждалось надписями на старо-кхмерском языке. Что касается «индийского» влияния, то мы коснемся упомянутых нами легенд. В них повествуется о том, что, начиная с I века н. э., королевство Фунань управлялось династией, возникшей в результате союза, заключенного между брахманом и местной принцессой. Брахман, некто Кауньдинья, был, вероятно, выходцем из Индии. Что касается принцессы Сомы, то она была аборигенкой; некоторые предания представляют ее в образе принцессы-змеи (наги). Для нас имеет большое значение тот факт, что существует параллель между этим мифом и индийским преданием о происхождении южной династии Паллавов, а Кауньдинья — это имя основателя рода брахманов (*готров*), почитавшегося на юге Индии. В других летописях рассказывается о брахманских и буддистских ритуалах с использованием санскрита и именах и титулах королей Фунаня, которые в соответствии с укоренившейся в Индии традицией брали себе имена, оканчивающиеся на *-варман*. Что касается санскрита и ссылок на культурное влияние Индии, то мы располагаем двумя уникальными эпиграфическими документами, которые были обнаружены не на территории современной Камбоджи. Прежде всего, следует сказать о самой древней санскритской над-

писи в Юго-Восточной Азии, найденной в местечке Во Кан (возле мыса Варелла во Вьетнаме). Она сделана на одном из языков западной Индии. В ней говорится о правителе, имя которого (Шримара) имеет тамильские корни, и содержится явный намек на «Рамаяну»; а сама надпись свидетельствует об отличном, до тонкостей, знании санскрита. Второй документ — это надпись на стеле, датируемой V веком н. э.; она была обнаружена неподалеку от местечка Ват Пху (на юге Лаоса). Надпись повествует об одном короле по имени Деваника, а ее уникальность заключается в том, что в нее включены три стиха из «Махабхараты», что является самым древним письменным свидетельством существования этой эпопеи. Аналогичные феномены происходят и в искусстве: к V — началу VI веков относятся серии статуй, главным образом Вишну, родство которых со статуями периода правления династии Гупт¹ очевидно.

Эти неоспоримые связи не оставили никакого следа в Индии, даже в форме простого упоминания о них. То же можно сказать и о дальнейших взаимоотношениях Камбоджи с Индией вплоть до XIII столетия. Ничто не говорит о том, что в тот или иной момент они могли принять форму колонизации в виде воцарения в стране доминирующей иностранной диаспоры, навязывающей свои концепции и видение мира.

Лишь в конце существования Фунаня в китайских летописях упоминаются имена некоторых его правителей: король Кауньдинья-Джайяварман, умерший в 514 году, правил процветающим государством, исповедовавшим шиваизм, хотя Китай и пытался навязать ему буддийскую веру; а его жена, царица

¹ Гупты — династия правителей в государстве Гуптов. Виднейшие представители: Чандрагупта I, Самудрагупта (IV век) и Чандрагупта II (IV—V века) (*примеч. пер.*).

Кулапрабхавати, получила известность благодаря упоминанию ее имени в надписи, сообщающей об основании вишнуитского храма. Что же касается его сына, Рудравармана, то он оставил свой след в истории благодаря тому, что был последним королем Фунаня, упомянутым в китайских летописях. Впрочем, в ангорской генеалогии он выделяется как один из самых достойных представителей лунного рода, нисходящего от четы Кауньдиньи и Сомы.

ПЕРВАЯ СТОЛИЦА

Название Фунань исчезает из китайских источников около 550 года. На политическом небосклоне появляется **новое государство — Женла (или Ченла)**: так все те же китайские летописи называли Камбоджу до конца XIII века. Но несмотря на изменение названия страны, мы не можем с уверенностью сказать, что оно было связано с реально имевшими место политическими потрясениями. О чем-либо подобном ничего не говорится в многочисленных надписях того периода, рассеянных по региону от Баттамбанга до долины Меконга, на плато Корат в Таиланде и на юге Лаоса. Из множества разрозненных княжеств к концу VI века сформировалось государство, расположенное в районе Самбор Преи Кук (современная провинция Компонг Том), ядром которого стало самое сильное среди них. Оно сумело покорить часть древнего Фунаня и некоторые соседние территории. Его первыми правителями были Бхававарман I и Махендраварман-Читрасена. При этом в Пном Да, в непосредственной близости от Ангкор Бореи (возможной столицы Фунаня), был обнаружен целый склад статуй Вишну, датированных концом VI века, что свидетельствует о существовании крупной для того времени мастерской, которая вполне могла выполнять королевские заказы.

В начале VII столетия у Страны кхмеров появляется первая столица. Речь идет об Ишанапуре (современный Самбор Преи Кук), построенной Ишанаварманом I (около 615—637), который назвал ее своим именем. Единственными хорошо различаемыми в наши дни частями этого города являются гидротехнические сооружения и храмы. Важное экономическое значение первых и масштабы и техническая смелость вторых, их архитектурное разнообразие, качество декора и статуй, все говорит о существовании мощной власти, способной мобилизовать значительные материальные и людские ресурсы. В то же время многие детали архитектурного оформления свидетельствуют о существовании тесных связей с соседней Чампой, которые, судя по некоторым документам, относились исключительно к сфере искусства. Надписи, исходящие от самого Ишанавармана или признающие его власть, показывают, что он контролировал как регион Компонг Том (где находилась Ишанапура), включая большие территории на юго-востоке, простиравшиеся вплоть до морского побережья, так и области на западе (Прачинбури в Таиланде). Как ему удалось управлять столь обширным королевством, остается только догадываться.

Во второй половине VII столетия страной правил Джайяварман I (ок. 665—689/690 или 691). Его королевство занимало примерно те же земли, что и владения Ишанавармана. Неизвестно, где располагалась его столица (Пурандарapura): предполагают, что она находилась неподалеку от Ангкора, хотя ни одной надписи в пользу этого утверждения не обнаружено. Но точно известно, что в районе Ангкора располагалась столица его дочери, Джайядеви, сменившей его на троне в конце VII века.

РОЖДЕНИЕ АНГКОРСКОГО КОРОЛЕВСТВА

По свидетельству все тех же китайских источников, Женла или Ченла (то есть Камбоджа) в начале VIII столетия распалась на два королевства: Ченлу Земли, расположенную в горном регионе на севере страны (Южный Лаос, район Дангрека и территории, находящиеся севернее Пном Пеня на реке Меконг), и Ченлу Воды, страны озер и моря. Неизвестно, насколько реальным было такое четкое деление, но изучая весьма туманную историю VIII века, мы пришли к трем выводам. Во-первых, **страна процветала**, что подтверждается обилием культовых сооружений, возведенных в тот период по всей территории современной Камбоджи. Во-вторых, **в стране кхмеров усилилась роль отдельных регионов**, что выразилось в увеличении числа художественных мастерских — несомненный факт усиления местных влиятельных родов на территории вокруг Шамбхупура (Самбор на Меконге) или Самбор Преи Кук. В-третьих, **все чаще начинает упоминаться Ангкор и прилегающие к нему территории**. В наши дни принято относить к концу VIII столетия появление храмов Ак Йом (западный пригород Ангкора) и храма Пимеанакас (в самом центре Ангкора), которые являются первыми образцами «храма-горы» (вырубленного в горном массиве. — *Примеч. пер.*), то есть сооружения, которое было государственным храмом правящего короля. В том же VIII веке древняя Камбоджа испытала на себе влияние Явы. Тесные экономические и культурные связи между Индонезией и Камбоджей существовали с давних времен. Это не могло не отразиться на архитектурном стиле этого и следующего веков (в частности, на Пном Кулене).

В соответствии с преданием, датируемым XI столетием и начертанным на стеле Сдок Как Том, то есть гораздо позже описываемых событий, король Джайяварман II (ок. 770—после 830) «прибыл с Явы» (ок. 770). В 802 году он был коронован и основал свою столицу на горе Махендра (то есть на Пном Кулене, в северной части Ангкора). Туда он призвал брахмана, сведущего в магических науках, и доверил ему выполнить такой священный ритуал, чтобы страна Камбуджадеша навсегда избавилась от зависимости от Явы, и отныне был только один правитель, который бы и стал богом-королем (чакравartiном). **Далее он заложил основы культа в честь «Девараджи», вокруг которого и должно было произойти становление монархии кхмеров** (для сравнения см. гл. VII, таблицу: Двухязычие надписей на стеле Сдок Как Том).

Приведенный вкратце текст надписи Сдок Как Том имеет очень важное значение и проливает свет на некоторые детали. Так, название «Ява» совсем не обязательно относится именно к этой стране; оно может обозначать как Чампу, так и любой другой соседний с Камбоджей регион. Но главное, что все проясняется относительно самого культа девараджи: как доказал Клод Жак, этот **мало употребляемый санскритский термин обозначает одно из типично кхмерских божеств**, которое с течением времени наделялось чертами трех индийских богов: Шивы в форме линги до начала XII века, далее Вишну в период правления Сурьявармана II (ок. 1113—1150) и, наконец, Будды в период правления Джайявармана VII (1181—ок. 1218).

Прожив какое-то время на Пном Кулене и в других столицах, Джайяварман II переселяется в Харихаралайю, современный Ролуос, юго-восточный пригород Ангкора. Отныне и до начала XV века резиденция кхмерской монархии будет находиться

в Ангкоре (за исключением короткого периода в X столетии). Джайяварман II и его наследники основали вокруг этого города-столицы обширное государство, в которое входили не только Страна кхмеров, но и Северо-Восточный Таиланд, Южный Лаос и южная часть Дайвьета. Это королевство познало свои взлеты и падения, свои минуты славы и унижений. Но в пору своего расцвета, продлившегося до XIII столетия, оно оставалось одним из величайших государств Юго-Восточной Азии, а его столица была, пожалуй, самым большим городом этого региона того времени.

ОТ АНГКОРА ДО АНГКОРА

В последней четверти IX века **Индраварман I** (ок. 877–889) поддерживал тесные отношения с Китаем, Чампой и Явой. Он возвел в Харихаралайе грандиозный ансамбль храмов и сооружений, который был призван символизировать мощь ангорской королевской власти: государственный храм, высеченный в горном массиве — храм-

Барай Лолеи. IX в.

гора (Баконг), где была установлена скульптура Девараджи; храм, возведенный в память предков (Прах Ко) и, наконец, огромный бассейн-резервуар (или водохранилище. — *Примеч. пер.*) для целей ирригации (барай Лолеи). Что касается двух из этих сооружений, то в соответствии с достаточно распространенным в то время методом строительства Индраварман использовал, значительно увеличив их размеры (и дав им свое собственное имя), предшествующие постройки: Баконг (в честь линги Индрешвары) и барай Лолеи (он же Индратака), построенные еще при Джайявармане II. Но одновременно с этим Индраварман начинает работы в новом месте, в нескольких километрах северо-западнее Харихаралайи, в Ангкоре, где впоследствии его сын Яшоварман решит основать столицу.

Несмотря на то что Яшоварман (889—около 910) возвел храм в честь предков в Ролуосе на острове в центре барая Лолеи, **столицу, которой он дал свое имя Яшодхарапура**, сохранявшую свое название до XIII столетия, **он построит в Ангкоре**. Он также дал свое имя Яшодхарататака **Восточному бараяу**, рытье которого началось еще в период правления его отца. Именно в Яшодхарапуре он возобновил работы на строительной площадке, заложенной еще его отцом, и построил **свой главный государственный храм** в форме пирамиды с бесчисленными башнями, громоздившимися на вершине вулканического пика (Пном Бакхенг). Каждую из двух других ближайших к Ангкору вершин (Пном Бок и Пном Кром) он увенчал храмами, посвященными брахманской триаде (Шиве, Брахме и Вишну). Наконец, едва придя к власти, этот набожный король-строитель всего за год построил **на обширных землях своего государства не менее сотни ашрамов**. Ашрамы играли роль монастырей и одновременно представляли собой нечто вроде постоянных дворов.

Жизнь в каждом из них протекала в соответствии с разработанным сводом правил, составленным на санскрите и выгравированном на однотипных стелах, установленных в каждом из них. Эти сооружения должны были служить свидетельством мощи централизованной монархии. Еще больший размах их строительство примет при Джайявармане VII в конце XII века. Эти сооружения были разбросаны на огромных территориях от Ват Пху до региона Кампот и от Прачинбури до Преи Венг. Один из его наследников, не без доли преувеличения, говорил, что королевство его предка простиралось вплоть до Бирмы, Сиамского залива, Чампы и Китайской империи.

Лет через двадцать после смерти Яшовармана I **Джайяварман IV**, его зять, узурпировавший власть, перенес статую Девараджи в новую столицу, **Чхок Гаргьяр (ныне Кох Кер)**, возведенную примерно в 80 км северо-восточнее Ангкора. Причины оставления Яшодхарапуры не вполне ясны, они могут быть как политическими, так и экономическими; но новую столицу отличали гигантский размах архитектурных ансамблей и обновленное «аккумулированное» богатство декора их иконографии. Однако центром государства этот город оставался недолго (921–944). **Раджендраварман (944–968) вернул Яшодхарапуре статус столицы** и продолжил политику Яшовармана и его сыновей. Он достраивает начатые ими сооружения, коренным образом изменяет архитектурный облик Яшодхаратаки, устанавливает в ее центре храм в память о предках (Восточный Мебон) и, наконец, возводит свой собственный государственный храм (Пре Руп) южнее бассейна-резеуара. В его правление страна ведет продолжительные захватнические и грабительские войны против Чампы. В области внутренней политики он осуществил ряд реформ, направленных на

усиление централизации власти. Расширяющаяся сеть государственного аппарата начинает пронизывать буквально все сферы жизни страны. Раджендраварман опирается на самых преданных ему сановников из ближайшего окружения. Например, на таких, как **Яджनावараха, брахмана королевских кровей, по инициативе которого был выстроен храм Бантеай Срей** (см. гл. VII). Этот человек был одним из первых брахманов, «создателей королей», определявших всю политическую жизнь Камбоджи с конца X до начала XII столетия. Образованные выходцы из Индии (как, например, Дивакарабхатта, родившийся на берегах Ямуны), вступающие посредством заключения браков в родственные связи с королевской семьей, брахманы становятся гуру царствующего монарха и учителями принца-наследника. Они способствуют преемственности поколений, как в последующие века Дивакарапандита, служивший последовательно сменявшим друг друга пяти королям (принадлежавшим к двум разным династиям!) от Удайдитьявармана II (1050–1066) до Сурьявармана II (1133–после 1145).

Долгое правление Сурьявармана I (1002–1050) отмечено усилением центральной и региональной власти. При нем некоторые категории чиновников стали приносить обязательную клятву преданности монарху, текст которой был выгравирован на воротах королевского дворца (см. Государственный аппарат, гл. III). При Сурьявармане I **территория кхмерского королевства расширилась далеко на запад, почти до низовий Менам-Чао-Прая.** К концу XII века были полностью захвачены княжества монов, и кхмерское королевство достигло максимальных за всю его историю размеров. Оккупация современного северо-запада Таиланда сопровождалась возведением храмов и гидротехнических сооружений. Но сама колонизация носила поверх-

ностный характер: кхмерские сооружения мирно соседствуют с местными строениями, жители которых, судя по археологическим находкам, сохранили свои привычки и обычаи, сложившиеся до начала колонизации. А в самом Ангкоре Сурьяварман I закончил строительство Западного бараая, начатого одним из его предшественников в дополнение к обмелевшему Восточному бараю. В центре его, на острове, он возводит **храм-нилометр**, Западный Мебон (см. гл. IV).

После бурного периода войн на востоке — вторжение чамов, совместные с китайцами и чамами военные операции против Дайвьета в Тонкине — в стране **воцаряется новая династия Махидхарapurов**. На трон восходит Джайяварман VI. Представители новой династии происходили из города Махидхарapura, на северо-западе Камбоджи, следы которого пока не удалось обнаружить. У Махидхарapurов не было никаких родственных связей с предыдущими династиями. Самыми известными ее представителями являются Сурьяварман II и Джайяварман VII.

При Сурьявармане II Камбоджа меняет свой международный статус: из королевства она превращается в империю. Для этого периода характерны особый размах и величие во всем, включая даже «дородность» некоторых правителей и грандиозность реализуемых проектов, которые были нацелены как на усиление мощи страны, так и на возведение огромных архитектурных ансамблей. Та быстрота, с которой страна сумела возродиться после внезапного падения Ангкора в 1177 году, лишний раз демонстрирует, каким огромным потенциалом она обладала в то время.

Правление **Сурьявармана II (1113—после 1145), строителя Ангкор Вата**, отмечено расцветом классицизма и возвратом к традиционным ценностям.

Приступив в начале своего правления к возрождению королевства, Сурьяварман II проводит активную внешнюю политику: поддерживает **тесные отношения с Китаем**, ведет военные действия против Дайвьета, где в то время находили убежище кхмерские и чамские бунтовщики, и захватывает Чампу. Но, за исключением нескольких побед, которые он одержал в начале своего правления, остальные его военные кампании, как, например, на западе против монских княжеств в верховьях Менам-Чао-Прая, завершились полным провалом.

Сместившему с трона Сурьявармана II буддисту Дхараниндраварману II досталось в наследство процветающее королевство, о чем свидетельствует величественность буддистских сооружений (хотя их иконография иногда слишком эклектична), которые он воздвиг к востоку от Ангкора: Бенг Меалеа, Прах Кхан в Компонг Свай, а также храмов, которые он выстроил на дороге, соединяющей Ангкор с этими двумя религиозными центрами. Ничто не предвещало событий 1177 года, когда, воспользовавшись пребыванием на кхмерском троне узурпатора, **король Чампы совместно с Дайвьетом вторгся в пределы Камбоджи и, поднявшись по Меконгу, Великому озеру и реке Сиенреап, захватил и разграбил Яшодхарапуру.**

Это было страшный удар, но отмщение последовало быстро. Оставшийся в истории под именем **Джайявармана VII**, сын Дхараниндравармана, изгнал захватчиков прежде, чем короновался (1181). Буддист, как и его отец, **он проводит политику коренного переустройства столицы и всего королевства**, продвигая все дальше и дальше границы камбоджийских владений (см. карту). Аннексировав Чампу и дойдя до Китайского моря, он взял под свой контроль огромную территорию на западе, охватывавшую весь современный Таиланд и

простиравшуюся до границ с Бирмой, а на севере занимавшую как минимум регион нынешнего Вьетнама. Изменения коснулись как материальной, так и духовной сторон жизни страны. Столица Яшодхарапура была окружена крепостной стеной и рвом с водой. Был построен новый главный государственный храм **Байон**, который озаменовал собой полный отказ от храмов прежнего типа, высеченных в горных массивах (храм-гора), строившихся с VIII столетия. За пределами городских стен также были возведены храмы: один в память отца короля (Прах Кхан), другой — в честь его матери и духовного наставника (Та Прохм). Перед первым храмом (он считался главным в начале правления до возведения Ангкор Тхома) с восточной стороны был расположен барай, в центре которого возвышался храм-нилометр Неак Пеан, символ космического образа, изображенного в виде озера, в котором берут начало четыре великих реки, орошающих все мироздание. Несмотря на то что храмы, построенные Джайяварманом VII посвящены **буддизму Махаяны, Будде, медитирующему на наге, Авалоки-тешваре и Праджнапарамите**, в них тем не менее всегда отводилось хоть и не самое видное, но довольно почетное место для великих богов брахманизма. К тому же монарх систематически «заселял» святилища, возведенные его предшественниками, новыми статуями богов, которые, однако, были исключительно буддистскими.

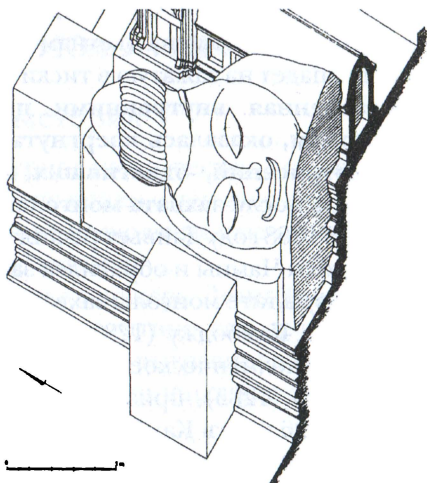
Обустройство территории королевства, усеянного сетью прямых, как стрела, каналов, укрепленных нависающими над ними каменными мостами и прорытых с целью контроля над водными ресурсами, осуществлялось в полном соответствии с грандиозностью планов Джайявармана VII. Вдоль каналов возводились нечто вроде постоянных дворов, которые было принято называть «дома, где

есть огонь». Они же были и **образовательными учреждениями** (см. Образование, гл. IX). В надписи на стеле Прах Кхан говорится, что в стране их было не менее 121. Все они имели один и тот же архитектурный облик, равно как и **лечебные заведения** (102, согласно стеле в Та Прохм), где тоже были часовни, а на однотипных стелах был высечен единый свод правил (см. Здравоохранение, гл. IX). Приняв эстафету от Яшовармана, строившего ашрамы, и Дхараниндравармана II, возводившего храмы, хотя и в более скромных масштабах, Джайяварман VII путем кардинального изменения архитектурного облика страны сумел осуществить централизацию власти. Насаждая свой образ вселенского монарха, он велел распространять по всему королевству свои скульптурные портреты, на которых он иногда изображался вместе со своей первой супругой Джайя-раджадеви, представленной в облике Праджнапарамиты, «Совершенства знания» и подруги Авалоки-тешвары.

КОНЕЦ АНГКОРА

После смерти Джайявармана VII (1218?) начался необратимый процесс развала и краха его широко-масштабных проектов. **Все работы были прерваны**, а если их и продолжали, то ассигнования уменьшались наполовину, поставляемые строительные материалы были низкого качества, а сами сооружения — далекой от совершенства имитацией памятников предыдущих периодов. Около 1250 года при Джайявармане VIII буддизм Махаяны был резко отвергнут в пользу ортодоксального шиваизма (см. Шиваизм и конец Махаяны, гл. VI). Однако новое вероучение не пришло на местной почве: с конца XIII столетия оно сходило со сцены, вновь уступив место буддизму. **Но теперь это был уже буддизм**

Голова лежащего Будды, датируется XV–XVI веками, расположена с западной стороны государственного храма в Бафуоне (XI в.)

Тхеравады (или иначе **Малой колесницы**), более сдержанный и мудрый в своих проявлениях. Он остается официальной религией Камбоджи до сих пор. В начале XIV столетия из эпиграфики исчезает санскрит. Ему на смену приходит пали (использовался в основном, при написании религиозных текстов), в то время как **языком власти становится, наконец, кхмерский язык**. Что касается брахманизма, то он выжил благодаря придворным брахманам (под названием баку они служили при королевских дворах до начала XX века), на которых была возложена обязанность исполнения при королевских дворах особых ритуалов.

На аннексированных территориях на западе и востоке с 1220 года начались бурные освободительные движения. В западных провинциях появляется мощное тайское государство, оно неоднократно нападает на Страну кхмеров. В то же время на востоке

добивается независимости Чампа. Однако в последующие века она будет поглощена Вьетнамом, который в дальнейшем нападет на зажатую в тиски Камбоджу. **Страна, ослабленная внутренними противоречиями и распрями, оказалась ввергнута в пучину бедствий и потрясений, охвативших всю Юго-Восточную Азию после захвата монголами Китайской империи.** В 1268 году Дайвьет решил выступить против Камбоджи и Чампы и обратился за помощью к монголам. В результате монголы захватывают Чампу и вторгаются в Камбоджу (1283). Та принимает важное для себя политическое решение: платить дань хану Хубилаю (1285), признав тем самым его сюзеренитет. В 1296 году в Камбоджу прибывает посольство из Китая. В его составе был некто по имени **Чжоу Дагуань**, оставивший после себя **подробные описания страны и ее столицы.** Именно ему принадлежат слова о том, что «величественные храмы столицы сформировали представление о Камбодже как о стране богатой и благородной, о которой с похвалой отзывались заморские купцы».

В 1431 году, после многочисленных набегов тайцев и разграбления ими страны, королевский двор оставляет Ангкор и переселяется в местность к югу от Великого озера. С этого момента столицы будут менять свое расположение несколько раз: сначала выбор падет на Пномпень (основан в 1434), затем — на Ловек и Удонг (с начала XVII века до 1866). Во второй половине XVI века королям удалось на короткое время вернуться в Ангкор, где они начали перестраивать Ангкор Ват. И, может быть, именно благодаря проведенной в XVI столетии перестройке храмов-гор Бафуон и Пном Бакхенг, а также гигантских монументов Будды удалось сохранить для человечества часть бесценных сокровищ кхмерской цивилизации, свидетельствующие о былом величии ее бывшей столицы.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ, ИЗЛОЖЕННЫЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ

◆ Предыстория

Этот период нам известен лишь в общих чертах, и мы не располагаем о нем никакими другими сведениями, кроме нескольких ключевых дат.

– *Период неолита:*

4290 до н.э.: пещера Леанг Спеанг (провинция Баттамбанг): неолитические орудия, обломки гончарных изделий с выгравированными на них рисунками, кости различных животных, в том числе и носорога.

2000–1000: круглый ансамбль построек в Мимоте (200 м в диаметре), от которых остались груды ракушечника, а также обильный каменный и гончарный материал.

– *Поздний неолит:*

1280 до н.э.: поселение Самронг Сен (бронза), жилища на сваях.

V в. до н.э. и далее: Донгшонская цивилизация (бронзовые вазы с анималистическим и геометрическими орнаментами, бронзовые барабаны).

II в. до н.э.: мегалиты (ансамбли круглой формы: Чамкар Лое и Чуп).

◆ Фунань (около 0—550 н. э.)

Фунань — это государство, или, скорее, одно из множества княжеств, сконцентрировавшихся вокруг него в дельте Меконга (впоследствии столица переносится вглубь материка, в район Ангкора или Бапнома); через эмпорий Ок-Ео им установлены и поддерживаются контакты с китайской, индийской, иранской и греко-римской цивилизациями.

III в.: первое упоминание в китайских летописях (Каундинья и нага Сома).

240–245: отправка посольств Фунаня ко двору Мурунды на Ганге (в Индию).

357: король Фунаня Тианжу Жантан — несомненно, иностранец и имеет иранский титул.

IV в. (конец): в Во Кане обнаружена надпись на санскрите.

V в. (середина): надпись на санскрите, авторство которой приписывают Деванике, обнаруженная в Ват Луонг Ко (Ват Пху), цитата из Махабхараты.

424, 435, 438: отправка посольств Фунаня в Китай.

Ок. 480–514: правление Кауньдиньи-Джайявармана.

484: Нагасена, индийский монах-буддист, послан королем Фунаня в Китай; упоминание о королеве Кулапрабхавати в вишнуитском тексте.

503: прибытие в Китай Мандрасены, монаха-буддиста и переводчика родом из Фунаня.

Ок. 506: прибытие в Китай Сангхапалы/Сангхавармана, монаха-буддиста и переводчика.

514–ок. 550: правление Рудравармана (сына Джайявармана), последнего известного короля Фунаня.

517–539: отправка посольств в Китай.

546: прибытие в Китай индийского монаха Парамарти.

♦ В поисках столицы (ок. 550—начало VIII века)

VI в. (конец): в китайских летописях вместо Фунаня впервые упоминается Женла (Ченла); столица, по всей вероятности, постепенно смещается в сторону Самбор Преи Кук, хотя на юге в Пном Да существует крупная скульптурная мастерская.

598: правление Бхававармана I (единственная дата, не вызывающая сомнения), сына некоего Виравармана и внука столь же неизвестного «Сарваб-

хаума»; королевство занимает регион Самбор Преи Кук, хотя имеются доказательства его присутствия в районе Баттамбанга и на юге Камбоджи.

?—ок. 615: правление Читрасены-Махендравармана (брат предыдущего); район Самбор Преи Кук продолжает оставаться центром королевства, но существует множество надписей на севере Камбоджи (Кратие и Стунг Тренг), юге Лаоса, а также на северо-востоке Таиланда (оккупация или грабительские набеги?). Установление дружественных отношений с Чампой.

Ок. 615—637: правление Ишанавармана I (сын предыдущего); столица (Ишанапура) находится в Самбор Преи Кук; контролирует, по крайней мере номинально, территорию от Прачинбури (Таиланд) до побережья Дайвьета. Первые свидетельства единства стиля архитектурных ансамблей и создание школ, формирующих мастеров для удовлетворения художественных потребностей столицы. Установление политических и культурных связей с Чампой.

Заросшие руины храма в районе Самбор Преи Кук

644: единственная достоверная дата из всего периода правления Бхававармана II (сын предыдущего).

Ок. 657–681 (или после 691): правление Джайявармана; столица находится в Пурандарапуре (район Ангкора?); существует предположение, что Джайяварман контролировал всю камбоджийскую равнину к югу от Великого озера.

713: единственная не вызывающая у нас сомнения дата из всего периода правления Джайядеви (дочь предыдущего); размещает свою резиденцию в районе Ангкора. Первое упоминание о королевских титулах.

♦ Рождение Ангкорского королевства (начало VIII в.—877)

После 706: распад, по свидетельству китайских источников, Ченлы на Ченлу Земли (на севере) и Ченлу Воды (на юге). Вполне очевидно, что разделение Страны кхмеров в VIII в. действительно имело место, но оно сопровождалось расцветом экономики и увеличением количества храмов в районе Ангкора и появлением первого храма-горы Ак-Йом.

711: отправка посольства Ченлы Земли в Китай.

722: кхмерская военная экспедиция во «Вьетнам».

770—после 830: «правление» Джайявармана II (коронован в 802).

770—ок. 780: возвращение с Явы; столицу переносят на юг Камбоджи (Виядхапура), проведение первого ритуала по «освобождению»; установление контроля над регионами Самбор на Меконге (Самбхупура) и Ват Пху.

Ок. 780–800: завоевание княжества Аниндитапура (район Ангкора); после переноса королевской резиденции в разные города столицу основывают в Харихаралайе-Ролуосе.

800–802: переезд на Пном Кулен.

802: проведение церемонии по освобождению Камбоджи из-под влияния Явы и по установлению и закреплению власти единого монарха; зарождение культа Девараджи.

Ок. 803—после 830: возвращение в Харихаралаю; начало работ по строительству храма Баконг и барая Лолеи (принцип строительства заимствован у Явы).

После 830—877: правление Джайявармана III в Харихаралае.

♦ От Ангкора до Ангкора

Этот период ознаменован широкомасштабным строительством в столице, расположенной в Ангкоре (за исключением короткого периода приблизительно с 921 по 944): возведением сменяющих друг друга государственных храмов, неоднократным переносом, вплоть до конца X столетия, королевской резиденции, расширением гидротехнической сети на север (прокладывание новых каналов, строительство искусственных водоемов) и т.д.; королевство контролирует всю территорию современной Камбоджи, постепенно расширяя свои владения на запад (что привело с течением времени к частым конфликтам с Чампой); реформы управления государством, направленные на усиление централизации власти, носящие скорее идеологический характер.

— *От Харихаралаи до Яшодхарапуры*

877—889: возобновление работ в барае Лолеи (теперь он называется Индрататака).

879: открытие храма в честь предков Прах Ко.

881: открытие государственного храма Баконг, где установлен лингам Индрешвары.

889—ок. 910: правление Яшовармана I: основание Яшодхарапуры (окончание строительства государственного храма Пном Бакхенг или «Центральной горы» и Восточного барая или Яшодхаратата-

ки; храмы Пном Кром и Пном Бок, ашрам на берегу Восточного бараея и т.д.

889: начало строительства ашрамов Яшовармана по всей территории королевства.

Ок. 910–922: правление Харшавармана I, сына Яшовармана: строительство в Ангкоре пирамиды Баксей Чамкронг и храма Прасат Краван.

— *Кох Кер и период отклонения от общего хода развития Страны кхмеров*

921–944: узурпатор Джайяварман IV переносит статую Девараджи (и столицу) в Кох Кер.

921–942: правление Джайявармана IV, который основал столицу в Кох Кере.

922–ок. 928: правление в Ангкоре Ишанавармана II, сына Яшовармана.

942–944: правление в Кох Кере Харшавармана II, сына Джайявармана IV.

944–968: правление Раджендравармана II, возвращение статуи Девараджи в Ангкор; возобновление строительства в столице, реорганизация управления страной и усиление контроля над ней; увеличение количества частных культовых сооружений.

948: окончание строительства пирамиды Баксей Чамкронг.

952: открытие храма в честь предков в Восточном Мебоне (после значительной реконструкции Яшодхарататаки).

952: проведение советником Кавиндрариматханом инаугурации буддистских образов в Бат Чуме (Ангкор).

950: экспедиция в Чампу и разграбление храма По Нагар.

961: открытие государственного храма Пре Руп.

967: открытие храма Ишварapura в Бантеай Срей (основан Яджнаварахой).

968–1000: правление Джайявармана V: основание в Ангкоре столицы Джайендранагари (на за-

паде от Яшодхарататаки) и начало строительства государственного храма Та Кео.

1001–1002: правление Удаядитьявармана I.

– *Экспансия на запад*

1002–1050: правление Сурьявармана I: с первых лет своего правления перенес королевскую резиденцию из Ангкора. В самом Ангкоре идет строительство стены вокруг королевского дворца, строится королевская площадь, ведутся работы в Та Кео, завершается сооружение Западного барая и первого храма-нилометра (Западный Мебон); отмечается увеличение культовых монументов в провинции (в частности, в предгорьях Дангрека). Усиление центральной власти. Экспансия на запад до низовий Менам-Чао-Прая.

1002–1006(?): правление Джайявиравармана, происхождение которого остается загадкой (надписи в районе Ангкора и к востоку от него в провинции Компонг Том).

1002–1004: гражданская война на северо-западе Камбоджи.

10010 (?): переезд Сурьявармана I в Ангкор.

1011: введение присяги верности королю чиновниками.

1012 (?): обращение за помощью к Раджендраколе (?).

1022–1025: вмешательство в дела буддистской общины в регионе Лопбури (в Сиаме).

1050–1066: правление Удаядитьявармана II: открытие в Ангкоре государственного храма Бафуон и реконструкция Западного Мебона.

1051: восстание на юге страны (зачинщик укрылся в Чампе).

1061: восстания на востоке и северо-востоке страны.

1066: восстановление скульптур богов, разрушенных во время бунтов.

1066—1080: правление Харшавармана III.

1069: вьетнамское вторжение в Камбоджу (с целью захвата чампского короля).

1074: вторжение Чампы в Камбоджу (захват и разграбление Самбора на Меконге).

1076: провал совместного нападения китайских, чамских и кхмерских войск на Тонкин.

1080—1107: правление Джайявармана VI: положил начало династии Махидхарапулов (при содействии Дивакарапандиты); возведение шиваитских и буддистских сооружений на линии гор Дангрек (Прах Вихар, Ват Пху...) и в Северо-Восточном Таиланде (Пхимаи...).

1107—1113: правление Дхараниндравармана I.

– Имперская Камбоджа XII столетия

1113—1150: правление Сурьявармана II: насильственный захват власти (происходит объединение королевств Дхараниндравармана и одного из потомков Харшавармана III); в Ангкоре ведется строительство государственного вишнуитского храма **Ангкор Ват**. Внешняя политика агрессивна, но, как правило, безуспешна.

Процессия Сурьявармана II. Барельеф в Ангкор Вате

1128: организация первой военной экспедиции против Дайвьета.

1131: возобновление дипломатических отношений с Китаем.

1136: поход против Чампы, ведение военных действий против Вьетнама (Тонкин, 1138).

1145: Захват столицы Чампы; оккупация севера страны до 1149, вслед за чем последовал ответный удар Чампы.

1147: прибытие посольства из Китая.

1150: неудачное нападение на Тонкин.

1150—до 1165 (?): правление Дхараниндравармана II: исповедовал буддизм, построил в Ангкоре храмы: Бенг Меалеа, храмы на пути между главными святилищами и Прах Кхан в Компонг Свай; был отцом Джайявармана VII.

?—1165: правление Яшовармана II: в своем собственном дворце он подвергся нападению со стороны некоего чудовища (?), но был спасен сыном будущего Джайявармана VII; последний по приказу короля руководил военной операцией в Чампе, когда в его стране произошел дворцовый переворот, в результате которого был низложен Яшоварман II.

1165—1177: правление Трибхуванадитьявармана, узурпатора, свергнувшего и убившего Яшовармана.

1177: разграбление Ангкора королем Чампы Джая Индраварманом IV и смерть Трибхуванадитьявармана.

1177—1181: изгнание чамов будущим королем Джайяварманом VII.

1181—1218: правление Джайявармана VII: восстановление столицы (Ангкор Тхома) и всей страны в целом; период торжества Махаяны, выраженный, в частности, в буддистском храме Байон.

После 1182: мятеж в Мальяне (в районе Баттамбанга).

1186: открытие храма Та Прохм, возведенного в честь матери Джайявармана VII и его «гуру», и 102 лечебниц.

1190: начало военных действий против Чампы (в союзе с Дайвьетом).

1190: один из сыновей Джайявармана VII возвращается с Цейлона, где он изучал Тхераваду.

1191: открытие храма Прах Кхан (посвященного отцу короля) и 121 «постоялого двора».

1203: аннексия Чампы.

1207: военная операция против Дайвьета (при поддержке бирманских войск).

◆ Конец Ангкора

Смерть Джайявармана VII, совпавшая с укреплением тайских княжеств; последующие потрясения, вызванные монгольским нашествием, привели к ослаблению королевства; волнения на религиозной почве, спровоцированные группами шиваитов, обусловили полное забвение Махаяны и в конечном итоге — торжество буддизма Тхеравады; брахманизм мало-помалу низводится до уровня дворцовой религии; санскрит исчезает в начале XIV столетия; реализация широкомасштабных проектов (как в Ангкоре, так и в других местах) приостанавливается, хотя внешне страна кажется процветающей.

1218—1243: правление Индравармана II.

1220: вывод войск из Чампы.

Ок. 1220: отделение Сукхотая.

1243—1295: правление Джайявармана VIII: вполне вероятно, что искоренение буддизма Махаяны сектой шиваитов осуществлялось силовыми методами.

1268: Дайвьет подает жалобу на Камбоджу монголам.

1283: захват Чампы монголами и их набеги на Камбоджу.

1285: отправка дани Хубилаю.

1295: освящение в Ангоре шиваитского храма, возведенного в честь Мангалартхи.

1295: отречение Джайявармана VIII в пользу своего зятя.

1295—1307: правление Шри Индравармана III, ярого буддиста, введение в Камбодже буддизма Тхеравады.

1296—1297: Чжоу Дагуань в Ангоре.

1307: Отречение от власти Шри Индравармана III, ушедшего в монастырь.

1307—1327: правление Индраджайявармана.

1309: первая в Камбодже надпись на пали (в честь основания храма Индраджайяварманом).

1320: прибытие китайского посольства для проведения переговоров о закупке одомашненных слонов.

1327—?: правление Джайявармана IX: последний король, упомянутый в эпиграфике (о всех последующих известно по более поздним кхмерским хроникам и/или иностранным источникам); последняя в Камбодже надпись на санскрите.

1327: последнее жертвоприношение Шиве.

1330: отправка посольства в Китай.

1335: отправка посольства во Вьетнам.

1346: упоминание о короле, посмертное имя которого — Нирванапада.

1346—1351: правление Лампонг-раджи.

1352: осада Ангора сиамцами.

1353—1357: оккупация Ангора, трон поочередно занимают два сиамских принца.

1357—1370(?): правление Сурьявамшарадхираджи (брат Лампонг-раджи).

1370(?) -1380(?): правление Парамарамы (сын Лампонг-раджи).

Ок. 1380—1393: правление Дхаммашокараджадхи-раджи.

1393: осада Ангкора Сиамом и смерть Дхаммашо-карадждхи-раджи.

1393—до 1404: правление Индараджи (сиамский принц), был убит.

1405—1459: правление Понья Ята, получившего впоследствии титул Сурьявармана.

1431: оставление Ангкора.

1433: перенос столицы в Срей Сантхор.

1434: основание Пномпеня и переезд двора на место слияния четырех водных артерий (в «Четыре рукава»).

1441: коронация короля под именем Сорийяпор.

1546: проведение работ на барельефах Ангкор Вата в правление Анг Тяна I.

1550—1551 или 1570: «Обнаружение» Ангкор Тхома (по свидетельствам португальских путешественников).

1576—1594: правление Преах Сатхи (или Сатхи I).

1577: начало реставрационных работ в Ангкор Вате.

1583: реставрация статуй богов в Пном Бакхенге.

1583: прием португальских и испанских миссионеров в Ангкоре.

СПИСОК КХМЕРСКИХ КОРОЛЕЙ

(посмертные имена указаны в скобках)

♦ Короли Фунаня

Кауньдинья-Джайяварман (480—514, обе даты приблизительны)

Рудраварман (514—550, обе даты приблизительны)

♦ Короли Ченлы

Бхававарман I (конец VI в.)

Махендраварман-Читрасена (?—ок. 615)
Ишанаварман I (ок. 615—после 637), столица Ишанапура/Самбор Преи Кук.
Бхававарман II (ок. 637—?)
(Чандраварман?) (?—ок. 657)
Джайяварман I (ок. 657—ок. 681 или после 691)
Джайядеви (713 — единственная достоверная дата из всего периода её правления)
(Бхававарман III?)

♦ Короли Ангкора

Джайяварман II (Парамешвара) (ок. 770—ок. 830), множество столиц, среди которых Махендра/Пном Кулен и Харихаралайя-Ролуос

Джайяварман III (Вишнулока) (ок. 839—877)

Индраварман I (Ишваралока) (877—889), столица: Харихаралайя-Ролуос

Яшоварман I (Парамашивалока) (889—ок. 910), столицы: Харихаралайя Ролуос, затем Яшодхарапура/Ангкор Харшаварман I (Рудралока) (ок. 910—922), столица — Ангкор

Джайяварман IV (Парамашивапада) (921—941), Чхок Гаргьяр/Кох Кер

Ишанаварман II (Парамарудралока) (922—928), Ангкор

Харшаварман II (Брахмалока) (941—944), Кох Кер

Раджендраварман II (Шивалока) (944—968), Ангкор

Джайяварман V (Парамашивалока) (968—1000)

Удаядитьяварман I (?) (1001—1002)

Джайявираварман (?) (1002—1006?)

Сурьяварман I (Нирванапада) (1002—1050)

Удаядитьяварман II (?) (1050—1066)

Харшаварман III (Шадашуварапада) (1066—1080)

Джайяварман VI (Парамакаииваляпада) (1080—1107)

Дхараниндраварман I (Параманишкалапада)
(1107–1113)

Сурьяварман II (Парамавишнулока) (1113–ок.
1150)

Дхараниндраварман II (Махапараманирванапа-
да) (ок.1150–?)

Яшоварман II (?) (?–1165)

Трибхувананадитьяварман (Махатапараманир-
ванапада) (1165–1177)

Джайяварман VII (Махапарамашаугатапада)
(1181–1218?)

Индраварман II (?) (1218?–1243)

Джайяварман VIII (Парамешварапада) (1243–
1295)

Шри Индраварман (?) (1295–1307)

Шри Индраджайяварман (?) 1307–1327)

Джайяварман IX или Джайяварман Парамешва-
ра (1327–?)

II

ГОРОД И КОРОЛЕВСТВО

Центр современной Камбоджи, занимающий территорию Великого озера (Тонлесап) и среднего течения Меконга, в целом совпадает с ядром древней Страны кхмеров. Но в ходе истории королевство временами расширялось на юго-восток, запад и север, значительно увеличивая свою относительно небольшую территорию, центром которой всегда оставалась столица. В эпоху Фунаня она располагалась на юге страны (Ангкор Бореи или Бапном); впоследствии, начиная с VII века, ее переносят к северу от Великого озера. Там она оставалась до XV столетия, после чего несколько раз «меняла прописку» в районе сегодняшнего Пномпеня.

Город-столица играл первостепенную роль в структуре кхмерского королевства, да и почти во всех государствах Юго-Восточной Азии того времени. Например, знаменитый китайский путешественник Цанг именовал в VII веке Камбоджу по названию ее столицы, которой в то время была Ишанапура (современный Самбор Преи Кук), а пять веков спустя государственный храм, расположенный в самом центре столицы (Ангкор Тхом) был уподоблен мистической карте всего королевства. Начиная с IX века столица находилась в районе Ангкора, сначала в Харихаралайе (ныне Ролуос), а затем в Яшодхарапуре. Что же касается предыдущих периодов, то известно точное расположение лишь одной столицы, существовавшей в VII веке, —

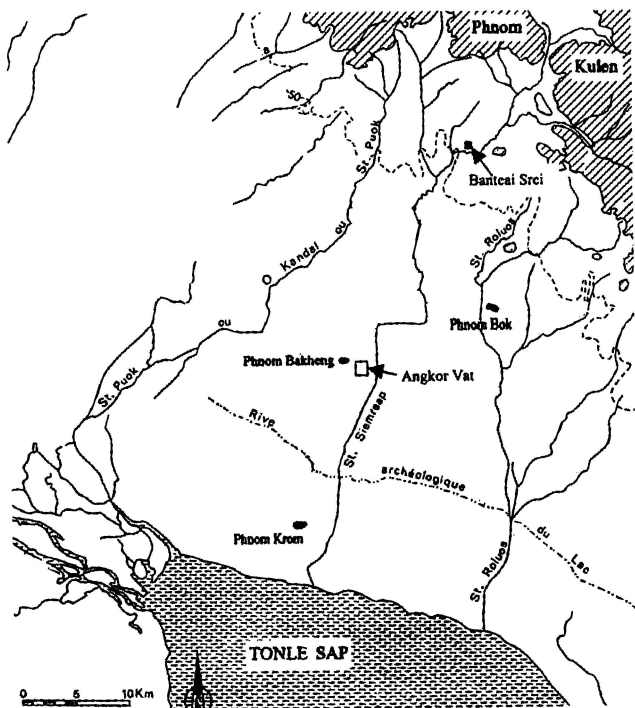
Ишанапуры. Об остальных же мы не знаем ничего, кроме их названий.

О значении, которое придавалось столице, говорит то количество религиозных монументов, которое возводилось в ней. Она представляла собой скорее город-храм с приданными ему гигантскими гидротехническими сооружениями. Поэтому ее величие должно было вызывать благоговейное восхищение у провинциальных жителей. Такими городами-храмами были и Ишанапура VII века, и Харихаралайя IX столетия, и Кох Кер второй четверти X столетия, и Яшодхарапура между IX и XIII веками.

И хотя при Джайявармане VII в конце XII века неслыханное по размаху строительство в Ангкоре сопровождалось увеличением количества больших архитектурных комплексов в провинциях, это толькошний раз подтверждает раз и навсегда сложившуюся диспропорцию между столицей и остальной частью страны.

Точных сведений относительно численности населения Ангкора нет, но можно предположить, что гигантские стройки, затеваемые каждым новым правителем, требовали большого числа рабочих рук, и столица не могла не быть очень густонаселенным городом. Поэтому рядом с Ангкором вырастали сельскохозяйственные пригороды, призванные обеспечивать питанием всю гигантскую агломерацию.

Концентрация власти в столице получает материальное воплощение в строительстве однотипных светских и культовых сооружений по всей Стране кхмеров. Особенно это характерно для правления Джайявармана VII с его «**постоялыми дворами**» и **храмами-лечебницами**, имевшими один и тот же архитектурный облик, жизнь в которых протекала в соответствии с рас-

Ангкор и его реки между Пном Кулен и Тонлесап

порядком, продиктованным из Та Прохм и Прах Кхан, двух великих храмов столицы. «Постоялые дворы» возводились вдоль главных дорог, ведущих к Ангкору, которые пересекали реки и каналы по **мостам-плотинам**, также имевших одинаковую архитектурную форму. Масштабы строительства были огромны, но сам способ был далеко не нов. Еще Яшоварман в конце IX века построил по всему королевству не менее сотни ашрамов, а при Дхараниндравармане II (отце Джайявармана VII) были возведены (пусть и не в таком большом количестве) однотипные храмы на пути от Ангкора до Прах Кхан в Компонг Свай. В надписи на стеле

Сдох Как Тхом (XI столетие) говорится о том, что по инициативе гуру (духовного наставника) короля Удайдитьявармана II вдоль дорог были построены дома, вырыты пруды и созданы всевозможные удобства, скрашивающие путь странника. А при Джайявармане VII по всему королевству распространяются **скульптурные портреты** новых иконографических типов (портреты самого короля, Авалокитешвары «лучезарного» и т.д.), создававшиеся в местных мастерских (см. Имперское искусство, гл. VIII). Итак, в ходе всего ангорского периода влияние столицы на провинцию осуществлялось посредством искусства, деятели которого выполняли любые прихоти царствующей особы, тем самым определяя эстетические критерии каждой новой эпохи.

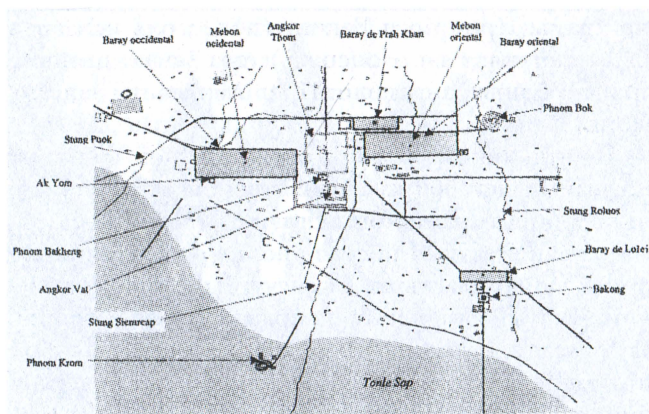
АНГОР

«Город» (или «столица», так переводится название «Анкор»), расположенный в северо-западной части страны, имел очень удобное расположение: он находился **между Пном Кулен и Великим озером**. Через него протекает река Сиенреап, которая берет начало в Пном Кулен и впадает в Великое озеро. Город обрамляют две других не высыхающих в течение всего года водных артерии: Пуок на западе и Ролуос на востоке. К экономическому преимуществу, которое дает такое расположение, прибавляется и символическое значение: **Пном Кулен идентифицируется с горой Махендрапурой, одним из мифических мест пребывания Шивы, а река Сиенреап на востоке — с Гангом**. Согласно легенде, богиня Ганга, спускаясь с небес, запуталась здесь в волосах Шивы. Иллюстрируют этот миф бесчисленные лингамы — символические образы Шивы, — высеченные в русле двух верхних рукавов реки, в

Действующий буддийский храм в Пном Кулен

том месте, где начинается ее спуск по водопаду к Ангкорской равнине. В надписи XI (?) века на санскрите, выбитой на скале под водопадом, где берет начало западный рукав, река называется «потокот Рудры, рекой Шивы и бурной Гангой...». Священный характер этих мест усиливается наличием неподалеку от лингамов многочисленных наскальных

Карта местности Ангкора

изображений Вишну, возлежащего на кольцах змея, плавающего в мировом океане (см. Вишну, гл. VI).

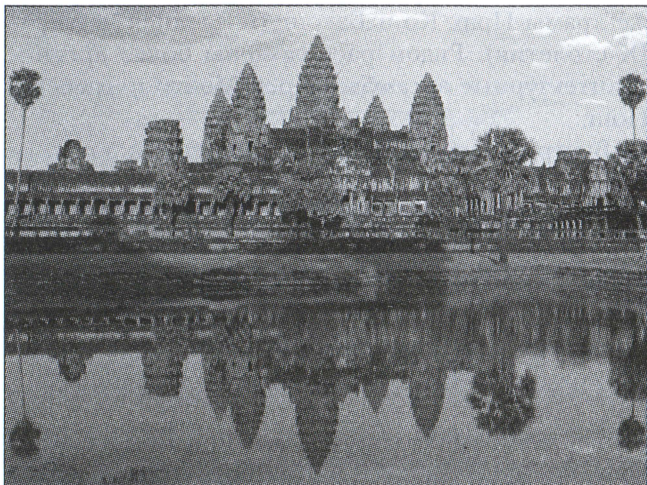
Равнина, на которой расположен Ангкор, на юго-западе идет под уклон. Южной границей местности является река, русло которой периодически меняет свое положение в зависимости от сезона. В этой реке в изобилии водится рыба. Она ежегодно разливается, а когда вода сходит, остаются богатые минеральными веществами аллювиальные почвы, на которых можно выращивать обильные урожаи. На севере граница очерчена не так четко, но и она не переходит гидротехнической зоны города, то есть барай Прах Кхан. В некотором отдалении от столицы, в редком лесу, расположен храм Бантеай Срей. На западной и восточной окраинах Ангкора находятся самые древние сооружения города-храма: на западе это пирамида Ак Йом, а также другие, хотя и не столь впечатляющие по своим размерам сооружения. На востоке — архитектурный ансамбль Ролуос, включающий здания, построенные в разное время в Харихаралайе, столице, которая предшествовала Яшодхарапуре: барай Лолеи (Индрататака), а так-

же храмы Прах Ко и Баконг (последняя четверть IX столетия). Рядом расположены более древние архитектурные ансамбли: Прей Монти и Трапеанг Понг.

Внутри таким образом ограниченной зоны, не превышающей 500 км², единственными естественными ориентирами могут служить три холма и река Сиемреап, текущая посередине города. Ее прямое русло свидетельствует об искусственном углублении реки и изменении направления ее течения. Что касается холмов, то они представляют собой потухшие вулканы, так называемые вулканические пни, каждый из которых венчает храм: Пном Бакхенг в центре Яшодхарапуры, Пном Бок в северо-восточном углу города и Пном Кром, возвышающийся южнее Великого озера. Другими ориентирами являются плоды человеческой деятельности: дамбы бассейнов-водохранилищ, пирамиды государственных храмов, стены и рвы с водой Ангкор Тхома или Ангкор Вата, развалины храмов. Некоторые из них до сих пор представляют собой покрытые джунглями развалины с растущими на них исполинскими деревьями.

Эта структура современного Ангкора в целом соответствует тому архитектурному облику, который сложился по окончании широкомасштабных работ, проводившихся в период правления Джайявармана VII, несмотря на то что впоследствии столица неоднократно захватывалась и подвергалась жестоким разграблениям и разрушениям. Ангкор строился в течение нескольких веков, поэтому сооружения его посвящены различным богам и относятся к разным временным периодам. Такое наложение вызывает многочисленные проблемы: не всегда легко определить длительность функционирования гидротехнических сооружений, равно как и время окончания строительства некоторых

Облик Ангкора создавался в течение многих веков

храмов или период эксплуатации плодородных сельскохозяйственных участков, недавно обнаруженных в городской черте. **Датировка некоторых памятников и сооружений не раз пересматривалась.** Это касается Байона и Пимеанакаса или некоторых гидротехнических сооружений. Поэтому «читать» местность нужно очень осторожно. К тому же практически невозможно представить каменные или кирпичные храмы и земляные дамбы без водоемов, многие из которых превратились в гигантские луга, где сегодня выращивают рис. **Исчезли деревянные дома, дворцы и многие другие строения, крытые соломой или черепицей; а от былых улиц и переулков, составлявших ткань города, остались только осевые направления Ангкор Тхома и каналы, протянувшиеся вдоль них.**

Довольно трудно восстановить подлинный облик канувших в Лету деревянных строений по изображениям на барельефах. От них не осталось

никаких материальных следов, кроме каменных фундаментов нескольких дворцов, по которым можно составить лишь приблизительную планировку города.

Восполнить этот пробел могли бы **описания путешественников**, которые, вне всякого сомнения, посещали столицу Страны кхмеров во времена ее наивысшего расцвета. Но только один из них оставил нам подробный рассказ о ней — китаец **Чжоу Дагуань**, который побывал в Ангкоре в самом конце XIII века, когда мощь и величие столицы уже начали клониться к закату. Как бы ни был любопытен его рассказ, он все-таки довольно односторонен и краток, хотя в нем имеются интересные описания шествий чиновников высокого ранга, праздников, отмечаемых в разные месяцы года, коллективных купаний женщин в реке Сиамреап и редких выходов короля к народу. По его мнению, дома в столице являлись воплощением социального и имущественного положения их хозяев. «Официальный ранг каждого определял размеры его дома», — утверждает он и добавляет: «Размеры жилища зависят от благосостояния каждого, и никогда простой народ не осмелится повторить расположение комнат и внешний вид домов представителей благородного сословия». Далее он уточняет, что дома простолюдинов были покрыты соломенными крышами, в то время как высшие сословия использовали для этих целей черепицу, а королевские дворцы были покрыты металлической черепицей. Но он, к сожалению, ничего не говорит о том, как выглядели улицы, разбивались ли вокруг домов сады, то есть использовались ли прилегающие к домам земли внутри городских стен в сельскохозяйственных целях.

Сегодня город сконцентрирован вокруг четырех больших бассейнов-водоемов (бараев)

и окружен крепостной стеной, вдоль которой идет ров Ангкор Тхома. Водоемы, за исключением Западного барая, пересохли. Все они вытянуты с востока на запад. Каждый барай окружен выступающей дамбой, а в центре его расположен островок с храмом. Самый древний барай находится в Ролуосе. Это барай Лолеи (Индрататака, IX век), расположенный на одном из холмов Харихаралайи. Сегодня на его бывшем дне выращивают рис, а посередине по-прежнему стоит храм в честь предков Яшовармана I. Далее по хронологии следует Яшодхарататака в Яшодхарапуре, или иначе Восточный барай (конец IX века, перестроен в X веке). Он уже давно осушен и почти сравнялся с землей, хотя в центре его на холме возвышается храм, восточный Мебон, возведенный в честь предков Раджендравармана. С противоположной стороны, на западе, лежит Западный барай (конец X века, прежнее название неизвестно), самый большой из водоемов столицы. Он все еще частично заполнен водой и продолжает снабжать водой юго-западный пригород Ангкора; в его центре находится храм-нилометр, Западный Мебон, посвящавшийся поочередно Шиве, Вишну и, может быть, в его последний период — Будде. Наиболее поздний и маленький барай (конец XII столетия) находится в самом высоком месте. Это Джайятатака (иначе — барай Прах Кхан), прорытый вдоль храма Прах Кхан вблизи северной дамбы Яшодхарататаки, от которой он отделен рекой с углубленным в целях улучшения судоходства руслом. В наши дни его осушили, а на островке посреди него стоит буддистский храм, являвшийся раньше одновременно nilометром, символом центрального озера мироздания и четырех вытекающих из него рек, а также монументом в честь Авалокитешвары.

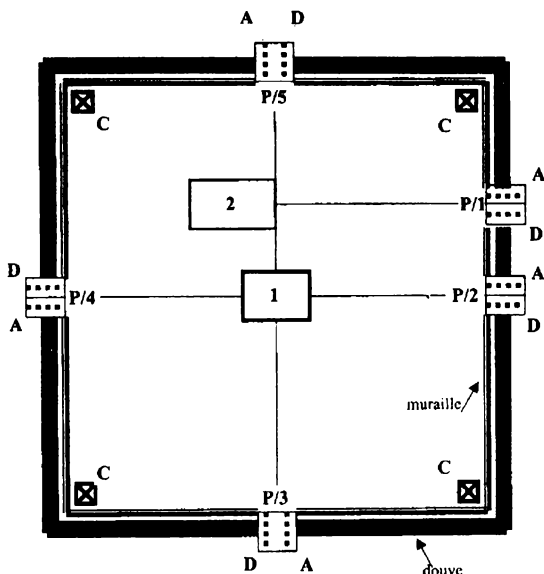
Гидротехнические сооружения Ангкора (по Гролье, 1979)

Водоемы	Длина	Ширина	Глубина	Вместимость*
Барай Лолеи (Индра-татака)	3,8 км	0,7 км	>3 м	10
Восточный барай (Яшодхаратака)	7,12 км	1,7 км	<3 м—<5 м	36—62
Западный барай (старое название неизвестно)	8 км	2,1 км	2,5 м—>4 м	42—72
Барай Прах Кхан (Джайятатака)	3,5 км	0,9 км	>3 м	10
Ров Ангкор Вата	5,6 км	0,19 км	4,6 м	5
Ров Ангкор Тхома	12 км	0,1 км	4 м	5

*в миллионах куб. м.

Три бараа образляют укрепленный город, сформировавшийся к концу XII века, которому его основатель дал свое имя: Яшодхарапура. С XV столетия его называют Ангкор Тхом («Ангкор Великий» или «Большой город»). Представляя собой квадрат со стороной более 3 км, он окружен крепостной стеной, высота которой достигает 12 м, и широким ровом, прорытым в конце XII века Джайяварманом VII после нападения на столицу чамов. В стене пять крепких ворот, четыре из которых располагаются по главным сторонам света, а пятые находятся напротив Королевского дворца (возведен до начала строительства Ангкор Тхома). На всех воротах и пятидесяти четырех башнях изображены по четыре лика Будды. К воротам ведут мощные дороги, пересекающие ров, где вместо балюстрад установлены ряды мифических персонажей: богов и демонов, занятых вселенским пахтаньем¹. В центре крепости

¹ Пахтанье океана — процесс сбивания океанских вод с целью получения напитка бессмертия амриты и мировых сокровищ (примеч. пер.).

Ангкор Тхом и пахтанье

- 1: Байон; 2: Королевский дворец; P/1: Ворота Победы;
P/2: Восточные ворота; P/3: Южные ворота;
P/4: Западные ворота; P/5: Северные ворота;
C: Прасат Чунг (храмы, расположенные по углам);
D: ряд богов; A: ряд демонов (асуров)

находится храм Байон с бесчисленными божественными ликами, буддистский государственный храм все того же Джаявармана VII. Это один из самых необычных монументов Ангкора. Вдоль широких дорог, ведущих к его воротам, были прорыты каналы для поступления воды и дренажа почвы; по углам крепостной стены возвышались четыре небольших храма, в каждом из которых было воздвигнуто по стеле в ознаменование перестройки столицы, принятой Джаяварманом VII. Наконец, с внешней стороны стены, неподалеку от всех четырех ворот, стоят четыре одинаковых маленьких храма или, скорее, часовни, построенные рядом с четырьмя лечеб-

ницами Яшодхарапуры (как гласит надпись на стеле Преах Кхан, существовала и пятая, но найти ее не удалось) (см. Лечебницы, гл. IX).

Несмотря на то что Ангкор Тхом был построен позже других сооружений древней столицы, внутри его крепостных стен, севернее Байона, находятся несколько более древних сооружений. Северо-западнее Байона возвышается Бафуон, государственный храм Удаядитъявармана II (1050—1066), построенный к югу от Королевского дворца, который был тоже окружен стеной. Он был возведен в конце XI века вокруг Пимеанакаса, пирамиды, датируемой концом VIII века. Единственными дошедшими до нас материальными следами внутри королевской крепостной стены являются несколько бассейнов-резервуаров, хотя в ходе последних раскопок были обнаружены остатки нескольких этажей здания. На востоке перед Королевским дворцом простирается «Терраса слонов» (конец XII века). Она представляет собой длинный цоколь, украшенный изображениями, иллюстрирующими способы охоты на слонов, на котором находится возвышение, где восседал король во время проведения торжественных церемоний и представлений, разворачивавшихся на площади перед дворцом. С востока площадь ограничивается стоящими в ряд двенадцатью башнями (XI, конец XII столетий), которые называются

Южные ворота Ангкор Тхома

«Терраса слонов» в Ангкор Тхоме

Прасат Суор Прат (башни плясуний на канатах), о которых Чжоу Дагуань пишет, что они использовались для проведения ордальных (или божьего суда). За исключением нескольких небольших сооружений, расположенных по большей части севернее и северо-восточнее Королевского дворца, многие из которых были построены позже (например, ансамбль Прах Питху, возведенный в XII–XIV веках), от Ангкор Тхома практически ничего не осталось, если не считать буддистских террас, являющихся цоколями святилищ буддистских монастырей постангкорского периода. Этот район, несомненно, был самым густонаселенным в Ангкоре.

Являясь средоточием королевской власти и обширным храмовым комплексом, Ангкор Тхом был одновременно уменьшенной копией Мировоздания, окруженного океаном, который символизировал широкий ров, окружавший его. Здесь же находится гигантское изображение космического пахтанья, в результате которого боги и демоны получали из молочного океана напиток бессмертия (амриту). На воротах изображено, как они тянут за

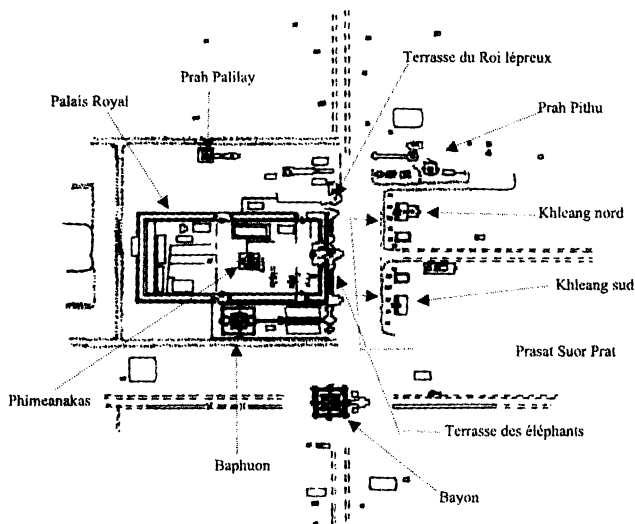

тело змея, приводя в движение Байон, служащий инструментом пахтания. Символизм этого изображения соответствует по своим масштабам великому городу. При этом следует вспомнить, что в одной индийской легенде, заимствованной кхмерами, король прославляется за то, что он «взбил океан своей победы».

Большая часть монументов за пределами крепостной стены расположена на восточной стороне. Они сгруппированы вокруг Восточного бараая, были построены в разное время и различны по своим размерам. К бараю ведет дорога от Ворот Победы, расположенных напротив дворца. Прежде чем пройти по мосту, перекинутому через реку, дорога проходит между двумя храмами, один из которых, Чау Сай Тевода, был первым храмом при остановочном пункте из построенных в середине XII века на пути, который вел к Прах Кхан в Компонг Свай через Бенг Меалеа. Не дойдя до бараая, дорога сворачивает налево и идет вдоль рва, вырытого вокруг Та Кео, недостроенного государственного храма, строительство которого было начато в X веке Джайяварманом V. Затем она проходит вдоль южной дамбы бараая и северной стороны обширного ансамбля Та Прохм (1186), буддистского храма, возведенного Джайяварманом VII в честь его матери и духовного наставника. Вдоль бараая построен

*Пахтание океана.
Фрагмент барельефа
из Ангкор Вата*

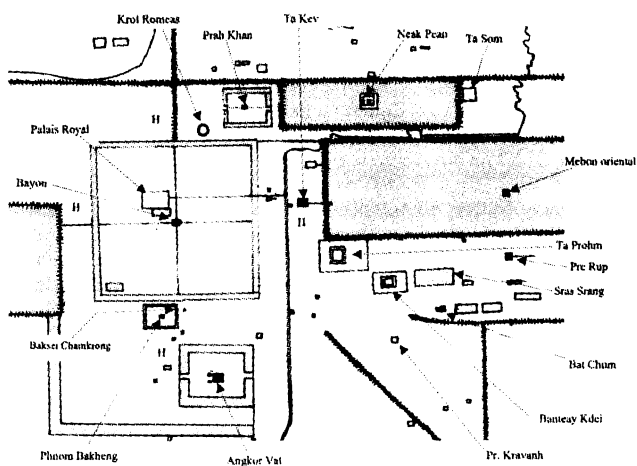
Центральная часть Ангкор Тхома

Пре Руп (961), государственный храм с кирпичными башнями. Он был возведен Раджендраварманом к югу от Восточного Мебона (952) в честь предков. Над восточной оконечностью водохранилища возвышается еще один, второй по счету, храм при остановочном пункте на пути к Прах Кхан в Компонг Свай, носящий название Бантеай Сампре (середина XII века). Южнее барая находится еще один прилегающий к Та Прохм буддистский храм Джайявармана VII, Бантеай Кдей, возведенный близ Срас Сранг, небольшого водохранилища длиной около 700 метров, современника Пре Рупа и буддистского храма Бат Чум (953), расположенного южнее. Еще южнее находится пятиглавый храм Прасат Краван (921), посвященный Вишну, знаменитый своими прекрасными барельефами на внутренних стенах обеих его кирпичных башен.

Южнее Ангкор Тхома расположены два главных географических ориентира столицы: почти сразу за

рвом возвышается холм Пном Бакхенг, увенчанный государственным храмом, строительство которого было начато Яшоварманом I. У его подножия находятся несколько второстепенных сооружений, среди которых следует отметить небольшую пирамиду Баксей Чамкронг (первая четверть X века, закончена в правление Раджендравармана). Еще южнее возвышается Ангкор Ват, самый величественный и большой (1,5 км × 1,3 км) храмовый комплекс кхмерской столицы. Именно этот государственный храм Сурьявармана II (1113—ок.1150) дал название всему городу. Окруженный рвом шириной около 200 метров, он обладает двумя отличительными особенностями: во-первых, ориентирован на запад (в то время как все кхмерские храмы — на восток); и, во-вторых, он был посвящен Вишну (тогда как все предыдущие храмы возводились в честь Шивы). Буддистским храм стал не позднее XVI столетия; таковым остается и поныне. Еще далее на юг, по мере приближения к Великому озеру, сооружений

Центральная часть Ангкора

Анжор Тхом –
средоточие
королевской
власти
и обширный
храмовый
комплекс

становится все больше. По своей значимости и масштабам они вполне соответствуют Ролуосу, большая часть их датируется IX и предыдущими веками. Исключение составляет лишь храм, построенный на вершине Пном Крома Яшоварманом в начале X века.

К западу от Ангкор Тхома расположен Западный барай, над западной оконечностью которого находятся сооружения, возведенные до X столетия. Самый знаменитый из них — Ак Йом, первый «храм-гора», датированный концом VIII века и частично погребенный под южной дамбой барая в конце X или в начале XI века. Возле самого Великого озера встречаются многочисленные и небольшие по размеру строения доангкорского периода.

Наконец, к северу от Ангкор Тхома возвышается хорошо видимый издали монумент: большой буддистской храм Прах Кхан, возведенный Джайяварманом VII в конце XII века. История этого храма не проста: его внешняя стена, построенная в первые годы правления короля, была сначала крепостной стеной города, названного Джайяшри: Фортуна победы или Фортуна Джайя (-вармана), временной столицы, предшествовавшей Ангкор Тхому. К воротам Джайяшри также вели широкие дороги, пересекавшие ров и обрамленные статуями богов и демонов, занятых космическим пахтанием. Что касается стен, то на них через регулярные интервалы были выбиты гигантские изображения Гаруды¹ с распростертыми крыльями, которые символизировали превращение столицы в воздушный град (см. Другие брахманские боги, гл. VI). Завершив строительство Ангкор Тхома, Джайяварман VII возводит в центре Джайяшри

¹ Гаруда — мифический орел у древних индийцев, царь птиц, олицетворение солнечного жара и бога (примеч. пер.).

Водохранилище Срас Сранг

храм (освящен в 1191), который он посвятил памяти своего отца — Прах Кхан, который значительно больше Та Прохм. В его ансамбль входит множество различных построек и сооружений, среди которых барай Джайятатака, храм-нилометр Пре-Неак-Пеан, возвышающийся в центре водоема, и храмы, построенные на его северном и восточном берегах (см. Храмы-нилометры, гл. IV).

СТОЛИЦЫ В АНГКОРЕ

Перенос в конце IX века столицы из Ролуоса/Харихаралаи в Яшодхарапуру не означал полного забвения старой части района, памятники которого на протяжении последующих веков поддерживались в хорошем состоянии и иногда даже реставрировались (Баконг), а закладка и строительство новых монументов осуществлялись до начала XIII века. Окончательный перенос столицы произошел только к концу XII столетия, когда было полностью завершено строительство Ангкор Тхома. **В этот временной отрезок Ангкор, как и многие другие**

азиатские города, динамично застраивался, что выражалось в перемещениях его центральной части. Судя по надписи, сделанной одним из приближенных Раджендравармана относительно Кох Кера, «Яшодхарапура» в то время «обезлюдела», и король отстроил и заселил ее заново.

Самым очевидным свидетельством перемещений центральной части города являются поочередные изменения места богослужений в честь Девараджи, которые на протяжении всей эпохи проводились в **шести государственных храмах, выраставших в Яшодхарапуре друг за другом.** Первое из этих сооружений, построенное Яшоварманом на Пном Бакхенге, называется в надписях «Центральная гора» (*внам кантал*). Несколько веков спустя так же назывался *последний* из государственных храмов Байон, находившийся в самом центре территории, окруженной крепостной стеной Ангкор Тхома, ставшего столицей в правление Джайявармана VII. Долгое время считалось, что и Пном Бакхенг находился в центре квадратной ограды, сформированной двумя параллельными дамбами со сторонами около четырех километров, но от этой идеи пришлось отказаться. Скорее всего Пном Бакхенг находился почти в центре столицы Яшовармана, хотя и не в таком геометрически строго определенном, как Байон. С течением времени, по мере разрастания агломерации, религиозный центр последовательно смещался сначала к югу от Восточного барая, где был построен Пре Руп, затем западнее того же барая, когда здесь возвели Та Кео (в это время город мог носить имя Джайявармана V), а позднее в Бафуон, когда его возвели напротив Королевского дворца (см. ниже); далее он переместился в Ангкор Ват, расположенный южнее Бакхенга и, наконец, очутился в Байоне, в центре Ангкор Тхома.

Государственные храмы

<i>Современное название</i>	<i>Король, которому приписывают строительство храма</i>	<i>Дата (открытия)</i>	<i>Примечания</i>
Баконг (Ролуос)	Индраварман I	881	Строительство было начато Джайяварманом II или III; башня перестроена в начале XIII в.
Бакхенг	Яшоварман I	893	Строительство было начато Индраварманом I?
Пранг (Кох Кер)	Джайяварман IV	Около 930	
Пре Руп	Раджендраварман	961	
Та Кео	Джайяварман V	После 978	Не завершен
Бафуон	Удаядитьяварман I	До 1066	Строительство было начато Сурьяварманом I (?)
Ангкор Ват	Сурьяварман II	2 четверть XII века	Вишнуитский
Байон	Джайяварман VII	Конец XII века	Буддистский

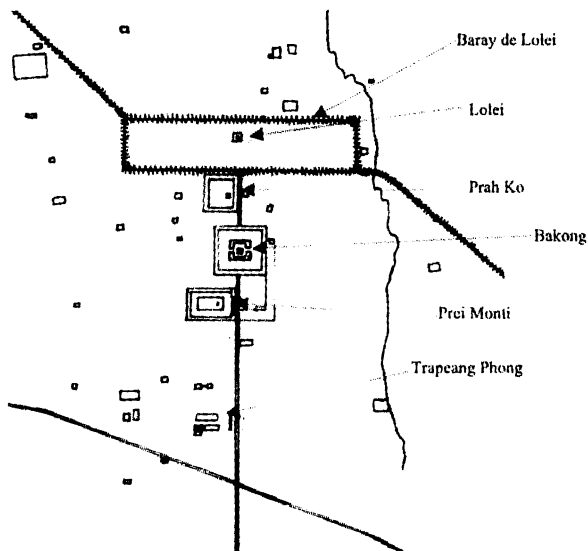
Монументы, относящиеся к категории храмов-гор

<i>Современное название</i>	<i>Король, которому приписывают строительство храма</i>	<i>Дата (открытия)</i>	<i>Примечания</i>
Ак Йом		Конец VIII века	
Пимеанакас		Конец VIII века	Перестроен при Джайявармане V в X в.

Ронг Чен (Кулен)		Начало IX века	
Баксей Чамкронг	Харшавар- ман I	920	Надгробный памятник; декорирование закончено при Раджендравар- мане
Восточный Мебон	Раджендравар- ман	952	Построен в честь пред- ков; вероятно, первоначально на храм была возложена двой- ная функция

Королевский дворец также является одним из элементов, позволяющих точно определить расположение центра столицы, а также его возможные смещения. Он появляется в Ангкоре к началу XI столетия (в этот период Сурьяварманом I возводятся крепостные стены) и остается резиденцией правителя вплоть до оставления Ангкора в XV веке, если не считать того, что после 1177 года он на несколько лет был перенесен в Прах Кхан (см. ниже). Тот факт, что дворцовая стена была возведена вокруг Пимеанакаса, построенного много ранее (конец VIII века), наводит на мысль, что и в предыдущие века он находился на этом месте, что свидетельствует об уникальном постоянстве занимаемой им позиции. Однако, судя по надписям, датируемым концом X века, королевская резиденция этого периода, вероятно, располагалась рядом с Восточным бараем, в непосредственной близости от Та Кео и Пре Рупа, государственных храмов Джайявармана V (968—1000) и его предшественника Раджендравармана. Значит, в X столетии дворец шаг за шагом следовал за перемещениями Девараджи, что и подтверждает главенствующую роль государственных храмов. Но

Район Харихаралайи-Ролуоса

возможен и другой вариант: Бафуон и Байон были возведены значительно позднее крепостных стен Королевского дворца и расположены в непосредственной близости от него. Следовательно, главенствующую роль мог играть и дворец. Что касается Ангкор Вата, центральное положение которого по сравнению с предыдущими монументами несколько смещено, то это может быть объяснено другими причинами, вытекающими из его размеров и широких рвов.

На смещения центра столицы в районе Ангкора могли оказывать влияние и бараи.

В разное время в столице были сооружены четыре бассейна-водоема подобного типа (не считая пятого, строительство которого было начато Сурьяварманом II, но так и не завершено, см. ниже). В своей статье, написанной в 1979 году, носящей красноречивое название «Гидротехнический го-

род», Б.-Ф. Гролье утверждает, что «ввод в действие» каждого из этих водоемов был всегда связан с заиливанием и обмелением как предыдущего барая, так и водных артерий, питающих его, чем и была вызвана необходимость подниматься все выше по течению реки при выборе местоположения следующего бассейна-резервуара. Продолжая изучение этой проблемы, Ж. Дюмарсе внес уточнения, доказав очевидность того факта, что прежде чем окончательно оставить барай и заменить новым, его неоднократно пытались спасти. Б.-Ф. Гролье приходит к выводу о том, что в Яшодхарапуре барай возводились последовательно, один за другим. Перенос центра столицы из Ролуоса в Ангкор при Яшовармане произошел в период заполнения водой Восточного барая, заменившего барай Лолеи. Следующее смещение совпало с окончанием строительства в самом начале XI века Западного барая (питаемого рекой Пуок). Третье перемещение относится ко времени строительства Ангкор Вата в правление Сурьявармана II: в дополнение к рвам храма на юго-востоке Ангкора было, вероятно, начато строительство барая, который так и не был завершен (следы строительства видны на аэрофотосъемке). Наконец, последним центром стал Ангкор Тхом, возведение которого сопровождалось строительством новых водоемов: рвов, прорытых вокруг города, а также Джайятаки, местоположение которой свидетельствует о смещении гидрографических работ в столице строго на север.

Мы не претендуем на безусловную верность наших выводов, но очевидно, что неоднократный перенос центра столицы в Ангкоре характеризовался относительно стабильным расположением Королевского дворца (по крайней мере, начиная с XI столетия, а, может быть, и ранее), взаимозависимостью, установившейся между расположением

Дворца и государственным храмом, и, наконец, необходимостью регулярно менять положение водоемов, постепенно поднимаясь к верховьям рек. После Джайявармана VII внешний вид столицы не претерпел изменений вплоть до 1431, когда она была покинута королевским двором. Впоследствии город продолжал жить, хотя и в несколько ином ритме. В XVI веке королевский двор на короткое время вернулся в старую столицу. Именно здесь король принял португальских и испанских миссионеров. Как раз на этот период приходится реставрация и перестройка некоторых сооружений. Был отреставрирован третий ярус Ангкор Вата (ставшего буддистским храмом), а в 1577 году был завершен незаконченный скульптурный декор отдельных панно галереи барельефов. Были потревожены Бафуон и Пном Бакхенг, ставшие каменоломнями для возведения гигантских, гармонично вписывающихся в общий архитектурный ансамбль скульптур: возле Бафуона выросла гигантская статуя лежащего Будды, закрывшая всю западную сторону пирамиды, а огромный сидящий Будда поглотил весь фасад Пном Бакхенга. Размах подобных работ предполагает наличие все еще активной и густо заселенной агломерации, что, к тому же подтверждается рассказами иностранных путешественников. Впрочем, процветание длилось недолго, поскольку в XIX столетии путешественники «обнаружили» в этих местах всего лишь несколько деревень.

СТРАНА ВОДЫ

Ядро страны кхмеров расположено на равнине, почти со всех сторон окруженной горами, и напоминает чашу с высокими краями: на юго-востоке находится дельта реки Меконг; на юго-западе возвышается цепь Кардамоновых гор; на востоке рас-

кинулось плато Мондолькири, на севере — горный массив Дангрек, обрывистые, фестончатые по краям скалы, которые в надписи середины XI века сравниваются с «горной стеной». Они образованы постепенным подъемом плато Корат (Северо-Восточный Таиланд). Эта горная кайма прерывается на северо-востоке долиной Меконга и проходом Арания. В центре низменной равнины расположено Великое озеро (Тонлесап) и его южные ответвления: Малое озеро и вытекающая из него река Тонлесап, которая соединяет озера с Меконгом. С южных, западных и северных гор на равнину сбегает реки. С восточных высокогорий текут реки, впадающие в Меконг. Равнины, окружающие озеро, по мере приближения к горам постепенно поднимаются (весьма незначительного различия в уровнях высоты достаточно, чтобы вызвать заметную разницу в естественном орошении почвы), и усеяны холмами-«пномами» с плоскими вершинами.

Большая часть территории Камбоджи отделяется от моря Кардамоновыми горами, что оказывает сильное влияние на климат страны. **Ведь несмотря на то, что Камбоджа расположена в зоне так называемой муссонной Азии, равнины камбоджийской низменности получают недостаточно влаги, особенно в сухой сезон (длящийся с конца ноября по май).** Поэтому кхмеры с давних времен научились обеспечивать себя запасами воды, возводя разного рода гидротехнические сооружения, а также с максимальной выгодой используя разливы больших и малых рек. Овладение водными ресурсами было очень важно еще и потому, что почвы Страны кхмеров по большей части малоплодородны, за исключением берегов Меконга и нескольких небольших районов с черноземными и красноземными почвами. Во всех же остальных местах они образуются вследствие разложения песчаника, что

часто приводит к их латеритизации¹ (истощению) и снижению урожайности. То же самое относится и к аллювиальным почвам². Отметим также, что вода не только крайне необходима для орошения полей, на которых выращиваются основные культуры камбоджийцев — рис и кукуруза. Она способствует также поддержанию на должном уровне рыболовства, играющего большую роль в жизни камбоджийцев, поскольку рыба — один из основных продуктов их пищевого рациона.

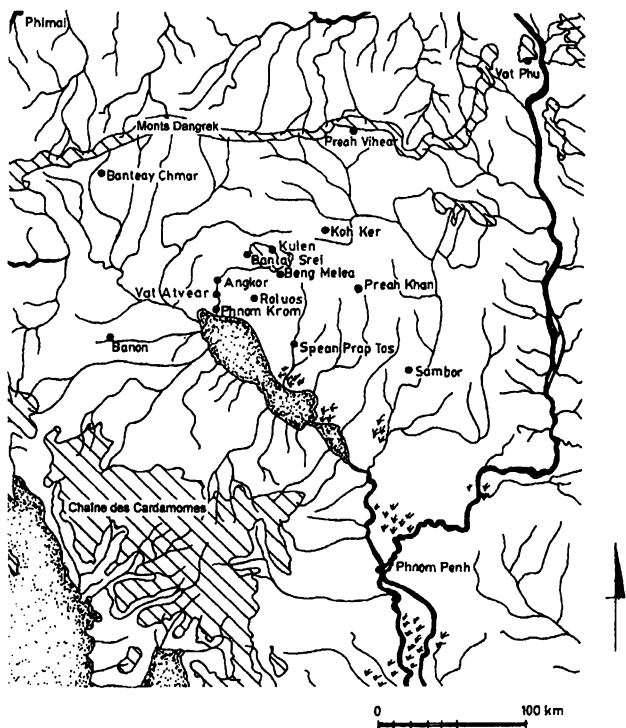
Естественная гидрографическая сеть сосредоточена вокруг Меконга, Великого озера и вытекающей из него реки, объединяющей их. Уровень воды в озере повышается при разливах Меконга, а также за счет вод рек, берущих начало в горах, окружающих низменность с севера (Дангрек) и юга (Кардамоновые горы), или ниспадающих из нависающих друг над другом горных выступов, как, например, в Пном Кулен. На юге страны естественное сочетание Меконга и относящихся к нему водных артерий не требует вмешательства человека. Впрочем, здесь имеются несколько древних водных резервуаров впечатляющих размеров, например, Бати в Та Пром или бассейн у подножия Пном Тьхисор. На равнинах же, окружающих Великое озеро, особенно к северу от него, гидротехнические сооружения необходимы. Различны их предназначения, формы и размеры.

¹ Латеритизация — ухудшение физико-химических свойств почв вследствие выветривания алюмосиликатных горных пород в условиях влажного тропического и субтропического климата (*примеч. пер.*).

² Аллювиальные почвы или отложения — отложения, образованные постоянными или временными водными потоками, состоящие из обломочного материала различной степени окатанности (галечник, гравий, песок, суглинок, глина) (*примеч. пер.*).

Относительно хорошо сохранились многочисленные **бараи**, **огромные бассейны-резервуары**, **окруженные выступающими дамбами и питаемые водой, поступающей по акведукам**. Их можно встретить не только в Ангкоре, но и в большинстве других крупных центров (Бенг Меалеа, Прах Кхан в Компонг Свай, Бантей Чмар...). Самые древние из них сооружены по образцу яванских бассейнов и окружены тремя дамбами в форме латинской буквы U. Однако подобная технология строительства не оправдала себя, поэтому стали возводить замкнутые с четырех сторон резервуары, обрамленные

Камбоджа и ее гидрографическая сеть

возвышающимися дамбами. Наряду с бараями имеются водоемы менее внушительных размеров. Они называются *шрасы*; берега их выложены камнем.

Чаще всего их рыли рядом с храмами (например, храмами при лечебницах). Буквально на каждом шагу в Камбодже можно встретить пруды (трапеанги), возраст которых определить невозможно. Другой формой создания запасов воды являются рвы, окружающие большинство храмов: **это важное нововведение, привнесенное кхмерами в классическую схему индийского храма** (где источником воды был колодец и/или бассейн), несет в себе глубокое символическое значение (см. Пространство храма, гл. V). Впрочем, в первую очередь эти сооружения использовались в практических целях: они и накапливали значительное количество воды (например, в Ангкор Вате), и дублировали крепостные стены городов (Ангкор Тхом, Прах Кхан в Компонг Свай, Муанг Син и т.д.). Таким образом, они использовались в сельскохозяйственных целях и одновременно выполняли оборонительные и символически-религиозные функции. Ко всем этим водоемам, четко ограниченным и закрытым со всех сторон, следует добавить также запруды мостов-плотин, построенных во времена Джайявармана VII в местах пересечений главных дорог с постоянными или временными водными артериями. Они позволяли преодолевать эти водные преграды в любое время года и одновременно создавали запасы воды в верховьях рек во время сезона дождей. В заключение отметим, что, кроме сети каналов в Ангкор Тхоме, сохранился ныне действующий судоходный канал, по которому доставляли песок с карьеров, расположенных в Бенг Меалеа. Через Великое озеро и реку Сиенреап корабли со строительными материалами доплывали до этого канала, по которому он и поступал в Ангкор.

РАВНИНЫ И ГОРЫ

В Камбодже не встретишь ни абсолютно безлюдных мест, ни человеческого муравейника. В центральной впадине проживает подавляющая часть населения страны, но его плотность здесь неравномерна. Большая его часть сосредоточена в богатых водой районах вокруг Великого озера, особенно в его низовьях, вдоль нескольких питающих его рек, на берегах Меконга и вытекающей из него реки.

Вокруг Великого озера отмечается несколько пустынных мест, где не найдено каких-либо архитектурных памятников, в частности на южном побережье (современная провинция Пуосат). Зато север и северо-восток (современные провинции Баттамбанг и особенно Сиамреап и Компонгтхом) исключительно богаты как крупными архитектурными ансамблями, так и множеством небольших храмов. Монументы ангорского периода соседствуют в этих районах с более древними памятниками, о которых мы уже упоминали, а также с такими архитектурными ансамблями, как Самбор Преи Кук, Прасат Андет или Прасат Пхум Прасат. Много древних памятников находится южнее Пномпеня, в провинциях Такео, Кандаль и Прейвэнг, но большая их часть относится к доангорскому периоду (Пном Да, Ангор Бореи, Пном Байянг и т.д.) или к более поздним эпохам, например, Прасат Неанг Кхмау (начало X века), храм Пном Тьхисор (XI столетие) или несколько второстепенных сооружений в Та Пром в Бати, возведенных Джайяварманом VII. В среднем течении Меконга, в провинции Кампонг-тям, находится довольно много сооружений, датируемых VII (Хан Чеи) — концом XIII столетий (Ват Нокор, перестроен в XVI в.). Верховья реки гораздо беднее на произведения древнего зодчества, хотя и

здесь имеются несколько выдающихся памятников доангкорского периода, (Самбор на Меконге, Кох Криенг, Тхала Бориват); и лишь на самой границе с Лаосом, где воды Меконга каскадами порогов, водоскатов и водопадов Кона резко ниспадают вниз, находится величественный монумент Ват Пху и его ансамбли-спутники, строительство которых велось с VII по XIII столетия.

Менее густо заселена лесная зона, расположенная севернее орошаемых районов и между ними. Лесные массивы покрывают большую часть равнины и весьма разнородны по своему характеру. Наряду с богатой дичью саванной с ее редколесьем, густыми зарослями бамбука и кустарников, растущими на бедных почвах, гордо высятся реликтовые вечнозеленые леса из ценных пород деревьев, древесина которых используется для различных поделок; в них добывают масляную смолу и другие дорогие сырьевые материалы. Несмотря на наличие такого крупного в древности центра, как Кох Кер

*В Камбодже не встретишь ни абсолютно безлюдных мест,
ни огромных скоплений людей*

(хоть период его активной жизни и был коротким), вся местность между Пном Кулен и Дангреком на первый взгляд может показаться пустынной. Однако здесь тоже имеются несколько небольших строений, расположенных вдоль больших дорог, а также различные гидротехнические сооружения довольно скромных размеров (некоторые из них функционируют и поныне), что говорит о том, что в древности здесь тоже жил человек.

На плато или вулканических пнях, невысоких горах или холмах (пном), рассыпанных по равнинам, часто возводились храмы (Пном Сандак, Пном Тьхисор). На одном из самых больших холмов, Пном Кулен, зародилось ангорское королевство и был построен водный дворец региона. Покрытый в наши дни лесами, он приютил на своих склонах несколько деревушек там, где когда-то была древняя столица, от которой остались несколько кирпичных храмов (IX век). Судя по скульптурным рельефам, высеченным в русле реки и на стенах храмов (в XI и XII столетиях), когда-то это место было густо заселено, о чем свидетельствует храм конца XII века и монастырские постройки XV или XVI веков.

Горы, окружающие Страну кхмеров, весьма разнообразны. На севере невысокая горная гряда Дангрек открывала тайцам легкий доступ на территорию страны. Именно здесь находится отвесная скала, которая возвышается над кхмерской равниной и тянется почти на 400 метров. Об этой горной стене говорится в надписи XI века.

В древних горных проходах находятся культовые сооружения, расположенные на территории современной Камбоджи рядом с вершинами лестниц, частью вырубленных в скале, частью построенных. Самое известное из них — храм Пре Вихара, священное для кхмеров место, где в конце X и в XII веках кипела бурная жизнь и проводились

религиозные церемонии (в XX веке оно стало предметом вооруженного конфликта между Камбоджей и Таиландом). Несколько к западу, в Та Муене, где проходит старая дорога, ведущая из Ангкора в Пхимаи, стоят храм X века, лечебница и дом, где уставшие путники могли передохнуть с дороги (так называемый постоялый двор), датируемые концом XII века, когда у власти находился Джайяварман VII. Юго-западная и восточная кайма гор характеризуется более выраженным рельефом, хотя пейзаж здесь менее живописен, а храмы и монументы отсутствуют. В Кардамоновых горах и в их восточных отрогах еще встречаются **группы горных племен, говорящих на языке монско-кхмерской группы, живущих собирательством и корчеванием деревьев**. Когда-то их называли *дикими племенами* (врау), в наши дни они получили название *горных кхмеров*. На стенах Ангкор Вата изображены несколько прелестных женских образов представительниц прекрасной половины этих племен (см. Кхмеры и иностранцы, гл. III, и Пантеон местных богов, гл. VI).

ЗАХВАТ ЧУЖИХ ТЕРРИТОРИЙ И ГРАНИЦЫ

Площадь кхмерского королевства довольно часто превышала территорию современной Камбоджи. В конце XII — начале XIII веков при Джайявармане VII королевство достигло своих максимальных за всю историю размеров: на востоке, после аннексии Чампы, оно простиралось до Китайского моря, хотя почти не оставило следов своего присутствия в этих областях, за исключением нескольких статуэток, о которых Жан Буасселье говорит, что «они являются единственными из всех произведений кхмерского провинциального искусства, в ко-

торых никак не проявляются местные традиции, и они в точности соответствуют канонам искусства Ангкора и региональных кхмерских школ». Но когда впоследствии вьетнамцы отщипывали кусок за куском от кхмерских земель, в древней Кохинхине поселились несколько групп кхмеров (известных как «нижние кхмеры»). На западе и на севере все обстояло иначе: Джайяварман VII, захвативший ранее княжества монов¹, плато Корат (северо-восток современного Таиланда) и часть земель на юге Лаоса, впоследствии еще больше расширил свои владения до границ с Бирмой (Муанг Син в современном Таиланде) и до района Вьентьяна в Лаосе.

Кхмеры стали активно осваивать плато Корат в середине XI столетия: об этом говорит появление в этом регионе бассейнов-резервуаров прямоугольной формы. Они похожи на камбоджийские бараи IX века и резко отличаются от местных гидротехнических сооружений. Кхмерские бараи напоминали монские водоемы, часто их называют «круглыми городами». Но на самом деле речь идет о широком ограждении, часто неправильной формы, сформированном двойной дамбой, ограничивающей прерывистый или замкнутый по окружности ров, роль которого не сводилась лишь к созданию запасов воды: водоем служил и оборонительным барьером, призванным защитить хаотично строившиеся в нем дома. Сооружения, которые по правилам кхмеров должны были дополнять бараи, тоже были типично кхмерскими, хотя в них порой встречаются местные мотивы. Иногда это были большие храмы, как, например, Паном Ван, Паном Рунг и главным образом Пимаи, возведенный в конце XI столетия. При Джайявармане VII храм был расширен, а вокруг

¹ Моны — народ, живший на юге Бирмы (Мьянмы) и юго-западе Таиланда (*примеч. пер.*).

него вырос большой город, обнесенный высокой крепостной стеной. Наряду с этим было возведено множество небольших храмов, среди которых немало часовен при лечебницах (около двадцати идентифицированы). Это на первый взгляд сильное воздействие кхмеров на местную культуру не должно вводить в заблуждение: влияние кхмеров было поверхностным и не могло изменить уже сложившиеся местные обычаи и обряды (в частности, погребальные ритуалы). Складывается впечатление, что мы имеем дело с симбиозом колониальной и местной культур.

Это впечатление усиливается по мере продвижения на запад: кхмерские сооружения встречаются все реже. А уже на Центральной равнине Таиланда провинциальные столицы кхмеров конца XII века — Лопбури (аннексирована не ранее начала XI столетия) или Сукхотай — предстают как островки кхмерской жизни в стране монов. На самом же западе кхмерских владений архитектура храма в Муанг Син, его декор, прямоугольный план его крепостной стены подчеркивают, с одной стороны, его кхмерское происхождение, а с другой — свидетельствуют о том, что построили его совершенно чуждые традициям кхмеров рабочие и скульпторы, на чьи плечи легла обязанность возведения храма и ваяния божественных образов по навязанным им моделям.

ТЕРРИТОРИАЛЬНО- АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ

О территориально-административном делении в древней Камбодже известно очень мало. При этом возникает множество вопросов, главным из которых является территориальная целостность

королевства, не вызывающая уверенности даже в **ангкорский период**. Существует гипотеза, согласно которой, начиная с эпохи правления Джайявармана II в начале IX века и до восшествия на престол Раджендравармана (середина X века), королевство представляло собой множество мелких княжеств, которые короли пытались объединить хотя бы путем уплаты ими дани. Напомним, что в соответствии с индийской традицией кхмерские короли носили титул чакравартина, то есть властителя мира. **И только при Раджендравармане в середине X столетия была введена система «провинций», точнее «округов», что подразумевает более или менее реальную централизацию власти.** Но здесь возникают некоторые языковые нюансы: если слово «*виджайя*» встречается и в санскритских, и в кхмерских надписях и означает такое понятие, как «округ», то смысл кхмерского слова «*праман*» менее ясен. В ангкорскую эпоху это слово используется часто, иногда оно является синонимом «виджайи», но подчас подразумевает более крупную по сравнению с округом административную единицу и иногда может означать целую провинцию, пожалованную королем одному из сановников. Другая проблема связана с точной идентификацией большинства округов, названия которых встречаются в эпиграфике. Единственные названия округов, не вызывающие у нас сомнения, следующие: Штрештхапура (район Ват Пху на юге Лаоса), Самбхупура (Самбор на Меконге), Индрапура (район Тяка), Малиан (район Баттамбанга), Йен Внам (букв. *предгорье*, Дангрека?) и, наконец, Лаво (Лопбури в Таиланде).

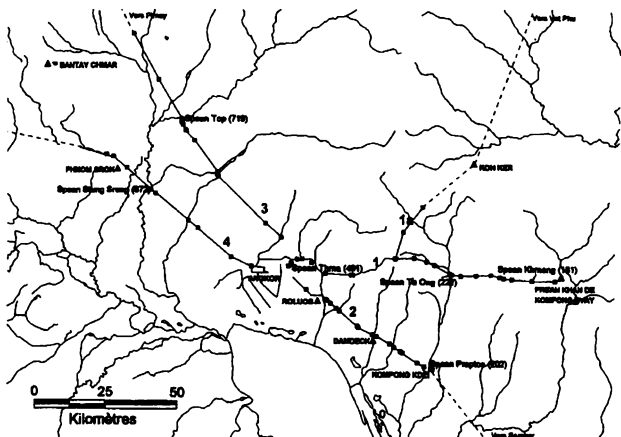
Что же касается количества округов, то здесь мы располагаем двумя свидетельствами китайских летописей, относящихся к разным эпохам истории древней Камбоджи. Первое сообщение содержится в династийной хронике Суй и относится к пе-

риоду правления Ишанавармана I. В ней говорится о том, что, кроме столицы, в королевстве Ченла было тридцать городов, каждый имел наместника из местной знати. Поэтому можно предположить, что именно такое количество округов существовало в то время в государстве. В конце XIII века Чжоу Дагуань сообщает о наличии в Стране кхмеров девяноста округов (но называет всего лишь десять из них) и добавляет, что в каждом был свой правитель, а их административные центры были обнесены частокколами из крепких бревен.

Данные Чжоу Дагуаня относятся к тому периоду, когда Сукотай и Чампа уже отделились (ок. 1220), и показывают, что в то время страна занимала примерно ту же территорию, что и современная Камбоджа, включая северо-восточные области Таиланда. Так, одно из приводимых им названий может соответствовать округу с центром в Пимаи (два других идентифицированных названия относятся к округам, расположенным в современных провинциях Баттамбанг и Компонгчнанг, расположенных к северо-западу и западу от Великого озера). В правление Джайявармана VII количество округов равнялось числу лечебниц. В надписи на стеле Та Прохм говорится, что в стране было 102 лечебницы в «разных округах» или «по одной на округ». Однако обнаруженные на сегодняшний день лечебницы располагаются по территории страны крайне неравномерно: четыре — в районе Ангкор Тхома и примерно двадцать — на северо-востоке Таиланда, что никак не могло соответствовать количеству округов, на которые мог бы быть разбит последний регион.

Следующей за провинцией территориальной единицей была деревня (*грама*, *срук*). По словам Чжоу Дагуаня, в каждой, даже самой маленькой, деревне, был храм или часовня, и имелся свой правитель. Он также приводит названия множе-

*Мосты на севере Великого озера
(цифры 1, 1а, 2... соответствуют дорогам)*

ства деревень, но не сообщает, где они расположены. В надписях периода правления Джайявармана VII говорится, что деревни **существенно различались по числу жителей**. Так, в надписях на стеле Та Прохм сообщается, что к храмам было приписано 3140 деревень, в которых проживало 79 365 человек (то есть в среднем по 25 жителей на одну деревню). На этой же стеле указано, что в 838 деревнях, приписанных к лечебницам, проживало 81 640 человек (то есть по 97 человек на деревню). Что касается стелы Прах Кхан, то в ее надписях говорится, что в приписанных к храмам 13 500 деревнях и в прилегающих к ним населенных пунктах проживает 306 372 человека (в среднем по 22 человека на одну деревню). Между округом и деревней, вероятно, существовала еще одна территориальная единица, включавшая в себя сто, десять или пять деревень.

Необходимость административно-территориального деления была связана со сбором налогов.

Но вполне возможно, что существовали и относительно независимые религиозные округа (вероятно, нечто вроде церковных приходов. — *Примеч. пер.*), называвшиеся *анфаями*.

Их автономия проявлялась главным образом в налоговой и правовой сферах (Метье дю Бур)¹.

ГЛАВНЫЕ ДОРОГИ

Благодаря данным, полученным в результате археологических раскопок, и сведениям, предоставленным эпиграфикой, гораздо больше известно о дорогах. Нам удалось идентифицировать несколько самых больших дорог, опираясь на подъем грунта для их строительства, наличие мостов, постоянных дворов и храмов при них или на сочетание всех этих элементов. Время постройки данных природо-рожных сооружений датируется второй половиной (храмы при постоянных дворах) или концом XII столетия (мосты и дома, где путники могли остановиться на ночлег), но вполне возможно, что каменные мосты сменили ранее построенные деревянные переправы. В надписях на стеле Прах Кхан в Ангкоре, храме, к которому в период правления Джайявармана VII вела главная дорога, указывается, что их было не более 121, и дается описание главных дорог, идущих от Ангкора.

Все эти сведения позволяют с большой долей вероятности идентифицировать главные пути, проложенные в период правления Джайявармана VII:

1. Восточная дорога, шедшая из Ангкора в Прах Кхан, в Компонг Свай через Бенг Меалеа (ориентиры: мосты, остановочные пункты, храмы при них,

¹ Юбер де Метье дю Бур. Первая половина XI века в Камбодже: Сурьяварман I, его жизнь и некоторые аспекты институтов его эпохи // *Journal Asiatique*, т. 258, 1970 // С. 282–313).

насыпи дороги, не указанной в надписях на стеле Прах Кхан).

1b. Ответвление от предыдущей, ведет от Бенг Меалеа к Кох Керу, Преах Вихару (1b1) и Ват Пху (1b2)) (мосты, дорожные насыпи).

2. Юго-восточная дорога, шедшая из Ангкора в Самбор и далее в «столицу Чампы» (Виджайю (ныне Чабан) или расположенную южнее Пандурангу (сегодня Пантрань). Она проходила через Ролуос, Компонг Кдей, Самбор Преи Кук, Ват Нокор... (в надписи на стеле Прах Кхан указаны мосты, насыпные участки дороги, 57 остановочных пунктов).

3. Северо-западная дорога, ведущая от Ангкора в Пхимаи через Та Муен и Паном Рунг (в надписи на стеле Прах Кхан указаны мосты, дорожные насыпи, 17 остановочных пунктов, 8 из которых идентифицированы).

4. Западная дорога, ведущая из Ангкора в Пном Срок и далее (Сдок Как Том, регион Баттамбанга?) (мосты, насыпи дороги, не указанной на стеле Прах Кхан).

5. Необнаруженная кольцевая дорога, начиналась в Яшодхарапуре, проходила через Джайявати, Джайяшимхавати, Джайявиравати, Джайяраджагирри, Шри Сувирапури и заканчивалась в Яшодхарапуре (44 остановочных пункта, согласно надписи на стеле Прах Кхан).

6. Обнаружены отдельные остановочные пункты в Пном Тьхисор, Шри Виджайядитьяпуре (?) и Кальянасуддхике (?), о чем свидетельствует надпись на стеле Прах Кхан; другие остановочные пункты, не указанные в надписи, расположены внутри крепостных стен храмов Прах Кхан в Ангкоре, Та Прохм и Бантеай Чмар.

III

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Даже без помощи записей Чжоу Дагуаня и более подробных китайских династийных хроник для изучения структуры политического и государственного устройства Камбоджи ангорского периода и ее экономики вполне достаточно **двуязычной эпиграфики — на санскрите и кхмерском языке, — содержащей богатые и в то же время несколько односторонние сведения, поскольку они затрагивают главным образом религиозную сферу.** В большинстве надписей речь идет о строительстве и реставрации храмов, монастырей, ашрамов, остановочных пунктов. Они косвенно рисуют картину экономического, правового и общественного устройства Страны кхмеров.

Помимо однобокого содержания надписей, расшифровка эпиграфики Камбоджи осложняется их **двуязычием, свойственным и разговорному кхмерскому языку.** Для их понимания требуется создание двойного словаря на санскрите и кхмерском языке. И если относительно значений санскритских слов нет никаких проблем, поскольку они соответствуют индийским, то с кхмерскими словами не все так ясно. Дело в том, что многие слова кхмерского языка являются санскритскими (или производными от него), но **наделяются иногда совершенно иным**

смыслом, чем в параллельных санскритских текстах. Самым наглядным примером является слово «*варна*»: в надписях на санскрите оно обозначает классическое понятие четырех сословий, на которые традиционно делилось индийское общество (брахманы, кшатрии [воины], вайшью [земледельцы и ремесленники, «народ»] и шудры [слуги]). В кхмерских же текстах это слово наделяется совершенно иным смыслом (см. ниже: корпорации) и применяется для обозначения корпораций или институтов подобного типа, то есть профессиональных групп, в основном религиозной ориентации, имевших, согласно надписи XI столетия, наследственный характер. Но это никоим образом не индийские касты (*джати*).

Остается подчеркнуть **временную неравномерность надписей**, в частности тех, о которых пойдет речь в этой главе. Значительно возрастает их число, начиная с правления Раджендравармана в середине X века, и держится на высоком уровне вплоть до периода правления Сурьявармана I в середине XI столетия. Это связано с тем, что в этот период в королевстве проводились крупномасштабные реформы (см. Территориально-административное деление, гл. II), сопровождавшиеся процветанием государства и увеличением размеров его территории. Эти факторы привели к увеличению административного аппарата и появлению большого количества «актов», которые составили львиную долю надписей. Впрочем, период правления Джайявармана VII был отмечен и надписями иного содержания.

ОБЩЕСТВО

♦ Кхмеры и иностранцы

В стране кхмеров жили кхмеры. Звучит на первый взгляд банально. Но следует напомнить, что

Сиамские воины (бафельеф в Ангкор Вате)

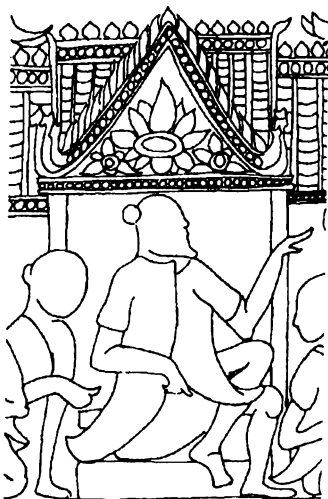
внедрение индийской культуры не сопровождалось массовой иммиграцией, которая бы привела к формированию индийской диаспоры или смешению ее с коренным населением и появлением слоев, для которых индийские язык, культура и обычаи были бы родными. Наряду с местным языком в ходу был единственный иностранный язык — индийский, санскрит (замененный впоследствии на не столь широко распространенный пали). **Кхмеры весьма неплохо владели санскритом** (см. гл. VII), но в совершенстве его знали только несколько особо почитаемых «брахманов, прибывших из Индии» и другие «индусы», о которых нам мало что известно. Правда, они оставили множество своих скульптурных «портретов». Из надписей мы узнаем, что один из них был *слугой (ва)* и находился в самом низу социальной лестницы; другой же носил санскритское имя (Гунадева) и принес в дар храму рисовое поле, что свидетельствует о его довольно высоком социальном положении и материальном достатке. Пользуясь случаем, скажем, что слово «*клин/кхлин*», обозначающее выходцев из Индии, является произ-

водным от исторической области «Калинга», современного штата Ориссы, расположенного на восточном побережье Индии, вблизи от Юго-Восточной Азии.

Кроме индийцев и китайских торговцев, о которых упоминает Чжоу Дагуань, в Стране кхмеров проживали выходцы из соседних, как правило, аннексированных стран. Так, в надписи в Прах Кхане в Ангкоре (1191) при перечислении жителей деревень, приписанных к храмовым сооружениям, указываются чамы, вьетнамцы, бирманцы и моны, землями которых владел Джайявармана VII в конце XII века. В надписи 974 г., обнаруженной в Таиланде, то есть на аннексированной территории, упоминается один чиновник, носящий монский титул. Примерно в это же время в современной провинции Кампонгтям один вьетнамец уступил «за некоторую цену» рабыню, которую должны были принести в дар храму.

Особое место среди всех «некхмеров» занимают полудикие горные племена (врау), представители которых часто встречаются как среди рабов, так и среди свободных людей (см. Равнины и горы, гл. II). Чжоу Дагуань говорит о них, как о людях второго сорта: их покупали и продавали, как рабов, они были не в состоянии приспособиться к городской жизни, не понимали языка и т.д.

*Китайский торговец в камзоле
(барельеф в Байоне)*

Он также уточняет, что интимные отношения с их женщинами считались предосудительными.

Нарисованная нами картина, основанная в целом на эпиграфике, может быть дополнена несколькими иконографическими свидетельствами. Некоторые из бесчисленных женских персонажей, населяющих стены Ангкор Вата, одеты по образу и подобию представительниц горных племен современного Вьетнама, что является возможным подтверждением присутствия этих «дикарей» в королевстве Сурьявармана II. В военных сценах, изображенных на барельефах Ангкор Вата и особенно Байона, в числе воинов кхмерской армии фигурируют иностранные солдаты, отличающиеся внешностью и/или обмундированием и вооружением, среди которых мы видим союзников, наемников или рекрутов, набранных на аннексированных территориях. В королевском кортеже, изображенном на западной стороне южной галереи Ангкор Вата, фигурирует отряд иностранных воинов, которые, если верить надписи, являются «сиамцами». Наконец, на знаменитом панно Байона изображен дом одного китайца (см. Жилище, гл. IX).

◆ Двухязычие

Итак, древнее кхмерское общество было двухязычным и строго иерархическим, и оба эти понятия часто переплетались. Санскрит был языком власти и культуры, на котором говорили высшие слои общества, а на грубом кхмерском языке говорило безграмотное простонародье. На практике это воплощалось в частом использовании обоих языков сразу в одной и той же надписи, особенно в тех случаях, когда речь шла о строительстве религиозных сооружений.

Санскритская часть включала в себя хвалебные оды в честь короля и его ближайших сподвижников,

Работа в карьере. Барельеф в Байоне

возводящих на свои средства светские или религиозные сооружения; их имена и титулы были чаще всего санскритскими; здесь давались и общие характеристики возводимых объектов. В кхмерской же части надписи сообщалось о размерах взносов на строительство, пожертвованиях в натуре, а также давались поименные списки лиц, в той или иной степени причастных к строительству.

Как уже говорилось, в языковой сфере не все обстояло так однозначно. Прежде всего, как отметил О Чиенг, **на протяжении нескольких веков кхмерский язык настолько эволюционировал, впитав в себя значительную часть санскритской лексики**, что многие надписи XII века можно лишь условно считать двуязычными, особенно если в них говорилось об одном и том же. Уже надписи на знаменитой стеле Сдок Как Том (не ранее 1052), повествующие об истории одного жреческого рода в период с IX по XI столетие, являются прекрасным свидетельством двуязычия, ибо оба текста полностью совпадают, как если бы они предназначались читателям разного культурного уровня, которым бы хотели сообщить приблизительно одно и то же (см. Двуязычие стелы

Сдок Как Том, гл. VII). Другое замечание касается **не всегда ярко выраженной языковой специализации**. В текстах на санскрите всегда говорилось о материальной стороне дела: так, если в надписи на санскрите VII века указываются лишь размеры преподнесенной в дар земли, то надписи на этом языке, датируемые концом XII века в Та Прохм (1186), в Прах Кхане (1191) или на стелах при лечебницах (1186), уже детальнее затрагивают материальную сторону (списки продуктов, перечни деревень и т.д.). Впрочем, в надписях VII или XII веков терминология является исключительно санскритской (за исключением названий нескольких растений, упомянутых на стелах при лечебницах), и даже если в них говорится о «благодетелях», имеющих отношение к их основанию и строительству, они никогда не упоминаются поименно. В некотором смысле промежуточным звеном является надпись на санскрите, сделанная в середине X столетия, в которой сообщается о подношениях храмам: указаны названия деревень, но имена лиц, имеющих отношение к факту дарения, умалчиваются, и сообщается только их количество. Не входя в дальнейшие подробности этой проблемы, позволим себе сделать предположение, что повсеместное использование санскрита в более отдаленные времена может быть объяснено относительно слабым развитием кхмерской письменности. На сегодня самая древняя надпись на кхмерском языке датируется 611 годом н. э. (она представляет собой список слуг, носящих все, как один, санскритские имена!). Что касается надписей периода правления Джайявармана VII, то распространение санскрита, игравшего в то время такую же роль в Юго-Восточной Азии, как несколько позднее французский язык в Европе, может быть объяснено значительным увеличением территории Страны кхмеров и расширением ее границ.

На кхмерском языке говорила большая часть населения страны, но это совсем не означает, что оно было абсолютно незнакомо с санскритом. Доказательством этому служат случаи, когда представители «закабаленных» категорий кхмеров, рабы или слуги, носили санскритские имена различного происхождения. Например, «*гхо ратхамаджа*», что означает «работник, сотворенный из радости». Иногда встречаются божественные имена «Таи Ганга», то есть «Женщина Ганга» (по имени богини Ганги). Другие означали преданность или поклонение одному из богов «*ва Бханудаса*» или «слуга бога Солнца». Были и имена, связанные с датами: «*ва Катуртхи*», что означает «человек четвертого дня пятнадцатидневки», или «*гхо Вишува*» — «работник равноденствия». Для двух последних имен у Чжоу Дагуаня нашлось свое собственное объяснение: «Поскольку у этих дикарей нет ни личных имен, ни фамилий, многие из них образуют имена от названий дней, в которые они родились». Что касается представителей знати кхмерского общества, начиная с короля и его окружения, не говоря уже о брахманах, то почти все они носили санскритские имена (ниже мы увидим, что иногда эти имена присваивались в качестве почетного титула), что не исключало наличия кхмерских имен у представителей королевской династии. Например, принцесса, дочь Джайявармана II, носила такое же популярное кхмерское имя Панлас, что и ее служанка (*таи*), упоминаемая наряду с принцессой в одной и той же надписи. Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что санскритские имена придавали их обладателям больший вес. Это подтверждается надписью, датированной XI веком: некоему сановнику и ближайшему сподвижнику короля было дано санскритское имя Нарapatiндраварман («тот, для кого броней [видимо, защитой. — Примеч пер.] является король

королей). Другой текст 1003 года представляет нам хороший пример кхмеризации путем сокращения санскритского имени и санскритизации путем удлинения кхмерского имени: один из сановников назван именем Сахадевы в санскритских строках и под именем Сах в кхмерской части надписи. Таким образом, почетное и изысканное имя сочетается с широко распространенным народным именем.

В заключение скажем, что сложившаяся диспропорция в использовании двух языков в кхмерском обществе была вызвана тем, что санскритом владело подавляющее меньшинство, тесно связанное с властью. Этот факт находит отражение в иерархической структуре общества и в повсеместном проникновении санскрита в повседневную жизнь как на уровне ономастики, так и в более длительном временном отношении на уровне словарного состава языка.

♦ Социальная иерархия

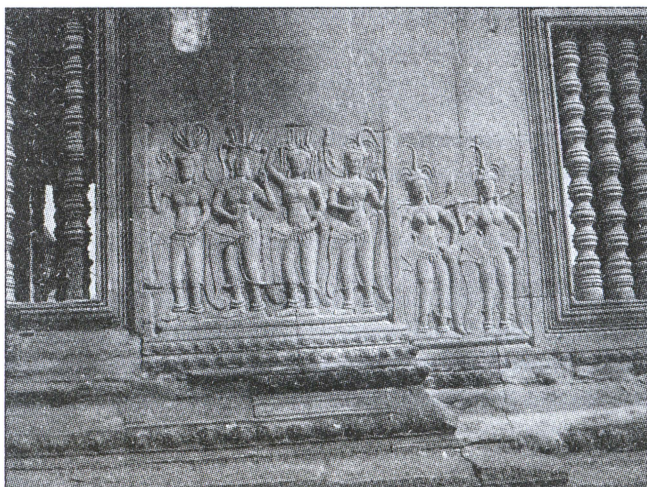
Использование санскрита было одним из свидетельств (но самым характерным) глубокого укоренения индийской культуры на кхмерской почве. Все, что только что было сказано о языковых фактах, может быть вполне применимо ко всей кхмерской цивилизации, которая была насквозь пронизана **индийской культурой**, ставшей тем не менее родной **для незначительного меньшинства населения**. Но даже это меньшинство прониклось чуждой культурой весьма поверхностно, что и подтверждается структурой социальной иерархии кхмерского общества.

Известно, что индийское общество основывалось на двух взаимодополняющих системах: распределении на четыре класса (варны, букв. «цвет»), восходящем к ведическому периоду, и более позднее и сложное деление на бесчисленное количество каст (джати, букв. «рождение»; в середине XX века

их насчитывалось в Индии около 3,5 тыс.), иерархические отношения между которыми регулируются принципом чистоты/осквернения. Как в одном, так и в другом случае системы основаны на вере в переселение душ и принадлежности индивидуума к определенной группе, обусловленное его предыдущими воплощениями и, таким образом, неизбежной в настоящий момент. Как в одном, так и в другом случае на самом верху иерархической лестницы стоят брахманы, а на низших ее ступенях находятся изгои, изгнанные из общества (не входившие в состав каких-либо каст), которые, впрочем, также были иерархически организованы.

Касты в том виде, в каком они существовали в Индии, были совершенно неизвестны в древней Камбодже. Слово «джати» иногда встречается в кхмерских текстах, но означает оно «рождение» (например, «*хинаджати*» — «лицо, низкого рождения», надпись 974 года). Что касается четырех больших социальных классов или варн — брахманы и т.д., —

Женские фигуры. Барельеф в Ангкор Вате

определение которых дается в Дхармашастре, то кхмеры на них иногда ссылаются при попытке дать характеристику своему обществу (и исключительно в текстах на санскрите). Однако эти ссылки носят теоретический или, скорее, риторический характер (как это, впрочем, часто бывало и в самой Индии). Например, утверждают, что будто бы все «четыре класса» имели право на медицинское обслуживание в лечебницах, основанных Джайяварманом VII в 1186. На самом же деле только брахманам отводились четко определенные роль и место на самой вершине социальной иерархии. Что касается кшатриев, вайшью и шудр, то о них вообще никогда не шла речь в кхмерском обществе. Даже более того, — и мы об этом уже говорили, — слово «варна» в кхмерских текстах (и в нескольких текстах на санскрите) обозначает определенные группы людей, которые, за неимением более подходящего термина, мы назовем «корпорациями». Это были в большей степени профессиональные, чем социальные, объединения, даже если иногда принадлежность к корпорации требовала изменения отношения к институту брака всей группы в целом, что в Индии считалось одним из определяющих критериев каст (см. ниже: Корпорации).

В основе иерархии кхмерского общества заложены отнюдь не теоретические критерии ее виртуальной индийской модели. Она обуславливается факторами высокого или низкого рождения, наличием родственных связей (кровных или путем заключения брака) с королем, причастностью/непричастностью к властным структурам (на любом уровне), общественным положением (раб или свободный человек), знанием или незнанием санскрита, материальным уровнем (богатство/бедность) и т.д. Зато **диалектика чистого и нечистого и противопоставление оскверненный — осквернитель полностью отсутствуют**: на барельефах Байона изображены

сидящие за обеденным столом люди, запускающие пальцы в общее блюдо, что говорит о полном отсутствии алиментарных запретов. И, наоборот, у Чжоу Дагуаня есть одна фраза, относящаяся к данной теме и показывающая, насколько, с его точки зрения, неадекватным было поведение шиваитских йогингов, которое он наблюдал в Ангкоре: они никогда не ели прилюдно и ни в коем случае не разделяли с кем-либо свою трапезу. Позже мы увидим, что эти брахманы принадлежали к секте йогингов, появившейся в XIII столетии под влиянием идей, проникших из Индии в этот же период; а сам факт существования подобной секты был беспрецедентным, и ее конец был предreshен еще до ее появления (см. Шиваизм и конец Махаяны, гл. VI). Иерархический статус людей воплощался в жалуемых им титулах, что сопровождалось возведением в более высокий ранг или наделением определенной обязанностью с вытекающими отсюда привилегиями или знаками отличия, а также ролью, отводимой им в эпиграфических текстах (от основателя храма до раба, приписанного к этому храму, занятого обработкой рисового поля), и присвоением санскритского или кхмерского имени.

Как это часто бывает, легче всего поддаются определению и идентификации две крайних точки, расположенных по обоим концам социальной лестницы; все, что находится между ними, выглядит, как правило, довольно расплывчатым. На вершине иерархической лестницы находился, разумеется, король, но особое место отводилось все-таки **брахманам, занимавшим это положение в силу принадлежности к данной группе, а также вследствие заключения матримониальных союзов с членами королевской семьи.** На другом конце социальной лестницы мы видим слуг и «рабов», причем наряду с ними в надписях упоминаются все те, кого основатель храма предназначает для служения богу, к

которому они поступают в полное распоряжение, становясь его рабами, как, например, сельскохозяйственные рабочие, приписанные к рисовым полям, преподнесенным в дар этому богу. Наверху социальной лестницы, рядом с королем, располагаются члены его семьи, достойнейшие из сановников, чиновники высокого ранга (которыми часто были брахманы). Ниже находились свободные люди, о которых нам кое-что известно благодаря их участию в создании религиозных сооружений (в качестве дарителей или руководителей строительства). Именно в их среде формировались слои земледельцев, торговцев и чиновников всех мастей. Что касается последних, то можно предположить, что в их лице происходило относительное слияние социальной и административной иерархических структур. И вполне очевидно, что между иерархическими системами крупных землевладельцев и чиновников высокого ранга тоже было много общего.

♦ Брахманы

Стоя на одну ступеньку ниже короля, почти на самой вершине иерархической лестницы, брахманы были первыми среди великих. При перечислении приближенных короля их называли перед членами королевской семьи, сыновьями короля, министрами и т.д. Их положение по отношению к королю иногда могло быть весьма двусмысленным: будучи духовными наставниками монархов (гуру), они окружались почтением и уважением со стороны своих подопечных. Так, о Дивакарапандите, настоящем «создателе королей», деятельность которого в качестве духовного наставника проходила на протяжении пяти правлений в XI и XII веках, говорили, что он мог дотронуться ногой «до диадемы, украшающей голову» Сурьявармана II, чуть ли не до земли склоняющегося перед своим учителем в

приветствии. Он удостоивался особых знаков отличия (золотой паланкин, веера с золотыми ручками, слоны, лошади...) и почетных титулов: «Счастливая ступня почитаемого Господа бога нашего» или «Пыль на ступнях Господа бога»; второй титул считался равным королевскому (см. ниже о королях). Среди брахманов существовала своя «иерархия»: в своде правил, составленном в 889 году Яшоварманом для ашрамов, говорится, что если придут одновременно несколько брахманов, то при установлении их старшинства будет учитываться сначала их поведение, затем личные качества и, наконец, уровень образования (знание наук). Что касается последнего фактора, то те, кто знает три Веды, займут место перед грамматистами, хотя при одинаковом уровне знаний холостой брахман пройдет первым, а обучающий получит предпочтение перед ученым, даже если он менее сведущ в науках. Часто вскользь упоминалось, что некоторые брахманы обладали уникальными знаниями: это могло касаться как знания Вед, так и других классических текстов (шастр [трактатов], пуран [мифологических произведений], эпопей), а также текстов, относящихся к таким религиозным течениям, как шиваизм, вишнуизм и буддизм. К другим иерархическим критериям относилось индийское происхождение некоторых брахманов, позволявшее им добиваться исключительных почестей, например войти на правах родственника в королевскую семью или занимать высокий государственный пост. Так, в VII веке выходец из Индии Дургашвамин (Деканское плоскогорье), исповедовавший Тайттирию¹, стал зятем Ишана-

¹ Тайттирия-Упанишада, примыкает к Яджурведе, состоит из трех частей или вали: первая (шикша вали) посвящается вопросам фонетики, вторая и третья части (брахмананда вали и бхригу вали) — учению о познании брахмана (*примеч. пер.*).

вармана I, а век спустя Шакрашвамин, брахман родом из Мадхьядеши (Северная Индия), женился на дочери Джайявармана I (713). В конце IX и в начале X столетий Вишнубхатта, выходец из брахманского клана готров, родившийся близ Сришаила (большой шиваистский храм в современном штате Андхра-Прадеш) был придворным жрецом-брахманом у трех последовательно сменявших друг друга королей: Индравармана I, Яшовармана I и Харшавармана I. В начале XIII века придворный жрец Джайявармана VII, принадлежавший к роду Бхарадваджей и родившийся в Индии или Бирме, выдал одну из своих дочерей замуж за короля. Как мы видим из текстов надписей, например, в Сдок Как Том, после заключения брачного союза с членами королевской семьи брахманы часто получали высокие посты. Но в то же время при изучении брахманских родов, всегда основанных на родстве по материнской линии (см. ниже), выясняется, что, как и в Индии, функции брахманов были весьма различны. Так, существовали брахманы-воины, наподобие Рудрачарьи, «*ачарьи*» (= священник? учитель?) короля Раджендравармана, который, если верить надписи 948 года, «возглавил армию, одержал победу над врагами короля королей» и получил титул Нрпатиндраюдха (букв. *армия короля королей*), в имени которого присутствует игра слов, так как «нрпатиндра» является синонимом «раджендры», первой части имени короля.

А в надписи 1069 года указывается жреческий род, состоящий в родственных связях с королевской семьей, к которому принадлежали погонщик слонов и шилпин (ремесленник, художник, а, может быть, архитектор?). В VII веке сыновья одного брахмана, проводившего религиозные церемонии, занимали следующие должности: один был главным конюшенным (*махашивапати*), другой — сначала

уполномоченным по набору солдат в армию (*париграха*), а затем руководителем всех гребцов (*тари-трабхртам патих*). Весьма часто жрецы совмещали выполнение религиозных и административных функций. Это, в частности, относится к духовным наставникам правителей (врах гуру или раджагуру), таким, как тот же Дивакарапандита или Яджнава-раха, который исполнял эту роль при Джайявармане V во второй половине X столетия. Брахманы, исповедовавшие культ Девараджи, имели титул «придворного брахмана» (*кшитиндрадвиджа*) и являлись древними предшественниками «баку», то есть брахманов, состоявших на службе при королевском дворе в XIX и XX веках.

♦ Рабы и слуги

Термин «рабство» в древней Камбодже затрагивает два совершенно разных понятия. Клоду Жаку удалось доказать, что наряду с собственно рабским сословием существовали еще и «божьи рабы», приписанные к храму свободные люди, например, сельскохозяйственные рабочие, которые считали великим благом служить богу (их часто называли «кньомами», что буквально означает «Я»). Эта дифференциация понятий объясняет появление бесконечных списков «рабов», которые включают в себя такое количество народа, что на первый взгляд можно подумать, что древняя Камбоджа была страной, большая часть населения которой попала в рабство к храмовым жрецам, и представляла собой вполне сформировавшееся теократическое государство. Наиболее взвешенной представляется позиция Чжоу Дагуаня: по его мнению, много рабов было у тех, у кого их насчитывалось более сотни, у людей среднего достатка их было от десяти до двадцати, а бедняки вообще обходились без рабов. При этом он вообще не упо-

минает о рабах, приписанных к храмам, и имеет в виду лишь жизнь в столице.

Впрочем, когда читаешь надписи, различие между двумя категориями рабов не так просто установить.

В санскритских текстах термин «*даша*» (женский род «*даши*»), который, как правило, переводится как «рабы», относится к обеими категориями без учета их различий. Что же касается текстов на кхмерском языке, то в них используется обобщенный термин, обозначающий вообще низшие классы, «*ва*» или «*си*» по отношению к мужчинам и «*ку*» или «*таи*» по отношению к женщинам, и в этом случае их также используют, не различая между собой обе категории. Однако слово «кньом» обозначает исключительно «рабов, предназначенных богу». Впрочем, добровольность вступления в ряды этого сословия вызывает сомнения: например, когда королевским указом в VII веке одному из сановников было предписано доставить 400 рабов (кньомов) из числа представителей диких горных племен (врау) и распределить их по храмам, монастырям и другим религиозным заведениям, не очень верится в то, чтобы все эти 400 человек добровольно согласились посвятить свои жизни служению богу. Остается только догадываться, о чем свидетельствует примененное к ним принуждение: то ли об их рабском положении, то ли о беспредельной власти того, кто к нему прибегнул.

Рабы в общепринятом смысле этого слова приобретались путем покупки, наследования, дарения или как военная добыча. С точки зрения Чжоу Дагуаня, покупали и продавали «дикарей». Существует множество надписей, зафиксировавших подобные покупки с указанием уплаченной цены, выраженной в предметах обихода (вазы), одежде, съестных припасах (рис и т.д.), поскольку имен-

но обмен, а не денежные расчеты лежали в основе экономики древней Камбоджи. Уточняется также, что право собственности на приобретенных рабов сохранялось в течение всей их жизни и распространялась на их детей, внуков и т.д. Позже мы увидим, что рабы были одним из «товаров», используемым в обменных операциях (см. Торговля, гл. IV). Что касается военнопленных, то в одной из надписей, датируемой VII веком, говорится о принесении одним военачальником в дар храму 200 чамских пленников. Рабы могли получить свободу, но сведений о том, как происходила процедура освобождения, у нас нет. А что касается беглых рабов, то известно, что им, согласно надписи 960 года, наносили разного рода увечья (отрезали нос или уши) или, по утверждению Чжоу Дагуаня, клеймили каленым железом.

Функции, исполняемые рабами, были весьма разнообразны. Во-первых, они составляли основную рабочую силу, занятую на работе на рисовых полях. **Они бригадами обрабатывали определенный участок земли и могли быть все сразу проданы или переданы в дар вместе с рисовым полем.** Каждая бригада состояла, как правило, из надсмотрщика (*амрах*), рабочих (*си*) или работниц (*таи*), включая подрастающих детей и младенцев, неспособных к самостоятельному передвижению; в этой группе выделялись также наиболее крепкие и выносливые рабочие (*гха*) и пастухи, выбираемые, вероятно, из числа юношей. Небольшая часть рабов приписывалась к храмам. Это были музыканты, певицы и танцовщицы, имеющие несколько иной, только им свойственный статус (а также санскритские имена). В надписи 879 года перечисляются рабы, носящие зонтик за своим господином, плетельщицы гирлянд, растирщицы ароматических веществ, а также представители многих других «профессий». Подобные списки существовали в каждую эпоху.

КОРОЛЬ И ЕГО БЛИЖАЙШИЕ РОДСТВЕННИКИ

◆ Король

Вознесенный на самую вершину иерархической лестницы король восхваляется во многих надписях. **Приравненный по своим достоинствам к героям индийских эпических произведений**, он наделяется всеми возможными добродетелями и качествами, присущими в соответствии с великими индийскими трактатами, человеку его положения. Так, если верить многочисленным надписям, его личность характеризуется качествами, свойственными каждому из пяти братьев Пандавов¹, а «его непреходящая обязанность заключается в том, что он должен постоянно следить за соблюдением правил Дхармы, не давать в обиду представителей любого сословия, в точности соблюдать культовые ритуалы в честь богов и наказывать виновных в соответствии с совершенными ими проступками» (текст надписи IX века). В эпиграфической литературе король описывается как мудрый и всезнающий правитель. Раджендраварману в X веке приписывается высочайший уровень знаний: он якобы постиг «четырнадцать видов наук» (четыре Веды, *веданги* [«части Веды», не относящиеся к божественным откровениям — *шрути*], пураны, Экзегезу, Логике и Дхармашастры). Сурьяварман I представляет собой воплощенное знание, у которого «ногами был Бхашья (самый авторитетный комментатор-грамматист), руками — кавьи (великие поэмы), органами чувств — шесть *даршанов* (философские системы), а головой — Дхармашастры (трактаты по праву)». Джаяварман VII считался равным Па-

¹ Пандавы — главные персонажи индийской эпопеи «Махабхарата» (роды Кауравов и Пандавов) (*примеч. пер.*).

нини (величайшему древнеиндийскому лингвисту), а Яшовармана I восхваляли за то, что он изобрел кхмерский алфавит. И нет ничего удивительного в том, что в сложившейся ситуации королевы и принцы демонстрировали при случае совершенное знание санскрита.

И как всегда в индийской традиции, король был воплощением Индры на земле, то есть богом, что подчеркивалось систематическим прибавлением определения «дева» (бог) к полученному им при короновании имени. Последнее всегда было сложным словом, оканчивающимся на *-варман* (для которого броней [видимо, защитой. — *Примеч. пер.*] является...). Первая часть имени обозначала Шиву (Ишана, Махендра, Раджендра и т.д.) или любого другого бога (Сурья, Индра...), либо такие абстрактные понятия, как «Джайя» («Победа»), «Яша» («Слава»), «Харша» («Радость»). От коронационного имени образовывали названия лингама, который устанавливался в государственном храме того или иного правителя (например, Индраварман установил лингам Индрешвары), а иногда названия столиц и других сооружений, возведенных королем. Так, Яшоварман (коронационное имя Яшовардхана) основал город Яшодхарапуру и построил в нем бассейн-водоем, названный Яшодхарататака (иначе Восточный барай), а также разместил по всей территории своего королевства большое количество ашрамов, называемых Яшодхарашрамы.

После своей смерти король отправлялся в небесные чертоги избранного им бога. Это было апофеозом его земного существования, воплощавшимся в присвоении посмертного имени, которым его, как правило, и называли впоследствии. Так, Джайяварман II («Закованный в броню победы») получил посмертное имя Парамешварарада («[Тот, кто отправился] в чертоги [Шивы] Пара-

мешвары»), Сурьяварман II («Имеющий в качестве брони Солнце») — Парамавишнулока («[Тот, кто отправился] в мир Верховного Вишну»), а Джайяварман VII («Закованный в броню победы») — Махапарамашаугата («[Тот, кто отправился] в чертоги Великого и Верховного Будды»).

Божественный характер короля находит также отражение и в присваиваемых ему кхмерских титулах. Так, ноги правителя, покоящиеся на головах его подданных, в надписях часто сравниваются с ногами бога, которыми он опирается на головы своих почитателей. Именно поэтому часто встречаются такие выражения, как «Святые ступни Всевышнего» (*«врах пада»*) или «Пыль со ступней Всевышнего» (*«дхули джен врах камратанан»*); а о королеве и главной жене Джайявармана VII говорится, что она «возлагает на свою склоненную голову ступни короля». Сложившаяся форма этикета должна была подтверждать и воплощать божественность короля.

♦ Королевская власть

За редкими исключениями монарх приходил к власти путем законного наследования, о чем свидетельствует королевская генеалогия, восходящая к мифическим временам. В ее основании лежат два династических рода, которые в соответствии с традиционной индийской схемой называются «лунным» и «солнечным». В главе, посвященной Фунаню, идет речь о лунной династии, образованной четой брахмана Кауньдины и наги Сомы. Что касается второго рода, то начало ему было положено четой, основанной мудрецом, жившим в глубокой древности, по имени Камбу (эпоним Камбуджи, то есть рожденные Камбу, камбоджийцы) и *апсарой* (божественной танцовщицей) Мерой. Впоследствии королевские династии принадлежали к этим двум родам, причем доминировал лун-

ный, а наследование шло по материнской линии. В 802 впервые произошло нарушение династической преемственности, признанное законным после проведения необходимых обрядов. Впоследствии дворцовые перевороты случались неоднократно, но они воспринимались и оценивались кхмерским обществом неоднозначно. Так, захват власти Джайяварманом IV (921), приведший к тому, что он ненадолго обосновался в Кох Кере, часто рассматривается в последующих текстах как малозначительное событие, хотя «узурпатор» был женат на сестре Яшовармана I. И, наоборот, приход к власти в конце IX века Джайявармана VI, основателя новой династии, которая будет контролировать страну вплоть до XIV столетия, оценивается вполне положительно. Будучи выходцами из города Махидхарапура, представители этой династии на протяжении первых трех правлений не имели никаких родственных связей с традиционными королевскими родами. Слияние родов произошло в период четвертого правления, когда к власти пришел Дхараниндраварман II, женившийся на наследнице по прямой линии Сурьявармана I и породнившийся, таким образом, с двумя мифическими династиями одновременно. Родившийся от этого союза Джайяварман VII вполне мог похвастаться своим происхождением, восходящим к легендарным истокам королевства.

Приход к власти иногда сопровождался вооруженными столкновениями. Так, Сурьяварману I пришлось «в битве отвоевывать свое право на королевство в окружении толпы претендентов», а веком позже Сурьяварман II «завладел престолом, объединив два королевства в одно», и бесцеремонно отстранил от власти своего предшественника Дхараниндравармана I, которому он приходился внучатым племянником.

В результате коронации король обретал статус «повелителя мира» (чакравартина), и это обуславливало законность нахождения его у власти. Церемония коронации была весьма сложной и проходила в несколько этапов, которые перечисляются в одной надписи XII века. Ее непременным участником был «святой духовный наставник» (Врах гуру) короля, роль которого не всегда ограничивалась только проведением ритуалов. **Политический советник монарха, Врах гуру, в момент коронации являлся гарантом ее законности**, что возводило его в ранг настоящего «создателя королей», особенно если законность прихода к власти вызывала сомнения. Мы уже говорили об одном из самых знаменитых из этих советников, о Дивакарапандите: в конце XI столетия он возглавлял коронацию основателя династии Махидхарапуров (после того как занимал важные государственные посты при двух королях предыдущей династии), а впоследствии — коронации двух его преемников (одним из которых был Сурьяварман II, см. выше). Если захват власти вызывал негодование народа, в церемонии принимали участие и министры (*мантрины*). В течение своего правления король был центральной фигурой при проведении важнейших ритуалов, некоторые из которых могут сравниться с церемонией коронации. Одновременно с этим он непосредственно участвовал в торжественных ритуалах Девараджи, в честь которого возводился государственный храм, получавший имя монарха.

Если отбросить витиеватость, присущую панегирикам, то можно сказать, что **король являлся организатором и защитником кхмерского королевства**: он не только наделял титулами, должностями и чинами своих подданных, но и возглавлял процесс создания и укрепления варн (см. ниже: Корпорации). На короля возлагались обязанности по

охране здоровья его подданных, для чего строились лечебницы, и, вероятно, по созданию комфортных по тем временам условий для путешественников, ради которых по всей территории королевства возводились постоянные дворы и аналогичные им заведения, а также ашрамы, игравшие важную образовательную роль. Верховный судья, король вершил правосудие, а потому уподоблялся богу Яме, то есть «Царю закона» (*дхармарадже*), и, следовательно, осуществлял свои функции и после смерти. И, разумеется, он был верховным главнокомандующим. Кроме того, он неусыпно следил за правильностью осуществления ритуалов в честь богов. При этом он был далеко не самым крупным жертвователем в государстве: отвечая лично или по доверенности за большое количество фондов, создаваемых для строительства религиозных и светских сооружений, и дарений, предназначенных для уже существующих святынь, он также принимал непосредственное участие в делах буддистских общин, как, например, Джайяварман V. Короли организовывали проведение ритуалов (Сурьяварман I) или занимались, как Раджендраварман, толкованием текстов Вед.

Согласно своему статусу король был обязан стоять на страже закона (дхармы), что парадоксальным образом ограничивало его законодательную власть, поскольку, как утверждает Р. Ленга, не могло быть и речи о том, чтобы он «попытался изменить своим законом правила, провозглашенные Мудрецами». И поэтому, по мнению С. Сахаи (после А. Барта и Р. Ленга), королевские указы, запечатленные в надписях, относятся к области регламентирования и никак не связаны с законотворчеством. Редкие тексты, которые с натяжкой можно отнести к законодательной сфере, являются, по сути, сводами правил, подобных тем, что составил Яшоварман для ашрамов, и как бы торжественно они ни звуча-

ли, они всего лишь упорядочивали деятельность этих заведений.

В некоторых текстах явно прослеживается двойственная природа роли короля. В надписях храмов Прах Кхан и Та Прохм сообщается, что Джайяварман VII приказал ежегодно изымать из сокровищниц королевской казны часть средств, направляемых на обслуживание храма. Но в то же время он был одним из многих верующих, который в частном порядке осуществлял пожертвования и даровал храмам деревни в дополнение к выделяемым средствам. **Обладающий божественной сущностью повелитель мира, с одной стороны, он одновременно был обычным верующим, чье участие в прославлении бога (а, следовательно, и монарха) осуществлялось и за его счет.**

◆ Королевы

Когда Чжоу Дагуань прибыл в Ангкор, у короля было «пять жен, одна в главных апартаментах, а остальные четыре — в апартаментах, расположенных по четырем основным сторонам света». К ним добавлялись «сожительницы и дворцовые девушки», числом от трех до пяти тысяч; они в свою очередь разделялись на отдельные категории. Нам доподлинно неизвестно, было ли регламентировано количество жен и их распределение по категориям, но вполне очевидно, что у короля была не одна супруга, и особое место занимала «главная жена». Самое замечательное свидетельство этому мы видим в надписи, начертанной на стеле Пимеанакаса, в которой мы читаем хвалебные слова в адрес Джайяраджадеви, главной жены Джайявармана VII, которая была сделана по инициативе Индрадеви, занявшей ее место после смерти. Если верить надписям, именно король «короновал» главную королеву (*аградеви*). Напомним, что

скульптурные портреты Джайяраджадеви в облике буддистской богини Праджнапарамиты были широко распространены наряду со статуями самого короля. Другой красноречивый пример связан с королевой Виджайяендралакшми, которую считали равной богине Лакшми, и на чью долю выпала обязанность поочередно быть супругой принца-наследника (ювараджи, см. ниже) и младшего брата Джайявармана VI, затем самого Джайявармана VI и, наконец, Дхараниндравармана I.

Супруги короля выбирались, как правило, из семей сановников высокого ранга и **играли большую роль в процессе передачи власти**, поскольку наследование часто шло по материнской линии.

По словам Чжоу Дагуаня, сановники, добивавшиеся важных постов, часто предлагали своих дочерей в сожительницы королям. Например, в середине X столетия фаворит Раджендравармана предложил королю в качестве жены и королевы свою племянницу Прану. Впоследствии, после смерти короля, его вдове, «выделявшейся своими талантами, поведением и происхождением», была доверена роль начальницы королевских писцов. В начале XI века главной женой короля (аградеви) была младшая сестра одного из офицеров (*санджак*) Сурьявармана I. И, наконец, как мы уже говорили, один брахман, прибывший из-за границы и ставший гуру (пурохитой) Джайявармана VII, отдал ему в жены свою дочь.

Если королевы обнаруживали высокие достоинства и личные способности, им иногда доверяли исполнение важных обязанностей при дворе. Но лишь одной из них удалось стать полноправной правительницей: речь идет о дочери Джайявармана I, Джайядеви, которая правила в 713 году. Она первой из королев стала именоваться как «Пыль со ступней Всевышнего» (см. выше: Король).

♦ Принцы

О молодых королях (ювараджах), то есть наследных принцах, редко упоминается в древних текстах. Согласно надписи, датированной 1306 годом, в которой говорится о событии, имевшем место в середине XIII века, был коронован сын или брат правящего короля. Впрочем, коронация могла производиться с целью присвоения почетного титула, не имевшего отношения к последующему восшествию на престол, а его обладатель не всегда состоял в родственных связях с правителем. Так, в чамской надписи, обнаруженной в Ми-сон, говорится, что около 1182 года Джайяварман VII наделил молодого чамского принца, которому он оказывал покровительство, титулом ювараджи со всеми вытекающими отсюда последствиями и льготами, включая возможность пользоваться всеми доступными в Камбодже благами.

Сыновья короля (*раджапутры*, *раджакумары*) размещались в королевской иерархии сразу же после монарха, если их не опережал брахман (см. выше об ашрамах). Иногда они занимали важные государственные посты: так, Джайяварман VII, будучи принцем, возглавил военный поход против Чампы, а подвиги одного из его сыновей прославлялись в надписях и послужили темами для изображений на барельефах Байона и Бантеай Чмар. Иногда принцы принимали непосредственное участие в строительстве религиозных и общественных сооружений как, например, сын Джайявармана II.

Наконец, нет ничего удивительного в том, что оба сына Джайявармана VII стали авторами пространных поэм на санскрите, начертанных в Та Прохм и Прах Кхан: постижение санскритской культуры, которую будущий монарх был обязан знать в

совершенстве, начиналось с образования, которое он получал будучи принцем.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ

В надписях упоминаются многочисленные лица, которые участвовали в разном качестве и на разных уровнях в управлении государством. И если в большинстве случаев они фигурируют в текстах с указанием их должностей и соответствующих им титулов, то иногда о них говорится как о дарителях и жертвователях на строительство религиозных сооружений, что косвенно свидетельствует о том, что их принадлежность к властным структурам сочеталась с их экономическим влиянием на жизнь государства. Не всегда просто определить их функции и специфику занимаемых ими должностей, а также административные должности, ранги и почетные титулы, которые присваивались некоторым сановникам или чиновникам. В эпиграфике иерархия чиновников, определявшаяся знаками отличия, представлена весьма туманно. Относительно ясную картину этой структуры оставил Чжоу Дагуань.

Но в любом случае можно смело говорить о **существовании двуязычной номенклатуры**, которая эволюционировала на протяжении веков. **Некоторые должности и обязанности передавались по наследству**: например, в надписи XI столетия говорится об одной семье, на которую были возложены функции наблюдения за сохранностью королевских архивов, начиная с VI (?) века. Влиятельные кланы «специализировались» в самых разных сферах государственной деятельности: в надписи VII века говорится об одной семье брахманов, выходцы которой были не только жрецами (хотарами), состоящими на службе у короля, но и управляли провинциями и являлись крупными военачальниками,

предварительно совершив сложное восхождение по карьерной лестнице. Наряду с этим в некоторых секторах экономики существовали **организованные по социально-профессиональному принципу объединения** (варны), обладавшие монополией на тот или иной вид деятельности, передаваемой по наследству (см. ниже: Корпорации).

Нередко упоминается о делении на четыре категории некоторых должностей и чиновников: например, в надписи по поводу аудиенции у короля главные хранители королевской казны представлены 1-й, 2-й, 3-й и 4-й категориями (1006). То же относится и к сановникам самого высокого ранга, «Врах гуру» (во множественном числе), поскольку существовали Врах гуру не только первой, но и второй категории. Подобным делением охватываются многие государственные служащие: председатели судов, военачальники, архитекторы или управляющие, *бхуташы* с их еще менее ясными служебными обязанностями и рангами. Такая четырехступенчатая классификация способствовала повышению в ранге в той или иной сфере деятельности. Однако когда упоминается о четырех категориях (как в вышеприведенных примерах, так и во многих других), не возникает впечатления, что речь идет о какой-либо иерархии. В связи с этим были высказаны некоторые предположения. Одно из них предусматривает, что такая организация соотносилась с четырьмя апанажами (уделами, в каждом из которых был свой двор), что было свойственно Камбодже постангкорского периода (король, ювараджа, упаювараджа и главная королева или королева-мать). Однако нашлось немало аргументов, опровергающих эту гипотезу, главный из которых заключался в том, что правитель обращался не только к чиновникам первого уровня, единственными, обладающими апанажами, но и отдавал приказы другим функцио-

нерам независимо от их принадлежности к каждой из четырех групп (И. Бонжер). Высказывалось даже предположение, что служебная иерархия выстраивалась символически, в соответствии с пространственной ориентацией, о чем свидетельствует ритуал произнесения клятвы чиновниками в правление Сурьявармана I (см. ниже: Административный аппарат). Такая структура аналогична той, о которой говорил Чжоу Дагуань в главе, посвященной супругам короля (см. выше: Королевы).

♦ Сановники

Ближе всех к вершине иерархической лестницы стояли высшие сановники, входившие в ближайшее окружение короля, которому они часто доводились родственниками. Следует отметить, что **одни и те же титулы могли иметь лица, обладавшие в обществе самым разным весом.** Это относится к титулам Врах гуру («святой духовный наставник») и мантрин («министр», «советник»), которые могли носить как выдающиеся государственные деятели, прославившиеся благодаря своим великим деяниям, так и сановники, не совершившие ничего выдающегося. К высшим сановникам следует отнести и всех чиновников, возглавлявших судебную систему, и военачальников, о которых мы поговорим в дальнейшем.

Врах гуру являлся духовным наставником и учителем короля. О важности его роли говорят частые упоминания о нем в надписях. Среди самых известных и почитаемых лиц, носивших этот титул, следует упомянуть Шивакайвалью, гуру Джайявармана II, Шивасому, состоявшего при особе Индравармана, Яджनावараху (Джайяварман V), Дивакарапандиту (начал в правление Джайявармана VI и закончил при Сурьявармане II), а также Джайямангалартхадеву (Джайяварман VII). Последнему, как и Дивакара-

пандите, его благодарный ученик присвоил «королевский» титул, а также посвятил храм Та Прохм, а многим членам его семьи воздавались исключительные почести. В соответствии с титулом «раджагуру», который иногда присваивался **Врах гуру**, он возглавлял ритуал коронации и, продолжая играть первостепенную роль в государстве, **оставался в течение многих лет рядом с королем, занимаясь воспитанием и образованием принца-наследника**, которое отнюдь не ограничивалось религиозной сферой. В исключительных случаях он поступал на службу к королю только после коронации (так произошло с Дивакарапандитой в правление Джайявармана VI). Избираемый из брахманов высокого ранга, связанный родственными связями с индийскими родами и/или королевской семьей, Врах гуру исполнял роль советника короля, духовным наставником (пурохи-той) которого он был. В этом качестве он руководил королевскими ритуалами (например, принесением искупительной жертвы, вызывающей дождь). Кроме того, ему приходилось выступать в качестве посредника или лично участвовать в строительстве светских или религиозных сооружений, и часто именно ему направлялись королевские указы относительно их строительства или дальнейшей эксплуатации, строгое исполнение которых он неукоснительно контролировал. Сфера его деятельности была весьма широка, поскольку, помимо всего прочего, он выступал посредником при строительстве частных сооружений и решал споры, связанные с размежеванием земельных наделов.

Существовало, однако, несколько Врах гуру одновременно, и, как нетрудно догадаться, все они относились к четырем различным категориям (см. выше). Эта особенность объясняет тот факт, что сановники, носившие этот титул, могли занимать относительно подчиненное положение, а иногда

стояли во главе провинций. Так, некоему Врах гуру, возглавлявшему судебное производство в регионе Бхогапура в 1025 году, направлялись инструкции от председателя суда третьего ранга. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что этому титулу соответствовали обязанности, важность которых зависела от значимости положения в государстве носящего его лица. Эти обязанности определялись почетными титулами, которые присваивались королем: встречаются, например, «создатели королей», наделенные практически королевскими титулами.

Титул **мантрин** (от которого происходит слово «мандарин») переводится обычно как «советник» или «министр». Им обозначаются лица, входящие в ближайшее окружение короля, которые в иерархии конца IX столетия шли сразу вслед за ним самим,

Врах гуру, его сыновьями и перед командующими армиями (*сенапати*). На главного из них **возлагалась ответственность за руководство всем государственным аппаратом**, хотя относительно исполняемых им обязанностей сложно его выделить среди остальных советников. В этом случае возникает вопрос о том, что собой представляли в целом главы «кабинета министров». В 1007 году при перечислении целой когорты сановников первыми были упомянуты гуру короля (раджагуру), жрецы, осуществляющие жертвоприношения, за которыми следовали председатели судов (*сабхадхиры*) и брахманы, но не упоминались мантрины. Ситуация проясняется, когда в надписях, датируемых второй половиной X и начала XI веков, часто упоминается «великий министр и член королевской семьи» (*раджакуламахамантрин*), почти равный по своему рангу Врах гуру. Его имя часто оказывается рядом с именем этого высокопоставленного сановника, перед ним или сразу после него, хотя чем объясняется выбор той или иной позиции, неясно. Нередко

этому лицу направлялись для исполнения королевские указы относительно споров о собственности храмов, и, видимо, в его руках была сосредоточена судебная власть. Лишь однажды упоминается о разделении его функций: в надписи 1000 года говорится о *раджакуле* и махамантрине.

Как и Врах гуру, министры были, как правило, образованными людьми, хорошо знавшими санскрит. В VI веке двое из них служили при дворе Бхававармана I, а затем Махендравармана и слыли знатоками индийских трактатов по праву (*дхармашастра*) и управлению государством (*артхашастра*). В начале X века один из министров (не исключено, что он был единственным) Яшовармана I объявил себя сведущим в астрологии, а несколько позже другой, служивший при дворе Джайявармана V, был настолько образованным человеком, что знал «все трактаты». Часто они были выходцами из родов, состоявших в близких или родственных связях с королевской семьей: многие становились чиновниками самого высокого ранга, хотя получение титула мантрина означало, как правило, конечный пункт карьеры. Так произошло с неким Кавишварапандитом, вишнуитом, входившим в секту Панчаратра, который был поочередно гуру в четырех монастырях монахов-отшельников, затем гуру короля и, наконец, стал королевским министром. О высоком уровне общественного положения, которого могли достичь мантрины, свидетельствует тот факт, что при Джайявармане VII один из них после смерти был канонизирован, а его скульптурное изображение было установлено в часовне храма Бантеай Чмар.

Функции, исполняемые мантринами, были весьма разнообразны. Однажды, как говорится в тексте XI столетия, они принимали участие в коронации Удаядитьявармана, провозгласив последнего «пра-

вителем мира». И хотя один из них в VI веке в период правления Бхававармана I был всего лишь послом в Чампе, в основном они исполняли роли управленцев, несших ответственность за исполнение королевских указов (наряду с Врах гуру). Кроме того, они участвовали в судебных разбирательствах в рамках «Священного суда» (*врах сабха*, см. далее). Когда же им доводилось руководить центральной администрацией, круг их обязанностей был очерчен гораздо четче. Так, например, один мантрин был назначен 3-м хранителем королевской казны и одновременно контролировал столичные административные органы. При Джайявармане VII «министр столицы» отвечал за лечебницы.

♦ Административный аппарат

В 1011 году часть «чиновников» присягнула королю Сурьяварману I. Текст присяги и список давших ее лиц воспроизведены на дверях входных павильонов Королевского дворца в Ангкоре. В клятве говорилось о верности королю со стороны «доверенных лиц» (Ж. Кёдес), готовых сражаться не на жизнь, а на смерть за дело их повелителя, от которого они ждали «указаний, касающихся содержания религиозных сооружений в [их] стране и материального обеспечения [их] семей». Другими словами, чтобы король контролировал соблюдение ими религиозного долга и семейных обязанностей. Чиновники, присягнувшие королю, были «инспекторами» (*тамрвач*) четырех категорий. В поименных списках они называются *мратанами* или *мратан кхлонами* (об этих должностях см. ниже), каждое имя сопровождалось указанием местности (*шрук*), откуда прибыл данный сановник.

Титул тамрвач часто сопровождался дополнительными характеристиками, что говорит о том, что лица, носившие его, исполняли важные функ-

ции либо в масштабах всего государства, либо на местном уровне (см. далее). Распределение по четырем категориям соответствовало четырем основным сторонам света. Ж. Кёдес отметил, что списки лиц каждой из четырех категорий были высечены таким образом, что каждая соответствовала одной из сторон света. Это наводит на мысль о существовании пространственного распределения по всей территории королевства. Хотя существует предположение, что деление на категории может иметь отношение к доменам. Но в любом случае эти «инспекторы» представляли собой определенную категорию чиновников. Неизвестно только, проводился ли ритуал принесения присяги только Сурьяварману I или он повторялся при каждом новом правителе? Любопытно, что тот же Сурьяварман I заставил несколько групп верующих, на которых обратились с жалобой служители храма, поклясться в верности богу храма Преах Вихар.

Чжоу Дагуань сообщает, что в провинциях были свои мандарины, и каждая деревня, даже совсем крохотная, имела своего мандарина (которому он присваивает титул, являющийся, по всей вероятности, транскрипцией кхмерского слова, означающего «глава деревни»). Этой теме он посвящает целую главу своих записок, где **в общих чертах описывает иерархию чиновников**. Он выделяет наличие главного чиновничьего корпуса, вписанного в стройную иерархическую структуру. Подчеркнув, что **самые высокие должности предназначались принцам** (или тем, кто отдавал королю в сожителиницы своих дочерей), он описывает в деталях знаки отличия, означавшие служебное положение их владельцев. Дав примерное транскрипцию двух или трех кхмерских титулов, уже известных из других источников, он выделяет **пять иерархических категорий служащих**: трем первым категориям

полагались паланкины с золотыми носилками и, в зависимости от категории, четыре, два или один зонт с золотой рукояткой, тогда как для четвертой категории предусматривался лишь зонт с золотой рукояткой, а пятой — с серебряной. Такие же знаки отличий упоминаются во многих надписях: в них говорится о командующем армией, которого носили «в золотом паланкине», о сановниках, «имеющих право на зонт с золотой рукояткой» или о «санджаках, кандидатах на зонт с золотой рукояткой». Последнее упоминание, а также несколько других приводят к заключению о существовании некой таблицы или схемы продвижения по службе чиновников королевства.

В надписях на кхмерском языке присутствует много терминов, обозначающих должности и ранги, порядок присвоения которых не совсем ясен. Хотя тексты, написанные по случаю повышения по службе, дают возможность несколько упорядочить эту туманную сферу, которая с течением времени претерпевала существенные изменения. Так, титул «*пон*», которым обозначались до начала VIII столетия наиболее влиятельные лица в стране, постепенно вышел из употребления, хотя звание *мратан*, также появившееся в столь же ранние времена, существовало в течение всего ангорского периода и менялось путем прибавления дополнительных определений. Таким образом, в надписях, кроме мратанов, встречаются мратан кхлоны (см. выше: Принесение присяги), одному из которых отдал приказ мратан *курун*, стоявший выше его на иерархической лестнице. Самые высокие титулы могли носить и высокопоставленные сановники, и короли, и боги: в одной и той же надписи титул «*врах камратен ан*» был пожалован богу Шиве и Дивакарабхатте, брахману, прибывшему из Индии (носившему титул «мратан кхлон»!).

Служащие занимали различные должности: одни из них подвизались в области **центрального управления**, другие работали в сфере **местного управления**. Различие между ними не всегда легко установить, поскольку, когда читаешь их полный перечень, создается впечатление о некотором распылении сфер административной деятельности, поскольку некоторые функции дублировались. Например, **один из чиновников выполнял свои обязанности в светлую пятнадцатидневку месяца, а другой — в темную** (см. Ритм времени, гл. V), а иногда одни и те же обязанности исполняли четыре чиновника (см. выше). Остается добавить, что происхождение названий некоторых должностей, например, бхуташей, не совсем ясно. Это не кхмерское слово, но оно не имеет никакого отношения и к индийской традиции. В одной довольно поздней надписи начала XIV века идет речь о «четырех бхуташих», что наводит на мысль о том, что чиновники, носившие этот титул, входили в число сановников из ближайшего окружения короля (см. выше). Наше предположение подтверждается упоминанием в том же тексте о выдвижении на новую должность бывшего бхуташи первого ранга, который, кстати говоря, был «королевским пандитом»¹ и потомком знаменитого Яджнаварахи, Врах гуру Джайявармана V. Но в другой надписи идет речь о «главе бхуташей, занимающемся делами о наследуемом имуществе», видимо, на местном уровне, и в таком случае бхуташи — это обычные служащие (см. также ниже).

Большое место в надписях отводится **инспекторам** (см. выше), которые были представителями центральной власти в местных администрациях. Наряду с инспекторами по достоинствам и порокам

¹ Пандит — почетное звание ученого брахмана в Индии (примеч. пер.).

или *гунадошадаршинами*, которые были служителями высокого ранга и о которых мы поговорим в разделе, посвященном юридическим кадрам, существовали и чиновники более скромного уровня, например, инспекторы, «руководящие всеми рабочими» в ашраме или рабочими, занятыми на общественных работах (с указанием «графика работы» для каждой пятнадцатидневки). Кроме того, были чиновники, находящиеся на «королевской службе» и подчинявшиеся главам округов. Существовали инспекторы «дверей», «королевского ложа», «имущества людей, отошедших в иной мир», «святых часовен» (в ашрамах), «армейской казны», «подношений и даров» (преподнесенных богу или королю), «судебных исполнителей», разбитые на многочисленные категории, перечисление которых свидетельствует о многообразии сфер их деятельности.

Также хорошо представлена и другая, не менее важная и многочисленная категория чиновников, в которую входили **«главы или руководители» (кхлоны)**. Больше всего их встречается в налоговой администрации, но было немало руководителей и в других сферах и на разных уровнях. Мы уже говорили о «главах бхуташей» («служащих», см. выше), но в надписях упоминаются и «руководители судебных исполнителей», «начальники поимщиков слонов», «руководители сферы образования», «главные конюшенные», «руководители службы одеяний и украшений». В администрациях на местах также были свои руководители, «главы округов» (*вишайдхипати* или *кхлон вишай*), которые настолько полно воплощали административный механизм, что лишение их контроля над каким-либо учреждением означало для последнего гарантию автономии и освобождение от уплаты налогов. На следующем за главами округов уровне находились руководители групп деревень, насчитывающих сто или десять единиц, и

руководители деревень (*кхлон шфук*), соответствующие, по всей вероятности, «деревенским мандаринам» Чжоу Дагуаня, которые разделяли власть со «старейшинами» (*гфамаврddхи*). И, наконец, этим термином обозначались светские лица, несшие ответственность за деятельность храмов (*кхлон внам*, букв. «глава горы»).

Наряду с этими категориями чиновников существовал многочисленный подчиненный им персонал: уполномоченные, контролировавшие исполнение тех или иных работ, и простые служащие, из которых формировался административный корпус. Среди них мы встречаем руководителей самого низкого уровня, например, бригадиров групп рабочих, обслуживавших ту или иную сферу экономики или некоторых бхуташей.

◆ Хранители королевской казны

Хотя мы и не располагаем достаточными сведениями относительно того, как в стране функционировала **налоговая система**, то есть как определялась основа исчисления налогов, каковы были способы их взимания и т.д., нам доподлинно известны титулы служащих всех рангов, которые занимались этой работой. **Во главе стояли высокопоставленные чиновники, занимавшие одно из самых высоких положений в государстве**, а именно «главные казначеи», дословно — «главные хранители королевских складов» (*кхлон глан*). Титул полностью отражал реальное положение вещей, поскольку ввиду отсутствия денежного обращения налоги уплачивались натурой или товарами (см. Торговля, гл. IV). Эти чиновники тоже делились на четыре категории, а некоторые из них одновременно являлись министрами. На местном уровне служба сбора налогов находилась в ведении глав округов, от которых зависело составление кадастра; им подчинялись

«хранители списков земель и имущества». Однако на одном с ними уровне располагались и многие другие «начальники», каждый из которых отвечал за отдельную сферу сбора налогов. Роль этих важных лиц проясняется, когда земельные наделы, имения или деревни, принадлежавшие храмам, изымались из-под их юрисдикции, и, таким образом, главы округов, равно как и «начальники», отвечающие за сбор налогов с риса, масла или врихи (зерновая культура) не имели права требовать от них и обслуживавшего их персонала платить налоги в королевскую казну. Среди чиновников такого рода упоминаются «управляющие доходами (?)» (*кхлон кфало*), которые были всего лишь обычными сборщиками налогов. Области, где производили воск и мед, подчинялись только «главе по сбору воска», но никак не главам округов или начальникам по сбору врихи, растительного масла или клещевины, поскольку эти регионы специализировались на поставках «только меда и воска» (см. ниже). И, наконец, к лицам, входящим в налоговую администрацию, следует причислить руководителей, отвечавших за общественные работы, которые имели право «призывать на королевскую службу». Как правило, это были чиновники местной администрации. Впрочем, в одной надписи 1002 года говорится об одном *кхлон вале*, занимающем одновременно должность главы округа.

◆ Корпорации (варны)

Мы уже видели, что варны, о которых неоднократно упоминается в надписях X–XII веков, не принадлежали ни к одному из четырех основных сословий, которые в индийской традиции обозначаются этим термином. Камбоджийские варны — это **наследственные профессиональные группы, объединенные, как правило, по религиозному принципу**. За неимением более подходящего слова будем называть

эти объединения «**корпорациями**». В надписях сообщается о многих корпорациях, например, о корпорации танцовщиц, одной из представительниц которой было поручено контролировать всех женщин дворца; о корпорации (службе), занимающейся уходом за священными быками; о корпорациях священных одежд и садов или о корпорации слуг некоей церемонии, называемой *Котихомой*, а также о других подобных организациях, круг обязанностей которых определить невозможно.

Надпись, датируемая эпохой правления Джайявармана V (конец X века), в честь создания двух новых корпораций, содержит некоторые интересные для нас подробности. Каждая из этих корпораций состояла из двадцати человек; представители первой проводили одну из религиозных церемоний в предназначенном для этих целей культовом помещении; члены второй отвечали за осуществление погребальных ритуалов. Инициатива основания варн исходила от короля, поручившего своему Врах гуру подобрать нужных людей среди членов других корпораций (таких было семь). Члены вновь созданных корпораций пользовались некоторыми передаваемыми по наследству профессиональными привилегиями и льготами (денежными и др.), а также имели определенный социально-религиозный ранг, что определяло условия заключения матримониальных союзов: девушки из этих семей могли выйти замуж только за мужчин из добропорядочных родов, исповедующих шиваизм. И наконец, последнее замечание: создание варн должно было быть зафиксировано в надписях на золотых и серебряных пластинах и на каменных столбах, что подтверждает их постоянный и наследственный характер. Последней особенностью придается особенно большое значение. В некоторых текстах говорится о существовании корпораций в провинциях. В одном из них говорится о корпора-

ции золотых дел мастеров, куда в 1005 году вступили несколько жителей одного города, а в другом, датированном 1136 годом, — о корпорации, на которую была возложена организация погребальных церемоний в Шрештхапуре, городе неподалеку от Ват Пху, где и была обнаружена эта надпись. **Создается впечатление, что все эти корпорации, какова бы ни была их природа, могли вписываться в целостную организационную структуру кхмерской администрации и выполнять некоторые государственные функции.** И действительно, в одной из надписей говорится о знаменитом Дивакарапандите, советнике нескольких королей (см. выше), который был членом «варны *Кармантафа* (погребальные услуги) третьей категории».

ПРАВО И ПРАВОСУДИЕ

Большую часть содержания надписей составляют многочисленные тяжбы и судебные процессы, в основном связанные с вопросами собственности на землю. Эта информация, дополненная сведениями Чжоу Дагуаня, дает достаточно ясное представление об организации судопроизводства в древней Камбодже, несмотря на несколько одностороннее освещение некоторых тем. Кхмерские юристы опирались в целом на индийскую правовую традицию и нормативные тексты, откуда они заимствовали все судебные термины и большую часть классификаций (хотя и несколько упростив их). Даже когда надписи составлялись на кхмерском языке, в них использовалась в основном санскритская юридическая лексика.

♦ Правовые принципы

Согласно Р. Ленга, в древней Камбодже основной обязанностью короля было наказание наруши-

телей правовых норм и обычаев (на которых основывались законы). По словам Чжоу Дагуаня, **все спорные вопросы, даже самые незначительные, разрешал исключительно король**. Это замечание китайского наблюдателя свидетельствует о том, что в кхмерском праве не существовало различия между гражданским и уголовным судопроизводством, что и приводило к непосредственному участию короля в любом процессе, шла ли речь о серьезном нарушении общественного порядка или о незначительных спорах между частными лицами. Но каков бы ни был характер правонарушения или спорного вопроса, **король выносил решения, аджны, в форме королевских указов (*шасанов*), которые гравировались на камне, если их нужно было довести до сведения всего народа: они назывались *фрашасты***. Самым тяжким преступлением считалось неподчинение королевским приказам, и большая часть судебных процессов, представленных в эпиграфике, так или иначе связана с такого рода правонарушениями.

В надписи XI столетия, составленной в собственной кхмерам манере риторической напыщенности, воспроизводится традиционная индийская классификация и приводится деление всех преступников (включая и тех, кто может причинить ущерб религиозному сооружению) в зависимости от тяжести совершенного ими преступления на мелких, средних и опасных. В надписях неоднократно встречаются явные намеки на индийскую классификацию судебных процессов, включающую восемнадцать категорий, которым соответствуют столько же пунктов обвинения. Разбирательство актов «грабежа» (*шахаса*), подпадающих под одну из этих категорий, споров относительно земельной собственности или нарушений членами корпорации устава их органи-

зации, утвержденного королем, производилось в несколько этапов.

♦ Меры наказаний

Верховным судьей, равным Дхармарадже, то есть богу Яме, судье мертвых, являлся король, который, согласно панегирику Раджендраварману, был «справедлив и милостив к своим подданным, преподавая тем самым урок милосердия отличавшемуся жестокостью Дхармарадже». В ходе судебного разбирательства король был способен «разоблачить любое ложное обвинение невиновного». Здесь же утверждалось, что наказания заслуживали только виновные лица, причем при его вынесении следовало учитывать, в соответствии с классическим индийским принципом правосудия, место и время совершения преступления. Отметим также, что **существовали убежища, где можно было укрыться от преследований**. Так, в своде правил, составленных для ашрамов, построенных Яшоварманом I в Лолеи и на берегах Восточного барая, уточняется, что преследования прекращались в отношении любого, кто переступал порог этого заведения. Аналогичное условие мы встречаем в своде правил для лечебниц периода правления Джайявармана VII в конце XII века.

В дополнение к этим важным принципам Чжоу Дагуань составил описание мер наказания, которые весьма отличаются от того, что говорят нам надписи. По его мнению (в основе которого всегда лежит подспудное желание все сравнивать с Китаем), в Камбодже не было наказания палками (любой степени тяжести); здесь приговаривали только к штрафам; отсутствовали также такие меры наказания, как удушение или обезглавливание; но зато преступников закапывали живыми в землю или причиняли им членовредительство (отрубали пальцы на руках

и ногах, нос и т.д.). Что касается последнего утверждения, то Чжоу Дагуань уточняет, что тем, кому отрубали пальцы ног, было запрещено появляться в столице.

В эпиграфике сообщается, что **преступников наказывали штрафами в денежном выражении или натурой; в число последних входили конфискация имущества и телесные наказания.** Существовала градация наказаний в зависимости от тяжести преступления. И, наконец, сановники и простые люди наказывались по-разному: первые ограничивались уплатой штрафов золотом, серебром или натурой, вторые же подвергались телесным наказаниям. В своде правил ашрама, построенного около 889 года в Лолеи, мы видим пример подобной градации наказаний, применяемых к лицам, не соблюдающим общепринятые правила: к иностранцам и брахманам такие «меры наказания, как отсечение головы или телесные наказания, не применялись» (см. ниже), их просто изгоняли из ашрамов. Что касается остальных, например, сыновей короля, то они приговаривались к штрафу в 20 золотых *пала*, родственники монарха и королевские министры несли наказание в виде уплаты штрафа в 10 пала, сановники, имевшие право на ношение зонта с золотой рукояткой, приговаривались к штрафу в 5 пала (см. выше: Государственный аппарат); крупные торговцы платили штраф в 2,5 пала. И так далее вплоть до простых людей, которые приговаривались к денежному наказанию в 0,75 пала или получали сто ударов бамбуковыми палками по спине (вопреки тому, что утверждал Чжоу Дагуань). Несколько иная шкала наказаний применялась в отношении работников в храмах (начиная от настоятеля до самого неквалифицированного рабочего). Штрафы в этом случае уплачивались серебром, а наказание палками заменялось платежами натурой. Освобождение от

наказания брахмана было повсеместно распространено в Индии (убийство брахмана входило в число пяти самых больших грехов), что, как отмечает С. Сахай, не освобождало его от денежного штрафа. Это подтверждается штрафом в 20 пала серебром, присужденном «священнику», который был, вне всякого сомнения, брахманом.

Другая, более ранняя надпись (962) свидетельствует о том, что различие между сановниками и простыми людьми относительно применения к ним мер наказания определялось не столько их социальным положением, сколько занимаемыми ими должностями. Например, два брата обвинялись в том, что, переставив межевые столбы, незаконно захватили часть чужого земельного надела. Один из них был чиновником высокого ранга — главой округа (кхлон вишай) и носил почетный титул мратан курун: он был приговорен к денежному штрафу в размере 10 лин золотом; а его брат, простой вап (свободный крестьянин), подвергся телесному наказанию, получив 102 удара палками.

Но ни в одной из надписей не говорится о такой мере наказания, как заточение под стражу, хотя существует текст, в котором сообщается о предварительном заключении в зарешеченную камеру лиц, нарушивших законный порядок освобождения от уплаты налогов.

За исключением пощечин, упоминаемых в X веке, и нанесения ударов палками за перенос межевых столбов или нарушение общепринятых норм поведения (см. выше), к телесным наказаниям относились по большей части лишения различных частей тела, к которым прибегали, например, в случае переноса межевых столбов (отрубанию кистей рук или отрезанию губ) или неуплаты земельной ренты (отрубались ступни ног и кисти рук). Беглым рабам вырывали ноздри и отрезали уши. Чжоу Да-

гуань говорит, что им на лицо ставили клеймо или они постоянно носили железные колодки. Наконец, встречается упоминание о «сдавливании» ступней ног и головы: такое наказание было назначено двум мужчинам и одной женщине, незаконно захватившим земельный участок; экзекуция закончилась смертью одного из осужденных. Мы не будем говорить о пытках, которым подвергаются грешники в разных кругах ада, все это относится к совершенно другой области, но точность, с которой они изображены в Ангкор Вате (галерея небес и ада), заставляет нас задаться вопросом, а не присвоило ли себе королевское правосудие право на некоторые из тех наказаний, осуществление которых Яма поручал своим подручным.

В обнаруженных на сегодня надписях содержится лишь одно упоминание об отсечении головы. Однако всем, кто покусился на имущество храмов или на кхмерские святыни, грозило отсечение головы, хотя и в этом случае, как и во многих других, речь может идти о риторическом обороте речи. В качестве примера можно привести более поздний текст, в котором говорится, что любой, кто посягнет на то, что принадлежит одному богу, будет жить под страхом неминуемого наказания, и «пока будет жив, не найдет себе покоя и счастья, а тело его будут беспрестанно рвать на куски». Напомним также, что если, по словам Чжоу Дагуаня, в Камбодже не было казни через отсечение головы, то зато приговоренных к смерти живыми закапывали в землю.

◆ Суд

Будучи верховным судьей, король вершил правосудие в королевском или «Священном суде» (*врах сабха*), который находился в столице (его иногда называли «Священным судом Города», *врах сабха нагафа*). В округах и деревнях также были свои дей-

ствующие по той же схеме «Священные суды», компетенция которых ограничивалась территориально. Существовали суды и в некоторых храмах.

В большинстве случаев король передавал рассмотрение дел суду, при необходимости отдавая «распоряжение» (шасану), на которое опиралось судебное производство. Во главе суда стоял председатель (*сабхапати*), ему помогали инспекторы по достоинствам и порокам, декламаторы дхармашастры, а также служащие рангом ниже: помощники, следователи и т.д.

Функция председателя суда иногда исполнялась сановниками, на которых были возложены и другие обязанности: так, в 981 году «Священный суд» возглавлял Раджакуламахамантрин. Но существовали и судебные чиновники или судьи, настоящие профессионалы своего дела, принадлежавшие к династиям правоведов. В надписи в Прасат Тор (1189) в Ангкоре перечисляются представители трех поколений судебных чиновников, происходившие из старинного брахманского рода. Как и большинство других сановников, сабхапати могли делиться на четыре различные категории, хотя между ними существовало еще одно различие: некоторые из них жили и работали в столице, а другие возглавляли провинциальные суды. Они часто выступали в качестве посредников в решении процедурных вопросов, шла ли речь о том, чтобы представить королю информацию о том или ином спорном деле, или о том, как быстрее и лучше выполнить королевский приказ (см. ниже).

Инспекторы по достоинствам и порокам (*гунадошадаршины*) входили в ближайшее окружение короля и выбирались из членов самых именитых семей, но это не касалось провинциальных чиновников (см. ниже). Инспекторы по достоинствам и порокам также делились на четыре категории; четверо

из них (вероятно, представляющих каждую из категорий) изображены рядом с Сурьяварманом II (и идентифицированы по надписи) на исторических барельефах Ангкор Вата. Встречается упоминание об этих инспекторах по поводу аудиенции все у того же Сурьявармана II. Их роль в судебном производстве нам не совсем понятна, но именно им часто направлялись королевские указы, которые они передавали непосредственным исполнителям. Некоторые из них входили в штат государственного храма, другие прикреплялись к той или иной деревне.

Третьим важным лицом в суде был «декламатор дхармашастры», который в соответствии с индийской традицией зачитывал нормативные тексты, что являлось обязательным атрибутом любого судебного процесса. Существовали и служащие второго уровня: следователи (*сабхачары*, *фанваны*, см. ниже), советники (*сабхасаты*) и бхуташи, которые занимались регистрацией судебных актов и постановлений, т.е. выполняли обязанности современных секретарей суда.

♦ Судопроизводство

Будь то спор между частными лицами или уголовное преступление, дело открывалось после подачи жалобы или заявления королю или непосредственно в суд. Часто это происходило через посредника, в роли которого выступал один из сановников, который сообщал королю (или суду) подробности дела. Так, в 1013 году председатель суда первой категории информировал монарха о сути дела от имени частного лица. В другом случае, когда преступник опасался за свою жизнь, поскольку ему поступали угрозы со стороны жертвы и других заинтересованных лиц, председатель суда 3-й категории обратился к Врах гуру с просьбой передать необходимую информацию Сурьяварману I.

Расследование дела поручалось профессионалам-следователям (ранванам) или другим лицам. Например, в конце X века король, узнав о споре за земельный надел, поручил разобраться с этим делом своему Врах гуру.

Но, как правило, расследования дел поручались ранванам. Целью следствий являлось получение доказательств путем заслушивания признательных и свидетельских показаний или выявления и изучения письменных документов. Свидетели были обязаны приносить клятву, причем свидетельские показания рабов также имели законную силу, по крайней мере в некоторые периоды истории страны. По мнению Чжоу Дагуаня, в ходе судебных разбирательств **прибегали также к ордалиям**¹ (широко распространенным в индийской юридической традиции), но ни в одной из обнаруженных надписей о них не говорится.

Суд любого уровня выносил решения от имени короля, который мог лично участвовать в процессе. Точный состав членов суда редко указывался в надписях, хотя в тексте начала XIV века приводится список лиц, участвовавших в судебных заседаниях, в ходе которых разбиралось дело о хищении поставок, предназначенных храму. В нем указывались: председатель суда, инспектор по достоинствам и порокам, четыре бхуташи (то есть секретари суда, см. выше), лица, ответственные за исполнение судебного ритуала (вне всякого сомнения, декламаторы дхармашастры). Сведения из других источников неполные, но даже они позволяют констатировать, что на процессах присутствовали лица, не относящиеся к судебной номенклатуре. В ходе судебного

¹ Ордалии — в широком смысле то же, что и «Божий суд»; в узком — суд путем испытания огнем и водой. Выдержавший эти испытания оправдывался, не вынесший их признавался виновным (*примеч. пер.*).

разбирательства заслушивались мнения противоположных сторон или показания обвиняемого (обвиняемых). Судебное решение выносилось либо в виде судебного постановления, либо (чаще) королевского указа, что подтверждало его юридическую законность. В нем указывались условные наказания или отдавался приказ о восстановлении в правах или предоставлении прав на землю (в частности, в спорах между землевладельцами. Так, мы уже неоднократно ссылались на судебное разбирательство относительно незаконно захваченной земли главой округа и членами его семьи, которое закончилось присуждением штрафа для чиновника и телесным наказанием — битьем палками — для его брата и его сообщника; а также восстановлением в правах собственности на землю законного владельца).

АРМИЯ

Чжоу Дагуань мало касается военных вопросов, он посвящает им лишь одну главу. Зато изображения великих битв — эпических и подлинных — широко представлены на барельефах галерей Ангкор Вата, Байона или Бантеай Чмар. И хотя в эпиграфике этим вопросам уделяется меньше внимания, имеющиеся сведения позволяют составить представление о кхмерской армии и ее организации.

◆ Организация армии

В соответствии с индийской традицией армия состояла из четырех родов войск: слонов, колесниц, кавалерии и пехоты. **Кхмеры не упускали возможности указать в надписях, что король отправился на войну «в сопровождении четырех родов войск».** Но подобная формулировка может иметь чисто риторический характер: доказано, что боевые колесницы существовали только на изображениях

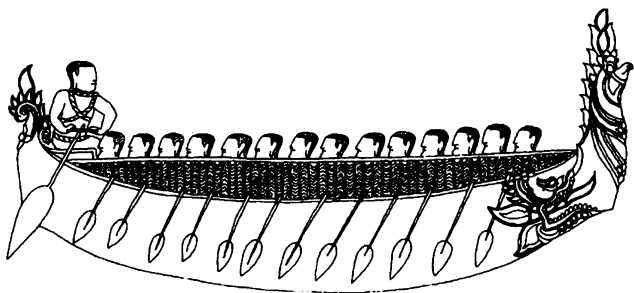
легендарных или божественных сражений, где их присутствие является данью уважения к иллюстрируемым рассказам (М. Жак-Эргуалк). Но как только заходит речь о подлинных событиях, военных парадах или битвах, единственными средствами передвижения на колесах являются повозки с метательными орудиями или баллистами, а также телеги, входящие в состав «армейского обоза». Наличие же трех остальных родов войск (к которым следует добавить флот) не вызывает сомнения: все они принимали участие в сражениях, что подтверждается их изображением на барельефах. **Каждое боевое подразделение состояло из командира, восседавшего на слоне, которого окружали пехотинцы и, очевидно, несколько всадников**, выполнявшие функции разведчиков и связных. Последние редко вступали в рукопашный бой, а к концу XII века совсем утратили свое значение. Их еще можно увидеть на барельефах Ангкор Вата, но уже на барельефах Байона и Бантеай Чмар они отсутствуют. Это объясняется только трудностью восстановления поголовья лошадей, поскольку в Камбодже (как и в большей части Индии) лошади не приживались, и приходилось регулярно импортировать новые партии этих животных. Это, разумеется, не касается слонов, широко распространенных в Камбодже. Упомянутая во многих надписях охота на слонов относилась к любимым развлечениям королей, если учитывать ту важность, которая придается «подвигам», совершенным в IX веке Джайяварманом III. В Ангкоре сохранились развалины арены эллиптической формы (датировка которой не установлена), окруженной каменной стеной, где вопреки ее нынешнему названию Крол Ромеас (букв. *Парк носорогов*) дрессировали слонов. Именно сюда доставляли пойманных животных, за которых отвечал «командир ловцов». Роль этих животных в армии не сводилась только

к тому, что они являлись центральным звеном боевых подразделений, участвовавших в сражении; на барельефах Байона изображены слоны, переносящие грузы, а на некоторых установлены баллисты.

Мы не знаем, каким образом проходила вербовка в пехоту, составлявшую костяк армии. В одной из надписей VII века говорится о «вербовщике солдат в королевскую гвардию», тогда как в других текстах идет речь об освобождении отдельных групп населения от королевской службы, за исключением тех случаев, когда страна подвергнется вторжению неприятельских войск. Это приводит к мысли о том, что армия состояла не только из волонтеров. **Чжоу Дагуань сообщает, что иногда возникала необходимость в создании народных ополчений.** Когда, например, началась война с сиамцами, сражаться пришлось всем без исключения. **В состав армии также входили воины союзных государств и наемники:** на барельефе Ангкор Вата представлен отряд сиамских воинов, которых нам удалось идентифицировать благодаря относящейся к изображению надписи, а на барельефах Байона мы можем распознать по лицам и внешнему виду иностранных воинов, воюющих на стороне королевской армии. Среди них изображены чамские воины, которых нам удалось идентифицировать по их обмундированию, аналогичному тому, что мы видим на солдатах чамских войск, с которыми сражалась кхмерская армия.

Не входивший в число традиционных четырех родов войск **кхмерский флот играл тем не менее важную роль.** На барельефах Байона и Бантеай Чмар изображается морское сражение, проходившее на Великом озере или на реке Сиамреап, в ходе которого Джайяварман VII разбил чамский флот после разграбления в 1177 году захватчиками Ангора. Более раннее свидетельство существования во-

Кхмерский военный корабль (барельеф в Байоне)

енного флота содержит надпись VII века, согласно которой один из советников Джайявармана I занимал должность «командира гребцов» и был «знаком с разделением на несколько категорий (гребцов? кораблей?)». Все корабли, принимавшие участие в морском сражении, изображенном в Байоне и Бантеай Чмар, представляют собой весельные лодки с низкой посадкой, сделанные из цельного куска дерева (иногда весла напоминают байдарочные). Полагают, что их длина могла достигать 27 метров, а количество гребцов превосходило двадцать человек. Нос корабля был оформлен в виде головы гаруды (в индуистской мифологии божественная птица, противник змеев-нагов) или в виде головы макары (чудовище, похожее одновременно на слона, крокодила и льва). На корме корабля иногда устанавливалось возвышение, на котором сидел человек, управлявший рулевым веслом. Кроме сидящих гребцов, в лодке стояли солдаты, а в середине корабля сидел на возвышении один лучник.

♦ Вооружение кхмерских воинов

Индивидуальное вооружение кхмерских воинов было не сложным: пехотинцы и кавалерия были вооружены копьем и щитом (круглым или удлинённой формы), но у некоторых из них были луки или не-

что вроде мачете, которое по сей день используется для расчистки леса. Те, кто восседал на слонах, были вооружены чаще всего луками и копьями, у некоторых были дротики. Что касается погонщика слонов, то у него в качестве оружия была палка с крюком на конце. Ко всему вышеперечисленному добавлялись висевшие на поясах кинжалы и защищавшие тело доспехи: латы или «кольчуги», сплетенные из больших колец ротанговой пальмы, охватывающие тело двойной портупеей, а также головные уборы, выполнявшие, как нам кажется, декоративную роль, хотя их гребни, выполненные часто в форме голов животных, имели, несомненно, геральдический смысл.

К числу коллективных видов оружия относятся лишь баллисты, изображенные на барельефах Байона и Бантеай Чмар. Они обслуживались двумя воинами, их перевозили либо на спинах слонов, либо на тележках, которые толкали перед собой. Существовало несколько типов баллист: с одинарным или двойным стременем, с рукояткой или без оной и т.д. Баллиста была заимствована у чамов,

Кхмерские воины. Рельеф в Байоне

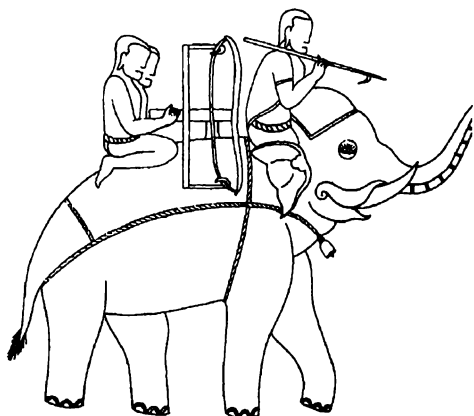
которые познакомились с этим типом вооружения благодаря одному китайцу, которого буря вынудила высадиться в прибрежном районе их княжества в 1171 году (П. Мус). Последняя дата объясняет факт отсутствия баллист на барельефах Ангкор Вата, выполненных в первой половине XII столетия.

Передвижения кхмерской армии осуществлялись под музыку. Главным инструментом сопровождавшего их оркестра был большой гонг, который подвешивался на шесте; его несли на плечах два музыканта, а третий, отплясывая, ударял в гонг, задавая такт маршу пехотинцев. Гонгу вторили другие ударные инструменты: барабаны, висевшие на ремнях, металлические тарелки, колокольчики и т.д., а также духовые инструменты (рожки, трубы, раковины).

Армейский обоз состоял из слонов, на которых перевозились грузы, и повозок, ничем не отличающихся от тех, что в наши дни ездят по камбоджийским проселочным дорогам, а также из носильщиков и носильщиц. Носильщики переносили груз в коромыслах и на носилках, а женщины, шедшие в сопровождении своих детей, — на головах.

♦ Командный состав армии

Верховным командующим был король. Возглавлял же армию непосредственно «генералиссимус», который согласно надписи конца IX века шел в иерархии сановников сразу же после «брахмана» (то есть Врах гуру), сыновей короля и премьер-министра. Но определить его точное звание подчас затруднительно, поскольку, например, в одной из надписей, где речь идет о Шанграме, генералиссимусе Удаядитьявармана II (вторая половина XI века), он называется разными титулами: «глава глав армий» (*шенанатипати*), «великий глава армии» (*махашенанати*), «защитник команду-

Слон с баллистой (барельеф в Байоне)

ющих войсками» (*ютхапанатха*). Иногда командующим присваивали нейтральные титулы, буквально обозначающие «глава армии» (*шенapati*, *баладхи-якша*, *шаиниеша*, *чамунати* и т.д.), которые носили многие военные сановники. Но не могли же они все сразу командовать королевской армией. Зато относительно некоторых командующих, отвечавших за строго определенный круг обязанностей, все более или менее ясно. Например, в надписи X века говорится о военачальнике Джаяявармана V, на которого была возложена «ответственность за главные ворота (столицы?)», а в тексте XI столетия говорится о двух генералах, один из которых был командующим южной армией при Сурьявармане I, а другой — возглавлял армию центра (санскр. *Мадхияваладхипа*, кхм. *шенapati кантал вала*) в правление Удайдитиявармана II и Джаявармана VI.

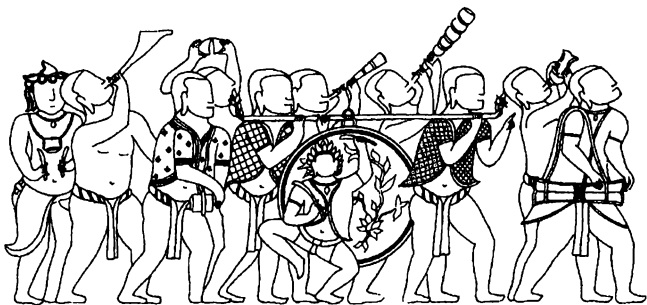
Каковы бы ни были их воинские звания, многие командующие армиями удостоивались чести иметь золотой паланкин и другие знаки отличия, особенно при Сурьявармане I. Отдельные высшие командиры пользовались таким большим уважени-

ем, что при Джайявармане VII командующий армией центра был канонизирован, а его скульптурное изображение было установлено в часовне Байона в Ангкоре. **Большинство военачальников, как и многие советники, происходили, как правило, из влиятельных кланов, близких к королю.**

Так, многие представители семьи Шанграмов (это имя буквально обозначает «война, битва»), ставшие видными военачальниками, находились на королевской службе с начала IX века (при Джайявармане II), а сам Шанграм подавил несколько мятежей, один из которых был поднят армейским командиром (шенapati), укrywшемся впоследствии в Чампе. Шанграм увеличил количество религиозных сооружений, жертвуя на их строительство королевские вознаграждения за одержанные им победы. Один из командующих армией при Сурьявармане I был выходцем из семьи жрецов и обладал дюжиной деревень (или городов, пур); он был шурином другого командующего армией, который приходился родственником министру.

И, разумеется, функции, исполняемые этими главами армий, не были исключительно военными. Четверо из них, например, принимали вместе с

Военный оркестр; в числе музыкальных инструментов – гонг, трубы и барабаны (бафельеф в Байоне)

судьями участие в судебных процессах, другие входили в состав комиссии по размежеванию земли, отведенной под строительство королевского храма. С другой стороны, согласно надписи на стеле Та Прохм, титул «глава армии» мог присваиваться в качестве почетного звания, по крайней мере при Джайявармане VII, потомкам королей или лицам, к ним приравненным. Непонятно только, было ли это продолжением древней традиции или нововведением Джайявармана VII, без колебаний возведшего, как мы уже видели, одного чамского принца в ранг «принца-наследника».

Нам почти ничего неизвестно о других представителях военной иерархии. Хотя в надписях упоминается о существовании в VII веке при Джайявармане I командира «тысячного войска в городе Дханвипура», который, вероятно, занимал среднее положение между командующим армией шенапати и командирами небольших боевых подразделений, которые изображались на барельефах. Можно сказать, что военная должность означала достойное завершение карьеры, как это произошло с сыном одного брахмана, который поочередно входил в свиту короля, затем был вербовщиком солдат в королевскую гвардию, далее главой служащих, ведающих королевскими регалиями, и, наконец, возглавил команду гребцов (см. выше). Отметим также, что его брат, прежде чем стать главой территориального округа, был командующим кавалерией («Великим конюшенным»).

IV

ЭКОНОМИКА

Относительно ясную картину экономической жизни древней Страны кхмеров дает опять-таки тот же Чжоу Дагуань. И пусть она довольно поверхностна, но сведения, содержащиеся в ней, представляют большой интерес. Китаец описывает **экономику, основанную не столько на торговле, сколько на сельском хозяйстве и производстве зерновых (в год кхмеры получали по три-четыре урожая), которое дополнялось собирательством и охотой, практикуемых в лесных регионах**, что было важно для страны, в которой, как он считал, не было ни золотых, ни серебряных рудников. Эта экономика не знала денег, а торговля на всех уровнях была исключительно меновой. Что касается внешней торговли, то она находилась в руках иностранцев. Эпиграфика и археологические находки в целом подтверждают и вносят уточнения в его замечания. Они дают нам возможность понять роль государства в экономике: посредством строительства огромных гидротехнических сооружений в регионе Ангкора и других местностях оно способствовало лучшей организации производства зерновых и созданию сверхприбыли, позволявшей финансировать как возведение новых храмов, так и содержание имеющихся религиозных сооружений. Для этих же целей государство проложило густую сеть дорог, что позволяло, по крайней мере, в центре страны, осуществлять перевозку грузов в любое время года.

И наконец, посредством сложной налоговой системы часть полученных богатств страны изымалась для последующего перераспределения между семьями сановников, храмами и религиозными сооружениями.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Эпиграфика Камбоджи содержит большое количество текстов, посвященных сделкам с сельскохозяйственными угодьями, в которых шла речь об их покупке, продаже, дарении, территориальном разграничении, подтверждении прав собственности на них или о распашке целинных земель. Часто эти операции сочетались. Земли, о которых шла речь, принадлежали частным лицам любого ранга и общественного положения (включая короля), но чаще всего религиозным заведениям, храмам и др. **Из земельных наделов, которые короли дарили семьям крупных сановников, передаваемых впоследствии по наследству, формировались крупные земельные владения.** Права собственности наследников на эти владения регулярно подтверждались королем. Именно с такой просьбой обращается в 1066 году Шанграм к Удаядитьяварману II. Монарх и сам владел большими земельными угодьями, о чем свидетельствуют многочисленные деревни, переданные в дар Джайяварманом VII храмам Та Прохм и Прах Кхан. Но **король, кроме того, обладал приоритетным правом на большую часть территории страны, чем и объясняется его участие во многих разнообразных земельных сделках.** Это «верховное право» (по выражению И. Бонжера) давало ему возможность распоряжаться по своему усмотрению землями, не имеющими наследников, и раздавать их по своему усмотрению. Он также говорит, что король имел право изымать

земельные участки у частных лиц, заменяя изъятые новыми угодьями.

Существование земельного кадастра, связанного с фискальными нуждами, подтверждается надписью XI века, в которой приводятся поземельные списки с указанием размеров участков, а также их общей площади. К этому же времени относится упоминание о «хранителях актов, скрепленных печатью, в которых перечисляются землевладельцы», что свидетельствует о довольно неплохом государственном контроле над земельной собственностью. В надписях земельные участки указываются под их названиями, с размерами их площадей, определяемых на основе разных единиц измерения (см. ниже), а также с их естественными границами — деревьями, дамбами, водоемами и т.д. Крайне редко тексты сопровождаются планами участков (надпись в Северном Кхлеанге 1006 года) (см. Пространственные представления, гл. V). Вдоль границ участков устанавливались межевые столбы, а сам процесс размежевания часто осуществлялся официальными лицами в присутствии свидетелей, имена которых фиксировались в соответствующих документах.

Чаще всего предметом споров и последующих судебных разбирательств был перенос межевых столбов, а восстановление земельных наделов в их прежних границах происходило в атмосфере особой торжественности (см. Пространство земельных наделов, гл. V).

Обрабатываемые земли относились к разным категориям. Самую большую площадь занимали орошаемые **рисовые поля** (*шре*). В некоторых надписях говорится, что они были поделены на собственно рисовые поля, где шло созревание риса до его окончательной спелости, и «**рисовые питомники**», в которых рис выращивался до момента его пересадки. Кроме этих земель, в надписях упоминаются по-

стоянно затопляемые **«низинные земли»**, на которых выращивали плавающий рис и влаголюбивые культуры, а также **прибрежные земли**, на которых в наши дни разводят сады. И, наконец, в текстах одним словом **«чамка»** обозначают **все засушливые районы**: поля, выгоревшие участки и т.д.

Плотность обрабатываемых земель зависела от региона. **Результаты аэрокосмической съемки свидетельствуют о том, что максимальная их плотность была в районе Ангкора**, что легко объясняется наличием развитой ирригационной сети и большим количеством проживавшего здесь населения, которому требовалось большое количество пищи. С развитием ирригационной техники менялись способы обработки почвы: к концу ангорской эпохи произошел переход от водоемов, окруженных дамбами, к сооружению мостов-плотин и перегородиванию земельных участков.

Освоение целинных земель осуществлялось путем **осушения почвы или корчевания лесных массивов**. Самый ранний текст, затрагивавший этот вопрос, был обнаружен в Тростниковой долине (юг современного Вьетнама) и восходит к VI веку. В нем говорится об одном отшельнике, «поместье» которого «было отвоевано у грязи» (видимо, имеется в виду заболоченная почва. — *Примеч. пер.*). Освоение целинных земель, о котором говорится в более поздних текстах, всегда сопровождалось строительством деревень: так, в конце X века участок леса, находящийся в частной собственности, где никогда не было ни деревень, ни рисовых плантаций, был дарован семье жрецов. К тому же периоду относится надпись, в которой сообщается о лесе, на месте которого была построена деревня, и о другом наделе, в котором были вырублены все деревья для строительства деревни. К началу XI столетия относится упоминание об освоении целинной земли,

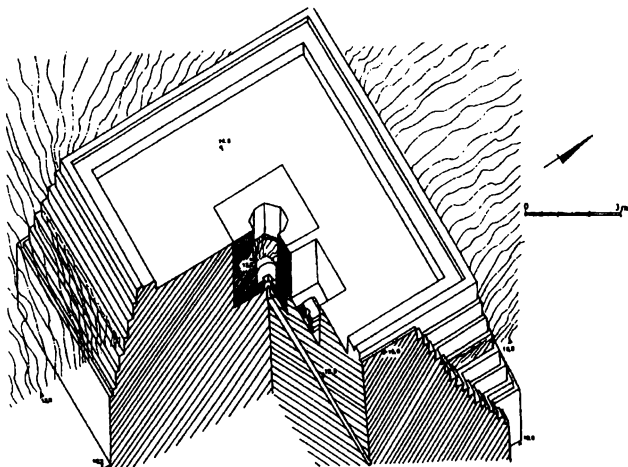
имевшем место за полтора века до этого: были выкорчеваны деревья и построена деревня. Впрочем, надписи, сделанные в ознаменование окультуривания целинных земель, являются относительно немногочисленными, что свидетельствует о том, что освоение непаханных участков редко было предметом судебных разбирательств.

Когда это было возможно, рисовые плантации орошались самотеком непосредственно из питающих их водных артерий, но чаще всего приходилось устраивать более или менее сложные системы сбора и накопления дождевых осадков или вод ручьев и паводков. В эпиграфике немного текстов, посвященных этому вопросу, чаще всего встречаются надписи в честь сооружения бараев и других водоемов в регионе Ангкора. Существуют тексты по поводу строительства и заполнения водой барая Лолеи Яшварманом I, барая Срас Сранг, возведения моста-плотины под названием Спеан Тор и т.д. **Но в надписях ничего не говорится о том, как распределялись водные ресурсы, или о том, как в целом функционировала вся система** (несмотря на существование нилометров в главных бассейнах-резервуарах, см. ниже). Что касается строительства водоемов средних размеров, то иногда случалось, что рытье пруда или возведение плотины увязывались со сделкой на землю, которой требовалось орошение. Отметим, что в надписи конца IX столетия, относящейся к рытью водоема, предназначенного для монашеского скита, сообщается о помощи лозоходца, который был не кем иным, как настоятелем монахов-отшельников: вероятно, «он показал, где находится вода, которую никак не могли отыскать», после чего король велел выкопать бассейн-резервуар.

По сравнению с эпиграфикой вклад археологии более весом, а многочисленные руины, оставшиеся

от различных гидротехнических устройств, свидетельствуют о том, что на строительство ирригационных систем по всей территории Страны кхмеров не жалели сил и средств. **Самыми большими и заметными гидротехническими сооружениями были искусственные водоемы — бараи и дамбы прямоугольной формы, возвышавшиеся над равниной.** Дамбу насыпали из грунта, полученного при рытье двух каналов, идущих вдоль нее; подвод воды осуществлялся через акведук, оканчивавшийся в верхней точке дамбы. Эта система (яванского происхождения) впервые была применена в Ват Пху в конце VIII века, а в регионе Ангкора — в начале IX столетия. С течением времени она совершенствовалась, а подобные большие или средние по размерам бараи возводились поблизости от всех крупных городов древней Камбоджи. Кроме бараев Ангкора, назовем следующие водоемы: Бенг Меалеа, Бантеай Чмар, Прах Кхан в Компонг Свае. В последнем случае барай сочетался с обширной сетью рвов с водой, что несколько нарушало правильную ориентацию всего ансамбля в пространстве (см. Пространственные ориентации, гл. V). Бараи Тонле Бати и Пном Тъхисор на юге страны свидетельствуют о том, что к их строительству прибегали даже тогда, когда орошение земли из естественных источников было на первый взгляд вполне достаточным. Имеются также весьма показательные примеры возведения гидротехнических сооружений на территории завоеванных стран: на северо-востоке современного Таиланда, возле Паном Рунг, а также в Пимаи или в Муанг Чампази. В последнем случае прямоугольный кхмерский барай накладывается на более древний ансамбль рвов-резервуаров, замкнутых в кольцо в соответствии с традицией строительства круглых монских городов. **В районе Ангкора в центре больших бараев по воле короля устанавливали храм-**

Храм-нилометр в Западном Мебоне в его первом варианте (шиваистском): вода поступает через горизонтальный водопровод и поднимается выше, вытекая и низвергаясь через Лингу; впоследствии над этим устройством установили статую лежащего Вишну

нилометр, который, символизируя предоставление богу полномочий по передаче сигнала о начале ежегодной ирригационной кампании, служил подтверждением королевской принадлежности к ним и соответственно к богу. Однако снабжение водой больших резервуаров-водоемов приводила к нарушению функционирования естественных гидрографических сетей, о чем свидетельствуют искусственные «русла», обнаруженные Б.-П. Гролье в долине на севере от Ангкора. Уникально устройство водного дворца Ангкора на Пном Кулен: в местечке, по праву называемом «Граненый камень» (*тхам дан*), вырубленный в скале желоб был оборудован системой клапанов (с гнездами для съемных затворов из дерева), что давало возможность направить один из притоков реки Сиенреап (орошающей Ангкор) в сторону бассейна реки, несущей воды в район Бенг

Меалеа, и частично питать барай, примыкающий к этому священному храму.

Храмы-нилометры

В Ангкоре Чжоу Дагуаня поразил один храм, особенно установленная в нем бронзовая культовая статуя лежащего Будды, из пупка которого непрестанно текла вода». Мы не можем сказать, какой именно храм видел Чжоу Дагуань, но, без сомнения, это был один из двух храмов-нилометров, построенных в Ангкоре, — либо Западный Мебон, либо Неак Пеан. Принцип строительства в обоих случаях был один: храм возводили на острове в центре барая, и механизм водопроводов и сифонов функционировал таким образом, что при повышении до определенного уровня воды в барае она вытекала из храма, а точнее — из его культовой статуи, что служило сигналом к началу ирригационной кампании. Ежегодно повторяющееся событие, непосредственно связанное с физическим явлением, становилось воплощением всемогущества бога, — Шивы, Вишну или Будды, в зависимости от храма и эпохи, — исторгающего из своего тела живительную влагу (Чжоу Дагуань, полагавший, что вода текла постоянно, так и не понял, как функционировал этот «сезонный» механизм, перестававший действовать в сухие сезоны).

В Западном Меконе первое водяное устройство (начало XI века) было шиваитским, и вода вытекала из Линги. Впоследствии (конец XI столетия) на ее месте была установлена бронзовая статуя лежащего Вишну (более четырех метров длиной), из пупка которого струилась вода. Вполне возможно, что в дальнейшем Вишну сменил Будда. В Неак Пеан, построенном Джайяварманом VII, Будда занимал внутреннее

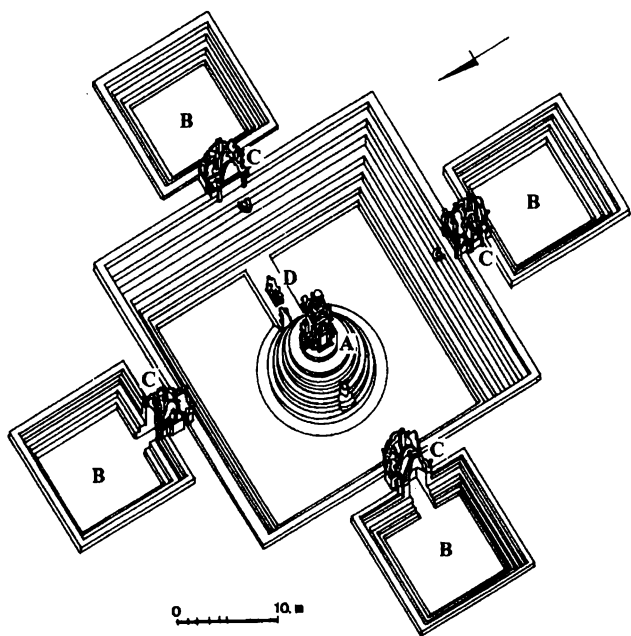
помещение храма, водяной механизм был устроен сложнее, а символика всего ансамбля в целом характеризовалась многозначностью: главный храм возвышался на постаменте в форме лотоса в центре квадратного бассейна, окруженного четырьмя бассейнами поменьше; вода, льющаяся из главного помещения храма в центральный бассейн, достигая определенного уровня, перетекала в четыре остальных резервуара через четыре желоба; их маскароны (декоративные маски, устанавливаемые на окнах, фонтанах и т.д. — *Примеч. пер.*) в форме головы человека (восток), льва (юг), коня (запад) и слона (север) соответствовали устьям четырех великих рек мироздания, берущих начало в озере Анаватапта, расположенном в Гималаях. Но и это еще не все: Авалокитешвара был представлен в образе коня, пересекавшего центральный бассейн; он вел за собой к храму Будды торговцев, которых он спас от людоедок.

Конь Балаха в Неак Пеан

Как мы уже видели, от строительства бареев отказались в XIII веке, заменив их мостами-плотинами на многих водных артериях. Среди самых больших мостов-плотин можно назвать такие сооружения, как Спеан Тор в Ангкоре или Спеан Пра Птос, построенный на древней дороге, соединявшей Ангкор с Самбор Преи Кук и Меконгом, длина которого достигала 87 метров. Новая технология вызвала к жизни необходимость прокладывать обширную сеть каналов, перераспределяющих воду, что привело к дроблению обрабатываемых участков земли и возведению вокруг них небольших дамб. Но эта система орошения применялась

*Храм-нилометр в Неак Пеан: А: центральная башня;
В: второстепенные бассейны-водоемы;
С: часовни, возведенные над желобами; D: Конь Балаха*

исключительно на равнинах, расположенных севернее Великого озера.

Строительство таких тяжеловесных сооружений, как мосты и бараи, могло осуществляться только при наличии мощной и богатой централизованной власти. Но их возведение оправдывалось с экономической точки зрения лишь в регионах с большой плотностью населения, которое росло за счет увеличения рождаемости среди местного населения и притока людских ресурсов из других местностей. Но вполне возможно, что при удалении от крупных центров снабжение водой рисовых плантаций обеспечивалось гораздо более скромными приспособлениями, аналогичными тем, остатки которых встречаются к северу от Пном Кулена, в одном относительно обособленном районе.

Речь идет о дамбах, установленных перпендикулярно к общему наклону обрабатываемой площади и создающих небольшие запасы воды, удовлетворяющие нуждам небольшого поселения или деревушки. Небольшие группы людей, вновь заселившие этот район в шестидесятых годах прошлого столетия, заполнили водой эти сооружения, не дождавшись помощи от центральных властей, которые самоустранились от излишних хлопот. В то же время топографические характеристики района, идущего под уклон с севера на юг, придают этим скромным сооружениям ориентацию, вписывающуюся в традиции строительства бараев.

На обработке сельскохозяйственных участков были заняты бригады рабочих, в буквальном смысле приписанных к этим участкам, поскольку зачастую бригада, в которую входили рабочие и работницы вместе с их детьми, продавалась вместе с землей, которую они возделывали. Так, в надписи IX столетия уточняется, что бригада, возделывающая одну рисовую плантацию, состояла из «бригадира»,

шести крепких рабочих, восьми работниц, трех самостоятельно передвигающихся детей и одного младенца! Как мы уже успели заметить, статус рабочих был различным: некоторые были свободными людьми (возможно, «рабами» одного из богов), а другие — рабами (см. Рабы и слуги, гл. III).

Главной возделываемой культурой был рис. По словам Чжоу Дагуаня, в год собирали по три или четыре урожая риса. У нас нет никаких данных относительно сельскохозяйственного календаря, но, судя по всему, он немногим отличался от того, который в XX веке описал Ж. Дельвер, указав незначительные различия для каждой разновидности риса. Отметим, что Чжоу Дагуань имел в виду рис, выращиваемый на затопляемых полях. Как и в наши дни, пересадка риса была возложена на женские плечи, мужчины же пахали землю, собирали урожай и занимались подсобными работами (расчисткой участков, контролем над орошением и т.д.). Для вспашки земли использовались, по всей видимости, буйволы, быки же были тягловой силой: по словам Чжоу Дагуаня, их впрягали в повозки.

Среди культур, выращиваемых на неорошаемых полях (чамка, см. выше) фигурируют просо, кунжут, разные сорта фасоли и другие сельскохозяйственные продукты, составляющие наряду с рисом основу вегетарианского рациона кхмеров. Из них также формировался запас продуктов, регулярно поставляемых храмам, о чем мы можем судить по надписям на стелах храмов Та Прохм и Прах Кхан в Ангкоре (конец XII века).

Относительно всего остального приходится довольствоваться разрозненными сведениями, содержащимися в отдельных текстах: так, в надписи середины X столетия говорится о поле, засаженном баклажанами, а в другой — о рабе, высаживающем сахарный тростник.

В надписях часто идет речь о садах, но при этом не дается никаких уточнений. По всей вероятности, их высаживали на прибрежных полосках суши или в непосредственной близости от деревень или даже домов. Кхмеры выращивали **овощи и другие пищевые растения**, перечисляемые Чжоу Дагуанем (лук, горчица, порей, баклажаны и т.д.), а также некоторые **лекарственные растения**, ежегодно поставляемые в лечебницы и большие храмы.

Кхмеры сажали также некоторые виды деревьев. Чаще всего в надписях упоминается о пальмировой, кокосовой и арековой пальмах, что, впрочем, подтверждается ролью этих растений в питании и быту кхмеров. Наряду с использованием сахарного тростника (см. выше) в древние времена, как и в наши дни, **сахар добывался из сока пальмы пальмира** (*Borassus flabellifer*), или «сахарной пальмы», дерева, характерный силуэт которого встречается на некоторых барельефах. Несколько раз в надписях говорится о «садах» или «посадках» пальмировой пальмы, но, как нам кажется, раньше, как и теперь, деревья высаживались непосредственно на дамбах, разделявших рисовые плантации. О посадках кокосовых и арековых пальм часто одновременно упоминается в одних и тех же текстах с указанием количества деревьев обоих видов: так, в двух надписях VII века сообщается о предоставлении в дар 400 арековых и 60 кокосовых пальм (первая надпись) и 100 арековых и 60 кокосовых пальм (вторая надпись). **Стоит отметить, что кокосовая пальма (изображенная на барельефах Байона) была одним из основополагающих элементов «вегетарианской цивилизации»,** столь дорогой сердцу Пьера Гюру: ее плод является неперменным ингредиентом кухни народов Южной и Юго-Восточной Азии и служит одним из самых классических подношений богам; ее листья (ежегодно собираемые наравне с

орехами) служат кровлей для деревенских домов, а древесина идет на различные второстепенные поделки, что не мешает использовать ее для строительства хижин и других легких строений. Что касается арековой пальмы, то ее раздробленный орех, смешанный с известью и завернутый в лист бетеля, придает особый шарм кхмерской кухне, без которого любая еда кажется неполной. Осталось только добавить, что в XII или XIII веке появляется еще одно дерево — шелковица, выращиванием которой занимались вместе с разведением шелковичного червя. По словам Чжоу Дагуаня, как одно, так и другое были «недавно» заимствованы кхмерами у сиамцев. Можно предположить, что существовали также и посадки фруктовых деревьев, в частности манговых.

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Великое озеро — один из самых богатых видами рыб пресных водоемов в мире. **Камбоджийцы — большие любители полакомиться рыбой — потребляют ее в разных видах: запеченную на гриле, сушеную, отварную, приготовленную в форме ферментированной пасты, носящей название «прахок».** Кроме ловли рыбы, которой ежедневно занимаются деревенские семьи для удовлетворения собственных нужд, существует также профессиональное рыболовство, которым занимаются жители многих деревень, находящихся на берегах Великого озера. Отсюда пойманная рыба в сушеном виде или в форме прахока развозится по всей стране. Нет никаких оснований предполагать, что в древности все обстояло иначе, хотя, к нашему удивлению, мы не располагаем свидетельствами, подтверждающими роль рыбы в ежедневном рационе кхмеров и в экономической жизни страны в древности.

Картины ловли рыбы при помощи сети встречаются на многих панно барельефов Байона, где мы также видим торговку рыбой перед своим прилавком. На изображениях пахтания океана в Ангкор Вате или Байоне или морской битвы на барельефах Байона или Бантеай Чмар представлена во всем своем многообразии ихтиологическая фауна озера, которой восхищается Чжоу Дагуань: названия большинства рыб в Великом озере ему были неизвестны. В то время существовали огромные пресноводные креветки, размер которых несказанно удивил впоследствии европейцев, и которые, на взгляд китайца, весили «больше ливра». Наш единственный и самый достоверный источник, эпиграфика, в этом случае хранит молчание, в ней практически не встречаются упоминания о рыболовстве, за исключением нескольких вскользь сделанных упоминаний. В надписи 983 года говорится о «месте, отведенном под рыболовство» как о точке отсчета при установлении границ участка. Что касается редких упоминаний о рыбе, то они также выглядят случайными, хотя частое использование их названий в надписях свидетельствует о том, что эта тема была всем хорошо знакома: так, в VII веке существовало женское имя «женщина Рыба-кошка», а в X столетии — имя «женщина-Скат». Как отметил Клод Жак, можно предположить, что рыбная ловля не имела никаких оснований быть представленной в эпиграфике, посвященной почти исключительно храмам и религиозной жизни. В отличие от крупного рогатого скота и других подобных животных рыба служила для кхмеров лишь едой; а поскольку пища, преподносимая в дар индийским богам, была исключительно вегетарианской, то не имело никакого смысла говорить о ней, хотя рыба и рыболовство играли большую роль в повседнев-

ной жизни верующих. Принимая во внимание вышесказанное, добавим, что в надписи Прах Кхана в Ангкоре среди продуктов, ежегодно поставляемых храму, перечисляются «423 козы, 360 голубей, столько же павлинов и голубей харитала», хотя мы не знаем, для каких целей они предназначались. Но о рыбе не говорится ни слова.

Горы Камбоджи таили в себе, по словам Чжоу Дагуаня, много ценных сырьевых продуктов: от древесины редких пород деревьев до перьев зимородков, от бивней слонов и носорогов до пчелиного воска, не говоря уже о продуктах, которые он считал самыми «обыкновенными», например, кардамон, сандаловое дерево, гуммилак и хаульмугровое масло (используемое для лечения проказы). Но этот список неполон, в нем не хватает, например, олеосмолы (или масляной резины), входившей в перечень обязательных продуктов, ежегодно поставлявшихся храму Та Прохм. Ее собирали с деревьев строевого леса и впоследствии использовали при изготовлении факелов.

В главе, посвященной армии, мы уже говорили об охоте на **слонов**. Однако ни одна надпись не упоминает об убийстве этих животных ради получения самой лучшей, по мнению Чжоу Дагуаня, слоновой кости. Слоновая кость животных, умерших естественной смертью, якобы не представляла большого интереса. Изображения носорога также встречаются на барельефах и других декоративных элементах, где он представлен или в виде коренного обитателя лесов, или как верховое животное бога огня Агни. Его рог, хорошо известный в китайской фармакопее как средство для полового возбуждения, не указан в перечнях медицинских препаратов, начертанных на стелах лечебниц, но в древние времена, как и в наши дни, он, несомненно, вывозился за границу.

Воск широко использовался в первую очередь для **освещения** (обратите внимание на восковые факелы, о которых говорится в надписи на стеле Та Прохм); его сбор в той или иной степени контролировался государством и проходил одновременно со сбором меда. Согласно надписи XI столетия, несколько деревень, расположенных в Тростниковой долине (Кохинхина) и поставлявших воск и мед, были освобождены от некоторых повинностей, а также выведены из-под юрисдикции местной администрации и подчинены только «главе по сбору воска», который был обязан защищать их интересы перед королем. В двух других надписях, датированных VIII веком, обнаруженных в этом же районе, тоже говорится о поставках воска и меда (хотя и не так однозначно, как в предыдущей), что свидетельствует о давней специализации данной местности.

Многие из продуктов, упомянутых Чжоу Дагуанем, служили разменной монетой при заключении торговых сделок, о которых говорится в надписях. Такой «монетой» являлись кардамон (его собирали в горах, носящих то же название, он считался лекарственным средством) и воск.

Как полагал Чжоу Дагуань, в Камбодже использовались два вида соли: морская соль, получаемая выпариванием (букв. *варкой*) морской воды, и минеральная, превосходившая по своим вкусовым качествам морскую (по всей видимости, речь идет о каменной соли). Китайский посланник добавляет, что доступ к соляным рудникам и их разработка были свободными, иными словами, **соль не являлась объектом монополии**. Читая надписи, мы установили, что соль входила в перечень ежегодно поставляемых продуктов и служила разменной монетой в торговых сделках. В нашем распоряжении имеется единственный текст, в котором содержится намек на возможный контроль со стороны властей над произ-

водством соли: речь идет о надписи VII века, предписывающей поставлять определенное количество соли на речной причал, откуда она перегружалась на лодки, принадлежащие различным храмам.

Поскольку отсутствуют сведения о полезных ископаемых в древней Камбодже, приходится довольствоваться некоторыми предположениями по поводу разработки недр. Вряд ли залежи рубинов и полудрагоценных камней в районе Пайлина (провинция Баттамбанг) были известны в древние времена. В отношении металлов все обстоит еще сложнее. Результаты археологических раскопок свидетельствуют о том, что **железо** было довольно широко распространено (из него делалось оружие, инструменты, железные скобы, применяемые в строительстве). Кроме того, кхмеры использовали **медь** и другие составляющие **бронзовых** сплавов (бронзовые статуи, архитектурные вставки и украшения, посуда, инструменты, элементы паланкинов и т.д.), а также **свинец** (кровли отдельных домов, разного рода крепления). Что касается **золота** и **серебра**, то недостатка в этих металлах не было, если судить по огромному их количеству в храме Прах Кхан в Ангкоре. Согласно надписи на стеле этого монумента, из них были сделаны украшения, ритуальная посуда, золотом покрывали статуи и даже здания. Все это наводит на мысль о происхождении этих металлов: либо имелись местные золотые и серебряные рудники, либо металлы ввозились из-за границы, либо доставлялись из оккупированных стран. Что касается Чжоу Дагуаня, то он ограничился констатацией того факта, что в Камбодже не было ни золотых, ни серебряных рудников (это не совсем верно), ничего не сообщая нам о других металлах. Другие китайские источники не столь категоричны (в частности, в отношении первых веков исторического периода) и содержат сведения о существовании золотых, серебряных и мед-

ных рудников. Здесь не приходится рассчитывать на эпиграфику: разумеется, из текстов мы знаем, что металлы (золото, серебро, свинец) использовались в форме слитков или чушек как разменная монета, но об их происхождении ничего не говорится. Имеется единственный текст, в котором может идти речь о рудниках. В найденной на северо-востоке Ангкора санскритской надписи 948 года говорится о «поместье, изобилующем серебром, драгоценными камнями и медью», и далее употребляется слово «рудник», которое, впрочем, может иметь и другие значения.

Если обратить внимание на **разработки полезных ископаемых** в сегодняшней Камбодже, то мы увидим, что в стране есть залежи железа в Пном Дек (букв. *Железная гора*). Это месторождение еще в XIX столетии разрабатывалось куями, горным народом, проживающим на северо-востоке страны. Они использовали способы выплавки железа, во многом схожие с древними индийскими металлургическими технологиями. Вполне возможно, что это месторождение эксплуатировалось и в древние времена и было главным поставщиком железа в Ангкорскую эпоху. Что касается других металлов — золота, серебра, свинца и меди, — то в различных областях Камбоджи существуют их небольшие разрабатываемые залежи. Могли они разрабатываться и в древности. К. Потье выдвинул гипотезу, что в ангкорскую эпоху существовало месторождение свинца, которое разрабатывалось и находилось неподалеку от того места, где была обнаружена вышеприведенная надпись.

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

О кхмерских ремесленниках нам почти ничего не известно. В связи с поставкой большого количества одежды наряду с другими товарами, подносимыми в дар храму Та Прохм, в надписях упоминались тка-

чи, серебряных дел мастера и изготовители более или менее ценной металлической посуды, которой было много, если судить по длинным перечням в подношениях храмам. В записях упоминаются также ювелиры, создававшие украшения для статуй богов и знаки отличия для сановников. Наконец, **печи для обжига керамики**, найденные в Пном Кулен, а совсем недавно и в непосредственной близости от Ангкора, подтверждают важность этого вида деятельности, который заключался не только в производстве различных сосудов, но и черепицы. Применяемая технология подверглась в IX веке значительным изменениям под влиянием китайцев.

ТОРГОВАЯ

В основе торговли в древней Камбодже лежал обмен. Чеканные деньги появились в стране только в XVI столетии. До этого периода драгоценные металлы — золото и серебро — рассматривались только как одни их многих товаров, которые могли быть использованы в качестве «разменной монеты». По словам Чжоу Дагуаня, «в сделках с дешевыми товарами на рынках платили рисом, зерновыми или предметами китайского происхождения; затем шли ткани; а при заключении крупных коммерческих сделок использовали золото или серебро». На самом деле все было гораздо сложнее, а **количество товаров и предметов, служивших платежными средствами при торговых сделках, было огромным.** Так, в надписи X века, описывающей различные торговые операции, связанные со строительством ашрама, говорится, что одна рабыня была куплена за блюдо, медный котелок, серебряную чашу, некоторое количество воска и одежду (указывался вес каждого предмета); за другую заплатили свинцом; за участок земли было уплачено рабом и опять

же свинцом, тогда как еще один участок стоил около двадцати предметов одежды! В более позднем тексте (XI век), написанном по случаю приобретения нескольких земельных наделов, сообщается, что каждый из них стоил одного или двух слонов и некоторых предметов, вероятно, необходимых для ухода за ними. Система уплаты натурой применялась только при заключении торговых сделок. Так, за установку межевых столбов на участках расплачивались рабынями. Точно так же обстояло дело с любого рода поощрениями, вознаграждениями, пожертвованиями и т.д., всегда выражавшимися в натуре, будь то земельная собственность, самые разные бытовые предметы, драгоценные металлы или опять же рабы.

Такая меновая система не позволяет производить сравнительное изучение цен на товары, земельные угодья или ставок налогообложения.

По словам Чжоу Дагуаня, рынок в столице работал каждый день, у каждого купца было свое определенное место, за аренду которого он платил товарами. Благодаря надписям на стелах Та Прохм и Прах Кхан известно, что в правление Джайявармана VII некоторые выплаты натурой, предназначенные для этих храмов, были возложены на рынки: в Та Прохм поступали довольно большие партии свинца, а в Прах Кхан отправлялись крупные поставки риса. В последнем тексте сообщается, что в исключительных случаях рынки работали в некоторые праздничные дни. Остается напомнить, что на барельефах Байона представлены несколько рыночных сцен, среди которых присутствует изображение торговли рыбой, о которой мы говорили выше.

Благодаря Чжоу Дагуаню известно, что торговля в Камбодже находилась в руках женщин. Приезжавшие в страну китайцы первым делом женились

на местных женщинах, потому что те слыли весьма сведущими в торговле. Эти сведения так и остались бы голословным утверждением, если бы не один барельеф в Байоне, о котором мы уже упоминали: на нем изображен дом одного китайца, и вполне вероятно, что он занимался торговлей. Хотя в надписях часто идет речь о заключении торговых сделок, о купцах (слово, как нам кажется, всегда употреблялось в мужском роде), говорится значительно реже. **О существовании гильдий или подобных им объединений торговцев** нам известно из надписи конца VII века, согласно которой один сановник был назначен королем «главой гильдии купцов» (*ванид-жам адхипах*); а в другой, написанной на кхмерском языке гораздо позже (1011 н.э.), также упоминается о главе купеческой гильдии (*кхлон ваник*). Надпись VII века, как нам кажется, свидетельствует о существовании контроля над торговлей со стороны государства, что идет вразрез с индийской традицией гильдий, хотя и соответствует ситуации, которая сложилась в то время в Камбодже.

Улучшению торговли внутри страны способствовала развитая сеть дорог, о которой мы уже говорили (см. Главные дороги, гл. II). Складывается впечатление, что периоды интенсивного дорожного строительства совпадали с расцветом товарообмена и торговых связей, хотя торговцы не упоминаются в категории путешественников, имеющих право останавливаться на отдых в ашрамах, основанных Яшоварманом I. Мы уже говорили, что в изображениях армии на марше представлены повозки, вьючные слоны, носильщики или носильщицы, и нет никаких оснований полагать, что товары перевозили каким-либо иным способом. **Можно предположить, что для доставки товаров активно использовались корабли на Великом озере и Меконге**, а в период половодий и на других реках. Главный лоц-

ман (*маханауваха*), который в VIII столетии сделал подношение храму, расположенному в регионе Самбор на Меконге, по всей вероятности, осуществлял свою деятельность на этой великой реке. Чжоу Дагуань прибыл в Ангкор, пересаживаясь с судна одного типа на другое в зависимости от того, по каким водным путям он плыл. И наконец, нам известно, что внутри крепостных стен Ангкор Тхома можно было перемещаться по сети каналов, проложенных по всему городу. Кроме того, существовал большой судоходный канал, соединяющий Великое озеро с карьерами, где добывали песчаник.

У Камбоджи издревле существовали торговые отношения с Китаем, и ее часто посещали, по словам Чжоу Дагуаня, «заморские купцы». Китаец также сообщает, что, несмотря на то что в королевстве производили свои ткани, их также завозили из Сиама, Чампы и Индии. Торговые связи с Сиамом и Чампой выглядели как нормальные отношения с соседними народами, которые несколькими годами ранее входили в королевство кхмеров. Что касается давних связей с Индией, то у нас еще будет повод поговорить о них. Пока можно констатировать, что их постоянство подтверждается регулярным прибытием в Камбоджу из Индии брахманов и других священников. Хотя возникают сомнения насчет существования постоянных торговых контактов между этими странами на протяжении всего ангорского периода. И наконец, ничего не известно о торговых связях кхмеров с более отдаленными странами. Наш китаец, упрекавший их в лживости, лицемерии и склонности к мошенничеству в торговых сделках со своими соотечественниками, не сообщает нам, посещали ли когда-нибудь кхмерские купцы Китай. Что касается Индии, то, как мы уже говорили, мы не знаем ничего или почти ничего о торговых связях между ней и странами Юго-Восточной Азии.

Немного больше сведений о том, что продавала Камбоджа, и главным образом о том, какие товары она закупала. Что касается экспорта, то у нас есть длинный список Чжоу Дагуаня. В нем указываются исключительно продукты растительного или животного происхождения, добываемые охотой или собирательством (см. выше Природные ресурсы). Что же касается импорта, то предоставленный нам все тем же автором список китайских товаров, пользовавшихся большим спросом у кхмеров, отчасти дополняется и подтверждается надписями и археологическими находками. В список Чжоу Дагуаня входят как золото и серебро, так и различные подделки и изделия, относящиеся к предметам роскоши (в частности, шелка, селадоны — фарфоровые изделия, покрытые серовато-зеленой глазурью, — и циновки), а также различные полезные ископаемые и другие сырьевые продукты (ртуть, сера, селитра, сандал, мускус и т.д.). Кроме того, китайцы закупали основные продукты питания, вывоз которых из Китая был запрещен: бобы и пшеницу. Импорт предметов роскоши кхмерами подтверждается списком подношений, сделанных храмам. Так, в одной надписи X века говорится об «иностранный шкатулке», «иностранный кубке», «большом китайском зеркале», преподнесенными храму Шивы, в то время как в другой надписи, относящейся практически к тому же периоду, идет речь о трех китайских сосудах в форме тыквы, преподнесенных в дар богине Бхагавати. Что касается храмов Та Прохм и Прах Кхан, то сюда в дар богам приносили большое количество предметов, считающихся «китайскими»: шкатулки, москитные сетки, ткани и циновки. И наконец, если Чжоу Дагуань говорит только о селадонах, то раскопки, ведущиеся в Ангкоре, показали, что фарфоровые изделия, ввозимые в Камбоджу из Китая, были самого разного назначения и фор-

мы: страсть к этим изделиям зародилась у кхмеров очень давно и еще более выросла с IX века, когда кхмерские гончары научились делать фарфор сами, заимствовав китайские технологии.

СИСТЕМА МЕР И ВЕСОВ

Системы мер и весов, которые присутствуют в надписях, выглядят весьма причудливо. В их основе лежали индийские меры, но они дополнялись другими способами измерения различного происхождения. На практике одновременно использовались индийские, кхмерские и китайские единицы измерения. Столь же разнообразна была и система подсчета, получившая благодаря Ж. Кёдесу название «разнородной». Ее становление происходило под влиянием индийских, китайских и др. купцов (П. Женне). Подчас сложно определить значение меры, поскольку для обозначения одной и той же единицы могли одновременно использоваться и кхмерские, и санскритские термины. Двухязычные надписи позволяют установить некоторые их эквиваленты, но это получается далеко не всегда. Значения кхмерских терминов, менявших с течением времени названия, не всегда определены, а индийские системы происходили из разных регионов страны. Поэтому не всегда можно понять, на какую точно систему ссылались кхмеры при ее использовании или адаптации. Вот почему так сложно дать точную и единую картину всей совокупности существовавших мер. Инструментами измерения были градуированная линейка, ее носил на плече *Вишвакарман*, архитектор богов (изображения XI–XIII веков), и весы. Самым ранним изображением весов являются весы ювелира, обе чаши которых подвешены за два шнура на коромысле; в скульптурных изображениях они являются непременным атрибутом одного

«горбатого бога», которого нам не удалось идентифицировать. Его золотая статуэтка была обнаружена среди предметов, переданных в дар небольшому храму, расположенному у подножия Пном Бакхенга в Ангкоре. Были также весы, подвешенные за обе чаши к деревянному коромыслу (бамбуковому), ими пользовались торговки на рынках, изображенные на стенах Байона. И, наконец, пользовались весами древнеримского образца; они фигурируют в изображении одной из предыдущих жизней Будды, Шибиджатаки, где на них взвешивается фунт мяса, чтобы выкупить голубку. Наличие этого широко распространенного в Индии в иллюстрациях к этому рассказу приспособления наводит на мысль о заимствовании в середине XII века кхмерами этого вида весов.

Способы и единицы измерения, принятые в сельском хозяйстве были сложны и многообразны. Благодаря месту, отводимому в эпиграфике сделкам с рисовыми плантациями, единицы измерения очень часто встречаются в надписях. Площадь рисовых полей определялась либо с помощью их измерения, либо, чаще всего, количеством семян, необходимом для их засеивания. Обе системы могли использоваться одновременно: так, в надписи VII века сообщается размер трех рисовых плантаций: в одном из случаев он определяется количеством семян, а в двух других — на основе их площади (выраженной в двух разных единицах измерения!).

Размеры определялись в линейных единицах (ширина и длина) или по площади. В первом случае единица измерения не указывается, но речь идет, несомненно, об индийской «сажени» (*виама*), равной четырем «локтям» (*хаста*). Сажень, кстати, была широко распространенной единицей длины при измерении стен, рвов, заполненных водой, и т.д., что подтверждается надписями, обнаруженными в Та

Прохм и в Прах Кхан. Площадь указывалась в двух единицах кхмерского происхождения, размеры и соотношение между которыми нам неизвестны.

Первая называлась «*шанфе*» (видимо, производное от *сре* или *шфе*, что означает «рисовое поле»), а вторая (она используется чаще) — «фут» или «шаг», что на кхмерском языке звучит как «*джен*»; иногда в кхмерских текстах встречается буквальный перевод этого термина на санскрит (*пада*).

Для подсчета количества семян чаще всего прибегали к индийской системе мер объема, состоящей из пяти градаций с увеличением в 4 раза. В двуязычной надписи 1129 года содержится ряд эквивалентов на санскрите и кхмерском языке.

Меры объема, используемые для семян

Санскрит	Кхмерский язык
Кхари (4 дроны)	Тхлван
Дрона (4 адхаки)	Дже
Адхака (4 праштхи)	?
Праштха (4 кудавы)	Лих
Кудава	Квар

Эта система с давних пор была самой распространенной, но и у нее было несколько вариантов в кхмерской номенклатуре, когда, например, слово «дже» (санскр. эквивалент «дрона») заменялось термином «мас», который обычно означал единицу веса, а не объема. Меры объема, используемые для семян, применялись для всех видов зерновых, особенно когда отмерялось их количество для поставок в храмы.

Кроме единиц длины, используемых для измерения полей и т.д. (см. выше), общепринятой единицей был индийский «локоть» (санскр. «хаста», превратившийся в кхмерском языке в «*хах*»). Что касается тканей, то в этом случае прибегали к спец-

ифической единице измерения, соответствующей количеству материала, необходимого для пошива верхней одежды, откуда пошло ее название «йо» (верхняя одежда, «кафтан»).

Меры веса, используемые для определения тяжести крупных предметов, представляли собой довольно стройную систему, в основе которой также лежал индийский образец. Самой большой единицей был «груз» (*бхафа*), поделенный на 20 «весов» (*тула*), различавшихся друг от друга на 100 *пада*. Но в эту систему проник целый ряд промежуточных единиц, точное значение которых нам не удалось определить. Видимо, изначально они относились к какой-то другой системе; так, «джиян», составлявший одну двадцатую «веса», делился на более мелкие единицы — *лин* и *пада*, а сами термины «джиян» и «лин» имели китайские корни.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО РЕЛИГИОЗНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Общественные работы и строительство (главным образом храмов и других религиозных сооружений) занимали важное место в экономической жизни Страны кхмеров. Это касалось как инвестиций, необходимых для возведения монументов, и расходов на их содержание, так и населения, занятого на их строительстве. Задачи их финансирования определяли по большей части функционирование всей государственной экономики в ангорскую эпоху: во-первых, этими работами была охвачена значительная часть людских ресурсов страны, во-вторых, немалые средства направлялись на содержание храмов и других религиозных сооружений. Можно смело утверждать,

что храмы были в числе самых крупных собственников королевства.

Помимо этих работ велось усовершенствование гидротехнической, дорожной и религиозной инфраструктур королевства. Эти структуры были тесно связаны друг с другом, и работы на них способствовали решению общих задач, в чем можно убедиться, когда мы будем говорить о «восточном деспотизме» (см. ниже: Финансирование строительства). Кроме того, они способствовали решению насущных проблем страны. Действительно, рвы больших храмов (Ангкор Ват, Прах Кхан), мосты, возведенные на магистральных путях во времена Джайявармана VII, а также большое количество дорог можно полноправно отнести к сфере гидротехнической реорганизации территории, проводимой ее вдохновителем. **Построенные вдоль дорог религиозные сооружения (храмы, постоялые дворы, ашрамы, лечебницы) являлись неотъемлемой частью политики объединения королевства вокруг дорожных сетей.** Финансировались эти работы чаще всего королем, но иногда расходы по возведению того или иного светского или религиозного сооружения брали на себя частные лица (см. ниже: Финансирование строительства частными лицами).

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В строительстве кхмеры использовали лес, кирпич, камень, а в качестве дополнительных материалов — различные металлы (железо, свинец, «бронзу»). **Способы применения этих материалов в течение всего ангорского периода не подвергались существенным техническим изменениям, хотя дух перемен все время витал и в этой области, что в итоге привело к усовершенствованию строительных материалов и обновлению архитектурных форм.**

Дерево служило основным элементом при строительстве сельских или городских домов, изображения которых сохранились на барельефах Байона. Из этого же материала возводили обширные, возвышающиеся на террасах павильоны с колоннами, поддерживающими кровлю. Наглядным примером такого рода сооружений является «терраса слонов» перед Королевским дворцом в Ангкоре. Такие строения нуждались в деревянных опорах большого диаметра, свидетельством чему являются руины террасы Прокаженного короля, которые беспрепятственно и в большом количестве поставляли строевые леса в окрестностях Ангкора и соседних районах. Крыши этих павильонов имели изогнутую форму. Эта же технология применялась при возведении кровель кирпичных или каменных домов («длинные залы», «дворцы» и т.д.). Поддерживаемые этими опорами крыши были черепичными, каменными, иногда свинцовыми; черепица и другие керамические архитектурные изделия обжигались, как мы уже говорили, в тех же печах, что и посуда (см. выше: Ремесленное производство). Но уже в течение XI века кхмеры полностью отказались от деревянных кровельных конструкций на каменных зданиях, заменив их консольными сводами; впоследствии они увенчивают деревянные портики перед каменными монументами (как, например, в Пимаи). Из дерева делали также потолки внутри целл, галерей (как, например, в Ангкор Вате) и других внутренних помещениях. И наконец, его использовали, особенно в XI столетии, в совершенно неподходящем для него качестве: для усиления каменных балок, внутрь которых оно, видимо, забивалось, хотя тем самым оно только ослабляло их.

В течение всего доангкорского периода и двух первых веков ангкорской эпохи предпочте-

ние среди строительных материалов отдавалось кирпичу. Затем он утратил свои позиции, за исключением областей, расположенных на северо-востоке современного Таиланда, что объясняется относительным дефицитом в этом регионе песчаника (см. ниже в разделе о латерите). Кирпич изготавливался и обжигался в непосредственной близости от строительных площадок, и подтверждением тому является «печь» для обжига кирпичей в Прасат Краван в Ангкоре, находившаяся на краю храмового рва, глина которого использовалась для изготовления кирпичей. В момент кладки кирпичи притирали друг к другу, а связующий раствор изготавливался на основе растительного сырья. Кирпичные фасады, как правило, покрывались штукатуркой под мрамор, на которую затем наносился декор. Дверные проемы, декоративные ригели, вероятно, ложные двери и иногда некоторые декоративные элементы (настенные божества) делались из песчаника.

Кхмеры широко использовали латерит и разновидности песчаника. Латерит легко обрабатывался, но с трудом поддавался шлифовке при нанесении декора и отделке скульптур. Поэтому чаще всего он использовался при сооружении наружных стен, фундаментов, ступеней, пирамид государственных храмов и второстепенных строений (длинные залы и т.д.). Однако, несмотря на то что здания (остановочные пункты, храмы при лечебницах) в основном строили из песчаника, в некоторых районах их возводили из латерита (за исключением дверных обрамлений). Особенно широко он применялся в северо-восточных областях современного Таиланда, что объясняется его широким распространением в этом регионе и легкостью добычи. Песчаник же был редким материалом, который использовался исключительно

для сооружения таких грандиозных монументов, как храм Пимаи, а также в тех частях зданий, где он был необходим по технологии (например, дверные проемы).

Латерит часто добывался в непосредственной близости от строительных площадок, чего нельзя сказать о песчанике. Что касается крупных храмов, то как строительный материал песчаник использовался при возведении только Ват Пху и главным образом Бенг Меалеа (см. также Та Муен или Прехах Вихар в горах Дангрека). **Ближайшие к Ангкору карьеры песчаника находились в тридцати километрах от него** (в районе Бенг Меалеа), что вызывало серьезные проблемы его доставки. При этом отметим, что на обычную камбоджийскую повозку, запряженную парой быков или буйволов, можно было погрузить всего один блок песчаника «стандартного» размера. Транспортировка камня представляла собой важную статью расходов в бюджете, предусмотренном на строительство храма, но что любопытно, практически ни в одной из надписей хотя бы косвенно не сообщалось об этом, кроме одной, где идет речь о закупке камня и слонов для строительства храма Та Кео в Ангкоре в начале XI века. О наличии этой проблемы свидетельствует судоходный канал, который соединял карьеры с Ангкором (через Великое озеро и реку Сиамреап).

Технология добычи камня была довольно примитивной: очистной забой был невысок, а сама добыча осуществлялась выемкой больших кусков камня при помощи смоченного в воде деревянного колуна, что приводило к его значительным потерям.

Блоки вытесывались по указанным мастерами размерам. Ж. Дюмарсе удалось восстановить чертежи каменной кладки храма Та Кео в Ангкоре: работы

по стереотомии¹ предполагали составление очень четких графических планов. Укладка камня с одновременным шлифованием поверхностей осуществлялась без строительного раствора, но, видимо, с применением железных скоб с последующим их заделыванием свинцом. Хотя вполне вероятно, что для крепления кладки могли применяться и другие технологии (наличие пазов и выступов, усиление углов здания и т.д.). Однако при Джайявармане VII стереотомия постепенно свелась к минимуму. Часто перестройка и перепланировка зданий приводили к неконтролируемому разбазариванию строительного материала и ослаблению всех структур строений. Этот же период характеризуется установкой немонолитных перекладин дверных проемов, а также использованием некачественного и часто различного песчаника для строительства одного и того же здания.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Как и в большинстве стран, заимствовавших индийские традиции, **главные здания камбоджийских храмов (те, в которых были целлы), составляющие большую часть сохранившихся построек, полностью строились из тяжелых строительных материалов (кирпич или камень).** Когда в XI столетии изогнутые конструкции кровель были заменены сводчатыми на галереях и прилегающих к храмам постройках, эта технология распространилась на все остальные части храмовых ансамблей.

¹ Стереотомия — строительство из камня (от греч. stereos — твердый, крепкий, и tome — рассечение), искусство обработки крупных каменные квадр. Стереотомия — характерное качество древнегреческой архитектуры, отличающее ее от римской (римляне строили из кирпича с последующей мраморной облицовкой) (*примеч. пер.*).

Такое нововведение повлекло за собой систематическое применение консолей (точнее, «опорных подушек») для возведения кровель, шла ли речь о надстройках на храмах, или о сводах галерей и других примыкающих к храмам зданий. В результате этого нововведения вес зданий значительно увеличился, их фундаменты представляли собой котлованы, вырытые точно по размерам проектируемого сооружения («песчаная подушка»), вокруг которых делалась насыпь.

Архитектурные формы во многом повторявшие индийские образцы, на которые накладывался местный колорит, впоследствии развивались самостоятельно (например, появились надстройки с ложными этажами), но не выходили из рамок индийских норм и доктрин (см. гл. VIII). Впрочем, архитектурная самобытность не мешала Камбодже плодотворно и активно внедрять технологии, зародившиеся в Индии и других странах Юго-Восточной Азии (например, технология усиления углов зданий). Это замечание относится и к гидротехническим сооружениям. Например, прообраз кхмерских бараев обнаружен в Индонезии. Эта яванская модель — бассейн-плотина, окруженная тремя дамбами и открытая со стороны склона, — изначально была разработана для мест, расположенных на возвышенности, и успешно функционировала в Ват Пху, затем, в начале IX века, в предгорьях Пном Кулена. Но когда бараи такого типа возвели на равнине в Лолеи (Ролуос) в конце того же IX столетия, это закончилось полным провалом из-за быстрого отложения осадочных пород. И тогда кхмеры изменили форму бараа, закрыв его с четырех сторон, и добавив к нему акведук, питающий водоем водой, дав жизнь бараю в том виде, в котором мы его описали (см. Сельское хозяйство, Страна воды, гл. II).

АРХИТЕКТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Одной из особенностей кхмерской храмовой архитектуры является **однотипный характер ее сооружений, выразившийся двумя способами. Прежде всего, речь идет о способе, который заключается «в воспроизведении уже существующих и подчас разнообразных моделей для создания нового оригинального ансамбля или композиции».** Эти слова Ж. Дюмарсе можно отнести ко всей азиатской архитектуре. **Но кхмеры также воссоздавали многочисленные точные копии того или иного архитектурного ансамбля, насаждая их по всей территории королевства.** Это привело к образованию архитектурной структуры в масштабах всей истории Камбоджи, по крайней мере одного из ее периодов (в первом случае) или (во втором случае) в рамках одного правления. Самым характерным примером первого случая является вырубленный в горе храм сложной формы, изобретенной в конце VIII века (храм Ак Йом), на который была возложена миссия религиозного центра королевства и государственного храма; и он выполнял ее вплоть до конца XII столетия. Отказ от этой модели после ее последнего варианта — Байона, построенного Джайяварманом VII, — по сути, означал конец ангорского периода (см. гл. II и гл. VIII). Второй случай, который мы можем определить как **«воспроизводство идентичных сооружений»**, интересует нас гораздо больше, поскольку для кхмерского королевства это представляло одновременно **политический и административный интерес.** Речь шла прежде всего о том, чтобы упростить процесс управления государством, распространив по его территории свод правил, ограничивающих до полезного ми-

нимума инициативу местных властей: чертежи остановочных пунктов и храмов при лечебницах, разработанные государственным **«проектным бюро»** столицы, передавались главам администраций на местах, а те вручали их руководителямстроек, свобода решений которых сводилась к выбору строительного материала — песчаника или латерита — в зависимости от местных ресурсов. За редкими исключениями, строительство, которое было **спланировано и просчитано** еще до начала работ, сводилось к простому исполнению указаний (зачастую не совсем добросовестному). Таким образом, затраты на строительство 102 лечебниц, о которых говорится в надписи на стеле Та Прохм, и 121 остановочного пункта (надпись на стеле Прах Кхан) вполне могли быть вписаны в бюджет королевства. В то же время **политическая** роль этих учреждений заключалась в наглядной демонстрации **реализации масштабных государственных проектов** и абсолютной власти короля. Любопытно, что в IX и в XII столетиях возведение заведений этого типа осуществлялось в самом начале правления, когда король стремился закрепить **покорение им соседних стран** (*диг-виджайю*), то есть официально обозначить границы своего королевства.

Вся кхмерская архитектура, разумеется, не вписывается в раз и навсегда определенные рамки форм и правил, но целый ряд государственных храмов, гигантские гидротехнические работы, как и серия однотипных строений, возведенных по всей стране, являются несомненными свидетельствами того, как королевская власть смогла организовать и контролировать важнейшую отрасль экономической деятельности древней Камбоджи.

АРХИТЕКТОРЫ

Строительством храмов и других зданий или гидротехнических сооружений руководили **мастера своего дела, архитекторы, либо управляющие строек**. В надписях на кхмерском или санскритском языках эти лица фигурируют под санскритским термином «*шилпин*», который мог обозначать и ремесленника, и архитектора, и инженера. Представляет особый интерес надпись административного характера, содержащая указ Сурьявармана II, предписывающий «архитекторам 1, 2, 3 и 4 категорий», а также жителям одного округа построить деревню и храм, возвести башню (видимо, при храме), выкопать пруд, обнести деревню оградой и т.д. Тот факт, что архитекторы делились на четыре категории, говорит о том, что они занимали **довольно высокое место в иерархии** главных служб королевства. Можно предположить, что монарх обращался к лицам, отвечающим за такую службу, которую в наши дни мы бы назвали проектным бюро, таким образом устранивая руководителей местной администрации от участия в работах, которые он считал исключительно важными (в округе, о котором идет речь, родился Врах гуру, знаменитый Дивакарапандита). **Оплата** архитекторов производилась, как правило, в форме земельных наделов, о чем говорят другие источники, носящие более личностный характер: так, в XI веке один сановник, носивший двойной титул Вишвакармана (бог архитекторов) и «главы шилпинов», руководил работами по сооружению Западного бараая, храма Бафуон и благоустройству столицы. В качестве оплаты он получил в собственность земельный участок из личных владений короля. Его титулы говорят о том, что он был архитектором, но та же надпись свидетельствует о том, что впоследствии ему был присвоен титул «главы корпорации художников». В другом

тексте идет речь об одном «специалисте» (*ачафья*), нанятым частным лицом для строительства буддистского храма, получившим в награду за выполненную работу рисовое поле. В другой, более поздней надписи (предположительно датируется 1327 г.) сообщается о золоте, выплаченном различным лицам, среди которых были шилпины (архитекторы? ремесленники?) и жрец, проводивший ритуалы, обеспечивающие успех строительства.

ФИНАНСИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ЧАСТНЫМИ ЛИЦАМИ

Самым крупным, но далеко не единственным инвестором, вкладывающим средства в строительство храмов или общественных учреждений, был король. Буддистский храм, о котором мы только что упомянули, был возведен по инициативе и за счет одного руководителя округа. В 1003 году один чиновник построил на свои средства храм и установил в нем статуи своих родителей. Иногда учредитель храма переносил все заслуги за его возведение на короля; так поступил, например, один брахман, который в начале X века велел построить храм и выкопать несколько прудов. **Некоторые частные лица принимали самое активное участие в проведении общественных работ.** Например, по инициативе одного придворного Сурьявармана I были построены два постоянных двора или ашрама, к которым он присоединил бассейн-плотину «для блага путешественников»; другой сановник по приказу короля проложил на собственные средства дорогу. В период правления Сурьявармана I строительство отдельных сооружений за счет частных лиц являлось неотъемлемой частью хорошо продуманной политики монарха. Например, Йогишварапандита,

гуру Сурьявармана I, построил Ват Ек. Иногда случалось, что правитель выделял свои собственные средства одному из сановников, чтобы тот их инвестировал в строительство религиозных сооружений, но подчас довольно сложно определить подлинного инвестора. Так, в 987 году Джайяварман V приказал выделить рисовое поле одному вельможе, чтобы тот на вырученные от его продажи средства приобрел латерит на постройку храма и нанял буйволов для его перевозки.

Интересную схему относительно работ, инициированных королем, предложил Ф. Штерн. Согласно ей, каждое правление должно было быть «отмечено» последовательным возведением трех видов «архитектурных» объектов: к первому относились общественные сооружения (бараи, ашрамы, лечебницы и т.д.), ко второму — храм, посвященный предкам, а третий представлял собой строительство государственного храма. Эта теория ценна тем, что в ней выделяются основные направления официальной архитектурной политики древней Камбоджи. Кроме того, она подчеркивает значение и роль, которые придавались государственному храму, единственному проекту короля; два же остальных были монументальным расширением частных религиозных сооружений. Необходимо отметить, что на практике встречались разные случаи. **Прежде всего все зависело от значения, которое придавалось строительству в период того или иного правления.** Величайшим строителем, бесспорно, был Джайяварман VII, построивший множество сооружений как в Ангкоре, так и провинции, но это было вызвано необходимостью восстановления единства страны. Все построенные им монументы прекрасно вписываются в схему «трех проектов», предложенную Ф. Штерном (исключая последовательность их возведения), и, более того, несут на себе отпе-

чаток его личности. В периоды других правлений строительство часто шло от случая к случаю, а недавно выяснилось, что возведение большей части сооружений не всегда инициировалось королем, часто присваивавшим себе право их строительства. Он лишь завершал строительство, намеченное или начатое его непосредственным предшественником или предшественниками, внося в него некоторые изменения (Дюмарсе и Ройер). И это очень важно, поскольку данный факт свидетельствует о замечательном постоянстве и преемственности, свойственным всем областям жизнедеятельности анкорского периода. Иначе говоря, это говорит о существовании кхмерской модели последовательного развития (см. от Ангкора до Ангкора, гл. I).

В индийском мире постоянное функционирование храма могло быть весьма дорогостоящим делом, особенно тогда, когда наряду с главным богом храма существовало множество второстепенных божеств, скульптуры которых были «установлены» рядом с его статуей и являлись объектами регулярных богослужений. Если же их изображения устанавливались на фасадах храмов и не были ритуально «утверждены», то тогда они играли лишь декоративную и дидактическую роли. Количество статуй второстепенных божеств в храмах Камбоджи было порой весьма значительным (более 500 в храмах Та Прохм или Прах Кхан; цифры заимствованы из надписей на стелах возле этих монументов, см. гл. VI). Если прибавить к стоимости бесчисленных богослужений затраты на проведение многочисленных праздников (см. гл. V), то получится довольно круглая сумма, требовавшаяся для обслуживания и функционирования крупных храмов.

Для финансирования частных или королевских храмов их учредители прибегали к различным способам, иногда применявшимся одновременно. Во-

первых, это было предоставление в дар недвижимого имущества, доход с которого поступал в распоряжение храма или любого другого учреждения, которого это касалось. Этим имуществом могли быть одна или несколько деревень, рисовые плантации, поля или фруктовые сады и даже несколько деревьев. Деревни передавались вместе с рисовыми полями, жителями и инвентарем, принадлежащим бригаде, при помощи которого возделывали землю. Наряду с этим существовали **регулярные пожертвования и дотации, главным образом ежегодные, представлявшие собой наборы продуктов и предметы, которые могли выступать в качестве объектов обмена при заключении сделок, или вещи первой необходимости, непосредственно используемые храмом: пища для бога и/или персонала, культовые предметы, одежда.** В эту категорию входили также «рабы», некоторые из них специализировались на выполнении отдельных работ (музыканты, танцовщицы, изготовители гирлянд и т.д.). Дотации или пожертвования могли целиком направляться храму (как и любому другому учреждению), либо поступали в распоряжение одного лица, либо распределялись среди служащих храма, указанных поименно или по названиям исполняемых ими обязанностей. Каким образом обеспечивалось регулярное поступление финансовых средств, нигде не уточняется, но вероятнее всего, оно осуществлялось путем выполнения устного обязательства или по приказу короля.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ: ВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ

В работах Виттфогеля древняя Камбоджа предстает как прекрасный пример «восточного деспотизма»: организация ирригационной системы путем

проведения широкомасштабных работ требовала как производства сверхприбыли, так и колоссального напряжения и концентрации сил королевских властных структур. Полученная сверхприбыль позволяла проводить другие крупные работы. Такая организация трудовой деятельности могла сложиться только при «деспотической власти». Изначально в Камбодже это вылилось в рытье в столице и вокруг нее многочисленных каналов и бараев, которое начал Джайяварман II в начале IX столетия, что привело к созданию «гидротехнического города». До конца X века основные работы велись в регионе Ангкора (не считая короткого эпизода, связанного с Кох Кером). **Сверхприбыль, приносимая ангорским гидротехническим городом, позволила королевству в ходе XI века значительно увеличить свою территорию:** из кхмерских провинций и особенно из присоединенных областей на территории современного Таиланда буквально выкачивались все соки с целью получения новой сверхприбыли, направляемой в историческое ядро королевства, его столицу. Жесткая эксплуатация покоренных народов воплотилась в насильственном (в полном смысле этого слова) насаждении законов и порядков, чуждых местным традициям (например, обложение дополнительным налогом за пользование «бараем» одного круглого, согласно местной традиции, города, см. выше: Сельское хозяйство). **Наиболее ярким архитектурным воплощением кхмерского деспотизма стало возведение в XII веке Ангкор Вата,** не говоря уже о многих других сооружениях, построенных в это же время или несколько позднее: бараях и храмах Бенг Меалеа и Прах Кхана в Компонг Свай, храмах при ашрамах и т.д. Средства, которые требовались для осуществления всех этих грандиозных проектов, намного превосходили возможности столицы, и

пришлось прибегнуть к извлечению сверхприбыли извне, что потребовало усиления централизации королевской власти в масштабах всего государства, без чего она, вероятно, постепенно пришла бы в упадок. **Правление Джайявармана VII являлось одновременно апогеем и последним всплеском восточного деспотизма в кхмерском мире.** Назревшая необходимость в переустройстве королевства, сочетающаяся с потребностью в новых землях для производства риса — почва в районе столицы истощилась до крайности, — привели к увеличению количества и главным образом к разбросанности гидротехнических сооружений (мосты-плотины), которые контролировались местными деревенскими властями. Весьма символично то, что последний храм-нилометр Ангкора, Неак Пеан, возведенный в центре плотины Прах Кхана, всего несколько лет спустя после завершения строительства был перестроен, поскольку он не мог нормально функционировать в заиленном барае: символ контроля со стороны короля над производством сельскохозяйственной продукции пытаются сохранить любой ценой, тогда как центр производства сельскохозяйственной продукции переместился за пределы столицы и уже не контролируется королем.

Сразу после смерти Джайявармана VII начался постепенный развал системы центральной власти; она перешла в руки местных администраций. Кризис сопровождался крахом тщательно создававшейся экономической системы. Несколько сгущая краски, можно сказать, что как экономика, так и политика стали в некотором смысле «местечковыми». Уход с политической сцены деспотизма повлек за собой отказ от реализации великих проектов, которые не представляли никакого интереса для сельских жителей, на чьи плечи некогда ложился весь груз их осуществления. **Когда под давлением сям-**

цев королевский двор в начале XV столетия покинул столицу, город стал постепенно приходить в упадок и после нескольких столетий блеска и процветания утратил свой статус столицы, а период, начавшийся в 802 году, завершился.

Условием существования «восточного деспотизма» был неусыпный контроль над населением, энергию которого необходимо было направлять на реализацию грандиозных проектов. Чтобы иметь представление о количестве необходимых для этих целей рабочих, которых нужно было набрать, кормить и заставлять работать, напомним, что только на несложном рытье рва Ангкор Вата в начале XII века в течение 10 лет было занято около 5000 рабочих, а иногда и больше.

Контроль над населением мог принимать самые разные формы. Для тех, кто был занят на производстве сельскохозяйственной продукции или на стройках, труд был в той или иной степени **принудительным**, если не каторжным: изображение на барельефах Байона, на котором надсмотрщик подстегивает хлыстом рабочих, передвигающих каменный блок, является в той же степени символичным, как и нерасторжимые связи, существовавшие между крестьянами и обрабатываемыми ими рисовыми плантациями, которые передавались в дар (или приобретались) вместе с рабочей силой. К этому следует прибавить бесплатные работы на полях господина (нечто вроде барщины), продолжительность которых не определена. Вероятно, все крестьяне, независимо от их статуса, были обязаны принимать в них участие.

В остальном все обстояло гораздо сложнее. С одной стороны, земли и их собственники, а также ремесленники и купцы облагались **налогами**, система сбора которых была **прекрасно организована**; а средства от их поступления обеспечивали нормаль-

ное функционирование государства. С другой стороны, для эффективной работы государственного аппарата требовалось наличие, кроме значительно **чиновничьего аппарата**, еще и целой когорты **сановников**, титулы которых часто передавались **по наследству**, и/или родственников короля. Сановники входили в ближайшее окружение монарха. Их безоговорочная преданность своему суверену обеспечивала стабильность королевской власти и обуславливалась **предоставлением им земель, доходов с церковного имущества и разного рода привилегиями**. Власть обогащалась, не забывая при этом многие храмы, которые прямо или косвенно участвовали в прославлении государя. Этот процесс очень хорошо описан в текстах на стелах при крупных храмах, посвященных родителям или гуру Джайявармана VII, в которых четко разграничиваются поступления из королевской казны и средства, выплачиваемые храмам ремесленниками, деревнями, рынками, а также самим королем из его личных доходов. «Щедрость» властей по отношению к богам и обслуживающим их священникам распространялась и на частные религиозные сооружения, храмы и пр. и выражалась в освобождении их от налогового бремени. К обычным расходам прибавлялись инвестиции, служившие экономическим потребностям деспотизма и обеспечивавшие производство сверхприбыли для финансирования широкомасштабных работ.

БЮДЖЕТ КОРОЛЕВСТВА

Поскольку в надписях не говорится, что **король «правил»**, но приводится широко распространенное в Юго-Восточной Азии выражение, которое переводится как **«питался королевством»** (букв. «королевской властью») (для сравнения: Ж. Кон-

доминас изучал народ, живущий в горах, который «питался лесом»). Таким образом, король являлся, по выражению Эмонье, узупруктуарием (то есть, пользователем чужого имущества. — *Примеч. пер.*) своего королевства. Поэтому в его руках были сосредоточены все богатства королевской казны, он определял размеры налогов, взимал их и распоряжался средствами, получаемыми от их поступлений. Однако в текстах, которыми мы располагаем, почти ничего не говорится о королевских налогах, в них чаще говорится о разрешении всякого рода спорных вопросов и освобождении от налогов. Сведения о различных категориях налогов и способах их сбора разрознены и скупы. Столь же неясна и картина в отношении расходов государства. Поэтому государственный бюджет Ангкорского королевства, о котором мы попытаемся вам рассказать, будет содержать много пробелов в отношении отдельных статей расходов, не говоря уже о том, что не будет приведено никаких цифр.

Нам известно, что **кроме земельного налога, лежавшего в основе всей финансовой системы государства, в королевскую казну, т.е., на королевские склады, поступала большая часть сельскохозяйственных продуктов и предметов ремесленного изготовления**, а рынки облагались пошлиной (Чжоу Дагуань). Однако неизвестно, по какой шкале определялись эти выплаты и какова была их доходность. Также не всегда понятна разница между налогами с физических лиц и с имущества. Тот факт, что налогоплательщики, продавшие часть своих рисовых полей, имели право потребовать уменьшения налоговой ставки (и получали его), может свидетельствовать о том, что налог, о котором идет речь, относился к категории налогов с физических лиц, хотя нигде в других источниках это не подтверждается. Не всегда ясны и способы уплаты налогов: в надписи 979 года

указывается, что один человек продал часть своих земель и на вырученные средства закупил предметы роскоши (указанные в списке), которые пошли на уплату королевского налога; в другой, более поздней надписи, говорится, что налогоплательщик отдал участок своей земли вместо риса, которым он должен был уплатить налог.

Если верить списку руководителей служб, на которых был возложен сбор соответствующих видов налогов, то платили **в основном рисом, зерновыми культурами** (как правило, просом), **растительным маслом** (кунжутным²), **очищенным сливочным маслом, воском, медом и клещевинной**. Однако если **королевские склады** пополнялись главным образом за счет продуктов, поступавших от уплаты налогов, то вышеприведенный список можно будет дополнить другими товарами, отпускаемыми с этих складов и направляемыми в храмы и больницы Джайяварманом VII. Съедобные и несъедобные продукты растительного происхождения, например олеосмолы (для изготовления факелов), различные пряности (имбирь, перец и т.д.), **растения или медицинские средства** (камфара), были **предметами сбора**. При этом возникает мысль, а не идет ли в этом случае речь о «дани», взимаемой этими продуктами с «диких» горных племен? В текстах фигурируют **необработанные куски металлов** (золото, серебро, медь, свинец), часто поступавшие в больших количествах, а также уже готовые изделия, что дает возможность предположить, что ремесленники облагались довольно высокими налогами (хотя следует отметить, что простые налогоплательщики при случае также платили налог готовыми изделиями). Ремесленники поставляли **текстильные изделия** (повседневную, а также шелковую и шерстяную одежду, ткани, москитные сетки, краски, подушки и т.д.), **украшения** из золота и серебра, культовую ме-

бель (сундучки, скамеечки из слоновой кости, ложа для божеств), **посуду** (кубки, вазы) и т.д.

Наконец, остается рассказать о такой королевской повинности, как **бесплатный принудительный труд, аналог барщины, существование которого подтверждается частым упоминанием в текстах о людях, на которых этот труд был возложен. Кроме того, о них говорится в надписях, сообщающих о предоставлении различных льгот.** Тексты свидетельствуют о том, что принудительный труд использовался на общественных работах и на строительстве храмов: в конце IX века Индраварман I велел жителям одного округа выкопать водоем, а в 1119 году Сурьяварман II приказал жителям другого округа выстроить деревню и возвести храм и ограду под руководством королевских архитекторов. Посредством общественных работ был построен брахманский скит, для возведения которого был закуплен строительный материал (латерит). Принудительный труд использовался на земляных работах при строительстве бараев и при возведении государственных храмов. Судя по всему, общественные работы проводились в рамках отдельного округа, а приведенные выше примеры подтверждаются многими надписями, в которых главам округов предписывается освобождать от них некоторые категории населения.

К доходам, поступавшим от сбора налогов и общественных работ, добавлялись продукты, производившиеся лицами, отбывающими наказание, часть которых в общем объеме доходов, по словам С. Сахаи, была незначительной, поскольку применялись в основном телесные наказания. Кхмеры обходят молчанием и размеры военных трофеев, выручка от которых направлялась на строительство религиозных сооружений и/или вручалась таким великим полководцам, как, например, Шанграм. Зато суще-

ственные косвенные доходы создавались за счет принудительных налогообложений (даже если они предназначались на религиозные цели), которые частные лица или чаще сельские общины и другие профессиональные объединения вносили в официальные религиозные учреждения страны, сокращая тем самым долю расходов королевской казны на их содержание. В надписях на стелах храмов Джайявармана VII сообщается о пожертвованиях, ежегодно направляемых в храмы Та Прохм и Прах Кхан, и указываются их источники: с одной стороны, часть средств поступала с «королевских складов», то есть из государственной казны; другая же удерживалась с лавочников, рынков и деревень. В текстах уточняется, что как король, так и «собственники деревень» делали подношения из чувства глубокого почтения к богам. Доля «деревень» в пожертвованиях храмам кажется намного больше той части средств, которая отпускалась из королевской казны, будь то рис или золото, количество которых выглядит весьма значительным, несмотря на то, что точное значение единиц меры и веса не всегда указано. Таким образом, становится понятно, каким образом существовал «деспотизм», затраты на содержание которого — строительство этих двух огромных храмов является его ярким воплощением — выходили за рамки бюджетного финансирования.

Расходы кхмерских королей выглядят такими простыми, потому что они не оценивались. Теперь перейдем к «обычным» затратам на содержание государственного аппарата, которые сложнее определить, поскольку нам неизвестно, например, количество «чиновников» и их реальный статус; иногда складывается впечатление, что некоторые из них, в частности, главы округов, «поедали», по примеру своего повелителя, подвластные им территории.

Ничего конкретного нельзя сказать о двух других статьях доходов, реальное значение которых не поддается оценке. Во-первых, это вознаграждения и выраженные в материальном виде поощрения сановникам, а во-вторых, разного рода «льготы». К вознаграждениям могло относиться предоставление земель, деревень или особо ценного имущества, хотя не всегда просто отличить вознаграждения, причитающиеся самому сановнику, от пожертвований, ему не принадлежащих, которые он был обязан передать на религиозные нужды. Так, Джайяварман VI, осыпая с головы до ног милостями своего Врах гуру, Дивакарапандиту, предоставлял ему самое разнообразное имущество, чтобы тот передавал его в храмы, перераспределял среди ученых, брахманов, раздавал бедным, нанимал рабочих для рытья прудов и т.д. Сурьяварман II поступал точно так же, вручая все тому же Дивакарапандите ценные предметы, отдельно указывая те из них (драгоценности и др.), которые предназначались лично для него. А веком ранее Сурьяварман I передал одному религиозному сановнику средства на строительство нескольких храмов, и в первую очередь на недостроенный храм Та Кео, высеченный в скале, в который ударила молния, чтобы провести в нем искупительную церемонию, воспроизводящую некоторые детали коронации, а также закупить слонов и строительный материал (камень) для завершения его строительства. Подобный способ финансирования был весьма распространенным явлением; например, в 974 году один человек в частном порядке пожертвовал часть своей земли Врах гуру для последующей передачи ее храму, но в случае с храмом Та Кео речь идет лишь о духовном поощрении, оказанном фавориту королем: посредник, которого он избрал, должен был воспользоваться благодатью, проистекающей из самого факта совершения богоугодного дела, даже если не станет от этого богаче.

О предоставлении некоторых льгот, которым сопровождался любой акт благотворительности (пожертвования для храмов), мы уже неоднократно говорили. Они предоставлялись королем и чаще всего касались частных религиозных сооружений, что наводит на мысль о том, что храмы, возводимые по инициативе короля, де-факто освобождались от всех поборов. Как бы то ни было, амплитуда предоставления налоговых льгот была достаточно широка и зависела от того, касались ли они только служителей храма (то есть они освобождались от бесплатного принудительного труда, «барщины»), либо применялись по отношению к земельным участкам, либо, наоборот, по отношению к храму, включая всех его служителей; указывались и виды пошлин (например, рис, зерновые, растительное масло, кунжут или общественные работы). Но в любом случае все это являлось **косвенными дотациями религиозным институтам** и приводило к снижению поступлений в казну, из которой и без того выделялись значительные суммы на содержание религиозных сооружений, воздвигнутых по инициативе короля.

Остаются две самых затратных статьи королевских расходов: **масштабное строительство и функционирование общественных, светских (лечебницы, постоялые дворы на дорогах, ашрамы) или религиозных учреждений**. Что касается расходов на проведение широкомасштабных работ, то стоимость их оценить невозможно; о колоссальных размерах вложенных в них средств можно судить только по внешнему виду этих внушительных сооружений. Отметим, что Джайяварман VII был единственным из правителей, кто попытался определить количество некоторых из проводимых им работ, о чем свидетельствуют надписи на стелах Прах Кхан и Та Прохм. В них указывается количество башен

с ложными этажами, элементы примыкающих к ним галерей, общая протяженность стенных оград, рвы, дороги и т.д., а также количество статуй (см. выше), лечебниц (Та Прохм) и остановочных пунктов (Прах Кхан). Перечисление зданий, сооружений, архитектурных дополнений представляет интерес как с точки зрения их деления на категории, так и использования строительных материалов (песчаник или латерит). Однако отсутствие хоть какого-нибудь определения их стоимости делает практически невозможным дальнейшую обработку данных, которые лишь частично затрагивают все проводившиеся в то время работы. Вопрос продолжительности строительства — важный фактор при определении его стоимости — натывается на хронологические трудности. Тем не менее «описание» строительства сооружений в правление Джайявармана VII остается исключительным по своей важности, никакие другие надписи о возведении монументов, написанные в последующие или предыдущие правления, так и не смогли дополнить археологические данные, поскольку они не столько описывали архитектурные шедевры, сколько предавались напыщенной риторике.

Мы уже говорили об экономических основах финансирования, содержания и функционирования религиозных учреждений — предоставлении в постоянное пользование земель и другого имущества, регулярных поставках — и о том, каким образом, по крайней мере в правление Джайявармана VII, тому удалось переложить на плечи своих подданных часть необходимого финансирования. Но в действительности затраты королевской казны были несравнимы с теми, о которых говорится в надписях, написанных в ознаменование того или иного события. Благодаря незаурядным личным качествам, нашедшим свое отражение во всем том, что им

Одни из храмов в Ролуосе

было создано, идет ли речь об архитектурных сооружениях или скульптуре, Джайяварман VII не удовлетворился тем, что построил множество храмов, в которых разместил множество статуй богов (см. выше). Он также установил огромное количество статуй практически во всех королевских храмах предыдущих королей. До нас практически не дошло ни одного эпиграфического свидетельства об установке этих святынь, каждая из которых требовала немалых расходов на содержание и обслуживание, ложившихся тяжким бременем на плечи их учредителя. Случай с Джайяварманом VII является исключительным в том смысле, что, во-первых, идентификация дополнительных статуй не представляет для нас никаких проблем, а во-вторых, проводимая им

политика возрождения королевства привела к значительному увеличению их количества. Установка дополнительных культовых памятников в храмах, возведенных предыдущими монархами, являлась прочно укоренившимся обычаем, о чем свидетельствуют статуи эпохи Удайдитьявармана II (X век), установленные в храмах IX столетия на Пном Кулен, или скульптуры эпохи Сурьявармана II (начало XII века), размещенные в монументах VIII–IX веков в Ролуосе. Остается добавить, что монархи иногда финансово поддерживали храмы предыдущих правителей только потому, что сами не вели крупных строительных работ (например, реконструкция Баконга в XIII в.).

КХМЕРЫ

V

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

ЕДИНИЦЫ ВРЕМЕНИ

Кхмерский календарь по большей части повторяет индийские календари. Как и в Индии, дата могла сопровождаться классическими календарными астрономическими обозначениями, в основе которых лежало индийское видение космологии, предполагавшее использование индийских астрономических таблиц. Единицы времени соответствовали индийским традициям (солнечные или лунные дни, повторяющиеся астрономические явления — периоды равноденствий, затмения и т.д.) и проникали под своими санскритскими названиями в язык тех, кто даже не был знаком с этим языком. Временные отрезки чаще всего определялись месячными чередованиями восходящей и нисходящей фаз луны, к которым добавлялись ежегодные смены дождливых и сухих сезонов. Важную временную роль играли различные праздники, большое количество которых удивило Чжоу Дагуаня.

Древняя Камбоджа жила в период индийской эры, называемой «*Шака*», которая начиналась с 15 марта (месяц *Чайтра*) 78 года н. э.. В надписях как на кхмерском языке, так и на санскрите термин «шака» использовался (как и в Индии) для обозначения года вне зависимости от того, к какой эре он относился. С утверждением в древней Камбодже буддизма Тхеравады эту эру сменила другая, буддистская, но термин «шака» иногда употреблялся вплоть до XIX столетия.

Начиная с X века встречается упоминание о «годе Дракона» (= 992), что свидетельствует о зарождении **новой конкурентной системы, в основе которой лежал двенадцатилетний цикл**: каждому году давалось название какого-либо животного. Таким образом, следующим в цикле был год Тигра (1026), далее шел год Змеи (1041), год Собаки (1106) и т.д. Упомянутый Чжоу Дагуанем в конце XIII столетия и широко распространившийся впоследствии, этот календарь была заимствован в Китае, где он использовался с первых веков н. э. Однако названия животных, применявшиеся в Камбодже, начиная с X века и до наших дней, не относятся ни к кхмерскому, ни к китайскому языкам и, вероятно, заимствованы, по мнению Ж. Кёдеса, из языка одной горной народности центральных областей Вьетнама. В анкорский период этой системой пользовались редко, о чем свидетельствует тот факт, что в упомянутых примерах названия животных всегда дополнялись датой, годом эры Шака. Значит, в то время этот календарь еще не полностью ассимилировался в королевстве и оставался чуждым явлением.

Интересно, что вопреки решающей роли, отводимой королю как законодателю норм и правил в Камбодже, он почти не использовал годы своего правления в качестве элементов датировки. Хронологическим обозначением конца правления являлось присвоение королю посмертного имени.

Расположение месяцев в году

<i>Классическое расположение</i>	<i>Расположение по Чжоу Дагуаню</i>
01 Чайтра (март–апрель)	01 Картика (октябрь–ноябрь)
02 Вайшакха (апрель–май)	02 Маргаширша (ноябрь–декабрь)
03 Джьештха (май–июнь)	03 Пауша (декабрь–январь)

04 Ашадха (июнь–июль)	04 Магха (январь–февраль)
05 Шравана (июль–август)	05 Пхалгуна (февраль–март)
06 Бхадрапада (август–сентябрь)	06 Чайтра (март–апрель)
07 Ашвина (сентябрь–октябрь)	07 Ваишакха (апрель–май)
08 Картика (октябрь–ноябрь)	08 Джьештха (май–июнь)
09 Маргаширша (ноябрь–декабрь)	09 Ашадха (июнь–июль)
10 Пауша (декабрь–январь)	10 Шравана (июль–август)
11 Магха (январь–февраль)	11 Бхадрапада (август–сентябрь)
12 Пхалгуна (февраль–март)	12 Ашвина (сентябрь–октябрь)

Месяц, начинающий год эры Шака, мог, как нам кажется, смещаться в зависимости от исторических периодов, поэтому не всегда легко его определить. Это относится, без сомнения, к месяцу Чайтра (март–апрель), который мог занимать разные позиции в годовом цикле как в начале эры Шака, так и в современной Камбодже. Хотя надпись на стеле Ват Ситхор, датируемая второй половиной X века, свидетельствует о том, что год мог начинаться с месяца Пхалгуна, стоящего непосредственно перед Чайтрой, в то время как в эпоху Чжоу Дагуаня первым в году был месяц Картика (октябрь–ноябрь). Это подтверждается также надписью середины X столетия, в то время как в других текстах Новый год и праздники месяца Картика отмечались в разное время. Год делился в соответствии с лунно-солнечным календарем на двенадцать месяцев (к которым прибавлялся дополнительный месяц). Все эти месяцы носили традиционные индийские названия, производные от названий созвездий.

Лунный месяц делился на две пятнадцатидневки, соответствовавшие полнолунию («светлая» пятнадцатидневка) и новолунию («темная»

пятнадцатидневка). Дни лунного месяца обозначались согласно их порядковому номеру в пятнадцатидневке, но иногда прибавлялись дополнительные дни. Неделя состояла из семи солнечных дней, названия которых в соответствии с классической схемой были образованы от названий звезд и планет: воскресенье было днем солнца, понедельник — луны и т.д.

День делился в соответствии с классической индийской традицией (в частности, по времени проведения ритуалов) на периоды, поделенные на «соединения» (*сандхийи*), четыремья основными были заря, полдень, сумерки и полночь. Но существовала и более точная единица времени, она соответствовала индийской *гхатике* (букв. «сосуд с водой»), длившейся 24 минуты. Кхмерское выражение, употреблявшееся для ее обозначения (*антван дик*, букв. «колодец, яма с водой», согласно С. Пу) является, вероятно, приблизительным переводом санскритского термина и содержит намек на использование клепсидры (водяных часов). Эта временная единица делилась, видимо, на более мелкие. Чжоу Дагуань вскользь упоминает и о другом маркере времени — свече с насечкой: когда свеча догорала до сделанной отметки, можно было приступить к началу обряда.

Таким образом, время определялось с помощью клепсидры, гномона¹ или солнечных часов. Эти же инструменты использовались для разметки стройплощадок. Согласно надписи на стеле одного из храмов в регионе Ангкора (1189) время в нем отби-

¹ Гномон — древнейший астрономический инструмент, состоящий из вертикального стержня на горизонтальной площадке. По наблюдениям за длиной и направлением тени стержня можно было определить высоту и азимут солнца, направление полуденной линии и др. астрономические данные (*примеч. пер.*).

валось ударами в гонг, установленный на вершине башни. В другом тексте, в котором идет речь о буддистском монастыре, говорится, что о наступлении каждого из трех периодов суток извещали ударами в барабан.

ДАТИРОВКА СОБЫТИЙ И ДОКУМЕНТОВ

Если такие исторические события, как восшествие на престол короля, определяются простым упоминанием года, то некоторые религиозные церемонии (например, установка в храмах статуй богов) или юридические акты и другие тексты подобного рода датируются днем или даже указанием «часа» (24 минуты, гхатики).

В **датах**, претендующих на **точность**, как правило, указываются **год, месяц, день пятнадцатидневки** и название **дня недели**. Вероятно, они дополнялись и некоторыми уточнениями: в простых случаях указывалось либо имя **действующего короля**, либо название **циклического года**, либо **период дня**, выраженный в единицах измерения времени (см. выше). Эта простая схема была издавна широко распространена в Камбодже. Но иногда она дополнялась некоторыми сложными астрономическими данными (например, расположением планет относительно зодиакальных знаков), предназначавшихся для подтверждения другой информации. «Научные» датировки встречаются в санскритских текстах, в то время как даты в надписях на кхмерском языке выражены простыми и доступными формулировками. В качестве примера приведем надпись, сделанную в ознаменование установки статуй в храме Лолеи в двух версиях: на санскрите и кхмерском языке.

Санскритская версия (адаптированный перевод Бергения и Барта):

«В год Шака, отмеченный (пятью) стрелами, единицей и восьмеркой (= 815), на шестой день темной половины месяца Ашадхи [июнь—июль]), когда Луна находилась в созвездии Рыб, Меркурий — в созвездии Льва, гороскоп Венеры — в центре созвездия Быка, Солнце — в созвездии Рака, Юпитер — Стрельца, Марс и Сатурн — в созвездии Весов». Это следует понимать следующим образом: «в воскресенье 12 июля 893 (н. э.) между 0 час. 41 мин. и 2 час. 41 (о чем говорит расположение Венеры в созвездии Быка; остальные астрономические данные подтверждают календарную дату).

Кхмерская версия (адаптированный перевод С. Пу):

«815 шака, в 5 день убывающей Луны Ашадхи, 2 антван дик (прошедшие) в ночь на воскресенье». То есть «в субботу 11 июля 893 в 0 час. 48 мин.».

(По мнению Барта, разница в днях между двумя версиями объясняется тем, что статуи были установлены в ночь с субботы на воскресенье, а освящение их состоялось в ночь с воскресенья на понедельник.)

Глубоко научные «премудрости» этого способа датирования предполагали наличие таких хорошо разбирающихся в тонкостях индийской астрономии специалистов, как министр Яшовармана I, который «постиг множество трактатов по астрологии», или астрологов, которых мы встречаем в списках получателей даров. Несмотря на обилие содержащихся в них уточнений, санскритские тексты не всегда понятны: подчас сложно установить, каким правилом руководствуется автор при датировке, или определить, идет ли речь о текущем или уже прошедшем годе эры Шака.

ВРЕМЕННЫЕ РИТМЫ

В монастырях день делился на временные отрезки, которые укоренились в повседневной жизни кхмеров. Обитатели ашрамов, основанных в конце IX столетия Яшварманом I — буддистских, вишнуитских или шиваитских, — проводили богослужения в соответствии с тремя дневными периодами: утренним, полуденным и вечерним. В одном храме, например, в эти отрезки времени ежедневно осуществлялось три жертвоприношения. В одном буддистском монастыре о наступлении каждого из периодов суток извещалось ударами в деревянный барабан (см. выше), а его настоятель и основатель пользовался особым почтением и уважением, поскольку занимался йогой в каждый из четырех периодов суток, следовательно, вставал даже глубокой ночью.

По словам Чжоу Дагуаня, неделя делилась на два благоприятных, два неблагоприятных и три нейтральных дня; причем от дня недели зависело направление путешествия, поскольку китаец добавляет, что «в один из дней можно отправиться на восток, а в другой — только на запад».

Месяц делился на пятнадцатидневки, это деление было принято повсюду. Но когда мы будем говорить о праздниках, то увидим, что в каждой пятнадцатидневке были дни, выделявшиеся среди остальных. Так, было принято делить пополам ежемесячные пожертвования религиозным учреждениям: земельные наделы разбивались на две части и жертвовались в каждую из пятнадцатидневок месяца. Еще интереснее выглядят подношения двух деревьев, поступавших в распоряжение храма на одну из пятнадцатидневок, или, например, двух бригад рабочих, работавших таким же образом, или деление «рабов» (от писцов до растирщиц риса), припи-

санных к ашрамам Яшовармана I в Ангкоре. В этом отношении показателен текст XII века, в котором уточняется, что «рабы», работавшие в каждую из пятнадцатидневок, наделялись клочком земли.

Год тоже состоял из нескольких временных отрезков. В нем было двенадцать месяцев; в каждом из них был свой праздник. Кроме того, год делился на два сезона — **дождливый** или **сухой**, к наступлению которого, впрочем, заполнялись водой бараи и орошались поля. Зато шесть времен года, соответствующих индийской традиции, относились лишь к числу поэтических образов, входивших в хвалебные гимны, посвященные королям. Они в большей степени соответствовали северным странам, а не Камбодже, которая, по словам жителя севера, какковым являлся Чжоу Дагуань, «не знала, что такое иней или снег».

По словам все того же Чжоу Дагуаня, в период с февраля—марта по июнь—июль (на самом деле с конца апреля по конец октября) после полудня каждый день беспрестанно лил дождь, а в остальные шесть месяцев не выпадало ни единой капли влаги. Обилие осадков в сезон дождей было таким, что вода в Великом озере поднималась столь высоко, что под ней скрывались даже большие деревья, а жители прибрежных деревень спасались в горах. Однако китаец не упоминает о том, что в сезон дождей монахи освобождались от послушания и повинностей, о чем часто говорится в надписях. Именно в это время священнослужители имели право получать вознаграждения за свое верное служение богу. Например, буддистов, шиваитов или вишнуитов, добросовестно исполнявших возложенные на них обязанности, приглашали в период сезона дождей в ашрамы, основанные Яшоварманом I в Ангкоре; в других местах для них приготавливали в это же время года особые подношения, в частности, одежду

или покрывала, вне зависимости от их вероисповедания. Что касается Индравармана I, который установил статуи богов в храме Прах Ко, то для освящения этих скульптур он выбрал монахов, освобожденных от послушания на период сезона дождей.

Наступление сухого сезона сопровождалось, по словам Чжоу Дагуаня, понижением уровня воды в Великом озере до такой степени, что судоходство по нему практически прекращалось, плавать можно было только на небольших лодках. К этому времени крестьяне спускались с гор и возвращались в свои дома. В сухой период начиналась ирригационная кампания, наступление которой сопровождалось проведением в окрестностях столицы торжественных церемоний в храмах-нилометрах (см. Храмы-нилометры, гл. V).

ПРАЗДНИКИ

В ход времени в древней Камбодже вплетались и многочисленные праздники. Некоторые из них проводились с особой торжественностью и пышностью, другие повторялись каждую пятнадцатидневку и проходили в гораздо более скромной обстановке. Они были разными по значимости: одни отмечались на протяжении всей пятнадцатидневки, другие — всего один день; одни праздновались по всей стране, другие — только в одном храме. Когда читаешь описания праздников Чжоу Дагуанем, посвятившим им целый параграф, поражает «светский» характер проведения некоторых торжеств, которые иногда сопровождались коллективными играми и развлечениями, хотя большинство из них все-таки носило исключительно религиозный характер с соблюдением всех необходимых ритуалов. В надписях упоминаются некие «пять праздников», о которых практически ничего не известно.

Что касается **праздничного календаря** кхмеров, то составить о нем представление помогают наблюдения все того же Чжоу Дагуаня и списки праздников в некоторых надписях. По мнению китайца (который считал, что год начинается с месяца Картика, то есть, в октябре—ноябре), **главными праздниками** были, с одной стороны, **Новый год и праздник, отмечаемый в месяц Картика** (он делит одно торжество на два), а с другой — **праздники, отмечаемые в остальные одиннадцать месяцев**, среди которых он особо выделяет праздники 4-го и 9-го месяцев (см. ниже).

В надписи, датированной началом XI века, представлено нечто вроде каталога праздников в честь Шивы, Умы, Вишну и Шри, отмечаемых в одном храме, проведение которых финансировалось его учредителем. Надпись сообщает о праздниках, отмечаемых раз в год (великий храмовый праздник, Новый год, праздники в месяцы Картики и Чайтры, а также праздники равноденствий), праздник, проводимый ежемесячно (полнолуние?), и торжества по исключительным поводам (затмение солнца или луны); наконец, в них идет речь о «пяти праздниках» (*панчотсава*, см. ниже).

Что касается правления Джайявармана VII, то в надписях в Та Прохм и Прах Кхан содержатся во многом совпадающие списки, которые дополняют тексты на стелах при лечебницах. Ежегодными праздниками были Новый год, праздник весны (*васантотсава*), отмечаемый в месяц Чайтра, указанный в надписи в Та Прохм, а также ежемесячные праздники, отмечаемые в 5, 8, 12, 14 и 15-й дни каждой пятнадцатидневки (в тексте в Та Прохм опускаются 8 и 12-й дни). Наконец, в них говорится о «восемнадцати праздниках» (*аштадашотсава*), о которых мы осведомлены в той же степени, что и о «пяти праздниках» (см. ниже). В текстах на стелах

при лечебницах упоминается праздник полнолуния месяца Чайтра; он может соответствовать окончанию праздника весны, о котором говорится на стеле храма Та Прохм (этот храм, напомним, контролировал деятельность лечебниц). В этих текстах также говорится о Дне поминовения умерших (*шраддха*) и празднике летнего солнцестояния.

В еще одном подобном «каталоге» конца IX века в период правления Яшовармана I на стелах при ашрамах Восточного бараа упоминаются «пять праздников», один из них был ежегодным (?), а также торжества в честь затмений и поминовения умерших (*шраддха*). Удивляет то, что в текстах, описывающих праздники, не содержится ни разночтений, ни противоречий, хотя каждое из этих торжеств являлось частью культовых церемоний в различных по вероисповеданию храмах.

В ходе часто упоминаемого **новогоднего праздника** вручались вознаграждения и дары служащим храмов, иногда давались угощения прихожанам. По словам Чжоу Дагуаня, не отличавшего Новый год от праздника месяца Картика, в Ангкоре торжество проходило на площади перед Королевским дворцом, где устанавливался помост. Праздник отмечался в течение пятнадцати дней, запускались петарды, устраивалась иллюминация. В надписях в ашрамах Яшовармана I говорится о «ежегодном празднике», вполне вероятно, что речь шла о Новом годе.

В буддистском тексте X столетия говорится о праздниках двенадцати месяцев, посвященных управляющим ими планетам, с целью их примирения между собой, поскольку именно они защищали от людской злобы, в наказание за которую они насылали различные стихийные бедствия. Нигде больше не говорится об этих праздниках, лишь у Чжоу Дагуаня и еще в нескольких текстах содержатся скудные сведения о них. Рассказ об отдельных

торжествах мы начнем с праздника месяца Картика, первого, по мнению Чжоу Дагуаня, месяца года. Его замечания были изучены Ж. Кёдесом, который нашел много общего между древними торжествами и современными праздниками и играми.

О празднике **Картика** упоминается во многих текстах. Согласно надписи, датированной периодом правления Сурьявармана II, для проведения этого праздника закупалось множество светильников, что вполне соответствует **иллюминации** и **пестардам**, о которых сообщает Чжоу Дагуань.

Мы не обнаружили подробных описаний праздников 2-го (*Маграсириша*) и 3-го (*Пауза*) месяцев, зато Чжоу Дагуань говорит, что торжества по поводу праздника 4-го месяца (*Магха*) сопровождалась играми с мячом, которые, кстати, проводятся по сей день.

5-й месяц (*Пхалгуна*) отмечали омовениями в честь Будды и «плаванием по земле». Обе эти церемонии существуют и в наши дни: плавание по земле является игрой, в ходе которой две группы участников, изображающие команды пирог, проводят между собой соревнование, весьма напоминающее игру в веревочку. Согласно надписям на стелах ашрамов Восточного бараа, в месяц Пхалгуна обычно приступали к омовениям в таких святых местах, каким был этот водоем.

В 6-й месяц (*Чайтра*) праздновали весеннее равноденствие, с которого начинался праздник весны (васантотсава), широко распространенный в Индии. В надписи в Та Прохм содержится много важных деталей по поводу этого праздника: он длился с 8-го дня светлой пятнадцатидневки до полнолуния Чайтры; проводились два красочных и торжественных шествия, а в 14-й день по улицам проносили статуи Будды и Бхагавати, а также скульптуры многих других божеств, имевших отношение к полнолу-

нию. В этот праздник делали богатые подношения 619 божествам, установленным в Та Прохм, и устраивали угощение для тысячи мудрецов (буддистских монахов, брахманов и т.д.). Последний день был настолько важным, что заслужил отдельного упоминания в надписях на стелах при лечебницах. Складывается впечатление, что праздник, коротко называемый в текстах Чайтра, соответствует именно весенним торжествам.

По словам Чжоу Дагуаня, в 7-й месяц (*Васакха*) отмечали праздник сожжения риса: новый урожай риса уже созрел, и его шли собирать за южными воротами Ангкор Тхома, чтобы впоследствии «сжечь в качестве подношения Будде»; в этой церемонии принимало участие много женщин. Этот праздник отмечается и в наши дни, только в месяце Магха.

В соответствии все с теми же записками Чжоу Дагуаня, 8-й месяц (*Джанштха*) отмечали десятидневными танцами и сражениями на слонах или свиньях, а в 9-й месяц (*Ашадха*) проходил смотр населения, по поводу которого Чжоу Дагуань употребляет кхмерский термин, означающий, вероятно, такое событие, как «перепись». По мнению Ж. Кёдеса, это могло соответствовать общенациональному военному и гражданскому смотру, подобному тому, который еще в XVII веке проходил в Сиаме, но в другом месяце. Если эта гипотеза верна, то непонятно, почему Чжоу Дагуань включает это событие в разряд праздников.

Наконец, в предпоследний день светлой пятнадцатидневки месяца *Бхадрапада* отмечали буддистский праздник, который заключался «в раздаче подаяний согласно буддистским трактатам», о чем нам поведала надпись на стеле буддистского ашрама Восточного бара.

Среди других ежегодно отмечаемых торжеств следует упомянуть о **великом храмовом праздне-**

стве (*махотсаве*), заимствованном из индийской традиции (о нем упоминается в надписи начала XI века), а также о праздниках, проводимых в ознаменование солнцестояний и равноденствий, которые, вероятно, и были теми «четырьмя ежегодными праздниками», о которых говорится в надписи, датированной VII веком. В текстах часто идет речь о «пяти праздниках» (или «пятикратном празднике», *панчотсаве*), но нам неизвестно, что они собой представляли. Иногда в связи с ними упоминаются храмы, посвященные Шиве, в других источниках говорится о храме, главной достопримечательностью которого была статуя матери учредителя этого храма. С этим «пятикратным праздником» также связывают ашрамы, построенные на берегах Восточного барая Яшоварманом I. Об этих заведениях известно, что они поочередно были вишнуитскими, шиваитскими и буддистскими, что свидетельствует о том, что в этих ашрамах в разные периоды исповедовали культ нескольких богов. В ходе празднования «пятикратных торжеств» устраивали торжественное шествие и угощали всех посетителей храмов. Можно предположить, что «восемнадцать праздников» эпохи Джайявармана VII, упомянутые в надписях в Та Прохм и Прах Кхан, тоже отмечались ежегодно, но это относится к области гипотез.

Согласно индийской традиции 8-й и 14-й дни каждой пятнадцатидневки, а также дни полнолуния (15-й день светлой пятнадцатидневки) и новолуния (15-й день темной пятнадцатидневки) рассматривались как особо важные и знаменовались проведением торжественных церемоний. В XII веке к ним прибавили празднования 5-го и 12-го дней.

Среди торжеств, устраиваемых в исключительных случаях, следует упомянуть празднования затмений. И, наконец, были шраддхи, церемонии, проводимые в честь поминовения усопших, о которых го-

ворится в надписях IX столетия по поводу ашрамов Восточного бараа и в XII веке в связи с лечебницами Джайявармана VII. В соответствии с правилами, изданными Яшоварманом, эти церемонии проводились ежемесячно; они заключались в подношении даров, которые раскладывали на берегах все того же бараа. Дары предназначались тем, «кто, служа верой и правдой, пал на поле брани», «верующим, отдавшим богу душу», всем «обездоленным старикам и детям, беднякам, умершим от голода». Нам неизвестно, соответствовало ли это определение всем упоминаемым в надписях церемониям шраддхи, или существовал особый торжественный праздник в память об умерших, аналогичный тому, который ежегодно отмечается в современной Камбодже.

ОРИЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА

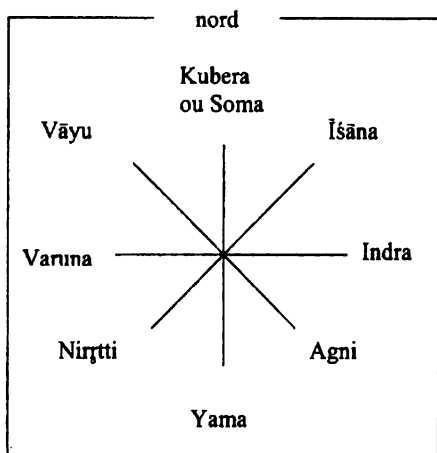
Все сооружения и институты древней Камбоджи были ориентированы по индийскому образцу, но нестандартные наименования сторон света свидетельствуют о связи с какими-то другими пространственными системами. В основе кхмерского способа пространственного ориентирования была заложена география или, точнее, топография. Пространство было неоднородным, поскольку существовали два пространства: богов и людей, тесно переплетавшихся и взаимодействовавших. **Будучи отчасти космическим, кхмерское пространство основывалось на ортогональных (перпендикулярных) схемах.** Обузданное путем ориентирования и разграничения, оно могло восприниматься на уровне повседневной жизни, что чаще всего выражалось в обычных кадастровых описях, которые иногда «иллюстрировались» графическими изображениями. Об этом свидетельствует, например, «карта» на стене одного из храмов рядом с соответ-

ствующим ей текстом. Отрешенные от обыденной жизни **пространственные образы принимают трехмерную архитектурную форму**. Часто они выражают понятие Вселенной, о чем свидетельствуют изображения карты неба. Но дальше всех пошел Байон (конец XII столетия): этот архитектурный ансамбль представляет собой мистическую карту всего королевства.

В древней Индии существовало восемь или десять сторон света; Страна кхмеров отдала предпочтение восьми основным и промежуточным сторонам, отбросив зенит и надир, как правило, входивших в общий список. Как и в индийской традиции, каждая из восьми сторон света контролировалась определенным божеством. Для их обозначения на санскрите кхмеры прибегали к двум широко распространенным в Индии системам: первая заключалась в том, что им давались названия, производные от имен управлявших ими богов; согласно другой системе основные стороны света получали особые названия (см. ниже), а промежуточные сохраняли те, что были получены от имен соответствующих им богов.

В надписях на кхмерском языке иногда сохранялись санскритские названия. **Но гораздо чаще наименования четырех основных сторон не были санскритскими и в то же время не являлись переводом индийских терминов**. Так, в санскритской терминологии восток означал «спереди», а запад — «сзади». У кхмеров же восток стал «восходом солнца», а запад — «заходом солнца». Простое позиционное противопоставление — «сзади — спереди» — было заменено констатацией астрономических явлений. В отношении юга и севера дело обстояло еще сложнее. На санскрите юг обозначался понятием, производным от наименования востока, поскольку если тот означает «спереди», то юг будет находиться

*Боги, управляющие сторонами света
(в соответствии с индийской традицией)*

«справа». Что касается севера, то иногда его называли словом «слева», но чаще термином «выше» (*утта-ра*), поскольку для того, кто стоял лицом к востоку, самые высокие горы — Гималаи и др. — находились, естественно, на севере (или слева). У кхмеров ссылка на Гималаи не прижилась (потому что эти горы были для кхмеров абстрактным понятием), равно как и ссылка на правую сторону в отношении юга, что привело к появлению двух других видов названий. Первый вид возник еще в доангкорскую эпоху (и существовал вплоть до XI столетия) и, несомненно, имел монские корни. Как доказал С. Пу-Левиц, он был связан с летними муссонными ветрами, которые начинали дуть на юге; поэтому юг получил название «наветренный», тогда как север стал соответственно называться «подветренный». Вторая пара названий возникла не позднее X века и связана с тем, каким образом кхмеры ложились спать (и продолжают так делать по сей день): головой к югу, а ногами к северу; юг

расположен, таким образом, со «стороны головы», а север — со «стороны ног».

Обозначения основных сторон света в древней Камбодже

<i>Восток</i>	<i>Юг</i>	<i>Запад</i>	<i>Север</i>
Владение Индры	Владение Ямы	Владение Варуны (или Сомы)	Владение Куберы
Спереди	Справа	Сзади	Выше
Восход солнца		Закат солнца	
	Наветренный		Подветренный
	Со стороны головы		Со стороны ног

Кхмерам было свойственно стремление к детализации при определении расположения зданий и сооружений в пространстве. Так, в надписях Байона, уточняющих местоположение различных часовен, находящихся в цокольном этаже, говорится, что они находятся «на востоке юго-запада», хотя на самом деле они находились на юго-востоке; что касается других часовен, расположенных непосредственно на северо-востоке, то о них сообщается, что они были расположены «на западе юго-востока». Подобная детализация свидетельствует о том, что кхмеры хорошо разбирались в определении пространственных ориентиров.

Любое ограниченное кхмерами пространство чаще всего принимало форму прямоугольника, иногда квадрата, расходящегося во все стороны (например, Ангкор Тхом). Но чаще всего это был прямоугольник, продольная основная ось которого совпадала в большинстве случаев с главной стороной света, ориентированной на восток. Это весьма наглядно показывают надписи XI века, в которых указаны размеры различных участков, обо-

значаемые «по (ходу) солнца» (длина, измеряемая по оси восток—запад), и «перпендикулярно к (ходу) солнца» (ширина по оси север—юг). Хотя следует отметить, что абсолютно правильная прямоугольная планировка гидротехнических сооружений, равно как и культовых архитектурных ансамблей, могла сочетаться с нарушением ориентации в пространстве, что объясняется стремлением кхмеров адаптировать гидротехнические системы, включая проведение дренажных работ, к условиям местности. Свидетельством этого являются храмы Прах Кхан в Компонг Свай или Кох Кер, общая ориентация которых смещена к северо-востоку, или такая кхмерская святыня, как Пимаи, кардинальное направление которой сдвинуто к югу. За исключением этих примеров, **кардинальное ориентирование сооружений на восток (и на запад, см. ниже) было нормой для кхмеров и, образно говоря, их «фирменным знаком» при планировке или перепланировке местности.** Мы уже приводили пример Муанг Чампази (на северо-востоке современного Таиланда), где существовала система ориентации по сторонам света в духе монских традиций, направленная на северо-запад/юго-восток в соответствии с общим наклоном местности. Кхмеры, захватив и колонизировав регион, добавили к уже имевшемуся гидротехническому сооружению прямоугольный барай, кардинальная ориентировка которого, проложенная в типично кхмерском духе на восток, шла вразрез с общей топографией местности.

В древней Индии **важное значение** при строительстве святилищ имела их **ориентация**, и закладка храма всегда начиналась с определения главных ориентиров. В Камбодже первостепенная роль, отводимая выбору направления, **проявлялась в способах строительства, позволяющих сохранить «точки отсчета»**, выявленные на начальном этапе

закладки крупных храмовых ансамблей. Свое отражение эта тенденция находила также в планировке их двора (или их концентрических дворов): их внутреннее пространство было ограничено стеной и окружало главный храм; оно было поделено между божествами на секторы, принадлежавшие каждому из них. Это утверждение иллюстрирует двор буддистского храма эпохи правления Джайявармана VII, где Шиве «принадлежал» северный сектор, а Вишну — западный. Таким образом, верующий, исповедующий культ Шивы и входивший через северные ворота, сразу же попадал в храм Шивы, а приверженец Вишну, входивший через западные ворота, — в храм, посвященный этому богу. Непонятно, почему Шиве соответствовало северное направление, но расположение Вишну на западе объясняется индийской традицией, согласно которой главный вход в храмы, возведенные в честь этого бога, находился с западной стороны (главный вход в храмы Шивы выходил на восток). Такая планировка храмов не получила широкого распространения в Индии, но была в полной мере воплощена в XII столетии в Ангкор Вате, самом грандиозном вишнунитском монументе Камбоджи. Впрочем, двумя веками ранее от этой планировки отказались при возведении более скромных храмов Прасат Краван и Прасат Неанг Кхмау, также вишнунитских, но выходивших на восток.

ПРОСТРАНСТВО ХРАМА

Еще Поль Мю отметил важность роли, которую играли такие типично кхмерские элементы, как **балюстрады из фантастических змеев** («балюстрады нагов»), **обрамлявшие дороги** и нависавшие над заполненными водой рвами многочисленных храмов. Он указал, что в соответствии с традиция-

ми Юго-Восточной Азии эти змеи могли символизировать радугу и олицетворяли (но согласно уже индийской традиции) **мост между миром богов** — святилищем, окруженным рвом, — **и миром людей**: пространством, окружавшим ров. К кхмерским инновациям относились не только дороги с балюстрадами, но и **рвы**. Наличие водоема или колодца в непосредственной близости от храма было в соответствии с индийской традицией необходимым условием его существования, поскольку именно отсюда черпали воду, но никогда ров с водой не выступал в Индии в качестве оборонительного сооружения. **Только в Камбодже встречаются замкнутые водные кольца, окружающие большинство храмов** (см. Страна воды, гл. II). Любопытно, но это новшество имеет индийские корни или, точнее, воплощает в материальном виде абстрактные космографические индийские представления. Согласно одной из древнеиндийских традиций о форме мироздания оно состояло из ряда концентрических континентов, отделенных друг от друга кольцами океанов; центральным континентом была Джамбудвипа, то есть Индия, населенная ариями, поборниками ортодоксального брахманизма. Иными словами, пространство храма представляло собой мир богов; оно было отделено рвом с водой от пространства людей, где жили лучшие из них; мир людей в свою очередь противопоставлялся внешнему миру, где жили варвары.

Уподобление храмового пространства космическому проявлялось еще сильнее, когда речь шла о таком в высшей степени королевском сооружении, как государственный храм. Если название «гора» (*внам*) в надписях на кхмерском языке обозначало любой храм, то королевское святилище называлось «храм-гора», а иногда — «центральная гора» (*внам кантал*). Последнее выражение наделя-

лось двойным смыслом: во-первых, оно означало, что это сооружение (по крайней мере, символически) находилось в центре столицы, а, следовательно, и всего королевства; во-вторых, оно ассоциировалось с центральной горой мироздания Меру, которая согласно индийской космографии находилась в центре Джамбудвипы, а значит, и Вселенной. Сочетание различных эквивалентных систем в конечном итоге привело к тому, что кхмерское королевство, сконцентрированное вокруг столицы и государственного храма, уподобилось образу Джамбудвипы, то есть Индии, воспринимаемой не как определенная географическая область, но как пространство, жившее по законам ортодоксального брахманизма.

ПРОСТРАНСТВО ЗЕМЕЛЬНЫХ НАДЕЛОВ

Организация пространства **земельных наделов** кхмерами повторяла вплоть до мельчайших деталей индийскую космографическую систему, нашедшую свое наиболее полное материальное воплощение в этом процессе. Мы уже видели, что любой земельный участок всегда **старательно разграничивался межевыми столбами**, подтверждающими уже существующие границы. Установка межевых столбов сопровождалась торжественными церемониями, превращавшимися в настоящие празднества по поводу разметки пространства. В надписи начала XI века (1004) говорится об установлении границ земельного надела, предоставленного в дар одному брахману, который в свою очередь передал его храму. В присутствии большого числа сановников высокого ранга чиновники установили столбы в четырех углах участка; затем получатель земельного надела обошел его, стуча в барабан, и преподнес в дар богу часть земли с него, «чтобы посвятить участок господу».

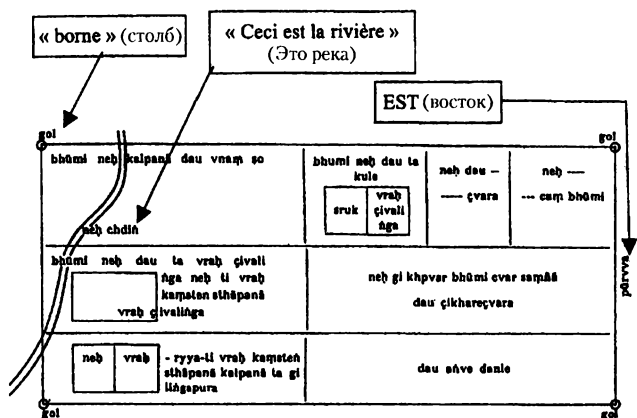
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Самый ранний из известных нам планов датируется XVII веком; речь идет о чертеже Ангкор Вата, выполненном одним японским паломником. Однако **самое раннее графическое изображение, обнаруженное на территории современной Камбоджи, относится к началу XI столетия**: автор надписи о даровании ряда земельных наделов счел нужным сопроводить их описание двумя планами с указанными в них ориентирами. Это планы двух земельных владений, часть которых передавалась храмам. Как и надпись, планы были высечены на опоре дверной арки Северного Кхлеанга в Ангкоре. Оба плана ориентированы на восток, который находится слева, а не сверху, как в традиционной индийской картографии. На одном из них двойная волнистая линия обозначает реку, пересекающую северо-западный угол владения. Оба земельных владения были прямоугольными в плане, межевыми столбами (выступающими или полностью врытыми в землю) и линиями отмечены углы и границы владений, а также указаны другие участки прямоугольной формы, протянувшиеся в направлении восток—запад. Наконец, каждый из планов сопровождается подписью, в которой даны объяснения некоторых деталей рисунка: например, «восток», «столб» или «вот река», а также указывается, каким храмам передавались земельные участки. Оба плана свидетельствуют о страсти кхмеров к графическому изображению, о котором мы бы не имели никакого представления без этих документов, несмотря на то, что закладка храма всегда предшествовало составлению чертежа. Эти планы свидетельствуют, что кадастровые описи, о которых мы уже говорили, тоже не ограничивались исключительно описаниями, которые нам

хорошо известны, но могли при необходимости дополняться графическими документами. Приводим копию одного из двух документов, начертанных на камне.

Наряду с этими «утилитарными» представлениями существовал **целый комплект пространственных понятий, сформировавшихся под влиянием различных по сложности архитектурных сооружений и ансамблей.** Прежде всего, следует отметить, что по индийской традиции каждый храм в той или иной степени представляет собой полный образ космоса. Кхмеры, неукоснительно придерживаясь индийской генеральной линии, привнесли в эту сферу свои усовершенствования или «уточнения», сделавшие более доступными представления о космосе, о чем свидетельствует «изобретение» ими рва, наполненного водой, к которому мы еще вернемся. Ранее в качестве примера, наиболее полно отражающего кхмерские представления о Вселенной, приводился государственный храм, построенный в конце IX века Яшоварманом I на вершине **Пном Бакхенга** в Ангкоре, который представляет собой нечто вроде **карты неба, где каждая из многочисленных башен играет роль одной из главных планет** (Ж. Фийоза). Однако только в конце XII столетия архитекторы Джайявармана VII приступили к наиболее детальной разработке архитектурной символической картографии. Мы уже видели, что такое кхмерское «изобретение», как святилище, окруженное рвом с водой, символизировало Джамбудвипу с центром на горе Меру — в данном случае это собственно храм, вмещающий главную целлу и окруженный океаном (см. выше пространство храма). К этой модели вернулись, значительно обогатив ее, при строительстве **Ангкор Тхома**, столицы Джайявармана VII, обнесенной крепостной стеной. Прежде всего в надписях, размещенных на углах крепостных стен, окружавших город и окайм-

План владения, называемого «Чвар Самна»
(надпись № К.468).

Остальные указания относятся к распределению земельных наделов между различными храмами

ляемых рвом, говорится, что стена воплощала собой горы, кольцом окружающие Вселенную, у подножия которых находится океан, иными словами, ров с водой. Одновременно город представлял собой образ гигантского пахтанья, где ров был молочным океаном, который сбивали, чтобы получить напиток бессмертия, боги и демоны. Другое творение эпохи правления Джайявармана VII — архитектурный ансамбль с храмом-нилометром **Пре-Неак-Пеан** в центре барая Прах Кхан — представляет собой нечто вроде карты, составленной по описаниям в буддистских текстах, на которой в трех измерениях «изображен» водяной дворец мироздания, озеро Анаватапта в центре Гималаев, откуда вытекают четыре великих реки, питающих водой Землю (наиболее часто упоминаются Ганг, Инд, Окс (совр. Амударья) и Тарим.

Наконец, государственный храм Джайявармана VII **Байон**, возведенный в геометрическом центре Ангкор Тхома, является **мистической и исто-**

*Байон –
мистическая
и историческая
карта
Страны Кхмеров*

рической картой Страны кхмеров. Статуя Будды находился в главной целле, а в окружающих ее многочисленных часовнях, расположенных на трех ярусах храма, находилось множество исчезнувших ныне статуй различных божеств, которые мы можем в общих чертах идентифицировать благодаря небольшим надписям, размещенным на дверях большинства часовен. Среди этих божеств встречаются боги-покровители большинства крупнейших храмов королевства, расположенные по направлениям, совпадающим в некоторых случаях с направлениями, в соответствии с которыми были возведены в Ангкоре храмы в их честь. Среди богов — защитников часовен встречаются также обожествленные (то есть канонизированные) предки короля (см. гл. VI). Байон же с его башнями с многочисленными бодхисатвами — вне всякого сомнения, образами охранителей королевства, — предстает одновременно как карта королевства и мистическое изображение схемы Вселенной (*мандала*), так и генеалогическое древо Джайявармана VII, вписанное в ту же мандалу. Эта композиция как нельзя лучше соответствует храму короля, который считал себя воскресителем королевства и «аннексировал» сооружения, построенные его предшественниками.

VI

РЕЛИГИЯ

В первые века христианской эры индийские религии довольно быстро прижились на благодатной почве древней Камбоджи. Они встретили здесь не очень искреннюю, но постоянную приверженность индийским нормам и традициям, которые подверглись изменению в результате глубокого проникновения местных богов и обрядов.

Верность индийской ортодоксии сохранялась у кхмеров до конца ангорского периода и проявлялась даже после его окончания в их приверженности буддизму Тхеравады (Малой колесницы). Укреплению индийских религий способствовали привнесенные в них в X веке и, вполне вероятно, в конце XI столетия новшества, коснувшиеся брахманизма и буддизма Махаяны (Большой колесницы) соответственно. **Но эта приверженность не была безоговорочной**, потому что кхмеры не принимали насилия и жестокости, присущих пришлым богам и ритуальным действиям (если не считать краткого царствования в середине XIII века одной фанатичной религиозной секты). Индийские религии в кхмерском варианте выглядели весьма **примитивно** и имели «выборочный» характер (см. ниже об иконографии), но **обогащались кхмерскими «изобретениями», выразившимися в материальном воплощении индийских концепций, пребывавших до определенного момента на уровне абстракций.**

Другим важным явлением было введение иных представлений о мире и новых божеств, которых можно считать местными, несмотря на стремление облечь их в индийские одежды, чтобы скрыть их истинную природу. Все это привело к адаптации индийских религий к условиям древней Камбоджи. В этом случае возникает вопрос, а не идет ли речь о создании собственно кхмерской религии, или же это просто кхмерский вариант брахманизма? Мы уже приводили весьма характерный пример Девараджи, бога, возвращенного на кхмерской почве, но подвергшегося санскритизации под влиянием образов Шивы, Вишну или даже Будды (см. Рождение кхмерского королевства, гл. I). Однако это божество являлось лишь одним из бесчисленных «Владык Мироздания» (*камфатен джагам*), которых Жорж Кёдес относит к «божествам, наделенным личностными или местными характеристиками». Таким образом, это были «реально существовавшие обожествленные люди» или «божества, зародившиеся на кхмерской почве», о которых Клод Жак говорит, что все они представляли собой единую иерархически выстроенную систему. Популярность этих божеств не вызывает сомнений. Об этом говорят многочисленные надписи, сделанные в ознаменование установок их статуй-образов, и длинные списки у входов в часовни с перечислением божественных статуй, размещенных в них в эпоху правления Джайявармана VII. Эти божества прекрасно вписывались в религиозные обряды, основанные на индийских традициях. С этой точки зрения их можно рассматривать как обычные местные дополнения к привнесенному извне пантеону богов, хотя мы знаем, что и в Индии он постоянно пополнялся, «принимая в свои ряды все новых членов». Трудно предположить, чтобы эта система оставалась неизменной. Два монумента, постро-

ить которые был обязан каждый король — государственный храм, посвященный Деварадже, и храм в память о родителях — стали возводить и местные правители в провинциях. После того как **местная религия подверглась санскритизации** на уровне религиозных обрядов и названий, **установилась или, скорее, поддерживалась параллельная божественная иерархия**. Это явление объясняет одну из особенностей божеств местного происхождения, выразившуюся в их способности интегрироваться в различные индийские религиозные обряды, свидетельством чему является Девараджа. Это объясняется и тем, что кхмеры часто воспринимали индийскую религию в глобальном масштабе и не обращали внимания на различия между культами, хотя те были весьма значительны: стоит сравнить хотя бы некоторые брахманские течения, с одной стороны, и буддизм — с другой.

Брахманизм и буддизм появились в Камбодже практически одновременно, как, впрочем, и в остальных областях Юго-Восточной Азии. Не сдавая своих позиций, буддизм, однако, оставался на втором плане до конца XII века, пока Джайяварман VII не сделал Махаяну толка Тхеравады «официальной» религией Страны кхмеров. Буддизм Тхеравады, начиная с XIV столетия и вплоть до наших дней остается господствующей религией на территории всей страны. Отношения между буддизмом и брахманскими течениями никогда не выливались в открытые конфликты, за исключением короткого периода в XIII веке, когда выступление представителей одной из фанатичных шиваитских сект привело к падению занимавшей тогда лидирующие позиции Махаяны, чье место впоследствии заняла Тхеравада.

В VII веке, как и в X, много говорилось об ученых брахманах, обладавших обширными познаниями в

области буддистской доктрины, и многие правители XI столетия одинаково почитали и Шиву, и Будду (см. ниже: Буддизм). Так, писец, высекавший буддистскую надпись на стеле Ват Ситхор в конце X века, заимствовал многие слова из брахманской терминологии, хотя в этой же надписи говорится, что присутствие на (брахманских) «жертвоприношениях» считается грехом для монахов-шиваитов. Если вернуться на землю, то можно заметить, что в такой важной сфере, как архитектура, древняя Камбоджа была незнакома со ступами — преимущественно буддистскими монументами, — и за исключением иконографии между буддистской и брахманской религиозными архитектурами не было различий. Если верна гипотеза, согласно которой храм Бат Чум стал буддистским спустя двадцать лет после окончания строительства в результате размещения в нем статуй буддистских богов, то это лишний раз подтверждает удивительную веротерпимость кхмеров.

Что касается политики, то, как уже известно, Яшоварман I в конце IX века построил на берегах Восточного барая брахманские (вишнуитские или шиваитские) и буддистские ашрамы и составил для них практически одинаковые правила. А несколько позднее Раджендраварман ввел в свое окружение как брахманских советников, среди которых были его гуру Шивакарья и основатель храма Бантсай Срей Яджнавараха, так и буддистских, таких, как Кавиндрариматхана (посвятивший Будде, Ваджрапани (одному из главных бодхисатв) и Праджapati (богу-творцу) храм Бат Чум). Наконец, в XII веке Джайяварман VII позволил в каждом из своих великих буддистских храмов (Байон, Прах Кхан, Та Пром и т.д.) установить статуи шиваитских и вишнуитских божеств. Стоит только увидеть количество статуй брахманских богов, установленных в храмах, доставшихся ему от предыдущих правлений, чтобы понять,

что любое проявление враждебности по отношению к брахманским течениям в этот период триумфального шествия буддизма абсолютно исключалось. Об этом свидетельствует и надпись на «стеле, воздвигнутой в честь смоковницы», воздающая похвалу дереву Пробуждения, в которой употребляются брахманские сравнения (см. гл. VII: Двухязычный текст на стеле, посвященной смоковнице).

БРАХМАНИЗМ

В древней Камбодже брахманизм был одной из господствующих религий, чего не наблюдалось в то время даже в Индии. Это подтверждается постоянным местом, которое отводили Брахме наряду с Шивой и Вишну в тройных храмах конца IX и X веков. Можно также отметить ту уникальную и лишенную какого бы то ни было фанатизма и нетерпимости роль, которую играл Хари-Хара — синкретическое божество, вобравшее в себя черты Шивы и Вишну. Его статуи часто встречаются вплоть до последней четверти IX века, впоследствии они исчезают, однако еще до XII века попадаются посвященные ему надписи. За унитарным характером брахманизма просматривались два совершенно очевидных явления: с одной стороны, **преобладали шиваитские тенденции**, за исключением, может быть, нескольких коротких периодов; с другой — **существовали вишнуитские и шиваитские сектантские течения**.

Преобладание шиваизма, по крайней мере в рамках королевских ритуалов, отмечалось с давних пор, а в ангорскую эпоху усилилось еще больше, подтверждением чему является культ Девараджи, воплощавшийся до начала XII века в образе Линги Шивы. Индийские доктринальные ссылки на этот культ носят шиваитский характер, о чем свидетельствует перечень текстов, упомянутых в надписи на

стеле Сдок Как Том. Почти все ашрамы, основанные в 889 году Яшоварманом I по всей территории королевства, бог-охранитель которых нам известен, относятся также к шиваитскому культу. Нововведения, привнесенные в X веке в совершенно другую сферу, кхмерский брахманизм, затронули главным образом шиваизм (см. ниже: Пантеон индийских богов). Следует отметить, что вишнуитских храмов было немного, и до строительства в первой половине XII столетия Сурьяварманом II Ангкор Вата они играли второстепенную роль. Это величественное сооружение свидетельствует о коренных переменах, поскольку Ангкор Ват был первым (и единственным) государственным храмом, посвященным Вишну правителем, личная приверженность которого этому богу подтверждается его посмертным именем — Парамавишнулока. Впрочем, в правление этого короля больше не было построено ни одного вишнуитского храма.

Несколько иная ситуация складывалась при зарождении кхмерского королевства (V–VI века) и, как ни странно, в первые десятилетия IX века, уже в ангорский период. В обоих случаях подавляющее большинство статуй являются вишнуитскими; скульптуры, относящиеся к начальному периоду, представляют собой несколько статуй из Пном Да, изображающих Вишну и ряд его воплощений, а также более ранние архитектурные ансамбли. Что касается первой половины IX века, то единственными относящимися к этому периоду примерами, которыми мы располагаем, являются двенадцать статуй, изображающие исключительно Вишну, в Пном Кулен, иными словами, в том самом месте, где в 802 году впервые был осуществлен в соответствии с шиваитскими канонами ритуал в честь Девараджи. Отсутствие скульптур Шивы не удивительно. Ведь только в Камбодже (и более нигде, за исключением,

может быть, Индии) главным образным изображением Шивы были линги, которые устанавливали в целлах шиваитских храмов. Их датировку трудно определить, поскольку линги редко упоминались в текстах и описях. Однако одна скульптура из Пном Да, идентифицированная как статуя Вишну Камбуджендры, свидетельствует о том, что по крайней мере в конце VI века король был приверженцем этого бога (см. ниже Вишну и его воплощения). Что касается статуй, найденных на Пном Кулен, то они свидетельствуют о приверженности вишнуизму Джайявармана III (ок. 835–877), посмертное имя которого было Вишнулока.

В надписях упоминаются сектантские течения: вишнуитское *Панчаратра* (или *Бхагавата*) и шиваитские — *Пашупата* и *Шаива*. Первые упоминания о Панчаратре датируются концом V, о Пашупате — началом VII, о Шаиве — концом IX веков. А упоминания об их теоретических принципах и канонических текстах настолько многочисленны, что можно смело утверждать о популярности в стране этих течений. В надписях сообщается о ряде шиваитских трактатов, относящихся к агамическому шиваизму, который исповедовали члены секты Шаива. Некоторые из этих трактатов упоминаются в надписи на Сдок Как Том, рассказывающей о становлении культа девараджи. Иногда среди служителей некоторых храмов встречались «представители агамов» (*кнак агама*), которые следили за правильным соблюдением ритуалов; они могли служить как в вишнуитских и шиваитских, так и посвященных культу солнца храмах.

Принадлежность того или иного вельможи к одной из этих сект не сказывалась на расположении к нему короля, о чем свидетельствует пример одного приверженца панчаратры, жившем в X столетии: он служил пяти правителям, после чего стал

цирюльником верного шиваита Раджендравармана, а впоследствии был удостоен почетного титула. Однако влияние этих течений в Камбодже длилось недолго, за исключением шиваизма в XIII веке (см. ниже). В заключение отметим, что Камбоджу обошли стороной крупные религиозные течения, которые, начиная с X—XI столетий, оказывали сильное воздействие на индуизм в Индии: шактизм (культ женского производительного начала) и самостоятельные религиозные движения, основанные на культах Рамы или Кришны.

БУДДИЗМ

Буддизм проник в Камбоджу в глубокой древности. Об этом свидетельствуют многочисленные статуи Будды и надписи периода начала н. э.. Речь в них идет об обеих Колесницах. Что касается Махаяны, то она как религиозное направление существовала уже в середине VII века, свидетельством чему является статуя Авалокитешвары в Ратьзя (юг современного Вьетнама) или его же бюст, найденный в Ангкор Бореи. Трудно установить, к какому типу буддизма принадлежал камбоджийский, но в одной надписи 664 года упоминается о Тхераваде. Влияние буддизма распространилось на королевский двор, если судить по тому, что один крупный сановник, принадлежавший к королевской семье, в конце VII столетия носил титул *раджабхикшу* (королевский монах?) и основал, а впоследствии и содержал десять монастырей, в каждом из которых находилась статуя Будды. Позднее буддизм пускает глубокие корни, что нашло свое отражение в надписях и многочисленных бронзовых скульптурах (в частности, бодхисатв Авалокитешвары и Майтрейи), найденных в основном на северо-западе современного Таиланда, хотя несколько статуй обнаружены и в районе Анг-

кора. Однако не всегда можно точно определить, к какому течению буддизма относились те или иные памятники (что объясняется некоторой шаблонностью, свойственной буддистской архитектуре).

В конце IX века среди ашрамов, построенных в Ангкоре вокруг Восточного барая Яшоварманом I, был открыт буддистский ашрам неопределенной ветви буддизма. Он ни разу не упоминается в известных нам списках ашрамов, построенных Яшоварманом I по всей территории королевства в 889 года. Коренные изменения произошли к середине X века, когда при Раджендравармане и Джайявармане V было построено множество буддистских храмов, самым известным из которых является Бат Чум. Об обращении властей к буддийской религии свидетельствуют двенадцать надписей, среди которых выделяется текст на знаменитой стеле Ват Ситхор. В ней возносится похвала Киртипандиту, видному буддистскому деятелю, отвечавшему за строительство многих религиозных сооружений, и содержится указ Джайявармана V, в котором в деталях описывается свод правил для монастыря, основанного этим чиновником. Этот случай весьма показателен, поскольку речь идет о вмешательстве монарха в дела религиозной общины. Сооружения, построенные под руководством Киртипандиты, были посвящены божествам Большой колесницы, но в самом своде правил, в котором часто использовалась брахманская терминология (см. выше), не содержится ни единого намека на какое-либо сектантское течение. Представляет интерес каменная плита (989) в Тхма Пуок, украшенная фигурами Будды и бодхисатв, многие из которых — Локешвара, Праджнапарамита, Ваджрапани — относились к пантеону богов Большой колесницы.

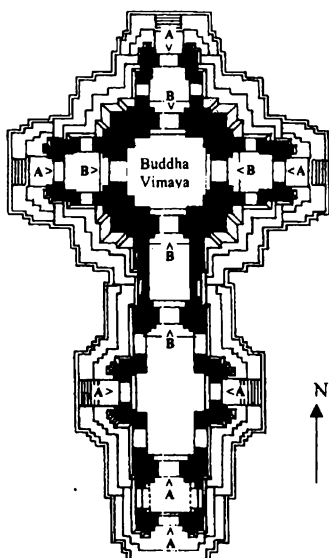
К первой половине XI столетия относятся многие интересные тексты: прежде всего это **несколько над-**

писей, авторы которых одновременно ссылаются на Будду и Шиву, что может служить подтверждением торжества синкретизма и глубокого ума и широты взглядов на религию таких правителей, как Джайя-вираварман или Сурьяварман I, контролировавших религиозную жизнь королевства. Другая надпись периода правления Сурьявармана I является еще одним примером вмешательства властей в дела монастырской общины, поскольку в ней содержатся инструкции, адресованные непосредственно монахам обеих Колесниц и касающиеся проведения религиозных обрядов.

Конец XI века был ознаменован обновлением буддизма Большой колесницы, что, вероятно, произошло под влиянием идей буддистского университета в Наланде (в нынешнем штате Бихар). Наиболее ярко этот процесс отражен в иконографии храма в Пхимаи (конец XI века, северо-восточный Таиланд): на многих ригелях изображены иллюстрации к темам из «Бриллиантовой колесницы» (Ваджраяна), заимствованным из Хеваджратантры, одного из трактатов, посвященных этому направлению. Ригели с изображением буддистских тем находятся во внутренней части храма и венчают дверь целлы, где была установлена статуя Будды Вимайи, в то время как внешняя иконография храма является типично брахманской: такое расположение декора свидетельствует о необходимости проникнуть за пределы земного мира, чтобы достичь Будды, охраняемого бодхисатвами Бриллиантовой колесницы.

Рост влияния Большой колесницы в XII столетии происходил в два этапа. Первый связан с именем Дхараниндравармана II, преемника Сурьявармана II (строителя Ангкор Вата) и отца будущего Джайявармана VII. Видимо, он был инициатором строительства Бенг Меалеа, первого и самого большого

Иконография храма в Пхимаи.

*А: брахманские
иконографические элементы;*

*В: буддистские
иконографические элементы*

буддистского храма в Камбодже — его часто называют «равнинным» Ангкор Ватом, — а также буддистских храмов при постоянных дворах, стоявших вдоль дороги, соединявшей Ангкор с Бенг Меалеа, откуда она продолжалась до Прах Кхан в Компонг Свай. Вполне вероятно, что именно Дхараниндраварман II был творцом первого варианта этого огромного архитектурного ансамбля. Все эти сооружения были, бесспорно, буддистскими, но они имели одну особенность: их принадлежность к буддизму не была ярко вы-

ражена. От Бенг Меалеа остались ныне одни руины, но, судя по всему, буддистские иконографические элементы были размещены лишь на фронтонах центрального здания, декор же остальной части ансамбля был в целом выполнен в брахманском духе. Хотя можно отметить фрагменты большой статуи Будды (сидящего на наге), которая возвышалась в центре барая перед храмом; она могла быть частью нилометра. В храмах при постоянных дворах самыми значительными буддистскими элементами, дошедшими до наших дней, являются статуи Авалокитешвары (все скульптурные изображения этого святого созданы по единому шаблону) и несколько фронтонов, чаще

располагавшихся на прилегающих зданиях. Своей сдержанностью в проявлении буддизма они схожи с храмом в Пхимаи, хотя декор этих сооружений подвергся меньшей перестройке (за исключением, может быть, Бенг Меалеа), в связи с чем возникает вопрос: а не было ли обуславливающее эту скромность стремление в большей степени политическим, чем теологическим? Однако в правление Джайявармана VII, отмеченное подлинным триумфом Большой колесницы, бывшая скромность буддистских храмов исчезает начисто.

Этот триумф выражался в повсеместном строительстве буддистских сооружений: как в столице, так и по всей территории королевства. Это и государственный храм Байон, и крупные храмы, возведенные королем в честь его отца (Та Пром) или его матери и его гуру (Прах Кхан), и храмы Бантеай Кдей, Та Ней, Бантеай Чмар и т.д. Невозможно обойти молчанием сотни храмов при лечебницах, постоянных дворах и др., которые посвящались Будде или божествам из его непосредственного окружения. Правление Джайявармана VII ознаменовалось обновлением пантеона буддистских богов и введением новых форм изображения Будды или Авалокитешвары, а также увеличением количества богов, наделенных личностными характеристиками, и местных божеств, статуи которых стояли в часовнях при больших храмах и окружали Будду или Авалокитешвару. Торжество буддизма вовсе не означало притеснения брахманизма: Шива, Вишну и другие боги по-прежнему занимали отведенные им ранее места, а великие мифы, подобные легенде о пахтанье молочного океана, воплотившиеся в монументальных формах, были «присвоены» и поставлены на службу власти, в той или иной степени находившейся под влиянием буддизма.

Храм Прах Кхан

ШИВАИЗМ И КОНЕЦ МАХАЯНЫ

Шиваитское «восстание», охватившее страну после смерти Джайявармана VII, проявилось в систематическом разрушении статуй Будды и Авалокитешвары. Иногда им придавали (как правило, в очень грубой форме) облик шиваитских божеств. Разрушению подверглись как стенные росписи, так и рельефные изображения. На стенах уничтожали все изображения Будды, тогда как из рельефных изображений разрушали только образ Будды на наге, считавшийся в Камбодже неотъемлемой частью Большой Колесницы (см. далее). Примерами уничтожения рельефных образов служат изображение Будды из Байона, которое разбили и сбросили в храмовый колодец, или около сотни обезглавленных изображений Будд в Бантеай Кдей, а также изуродованные статуи Джайявармана VII, недавно обнаруженные вблизи от Прах Кхана в Ангкоре: иконоборцы не пощадили даже статуи короля и членов его семьи.

Многое неясно относительно восстания сектантов. Единственное, что не вызывает сомнений, так это то, что неистовый характер его иконоборчества привел к окончательному исчезновению Большой колесницы. Неизвестно, когда началось это выступление и как долго продолжалось, но по приблизительным расчетам оно вспыхнуло лет через тридцать после смерти Джайявармана VII (1218?), при Джайявармане VIII (1243—1295). Неизвестно и то, насколько широко оно распространилось, но факты уничтожения святых образов часто встречаются в Ангкоре и в меньшей степени в Прах Кхан в Компонг Свай. Наконец, непонятны причины, вызвавшие его, и на какую доктрину опиралась эта «религиозная революция», которую связывают с шиваитским вероисповеданием Джайявармана VIII

(что подтверждается его посмертным шиваитским именем и окружением, в которое входили брахманы). Впрочем, именно политизацией буддизма в период правления Джайявармана VII можно было бы объяснить появление в большей степени политического, чем религиозного движения, целью которого было свержение режима путем уничтожения его главного оружия: буддизма Большой колесницы. Но вероятнее всего, речь идет о **фанатичной шиваитской секте, чьи категоричные убеждения вылились в доселе невиданное в Камбодже экстремистское движение**. Эта секта могла зародиться в провинции и носить исключительно локальный характер, но подтолкнуть ее членов на выступление могли или наставления «святого человека», брахмана, или любого другого священника, прибывшего из Индии, как, например, Сарваджнамунни, уроженца «страны ариев» и духовного наставника Джайявармана VIII, о котором говорится, что «с целью снизить расположение Шивы он из чувства глубокой набожности прибыл в страну Камбу». Характерные черты секты, о которых мы можем судить по свидетельствам Чжоу Дагуаня (см. далее), а также ее собственные алиментарные практики, неизвестные до этого момента в Камбодже (обратите внимание на дружественный характер застолий на изображениях в Байоне), вынуждают нас искать корни этого движения за пределами страны, в Индии, где в XII–XIII веках возникло множество фанатически настроенных религиозных течений. Толчком к восстанию могло стать одно из обновлений – скорее всего, последнее, – которым подвергались брахманские религии в Камбодже, и вдохновителем «революции» мог быть как Сарваджнамунни, так и кто-то из ему подобных.

В итоге восстание иконоборцев привело к окончательному разгрому Большой колесницы в

Камбодже. И это событие было в некотором смысле предугадано в одной из надписей, датированной правлением Джайявармана VIII: в ней говорится об установке в 1267 году статуи «Будды, сокрушителя Мары (олицетворения зла в буддистской мифологии)», другими словами речь идет об образе, относящемся к Тхераваде, и о его размещении в храме, где тремя столетиями ранее был установлен один из образов Махаяны. Через несколько лет Чжоу Дагуань, который не обмолвился ни единым словом по поводу разрушения святых образов, распределил всех служителей церкви в Камбодже на три категории. Прежде всего, он выделил *пандитов* (то есть очень образованных людей), которые носили в качестве знака отличия особую ленту и занимали высокие государственные посты. Скорее всего он имел в виду брахманов, служивших при дворе. Они существовали вплоть до XX века и носили название «баку». Затем шли буддистские монахи. Судя по описанию Чжоу Дагуаня, храмы, которые они посещали, ничем не отличались от буддистских монастырей толка Тхеравады в Камбодже или Таиланде. Наконец, последними упоминаются аскеты (*тапашвины*) или «даосы», то есть *йогины* в соответствии с китайско-индийской терминологией. Безусловно, йогины исповедовали шиваизм, поскольку проводили свои ритуальные церемонии перед «каменными глыбами» (то есть перед лингами), а голову покрывали красной или белой тканью. Их монастыри были меньше буддистских, потому что «религиозная деятельность не приносила им того благосостояния, какого добились буддистские монахи», даже если они, как и последние, были весьма востребованы в таком деликатном деле, как лишение девственности юных девушек, что, вероятно, приносило немалый доход. Чжоу Дагуаню неизвестно, какие ритуалы ими осуществлялись, он никогда не был свидетелем

декламации кем-либо из них священных писаний или совершения ими достойных похвалы поступков по отношению к другим лицам. Однако он отмечает, что йогины выделялись среди остальных своими идущими вразрез с общепринятыми алиментарными практиками (они никогда не ели прилюдно, ни с кем и никогда не разделяли свою трапезу и не пили вина). Все эти черты характерны для секты, члены которой участвовали в религиозной жизни наравне с представителями официальных религиозных культов, из чего мы можем сделать вывод, что ей одно время сопутствовал относительный успех. Но из-за чуждых кхмерским обычаям религиозных правил секта пришла в упадок и была отброшена на обочину общества. Таким образом, перед нами, с одной стороны, брахманизм, низведенный до уровня формальных придворных ритуалов, и повсеместно царящий буддизм Тхеравады (такой расклад сохранится до XX века), с другой — последние остатки недавно импортированного и бесперспективного сектантского шиваизма.

Священные стопы Будды в Байоне

ПАНТЕОН ИНДИЙСКИХ БОГОВ

С точки зрения иконографии (в частности, системы изображения культовых образов) **заимствованный кхмерами пантеон индийских богов может показаться обедненным по сравнению с оригиналом.**

Это касается и множества бесследно исчезнувших бронзовых статуй богов. Вокруг брахманских богов Шивы и Вишну сконцентрирована большая часть их пантеона, но представители его немногочисленны и стереотипны. Что касается буддизма, то, кроме Будды, встречается Авалокитешвара (или Локешвара) и Праджняпарамита, часто выступающая в роли супруги последнего, и несколько бодхисатв, чаще упоминаемых, чем изображаемых, как, например, Ваджрапани. Отметим, что женским образам в брахманизме отводится второстепенная роль, и они часто выступают в роли супруг-сподвижниц богов. Исключением является доангкорская Дурга из Самбор Преи Кук и других храмов, но это лишь подтверждает общее правило и доказывает, что Камбоджа осталась в стороне от такого крупного течения, как шактизм, в котором Шакти приравнивается к Вишну.

Для кхмерского Пантеона богов характерно отторжение любой крайности, что выражалось в целомудренном отношении к изображению гениталий. Стыдливость была характерной чертой кхмерской скульптуры и касалась как женских, так и мужских изображений (включая и Шиву, несмотря на повсеместное присутствие его фаллического символа). Исключение составляют несколько настенных изображений обнаженных женщин, принадлежавших к одной горной народности (см. ниже: Пантеон местных богов). Зато непреложным правилом стала демонстрация обнаженной груди как у

богов, так и у богинь, за исключением нескольких доангкорских статуй Сурьи и, разумеется, скульптур Будды (впрочем, иногда он изображается обнаженным по пояс). **Неприятие всего внушающего ужас было повсеместно распространенным явлением:** Камбодже были совершенно чужды традиции изображения истекающих кровью и лишенных плоти страшных богов, столь широко распространенные в Индии, главным образом в шиваитской иконографии. Единственными напоминающими скелеты существами были *преты*, то есть непогребенные покойники, но их изображения встречаются крайне редко (например, в Та Ней). Если для иконографического правдоподобия приходилось изображать нечто устрашающее, то изображение никогда не усугубляли излишней демонстрацией ужасов, как это было принято в Индии. Если речь, например, шла о Дварапалах (охранявших входы в храмы) или демонах (асурах), занимающихся вместе с богами пахтаньем, то свойственные им жестокость и кровожадность преподносили в сдержанной и несколько неестественной форме: у «ужасных» Дварапал из уголков рта выглядывают неброские маленькие клыки; лица асуров с вылезающими из орбит глазами, крючковатыми носами и ниспадающими на плечи волосами напоминают карикатурные театральные маски. Еще более устрашающие **изображения Шивы (Бхаиравы и т.д.) или Шакти (Кали и т.д.) совершенно отсутствовали в пантеоне кхмерских богов**, а единственная предпринятая в X веке попытка внедрения их культов закончилась полным провалом. Смягчались даже такие безобидные темы, как Шива, просящий подаяние (Бхикшатана): бог принимал облик учтивого принца. Даже шиваиты XIII столетия были вполне удовлетворены тем, как изображался Шива в образе аскета, как и они, йогина, но не внушавшим страх или ужас.

Этот в целом «урезанный» пантеон сохранялся на протяжении всей истории древней Камбоджи. Однако в X веке появляются несколько новых брахманских божеств, введение которых совпадает по времени с переносом Джайяварманом IV столицы в Кох Кер. Впрочем, после прихода к власти Джайявармана V все вернулось на круги своя. Наиболее яркое воплощение этот период получил в декоре храма Бантеай Срей, основанном в 967 году Яджна-варахой, ученым и гуру Раджендравармана и Джайявармана V. **Нововведения, в основе которых лежало обращение к индийским первоисточникам (и не только санскритским),** не могли не коснуться тематики барельефов. Так, у ног танцующего Шивы появляется приобщенная к лику богов тамильская поэтесса Караиккаламмайяр. Новые лица появились в основном в пантеоне шиваитских богов. Аналогичный процесс обращения к первоисточникам наблюдается во второй половине XI века в отношении пантеона буддистских богов. Зато в основе иконографических изменений, которые столетием позже совпали с возрождением королевства, осуществленным Джайяварманом VII, лежали местные художественные находки, благодаря которым кхмерские скульпторы смогли в самобытной манере воплотить в скульптурной форме индийские теологические концепции.

ШИВА И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Дух Шивы витал везде благодаря его вездесущему фаллическому символу, представлявшему его под разными именами и обличьями: наряду с многочисленными одинокими лингами в Камбодже существовали и пятикратные линги, олицетворявшие пятикратное величие его божественной сущности, и «тысячи линг», которые являлись материальным

воплощением тысячи его имен. В доангкорский период линги имели разнообразные скульптурные формы, встречаются даже несколько линг с ликами (*мукхалинги*), полностью повторявшими индийские образцы, а также некоторые другие варианты. Однако кхмеры из-за присущей им стыдливости не возводили натуралистические линги, столь популярные в Индии. Разнообразие форм исчезает с конца IX века. Теперь строятся только классические линги с тремя равными секциями, различались они только размерами. Например, Линга, воздвигнутая в Пном Боке в конце IX столетия, достигает в высоту 4 метров, а ее диаметр равен 1,20 метра. Она возвышалась в центре шиваитского варианта храменилометра, построенного в начале XI столетия в середине Западного барая в Ангкоре (см. Храменилометры, гл. IV), и тоже состояла из трех секций, но имела вогнутую форму. В Камбодже встречаются как наскальные, так и «естественные» линги. Первые ограничивались изображением верхней части объекта, которой придавали различный вид (пятикратные линги, «тысячи линг»); они датируются XI столетием и встречаются по берегам верховий реки Сиамреап. Что касается естественных (природных) линг (*сваямбху*), то самой знаменитой из них является скала, возвышающаяся над шиваистским святилищем Ват Пху. Широкую известность она получила в V или VI веках под названием «Гора-Линга» (*Лингапарвата*). Среди других неканонических изображений Шивы выделяется ритуальный трезубец, высеченный на плите в дар ему одним восьмидесятилетним аскетом, одарившим того заодно и собственными зубами (VII–VIII века).

Самым распространенным в Камбодже каноническим изображением Шивы издревле являлся **двурукий и трехглазый Шива стоящий**. Иконографические особенности этого образа могут

показаться слишком упрощенными, но они вполне отвечали запросам того времени. В XIII столетии в период шиваитского «восстания» статуям или изображениям четырехрукого Авалокитешвары на барельефах простым отсечением верхних рук и изменением прически был придан

Шива и Парвати верхом на быке (ригель, XI век)

облик Амитабхи (беспредельно сияющего Будды). Встречаются также изображения пятиглавого Шивы, олицетворяющие его божественную сущность. Однако, в отличие от индийских статуй, все пять голов похожи, как две капли воды, и ничто не свидетельствует о слиянии пяти различных начал. Этот вид изображения возник, вероятно, в X веке в Кох Кере и спорадически встречался вплоть до правления Джайявармана VII. **Образ танцующего Шивы** возникает в Камбодже одновременно в эпиграфике и в скульптуре (на ригеле в Самбор Преи Кук) в начале VII столетия в период правления Ишанавармана I. Впоследствии под влиянием новых индийских веяний этот образ претерпел значительные изменения: теперь у Шивы наряду с пятью головами десять рук (рельеф в Кох Кере, 2-я четверть X века).

Несколько позднее (967), практически сразу после появления этого образа в Индии, в Бантеай Срей у ног танцующего Шивы мы видим фигуру благочестивой тамильской поэтессы Караиккалам-майяр. Этот быстро распространившийся образ в нескольких вариантах обретает популярность в на-

чале XI столетия (например, в декоре храмов Ват Эк, Ват Басет, Пном Тьхисор) и регулярно встречается вплоть до XIII столетия (барельефы внутри Байона). В это же время тема танца была перенята буддизмом: сначала она проявляется в Пхимаи в изображении Хеваджры (см. ниже), а затем — при Джайявармане VII, когда бесчисленные фигуры танцовщиц украсили стены многих буддистских храмов.

Среди других «классических» воплощений Шивы в Камбодже следует упомянуть о скульптурной группе, называемой *Умамахешвара* (бог заключает в объятия свою супругу), и об образе *Ардханари* («Шива наполовину женщина»), когда мужское и женское тела сливаются в одно. Последнее скульптурное изображение упоминается в надписях, начиная с VII столетия, и вновь появится пять веков спустя при Джайявармане VII. Ко всему вышеперечисленному можно добавить кхмерскую версию изображения Шивы, называемую «Тримурти», представленную скульптурой X века, где из тела сидящего Шивы с пятью головами и десятью руками на уровне талии возникают верхние части туловищ Вишну (с одной головой и четырьмя руками) и Брахмы (с четырьмя головами и руками). У Вишну и Брахмы, как и в соответствующих индийских скульптурах (где у Шивы, как правило, всего лишь одна нога), нижние пары рук сложены, что подчеркивает их более низкий статус. В совершенно ином духе выполнена кхмерская интерпретация популярного на юге Индии мотива, где между сидящими Шивой и Умой находится их сын Сканда. В то время как в Индии Сканда изображался ребенком, танцующим между своими родителями, камбоджийская статуя демонстрирует божественное семейство, где Шива стоит в окружении супруги и сына, представленного в образе молодого человека

(Бантеай Срей, начало XII века). Тема же «возникновения Линги» (*Лингодбхавамурти*), также очень популярная на юге Индии, отражена в Камбодже единственным скульптурным изображением, датированным VII веком. Наряду с этими видами скульптур, которые следовали индийским традициям, появляются недолговечные художественные мотивы, неизвестные в Индии: так, в конце IX века появляется образ, называемый в надписях *Умагангатишвара* («Повелитель Умы и Ганги»), где Шива находится в окружении обнимающих его супруг, Умы-Парвати и Ганги; несколько позднее в Кох Кере появляется скульптура «Двойного Шивы», изображающая фигуру бога с двумя головами и верхними частями туловищ.

Окружение Шивы было довольно малочисленным. Кроме его супруги, которая с трудом поддается идентификации, за исключением доангкорского периода, где по ее прическе в виде поднятых кверху прядей, повторяющей порядок расположения волос Шивы, мы узнаем в ней жену бога. Его неперенным спутником и слугой был **бык Нандин**. Его многочисленные статуи, как и в Индии, стояли перед входами во все главные храмы, посвященные Шиве, в то время как в Кох Кере и в Бантеай Срей храм охраняли *ганы* (гномы и другие существа) с головами животных (львов, обезьян, гаруды и т.д.). Одинаково редко представлен в эпиграфике и в иконографии **Сканда**. Кроме повествовательно-исторических барельефов Ангкор Вата, где он изображен в разгар боя с асурами, до нас дошли лишь три его скульптуры. На двух самых ранних (VIII век) он изображен сидящим на павлине, а на третьей (начало XII столетия) мы видим уже известное нам святое семейство, где вместе с Парвати они стоят рядом с Шивой (см. выше). Что же касается **Ганеши**, то обилие посвященных

ему скульптур — каменных или бронзовых, — а также множество упоминаний о нем в надписях свидетельствуют о том, что на протяжении всей истории Страны кхмеров он был **одним из самых популярных богов древней Камбоджи**. Обнаруженные изображения этого бога часто не сопровождались сопутствующими надписями, поэтому не всегда легко определить их датировку. В надписях неоднократно упоминается о храмах и часовнях, построенных в его честь, часто его изображали на парапетных столбах, идущих вдоль эспланад, и это напоминает о том, что он был защитником путешественников. Его иконографические образы достаточно разнообразны и включают в себя некоторые новации, вне сомнения, кхмерского происхождения. Например, существует статуя трехглавого Ганеши, заимствовавшего свои дополнительные головы у слона Индры, который также часто изображался в Камбодже трехглавым.

ВИШНУ И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ

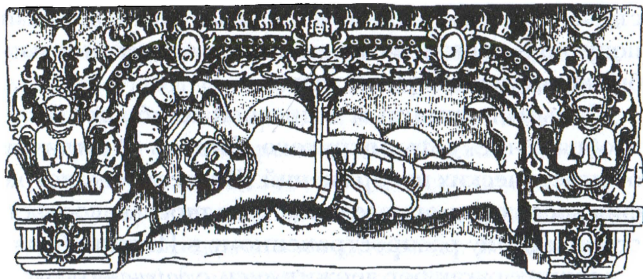
Обнаружено множество изображений, имеющих отношение к Вишну, хотя его окружение самое малочисленное по сравнению с другими богами: оно ограничивается Гарудой и Лакшми, образ которой с трудом поддается идентификации, за исключением изображений доангкорского периода, на которых ее можно узнать по вишнуитской митре. Наряду с образами, представляющими большую часть его воплощений, найдено **четыре вида изображений самого Вишну, которые были, видимо, объектами четырех отдельных культов в Камбодже: это Вишну четырехрукий стоящий, Вишну, сидящий верхом на Гаруде, Вишну восьмирукий стоящий и Вишну, возлежащий на змее Шеше**. Все эти образы одновременно встречаются в виде миниатюр на

стелах, которые относят к XII столетию. Они были популярны в разной степени, но их совместное изображение весьма показательно.

Самым популярным в древней Камбодже было изображение **четырёхрукого Вишну**. В отличие от пластических изображений Шивы его иконография абсолютно определена и полностью соответствует самому распространённому в Индии образу. В верхних руках бог держит диск *сударшану* и раковину, а в двух других — жезл и небольшой шар (или лотос), символизирующий землю. В самых ранних изображениях раковина висит у него на бедре (как это было принято в эпоху династии Гуптов), но классическая индийская схема быстро прижилась в Камбодже и с незначительными изменениями, касавшимися причёски, одежды и некоторых других мелких деталей, оставалась неизменной до конца анкорского периода. Доанкорская митра — первая кхмерская интерпретация королевской тиары, предписанной индийскими трактатами, — сменяется сочетанием диадемы и головного убора в виде пагоды или шиньона, пока причёска бога не свелась к простому пучку волос, собранному на затылке, который украшал головы почти всех мужских божеств эпохи Джайявармана VII. Эта самая распространённая форма изображения Вишну чаще всего встречается в целлах храмов.

Вишну, сидящий верхом на Гаруде, — ещё один популярный образ, о чём свидетельствуют надписи и многочисленные изображения (большей частью рельефы), относящиеся в основном к X–XIII векам. На этих изображениях бог держит в руках четыре обычных символа. В Индии этот образ представляет собой краткую скульптурную иллюстрацию мифа, в котором идет речь о том, как Вишну отправился верхом на Гаруде освобождать царя слонов, плененного нагой или *макарой* (этот

*Вишну, возлежащий на Ананте
(ригель, вторая половина VII века)*

миф пересказывает Р. Киплинг в своих «Сказках просто так»). Широкое распространение в Камбодже этой формы изображения объясняется тем огромным уважением, которым пользовался Гаруда. Помимо того, что на нем летал Вишну и ему поклонялись некоторые сектантские движения, этот гигантский орел с получеловеческим лицом был врагом и повелителем всех змей (см. ниже: Многообразие богов и божеств).

Гораздо реже встречается не относящееся ни к каким определенным мифологическим контекстам **изображение стоящего восьмирукого Вишну**. Это свидетельствует о постоянстве иконографических правил и возможном политическом подтексте этого образа. Известны по меньшей мере четыре таких изображения (не считая миниатюр, о которых говорилось выше). Первое относится к концу VI века (рельефы в Пном Да), второе — к первой четверти X столетия (барельефы в Прасат Краван и настенная роспись в Пре Неанг Кхмау), третье — к концу XII века (рельефы, появившиеся в Ангкор Вате при Джайявармане VII). Согласно гипотезе П. Дюпона, самым ранним изображением является образ из Пном Да, представляющий собой Вишну Камбуджендру, то есть повелителя Камбод-

жи; барельефы и настенные росписи, относящиеся к X столетию, находятся в храмах, посвященных соответственно Вишну «повелителю трех миров» (*Траилокьянатха*, Пр. Краван) и Вишну «повелителю мира» (*Локанатха*, Пр. Неанг Кхмау); наконец, третье изображение является одним из тех образов, которые Джайяварман VII разместил в государственном вишнуитском храме Сурьявармана II. Тот же Джайяварман VII установил в часовне собственного государственного храма (Байон) статую *Камбуджешвары*, то есть *Хари Камбуджендры*. Создается впечатление, что эта редко используемая пластическая форма была тесно связана с идеей абсолютной власти (что подтверждается обязательным наличием символов господства), поскольку согласно надписи конца XI века восемь рук Вишну символизируют восемь сторон света.

Последний в серии образ **Вишну, возлежащего на змее *Шеша (Ананта)***, отражает один из самых популярных в Индии мифов о сне Вишну в промежутке между двумя периодами космического соиздания, когда из его пупка вырастает стебель лотоса, на котором рождается Брахма. Упомянутая впервые в эпиграфике с начала VI века, эта форма изображения Вишну присутствует на многих ригелях и нескольких фронтонах храмов, возведенных с VII по XIII столетия. До нас дошло немного культовых образов этого типа, но среди них есть произведение, исключительное по своему художественному значению. Это большая бронзовая статуя (не менее четырех метров в длину), являющаяся центральным элементом второго варианта (вторая половина XI века) храма-нилометра Западного бараа. Скульптурная группа была установлена так искусно, что, когда барай наполнялся водой, казалось, что она плывет по нему (см. Храмы-нилометры, гл. IV). Аналогичная схема применялась в то время

при нанесении наскальных изображений в Пном Кулен и в горах Дангрек: образы возлежащего на змее Вишну высекались на скалистых берегах рек таким образом, что в период половодья уровень воды вплотную подходил к изображениям, и создавалось впечатление, будто бы бог «плывет», чем, собственно говоря, он и занимался в те времена, когда океан полностью покрывал землю. Из всего вышесказанного следует, что форма Вишну повелителя мира, о которой мы говорили выше, дополнялась формой Вишну повелителя вод и орошения, то есть бога, поддерживающего «мировой порядок». Таким образом, он наделялся основополагающей в соответствии с индийской традицией функцией.

Воплощения Вишну, то есть те образы, в которых он появляется в мире в том или ином облике, пользовались в Камбодже различной степенью популярности. Образ *Матсьи* (Рыбы) практически отсутствует как в иконографии, так и в эпиграфике. Единственные известные нам статуи *Баларама* и *Парашурамы* входят в ансамбль в Пном Да (конец VI века), хотя Баларама регулярно появляется рядом с Кришной, поднимающим гору *Говардхану*, на фронтонах и ригелях храмов до конца ангорского периода. Зато **другие воплощения Вишну — Рама и Кришна — упоминаются и изображаются наиболее часто.** Впервые их следы обнаруживаются в начальный период формирования страны и кхмерского искусства, а много веков спустя изображение их подвигов занимает значительную часть барельефов Ангкор Вата. Как и в Индии, к изображениям и описаниям этих образов прибегали, когда было необходимо подчеркнуть добродетели монарха. Популярность Кришны закончилась вместе с закатом ангорского мира, в то время как Рама стал главным буддистским героем кхмерского

эпоса *«Рамакерти»*, который, начиная с XII столетия, начнет постепенно освобождаться от влияния индийских традиций *Рамаяны Вальмики* (см. ниже). Однако ни тот, ни другой не станут в Камбодже объектами поклонения религиозных течений, как в Индии. Интересно, что камбоджийское окружение Кришны было исключительно мужским, а такие эпизоды, как, например, сцена переодевания *Гопи*, полностью опускались. Что касается *Ситы*, то на нее была возложена роль примерной супруги, о чем свидетельствуют ряд изображений, в которых она подвергается ордалиям. Относительно частое присутствие ее пластических образов можно сравнить с не менее частым появлением образа верной супруги царя обезьян *Валины*, которая ухаживала за ним в последние часы его жизни.

Самой популярной изобразительной формой **Кришны**, воплощенной во многих культовых статуях VI–VII веков и бесчисленных изображениях на фронтонах, которые относятся к X–XIII векам, является образ бога, **поднимающего гору Говардхану**. Такая статуя стояла в буддистском храме Джайавармана VII Прах Кхан. Что касается **Рамы**, то его статуи встречаются значительно реже (или не идентифицированы как таковые), но изображения его многочисленных приключений часто встречаются на фронтонах, ригелях и других декоративных элементах храмов. *Хануман* редко встречается в этих окаменевших мифах, поскольку в Камбодже он не причислялся к сонму верховных божеств, как в Индии. Что же касается *Валины* и *Сугривы*, то сцена их сражения, часто фигурирующая в декоре храмов, стала темой для замечательного рельефного изображения в Кох Кере, хотя непонятно, с какой целью его здесь разместили: относилось ли оно к культовым образам или же было декоративным элементом цоколя здания?

Другим образом, связанным с идеей власти и мирового господства, был часто изображаемый *Тривикрама*, который впервые появляется в начале X века и встречается до конца ангорского периода. На многих изображениях (в частности, в Прасат Краван) персонаж в облике женщины поддерживает цветком лотоса приподнятую ногу бога: разумеется, речь идет о Ганге, о которой в одной надписи говорится, что она «приподнимает ногу Вишну». В этом случае мы имеем дело с кхмерским вариантом индийского мифа, где описывается, как Ганга течет у ног Вишну, а его новая интерпретация свидетельствует о творческом характере кхмерской иконографии.

Среди других воплощений Вишну следует упомянуть о *Нарасимхе*, изображение которого появилось в X столетии и помещалось главным образом на ригелях. Обнаруженные фрагменты подобных культовых образов (львиная голова на человеческой шее) свидетельствуют о том, что речь идет о ганах Шивы, а не об этом воплощении Вишну. Изображения *Варахи*, вепря, встречаются в виде антропоморфной (человекообразной) статуи и ряда рельефных изображений того же типа в храмах и на памятниках. Его единственное изображение в виде животного относится к самому концу ангорского периода. Изображения *Калкина*, мессии с головой коня, встречаются довольно часто и датируются в основном VII и X веками. Однако существует еще одна второстепенная инкарнация Вишну с головой коня (*Хайягрива*), поэтому трудно сказать, к какому из двух божеств относятся эти изображения, учитывая, что в некоторых надписях упоминается еще один бог с конской головой. Остается только сказать о *Курме*, воплощении Вишну в облике черепахи, которая являлась одним из основных элементов пахтанья, поскольку именно на ее спине была установлена сбивалка. Разумеется, она фигурировала на всех изображениях

этого процесса. Ее культовые изображения появляются в эпоху Джайявармана VII: она представлена с человеческим телом и четырьмя руками (обычные вишнуитские атрибуты), нижняя часть тела выглядит относительно круглой и закутана в юбку, декор которой напоминает панцирь черепахи. Ее изображения встречаются в виде маленьких бронзовых статуэток или каменных скульптур, самые крупные из которых находятся среди других вишнуитских образов, появившихся в Ангкор Вате в эпоху правления Джайявармана VII одновременно со статуей величественного восьмирукого Вишну.

ДРУГИЕ БРАХМАНСКИЕ БОГИ

Мы уже неоднократно говорили о Брахме. Его образы легко узнаваемы благодаря наличию у него четырех ликов, а обилие его изображений, особенно с конца IX по XI век, удивляет, поскольку, он не был объектом всеобщего поклонения в Камбодже. Напомним, что и в Индии не существовало культа Брахмы. То относительно большое значение, которое придавалось его образу, может объясняться его соседством с Шивой и Вишну в брахманской триаде богов, которой отводилась в Камбодже основополагающая роль.

О **Хари-Харе** мы упомянем лишь вскользь, и только для того, чтобы подчеркнуть, что его изображения — последние из них датируются концом IX века — повторяют атрибутику вишнуитских богов, о чем свидетельствует, например, способ укладки волос на его голове. Его популярность вряд ли была связана с синкретизмом, скорее это одно из многих свидетельств вольной интерпретации кхмерами индийских религий (см. выше).

Солнце (Сурья или Адитья), чье имя носили многие кхмерские монархи (Сурьяварман, Удайдитья-

*Голова Хари-Хары
с шиваитской прической
и в вишнуитской митре
(конец VI века)*

варман), было объектом отдельного культа и входило в группу астральных богов, называемых «Девять божеств». Если Сурья выступал в качестве главного божества, его храм располагался рядом с храмами Шивы или Вишну. Единственными известными нам изображениями, относящимися к этому культу, являются скульптуры, обнаруженные на юге современного Вьетнама и датированные VII–VIII веками. В соответствии с иконографическим образцом,

описанным и определенным как «северный тип» в индийских религиозных трактатах начала VI столетия, Сурья стоящий хорошо узнаваем благодаря двум лотосам, покоящимся на его плечах и одежде иранского образца (круглая шапочка, туника и сапоги). Его появление в Камбодже может быть объяснено существованием тесных связей с Северо-Западной Индией, хотя этот образ мог закрепиться и благодаря вышеупомянутым трактатам. С одеяниями иранского образца было покончено, когда Сурья стал постоянным членом группы «Девяти божеств». Теперь его изображали окруженным нимбом, в кхмерских одеждах и восседающим на колеснице, в которую были впряжены кони: семь, два или один.

Группа *Девяти божеств* была кхмерским вариантом группы божеств, известной в Индии под назва-

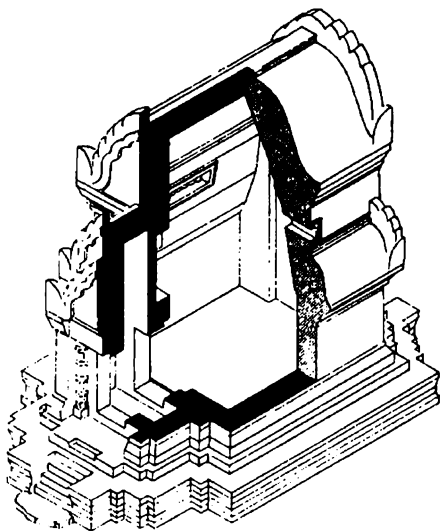
нием *Наваграха* («Девять небесных властелинов»). Она возникла в начале VII столетия в Самборе, была хорошо знакома кхмерам и часто упоминается на протяжении всего ангорского периода, а относящиеся к ней образы **чаще всего устанавливали в прилегающем к храму здании («библиотеке»)**, расположенном на юго-востоке от главного храма. Как правило, эта группа изображалась в виде удлиненной стелы с миниатюрными образами, но в Кох Кере была обнаружена стела, на которой был изображен ряд довольно крупных самостоятельных образов. Не вызывает сомнения идентификация только тех божеств, которые расположены на торцевых сторонах стел (все четыре бога принадлежат к индийской группе Наваграха): это с одной стороны (начиная слева от зрителя) Сурья и *Кандра* (Луна), с другой — *Раху* (бог, вызывающий затмения) и *Кету* (комета). Что касается изображений в центральной части стел, то здесь нет никакой ясности, хотя нам и удалось идентифицировать среди них богов-хранителей основных сторон света. Но даже в этом нет полной уверенности, поскольку от стелы к стеле меняется их расположение. Их изображения весьма невелики, а некоторые серьезно повреждены. В заключение отметим, что Солнце и Луна часто сияют в виде нимба вокруг головы Вишну-Тривикрамы, а их буддистские ипостаси, бодхисатвы *Сурьяваирока* и *Кандраваирока*, стоят по сторонам Будду-врачевателя, который неусыпно заботится о храмах-лечебницах Джайявармана VII (см. Лечебницы, гл. IX).

«Библиотеки»

Такое культовое здание, как «библиотека», было отличительной особенностью кхмерской формы индийских религий. Первые «библиотеки» появились в самом начале ангорского

периода в Прах Ко и Баконге (правление Индравармана I), а их конфигурация окончательно сформировалась в ходе X столетия. «Библиотека» представляла собой удлиненное здание с двухскатной крышей и окнами мансардного типа. Дверь располагалась с торцевой стороны и дублировалась ложной дверью на противоположной стороне. Обычно она располагалась в первом ограждении святилища к юго-востоку от главного храма (когда тот выходил на восток), но могла существовать и еще одна «библиотека» на северо-востоке. Каким бы ни было ее расположение, *она всегда находилась в противоположном направлении от главного храма. Вход в нее находился на западной стороне, в то время как вход в храм был с восточной стороны* (см., например, аксонометрическое изображение «библиотек» в

Преах Вихар: «Библиотека», вид с восточной стороны
(конец X века)

Бантеай Срей). Отметим также, что «библиотеки» в Бафуоне и Ангкор Вате имели четыре входа, расположенные по четырем основным сторонам света, а лучи солнца проникали в них через большие окна (см. план Ангкор Вата).

Своим названием «библиотеки» обязаны тому, что одну из них именно так и «окрестили» в начертанной на ней надписи. Начиная с IX века, «библиотеки» очень часто украшались фризами с изображением «Девяти божеств» (см. выше), и это продолжалось по крайней мере до XII столетия. Впоследствии, в XII веке, фризы сменили статуи Авалокитешвары сидящего в храмах при постоянных дворах, построенных в правление Дхараниндравармана II (см. ниже: Авалокитешвара), и статуи бога, напоминающего Ваджрапани, в храмах при лечебницах эпохи Джаявармана VII (см. ниже: Другие буддистские божества). Одновременно с этим окна мансардного типа, через которые, по всей видимости, проникало мало света, стали использоваться в качестве дымоходов. Вполне вероятно, что эти здания служили павильонами для проведения ритуалов, посвященных огню, которым придавалось большое значение во всех индийских религиях.

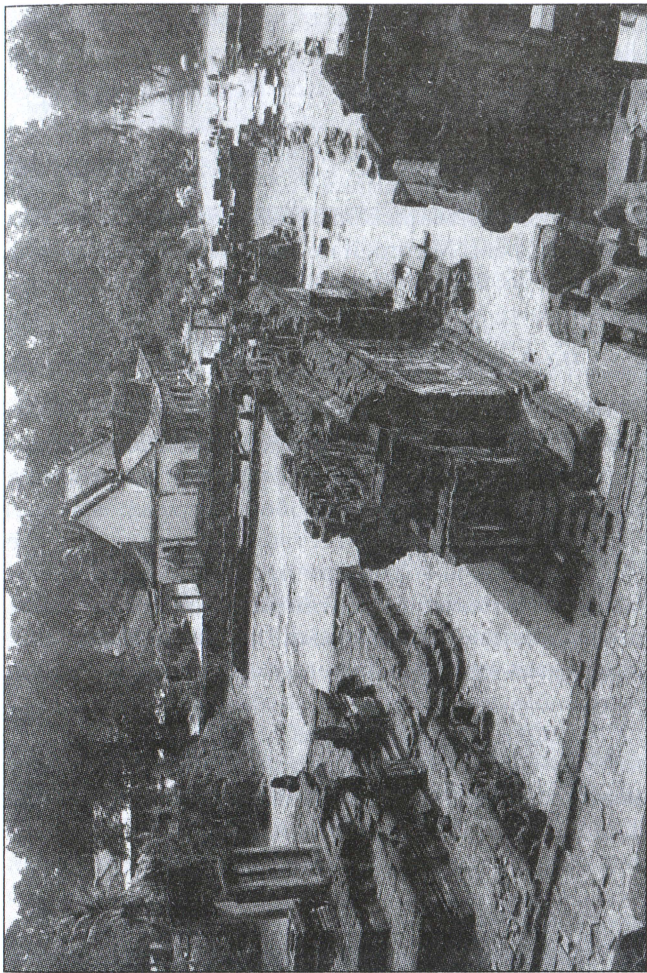
Культ *Шакти* не получил в Камбодже такого широкого распространения, как в Индии, где он стал набирать силу, начиная с XII века. Мы уже успели заметить, что богини, которым, как правило, отводилась лишь роль преданной супруги, порой трудно узнаваемы. К исключениям из этого правила относятся изображения доангкорского периода *Умы-Парвати* и *Шри-Лакшми*, чьи прически дублировали убранство волос Шивы и Вишну. В ряду исключений мы видим и *Праджнапарамиту*

(также узнаваемую по прическе, см. ниже) и Дургу («Победительницу демона-буйвола»). Последняя появляется позже, в начале VII столетия, в иератической (священной) позе, поставившей ногу на голову буйвола, которого она только что сразила. Обнаружена пока единственная статуя этой богини (в Самбор Преи Кук, первая половина VII века), изображающая ее в движении, но все в той же позе: с ногой на голове быка (по-другому ее не представляли). Эти доангкорские образы ставят ее в ряд вишнунитских божеств (прическа, атрибуты и т.д.). Однако, начиная с ангкорского периода, число ее статуй постепенно уменьшается, хотя надписи, сделанные в ознаменование их установки, множатся. Изображения на некоторых фронтонах, ригелях и рельефах декора, относящиеся к X–XII векам, изображают ее битву с буйволом, что свидетельствует о новой интерпретации древнего мифа, возникшей, несомненно, под влиянием обновленной в X столетии иконографии.

Среди других «независимых» брахманских богинь только **Сарасвати** и **Ганга** пользовались некоторой популярностью, хотя и в этом случае ни один из их образов не может быть идентифицирован (за исключением Ганги, представленной в шиваитской скульптурной группе, описанной выше). Остается упомянуть о таком парадоксальном явлении, как появление нескольких групп, каждая из которых состояла из так называемых семи или восьми «Матерей» (*Матрка*). О них умалчивает эпиграфика, хотя они фигурируют на двух или трех изображениях: одно из них было обнаружено в Бантеай Срей, другое — на месте древнего поселения к югу от Ангкора, а третье (вызывающее немало сомнений) — поблизости от Кох Кера. Все три образа относятся к X веку, самая точная дата указана на изображении из Бантеай Срей (ок. 967). Создается

Храм-
«библиотека»
в Баконге

впечатление, что в данном случае наблюдается типичный пример заимствования индийских религиозных традиций: ведь Кох Кер и Бантеай Срей были среди тех религиозных центров, которые в максимальной степени испытали на себе воздействие индийского влияния в X столетии. Впрочем, в отличие от изображений поэтессы Караиккалам-майяр, образы Матерей не получили признания по причине их буйного нрава.

БУДДА: МАХАЯНА И ТХЕРАВАДА

Образ Будды теоретически универсален в том смысле, что каждый из бесчисленных бодхисатв — настоящий, прошлый или будущий, принадлежащий к нашему миру или любому другому, — может быть изображен в соответствии с классической схемой, согласно которой **три части его монашеских одеяний и некоторые отличительные признаки, свойственные только ему, должны были подтвердить его божественную сущность.** К отличительным признакам Будды относятся выпуклость на темени в виде шишки (*ушниша*, признак просветления. — *Примеч. пер.*) и, видимо, пучок волос (*урна*), между глаз. В Индии существовали критерии дифференциации для различения каждого из пяти великих Будд Махаяны, например, некоторые специфические жесты, присущие каждому из них, или особое дерево, под которым одного из Будд достигло просветление. Но в Камбодже редко пользовались этими критериями; и только каноническая поза медитации позволяет узнать *Амитабху*, изображаемого с такой же прической, как у Авалокитешвары и Праджнапарамиты. Что же касается дерева *Боддхи*, то оно фигурировало в более поздних изображениях на стенах, где каждому прошлому Будде соответствовал свой отдельный вид дерева. На одной

Поклонение Будде (ригель в Пимае, начало XII века)

из стел имеется надпись, в которой указывается, что здесь изображен Будда *Дхармадаршин* (15-й из 24 Будд, воплотившихся до нашего времени), называется вид дерева (красный амарант) и сообщается о некоторых свойственных только ему деталях. За исключением этого случая, в кхмерской иконографии невозможно отличить, например, Будду *Шакьямуни* от Будды *Бхайшаджьягуру*, статуи которого стояли в храмах при лечебницах, поскольку и тот и другой изображались сидящими на наге.

Существовавшее в Камбодже разнообразие иконографических образов Будды обуславливалось занимаемыми ими положениями (стоя, сидя, очень редко лежа), позами (поза медитации, бесстрашная поза, поза взятия земли в свидетели) и наличием или отсутствием украшений. Совокупность образов соответствовала в целом принятой в Индии типологии, которую мы не будем здесь детально рассматривать. Скажем только, что в Камбодже выделяются два вида изображений: это Будда на наге, типично махаянский образ, и Будда победитель Мары, популярность которого связывают с распространением Тхеравады.

Образ Будды, возлежащего на свернутом в кольца многоголовом змее (наге), капюшоны которого образуют нечто вроде балдахина, защищающего его голову от дождя, изначально соотносился с одним из эпизодов Просветления (бодхи), когда

Будда, пребывавший в состоянии медитации, был застигнут неожиданным дождем, от которого его защитил наг *Мучилинда*. В Индии (в частности, в *Амаравати*) этот эпизод был известен со II века н. э., а в Камбоджу проник не позднее X столетия вместе с Махаяной (рельефное изображение в Тхма Пуок, 989). Этот образ получает широкое признание и распространяется в форме скульптурных изображений, начиная с середины XI века. Несколько позднее он появляется на ригеле в Пимаи все в той же махаянской трактовке. При Джайявармане VII скульптурные изображения этого эпизода встречаются повсеместно, однако после смерти короля именно они стали первыми жертвами шиваитского иконоборчества (см. выше: Шиваизм и конец Махаяны). Этот образ сам по себе не играл какой-либо особой роли, но **он являлся центральным звеном множества триад, где его окружают Авалокитешвара (четырехрукий и стоящий) и Праджнапарамита (стоящая и двурукая).** Он располагался также в центре триады другого вида, занимавшей целлы храмов при лечебницах. Надписи на стелах при этих заведениях сообщают, что этот Будда на наге является **Буддой Бхайшаджьягуру** («Покровителем медицины»), а два его помощника являются бодхисатвами Сурьяваирочаной и Чандраваирочаной, ипостасями Солнца и Луны, вращающимися вокруг Меру, которую олицетворяет Будда Бхайшаджьягуру.

На первый взгляд необъясним такой успех образа Будды на наге, невиданный в остальных странах, исповадовавших буддизм. Скорее всего своей популярностью он обязан не малозначительной подробности о помощи Мучилинды, а тем, что наги пользовались особым почтением в древней Камбодже. Что касается включения этого изображения в число образов Большой колесницы, то можно лишь

констатировать этот факт ввиду отсутствия каких-либо научных версий.

Образ Будды победителя Мары постигла иная участь. Узнаваемый по жесту, каким будущий Будда приглашает Землю подтвердить его заслуги и достоинства, этот образ иллюстрирует один из важных эпизодов, непосредственно предшествующих Просветлению, в котором Будда сражается с Марой и человеческими страстями. Подлинное признание в контексте Тхеравады он получает только после правления Джайявармана VII: количество статуй, воплощающих этот образ, увеличивается со второй половины XIII века. По сей день этот образ остается практически единственным изображением сидящего Будды. Остается только добавить, что сектантские течения не столь часто использовали его, поскольку этот эпизод слишком явно показывает человеческую природу Будды, что соответствует концепциям Тхеравады.

АВАЛОКИТЕШВАРА

Авалокитешвара был в Камбодже вторым по значимости буддистским божеством, а его непреходящая популярность подтверждается как эпиграфикой, так и иконографией, начиная с VII столетия и вплоть до правления Джайявармана VII, когда это божество достигло пика своей популярности. В ранних надписях его именуют Господином мира (791) или Господином трех миров (949), присваивая ему эпитеты, обычно предназначавшиеся Шиве. В правление Джайявармана VII его канонический образ послужил образцом для статуи отца монарха, установленной в главной целле храма Прах Кхан. Его изображали на фронтонах всех храмов при лечебницах, постоянных дворах и т.д. Только образы Будды, сидящего на наге, были многочисленнее

Лики
Авалокитешвары
в Байоне

этих его изображений. В то время в храме Та Ней его почитали как величайшего утешителя умерших, оставшихся без погребения (претов); в Неак Пеан к нему обращались за исцелением калеки; изображаемый в форме коня Балахи он защищал торговцев от когтей демонов-людоедов. Несколькими годами ранее он стал одним из главных божеств храмов при остановочных пунктах, строительство которых приписывается Дхараниндраварману II, отцу Джайвармана VII.

Изображение возникающего из его волос Будды Ами табхи стало в Камбодже, как и в Индии, его **главной иконографической особенностью**. В VII–VIII веках его изображали двуруким, впоследствии — чаще четырехруким, хотя примеры двурукого Авалокитешвары встречаются вплоть до конца XII столетия. Его классическими атрибутами были четки и книга, которые он держал двумя верхними руками, а в других находились цветок лотоса и небольшой стеклянный сосуд. Именно их он держит в руках, когда входит в состав триады, в центре которой изображен Будда на наге. В Камбодже привились три принципиально новых формы этого образа, к которым следует добавить его «анималистический» образ, коня Балаху, установленного в центральном водоеме Неак Пеан.

Первая из этих форм появляется в середине XII столетия в храмах при постоянных дворах Дхараниндравармана. Рельефное изображение Авалокитешвары в натуральную величину размещалось, как правило, в прилегающих с юго-восточной стороны к основному храму постройках (в «библиотеках», см. выше): Авалокитешвара изображался сидящим и четвероруким, в верхних руках у него четки и сосуд, одна из нижних рук вытянута вперед, символизируя жест дарения, в другой же было опахало от мух. Все пять или шесть известных нам экземпляров этого

образа похожи друг на друга, как две капли воды, и различаются только качеством выполнения.

Впоследствии, при Джайявармане VII, количество этих изображений значительно увеличивается, хотя теперь они уже фигурируют на небольших стелах. То, что этот образ использовался в достаточно разнообразных, но плохо идентифицированных контекстах, что характерно и для образов Ганеши, свидетельствует о том, что речь могла идти о культе, связанном с путешествиями, что соответствовало как его обязанности защитника в качестве бодхисатвы, так и тому, что его скульптурный образ устанавливался в храмах при остановочных пунктах, для которых, думается, он и был «разработан».

Две другие новые формы были внедрены в эпоху правления Джайявармана VII. Основной была, бесспорно, **форма, названная современными исследователями «Авалокитешвара лучезарный»**. Стоящий бодхисатва изображен восьмируким, из его волос возникает Амитабха, а грудь, запястья, лодыжки, даже пальцы ног усеяны мелкими изображениями медитирующего Будды. Как установил Луи Фино, речь идет о скульптурной иллюстрации описания Авалокитешвары в космических масштабах, из которого следует, что каждая из его пор содержит в себе вселенную, в каждой из которых есть свой Будда. Это описание встречается в Каранда-вьюха-сутре, знаменитом махаянском трактате, прославляющем Авалокитешвару, уже известном в то время в Камбодже. Образ этого божества встречается только в период правления Джайявармана VII и распространен по всей территории его королевства: от границ с Бирмой до Южно-Китайского моря. Размеры изображения могли быть самыми разными — от одного до четырех и более метров. Они различались качеством выполнения: некоторые изготавливались в

местных мастерских (как, например, скульптура из Муанг Сина возле границы с Бирмой). Но все они ни на йоту не отступали от единого образца, вероятно, разработанного в столице и затем распространённого по всему королевству, как и планы храмов при лечебницах и остановочных пунктах. Одна из статуй подобного типа изображала отца **Джайявармана VII** и была установлена в центральной целле храма Прах Кхан, возведённого в его честь. Таким образом, этот образ представлял собой многократно размноженный скульптурный портрет. Статуи **Авалокитешвары** лучезарного не сопровождаются поясняющим их текстом, поэтому неизвестно, предназначались ли они для храмов определённого типа или для некоторых категорий населённых пунктов. Что касается интерпретации этого образа, то, будучи вполне очевидной, она не подтверждается ни одной надписью.

Вторая форма изображения Авалокитешвары, также «изобретенная» при Джайявармане VII, не получила такого широкого признания, как предыдущая. Единственный сохранившийся ее образец обнаружен в Неак Пеан; найдены также фрагменты пяти или шести экземпляров. Скульптура изображает стоящего двурукого бодхисатву **в монашеских одеяниях и с митрой на голове**, на которую помещено изображение Амитабхи. Обеими руками он держит сосуд, перевернув его кверху дном, создавая тем самым впечатление, что будто из сосуда выливается некая жидкость. В Неак Пеан, где была обнаружена эта скульптура, на нескольких фронтонах изображены толпы разного рода калек, столпившихся у ног Авалокитешвары (он изображен в привычной форме, четырехруким), что напоминает о его даре исцеления. Описанные выше изображения представляют его в момент излечения им больных

(или претов), которых он поит эликсиром бессмертия (амритой) или каким-нибудь другим целебным напитком, придающим силы и возрождающим к жизни, о чем говорится во многих текстах Большой Колесницы (хотя в них, как правило, сообщается, что амрита текла непосредственно из его пальцев). Следует отметить, что ни в одном из источников не обосновывается выбор его одеяний и не дается более или менее внятного объяснения этого вида изображения.

ДРУГИЕ БУДДИСТСКИЕ БОЖЕСТВА

О **Праджнапарамите** («Совершенстве мудрости») очень часто упоминается в надписях, начиная с X столетия, где она встречается под именем **«Матери Будды»**. Иногда она изображается как отдельное божество и входит в триады, центром которой является Будда, где к ней присоединяются либо Ваджрапани (например, изображение в Бат Чуме, 953), либо, что происходит чаще, особенно в правление Джайявармана VII, **Авалоки-тешвара**. Ее близость к Авалокитешваре подчеркивается присутствием в ее волосах Амитабхи; к тому же она, видимо, часто выступала в роли супруги этого бодхисатвы. **При Джайявармане VII** ей отводилось особо почетное место, поскольку он **ассоциировал ее со своей матерью**, и в этом качестве посвятил ей храм Та Прохм, который она «разделила» с обожествленным гуру короля. Более того, одна из его супруг, Джайяраджадеви (см. ниже), изображена в молитвенной позе на коленях в образе все той же Праджнапарамиты. Наряду с этим образом существует также статуя Праджнапарамиты в образе девочки, которая, как предполагают, принадлежала к семье Джайявармана VII.

Иконография Праджнапарамиты относительно разнообразна; существуют ее скульптурные (каменные статуи) и рельефные изображения, относящиеся к эпохе Джайявармана VII, на которых она, как правило, изображается с двумя руками и с образом Амитабхи в волосах в качестве отличительной черты. Ее атрибутами в тот период были книга и сосуд, в отличие от образов **королевы Джайяраджадеви**, руки которой были, естественно, сложены. На более ранних рельефах (X век и позже) и в бронзовых статуях, не поддающихся точной датировке (XI–XII веков²), она представлена в облике сверхчеловека с четырьмя, пятью или даже одиннадцатью головами и количеством рук, достигающим до 22.

Ваджрапани и другие божества, входящие в семейство *ваджр* (*Ваджрасаттва* и т.д.), появляются в эпиграфике (надписи в Бат Чум) и в иконографии в X столетии. Позднее их статуи были установлены в Пимаи на довольно почетных местах. В пору правления Джайявармана VII скульптуры одного из этих богов, которого изображали сидящим и держащим в одной из своих скрещенных рук ваджру («молнию»), а в другой — колокол с рукояткой в форме ваджры, часто устанавливались в «библиотеках» храмов при лечебницах (см. выше: Библиотеки). На образах предыдущих периодов у этих божеств было по две, четыре или шесть рук и одна либо три головы, но к их атрибутам неизменно относились ваджра и/или колокол с рукояткой в форме ваджры. **Хеваджра**, также принадлежавший к этой же группе, занимал в ней особое место. В противоположность буддистской версии танцующего Шивы, изображаемого в разных формах, Хеваджра впервые появляется на ригеле в Пимаи, где в соответствии с традициями Хеваджра тантры у него восемь рук, четыре головы, четыре ноги, и он танцует на слоновьей шкуре, топча два трупа, в окружении восьми очень раз-

ных йогинов. Наибольшую популярность этот образ приобретает при Джайявармане VII. Именно в это время, кроме четырех ног, у него вырастают шестнадцать рук и восемь голов, а танцует он уже на четырех трупах поверженных Мар. Известные формы этого образа представляют собой по большей части бронзовые скульптуры, хотя в Ангкоре было найдено каменное изваяние этого божества в человеческий рост (в очень плохом состоянии), а также несколько стел. Наконец, этот образ служил украшением различных ритуальных инструментов, например раковин и др. Если с индийскими текстовыми источниками нет никаких проблем, то относительно того, в каком контексте использовались воплощающие этот образ статуи и инструменты в Камбодже, нам ничего не известно.

Богиня **Земли** вступает в действие в момент **нападения Мар**, чтобы подтвердить достоинства будущего Будды. Она скручивает свои волосы и исторгает из них воду, в которой тонет армия Мар. Этот рассказ входит в большую часть биографий Будды, но **кхмерские скульпторы в очередной раз сумели запечатлеть в камне миф и создали не позднее середины XII столетия скульптуру богини Земли, которая, стоя, отжимает длинные пряди своих волос**. Этот образ представлен на фронтонах и ригелях (уже в Бенг Меалеа), и отлит в бронзе, а одна из знаменитых бронзовых скульптур находится ныне в музее Пном Пеня.

Остается упомянуть о **Майтрейе**. Этот бодхисаттва — **будущее воплощение Будды** — является в сегодняшней Камбодже, как и повсюду в Юго-Восточной Азии, одним из главных звеньев буддистского пантеона Тхеравады. Однако в древней Камбодже он чаще всего фигурировал в контексте Махаяны, и иногда ему поклонялись наравне с Шивой (966). Его изображения относятся к VII–X векам и чаще

всего представляют собой порой довольно большие бронзовые статуи.

СООБЩЕСТВО БОГОВ

Сходство брахманских и буддистских храмов древней Камбоджи выражалась в совместном использовании ими множества второстепенных божеств, изображения которых, как правило, вписывались в иконографическую программу любого храма, будь то группа известных богов или отдельные божества, с трудом поддающиеся идентификации. К богам присоединялись бесчисленные львы, наги, гаруды, стоявшие на низших ступенях мира богов. Мы не будем пока касаться местных божеств, «групп» божеств, чьими ликами украшены башни Байона и другие религиозные монументы, или женских фигур, украшающих фасады храмов. Речь о них пойдет позже.

Боги сторон света чаще всего изображались каждый на своей стороне, на ригелях входов или плитах, расположенных на антаблементах, а иногда в форме статуй, которые стояли во дворах храмов. Чаще других изображали *Индру*, бога восточного направления, восседающего на слоне *Айравате* (в Камбодже того изображали с тремя головами), в то время как изображения богов второстепенных сторон света, несколько отличавшихся от своих индийских старших братьев, встречались гораздо реже. Например, *Агни*, бог огня и юго-востока, изображался верхом на носороге, тогда как в Индии он восседал на баране. Изображения этих богов иногда мало чем отличались одно от другого, а подчас даже были одинаковыми (особенно если они украшали храмовые надстройки), и тогда их можно было идентифицировать только по их расположению относительно стороны света.

Другая важная группа божеств — это **Дварапалы**, стражи храмов, скульптуры которых попарно стояли у входов в святилища. Каждая пара должна была состоять из ужасного, внушающего страх божества, и доброго Дварапала. Но как мы уже говорили, камбоджийцам не было свойственно подчеркивать обязательные различия, они их, скорее, сглаживали. И если обычно каждая отдельная пара была наделена только ей свойственными атрибутами, сочетающимися с определенной стороной света, то в Камбодже этот принцип не соблюдался, и Дварапалы одного и того же храма чаще всего ничем не отличались друг от друга. Как и в Индии, защита храмов могла быть поручена женским божествам, но в Камбодже в функции этих стражниц не входила охрана храмов, посвященных богиням. И если в Прах Ко мы их видим в облике Парвати на башнях, охраняющими королев, то остальные случаи у нас вызывают большие сомнения (например, в Пном Бакхенге). Этих хранительниц не следует путать с безоружными женскими изображениями, регулярно встречающимися на стенах многих храмов, которых можно отнести (по крайней мере, тех кто изображен в Ангкор Вате) к пантеону местных божеств.

*Парапет в виде наги с головами гаруды
(Байон, конец XII века)*

Наряду с этими более или менее организованными группами существовал целый пантеон обособленных божеств, которые являлись скульптурными портретами лиц, входивших в окружение короля. Среди них можно увидеть **Вишвакармана** — архитектора, причисленного к лику святых, узнаваемого по линейке и теслу, — а также бога, оказывающего покровительство в таком деле,

Кхмерское скульптурное изображение льва. X в.

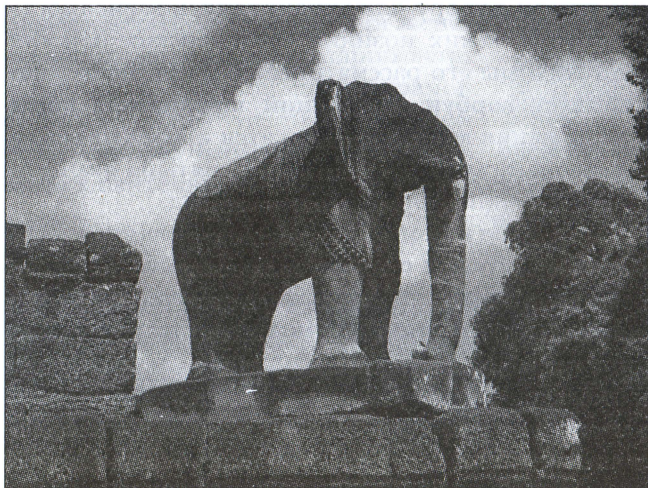
как накопление богатств, идентифицируемого по его кошельку в форме плода мангостана, в котором мы узнаем **Куберу** или **Джамбхалу**, в зависимости от того, с каких позиций, брахманских или буддистских, мы его рассматриваем. Здесь также присутствует **горбун, держащий ювелирные весы**, изображения которого относятся к XI—XIII векам, вероятный талисман короля, перенятый у яванских правителей (по свидетельству Ж. Гонда).

Лев попал в Камбоджу непосредственно из Индии, и кхмерские скульпторы вложили всю свою изобретательность в уже фантастический образ животного, которого они не видели ни разу в жизни. Изображения львов, как правило, служили атлантами (вертикальными опорами, поддерживающими перекрытия здания). Впрочем, на них возлагались и другие, более серьезные функции: например, их статуи попарно устанавливались вдоль лестниц, ведущих в храмы, и, таким образом, как бы охраняли

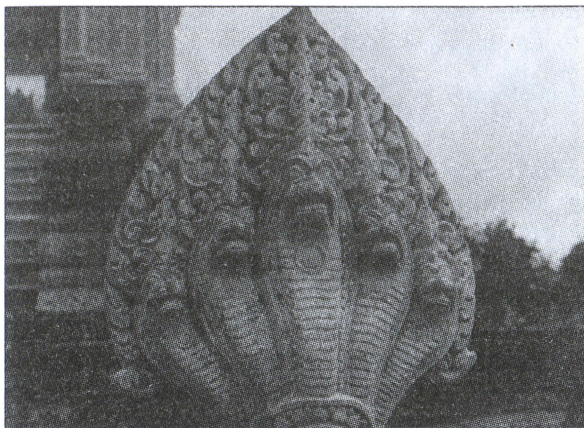

их. Вряд ли они были объектами какого-нибудь религиозного культа, хотя тот факт, что бронзовая статуя одного из них была увезена сиаменцами (около 1431) вместе с некоторыми другими скульптурами, видимо, служившими символами власти, наводит на мысль, что божественный характер статуям львов все-таки придавался. Наряду с трехговым слонем, ездовым животным Индры, Камбоджа сохранила в своем божественном bestiarii слонов как символ сторон света (*диннаг*). Их располагали по углам террас или стен и в IX (Баконг), и в X (Восточный Мебон), и в XII столетиях (Неак Пеан).

В кхмерском мире было два слова для обозначения змей. Одно из них — обыденное — использовалось для обозначения представителей отряда чешуйчатых, а другое было санскритским словом «нага», которое применялось по отношению к мифическому или фантастическому змею, в той или иной степени обожествленному. Большое количество изображений наги обуславливается одной

Изображение слона в Восточном Мебоне

Пятиголовый наг

кхмерской легендой о змее Наге, бывшей хозяйки их страны, которая ассоциировалась у кхмеров с плавающими в воде змеями. Мы уже упоминали об одном из второстепенных аспектов этих ассоциаций, когда говорили о радуге.

Популярности гаруды, кроме того, что на нем летал Вишну, способствовало уважение к наге, для которого он являлся одновременно противовесом и дополнением и был во многом схож с ним. Строе-ние тел одного и другого было фантастическим и очень декоративным. Достаточно привести в качестве примера капюшон многоглавого наги, руки под крыльями гаруды и общую для них обоих пластиче-скую стилизацию, что иногда приводило к тому, что клюв гаруды мог напоминать морду наги. Заклятые враги, они редко изображаются по отдельности, даже если не сражаются: гаруда, держащий в своих когтях нагу — это всего лишь декоративное клише. Иногда оба они играли роль оберегов от сглаза, но если многоглавый нага изображался на дышле по-возки или венчал верхушку паланкина, то голова га-руды, вероятнее всего, украшала нос корабля.

Гаруда – противовес и дополнение нага

В остальном у каждого из них были свои собственные функции, иллюстрацией к которым служит башня в Прах Тколе (конец XII века): на ней изображен гигантский угловой мотив, на котором подземных наг топчут слоны, символизирующие главные стороны света, над ними кружат гаруды (хватающие наг), поддерживающие небесный свод, где летают дикие гуси (*хамса*), олицетворяющие души верующих. Функция наг как подземных существ еще раз напоминает о себе изображением на Террасе Прокаженного короля, где наги являются представителями низших миров. Что же касается гаруд, то именно они несут на себе тот божественный воздушный дворец, коим является храм Прах Кхан, и множество других воздушных архитектурных ансамблей.

ПАНТЕОН СКУЛЬПТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ

Но не только изображения индийских богов украшали кхмерские храмы. Часто они были чем-то вроде «подставных лиц», под ликами которых

скрывались различные божества, имеющие мало общего с индийскими религиозными традициями и идеями. Речь идет о канонизированных исторических персонажах и местных божествах — камратен джагатах и прочих, которые составляли довольно внушительный параллельный пантеон богов, хотя не всегда удастся определить их принадлежность к той или иной категории.

Одной из особенностей древней Камбоджи было обилие культовых статуй, наделенных, с одной стороны, иконографическими характеристиками того или иного бога, а с другой — не вызывающим сомнения портретным сходством с определенным лицом, уже отошедшим в иной мир или здравствующим на момент установки статуи. Те изображения, которые удалось идентифицировать, не являются в прямом смысле слова скульптурными портретами. Большая их часть воспроизводит, не индивидуализируя, обычные пластические черты, свойственные божеству, которому поклонялись в то или иное время. Однако понятие «портрета» все-таки присутствовало у кхмеров, даже если мы не будем принимать во внимание несколько действительно скульптурных портретов (все они относятся к эпохе Джайявармана VII). «Статуя-портрет» королевы Раджендрадеви, прабабки Яшовармана в храме Лолеи, очень интересна со многих точек зрения: по неизвестной причине оригинал, созданный в конце XI века, был заменен в XII столетии. Создатель новой версии обрядил статую в юбку, которая была хоть и далекой от совершенства, но правдоподобной имитацией юбки IX века, отличающейся от тех, что носили женщины его времени. Эта деталь свидетельствует о том, что кхмеры весьма бережно относились к элементам, по которым можно было определить, в какое время жил изображенный человек. Поэтому,

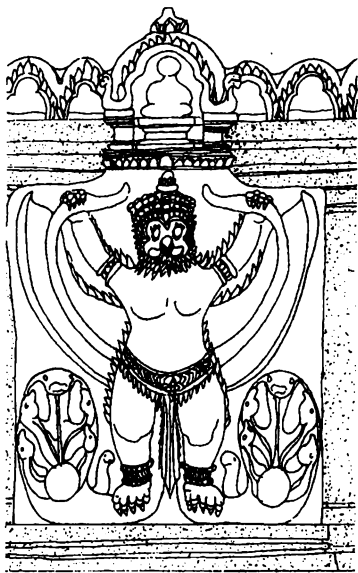
несмотря на его неполное соответствие, попробуем пользоваться термином «скульптурный портрет», даже если на изображении указывается только имя исторического лица.

Для описания этого пантеона мы воспользовались несколькими источниками. Прежде всего, это надписи в ознаменование установки статуй, в которых сказано, что эти скульптуры имеют отношение к тому или иному человеку, хотя в них не уточняется, с каким именно божеством они соотносятся. Потребность создавать подобные статуи-портреты затронула не только королевскую семью, хотя вполне вероятно, что монархи воздвигали статуи родителей и предков, следуя общепринятому обычаю.

Парадоксально, но самым древним скульптурным портретом в Камбодже оказалась статуя одного индийца, поэта Вальмики, автора Рамаяны, два скульптурных портрета которого относятся к VIII веку. О нем самом мы поговорим позже, в главе, посвященной литературе, пока же отметим лишь факт глубокого взаимопроникновения кхмерской и индийской культур. Но вернемся к более близким к нам персонажам. Если гипотезу, согласно которой в надписи VII века действительно содержится намек на портрет, можно опровергнуть, приведя в качестве доводов веские аргументы, то не подлежит ни малейшему сомнению то, что в конце VIII столетия один сановник, выходец из жреческого клана, заказал семь изображений Вишну, похожих на его отца, и одно изображение Дэви (Парвати), напоминающее его мать. А веком позже, в 879 году, **король Индраварман I разместил в шести башнях Прах Ко скульптурные портреты своего отца, деда по материнской линии, Джайявармана II и их жен.** Мужчины были изображены в облике Шивы, женщины — Парвати. А через несколько лет Яшоварман I поступил точно таким

же образом, установив в Лолеи статуи своих родителей и предков, среди которых была скульптура Раджендрадеви (см. выше). В конце X—начале XI веков в моду вошло воздвигать статуи в честь своих близких, а подчас и себе самим, что делали многие сановники. Некоторые из них просто указывали, что это статуи их родителей, но иногда в надписях встречаются интересные подробности: так, один брахман, выходец из Индии, основал в

*Гаруда с распростертыми
крыльями на крепостной стене
Прах Кхана в Ангкоре
(конец XII века)*

984 году школу и разместил в ней статую Богини знания Ваджишвари/Сарасвати, которая была точной копией его собственной жены; во второй половине XI века один военачальник сначала воздвиг свою собственную статую, «чтобы получить освобождение», а затем — скульптуру богини с чертами лица своей матери. Последний пример свидетельствует о том, что мотивации иногда выходили за рамки простого прославления, вытекающего из обожествления скульптурных портретов: иногда статуи служили для освобождения изображенного лица.

Этот обычай стал особенно популярен, когда к власти пришел Джайяварман VII, но теперь «портретный жанр» развивался уже в двух различных

направлениях. Прежде всего шло неуклонное увеличение количества скульптурных портретов этого пантеона, о чем свидетельствуют списки у входов в часовни при храмах Джайявармана VII, в которых перечисляются имена обожествленных персон, воплощенных в статуях-портретах членов королевской семьи, видных сановников и т.д. В некоторых надписях даются пояснения к некоторым статуям. Наиболее показательной является надпись из Бантеай Чмар, в которой в мельчайших подробностях излагаются воинские подвиги одного принца и четырех офицеров, за что в храме были установлены их скульптурные изображения (статуи). Признание (посмертное или нет?) их воинской доблести вылилось в их обожествление, причем в скульптурах были сохранены следы человеческой иерархии: согласно надписи, статуя принца находилась в центре, остальные же располагались по четырем основным сторонам света, как будто они продолжали его защищать, не пересекаясь взглядами ни с принцем, ни с верующими.

Расширение пантеона сопровождалось и другим важным процессом: **по всему королевству распространялись копии некоторых статуй-портретов.** Так произошло со статуей Джайявармана VII, которой была присуща одна замечательная особенность, отличавшая ее от всех остальных скульптур: она воплощала индивидуальные человеческие черты и не имела иконографического аналога в пантеоне индийских богов. Это до такой степени усиливало божественную сущность короля, что он более не нуждался в поддержке высших сил. Он сам возвел себя в ранг бога, и единственным, чье превосходство он признавал, был Будда, перед статуей которого он медитировал в Байоне. Распространение его скульптурных портретов по всему королевству было одним из способов «обозначить

территорию» и продемонстрировать подданным, в той или иной степени приобщенным к религии, свою божественную сущность. Многократное копирование скульптур коснулось и его жены, хотя ей потребовалась поддержка богов, в частности, Праджняпарамиты. Наконец, если идентификация образов Авалокитешвары лучезарного с образом отца Джайявармана VII будет подтверждена, то отец окажется популярнее своего сына, поскольку обнаруженные статуи Авалокитешвары лучезарного гораздо многочисленнее и шире распространены по территории королевства, чем скульптуры самого монарха.

Теперь остается только понять, в какой степени Джайяварман VII обновил, и каким образом ему удалось распространить и увековечить то, что лишь предугадывалось и существовало в очень небольших масштабах. Его единственным и главным нововведением было «изобретение» им реального скульптурного портрета, в основу которого не был положен образ того или иного божества. Изображения же канонизированных исторических лиц в виде богов существовали еще с незапамятных времен. Что касается многократного дублирования изображений короля, то таким образом выражалось стремление кхмерских монархов показать, что они неусыпно следят за своими подданными и порядком на подвластных им землях. В который раз индийские боги послужили возвеличиванию и укреплению королевской власти.

ПАНТЕОН МЕСТНЫХ БОГОВ

Дополняющий пантеон скульптурных портретов пантеон местных богов практически не вызывает у нас вопросов, даже если при идентификации его представителей и возникают некоторые

сложности. В который раз мы окунаемся в эпоху правления **Джайявармана VII**, когда по всей стране появилось огромное количество религиозных сооружений и скульптурных изображений, что особенно ярко проявляется в Байоне. Король возрождал и реформировал королевство не только в материальном, но и в духовном плане, для чего он **установил** в часовнях своего государственного храма **статуи основных кхмерских провинциальных богов, культы которых были введены его предшественниками на всей территории страны.** Таким образом, храм-мандала одновременно был картой королевства. Король выстроил новую иерархию богов вокруг Будды, которого «назначил» покровителем своего королевства. Одной из особенностей нового пантеона, подчиненного Будде, который был приравнен к Деварадже, было то, что он «воссоздавался» при каждом новом короле. В соответствии с индийской традицией каждый новый монарх вовлекался, по крайней мере символически, в процесс «покорения сторон света» (дигвиджайю). **Оригинальность кхмерской модели заключается в том, что каждой провинцией королевства правил местный бог.** Таким образом, вся территория страны приравнивалась к божественным землям, на которые взирал сверху бог королевства, в какие бы индийские одежды он ни был облачен. Джайяварман VII материализовал эту модель, установив на крыше своего государственного храма статуи богов провинций, сконцентрированных вокруг главного бога — Будды. Г. Кёдес высказал предположение, что лики, венчающие большинство башен Байона, принадлежат многочисленным местным божествам, «охранителям земель», которые неусыпно следят за всей территорией королевства. Видимые издалика, они смотрели во все стороны, олицетворяя собой бо-

жественное покровительство, которое благодаря королю простиралось на всю его страну.

С определенной долей уверенности можно сказать, что Джайяварман VII, как и в отношении персонифицированных богов, расширил и материализовал это весьма характерное для кхмерского менталитета явление, ставшее традицией с 802 года, а может быть, и ранее.

Традиция обожествлять области любого уровня, а следовательно, и наделять их богами рано проявляется в иконографии кхмерских храмов. На их стенах часто изображаются женские образы. Больше всего их в Ангкор Вате, где их насчитывается более тысячи. У всех человеческое строение тела (за исключением нескольких редких вариантов, датируемых X столетием); все изображения выполнены в определенной стилистической манере, присущей данному храму, а иногда даже и эпохе, за исключением некоторых деталей, касающихся одежды, причесок и украшений. Что касается изображений различных эпох, то они различаются лишь модными тенденциями, присущими тому или иному времени. Таким образом, изображения этих юных красавиц были больше, чем простые элементы декора храма. Изучая настенные изображения в Ангкор Вате, Ж. Бульбе пришел к выводу, что внешний вид некоторых из них (одежда лишь частично скрывала их половую принадлежность) давал возможность идентифицировать местность, откуда они были родом. Следовательно, есть все основания предполагать, что внешность остальных определялась аналогичными принципами, даже если некоторая безликость мешала их точной идентификации. Вполне вероятно, что все эти женские изображения представляли разные местности, угадывающиеся по деталям их одежды, и играли важную роль в подготовке к храмовым

празднествам, символизируя своим присутствием участие в них представителей всевозможных народностей, населявших королевство.

РЕЛИГИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КХМЕРОВ

О том, какую роль играла религия в повседневной жизни кхмеров, известно очень немного. Скупое описание, данное на этот счет Чжоу Дагуанем, относится к более позднему периоду, когда вся религиозная жизнь уже находилась в руках монахов-тхеравадинов. Он перечисляет три категории лиц, занимавшихся религиозной деятельностью, и почти ничего к этому не добавляет, кроме того, что все семьи исповедовали культ Будды и обеспечивали монахов пищей. Монахи же учили детей, к буддистским или вишнунитским жрецам обращались с такой деликатной просьбой, как проведение дефлорации юных девушек (см. выше Шиваизм и конец Махаяны). Но китаец ничего не говорит о том, как функционировали перечисляемые им храмы, что наводит нас на мысль о том, что в этот период они были либо заброшенными, либо их заняли монахи-тхеравадины. Вспомним о том, что при Джайявармане VII в одном из храмов была установлена буддистская статуя толка Тхеравады, хотя до этого там два века были только изображения божеств Махаяны.

Что касается более ранних периодов, то из надписей известно только то, что храмы играли важную роль в экономике страны. Тематика этих надписей такова, что можно подумать, что религиозная жизнь сводилась исключительно к подношению храмам щедрых даров. **Перечисление в надписях служащих или подношений свидетельствуют о постоянной деятельности храмов,** но в надписях почти не гово-

рится о той роли, которую играли в их деятельности простые прихожане (за исключением финансовой поддержки). Мы уже видели, что **в течение года у кхмеров было множество праздников**. Но за исключением тех скудных сведений, которые представил Чжоу Дагуань, нам почти ничего не известно о том, как они проходили, и какую роль при этом играли светские лица (см. Праздники, гл. V). В Индии великие храмовые праздники проходили с участием представителей всех групп населения, у каждой из которых были свои права и обязанности. Трудно что-либо сказать о том, как проходили такие праздники в древней Камбодже. Нет также никаких сведений о **паломниках**, которые могли бы посещать некоторые святы места. Известно, что приблизительно в V или VI веках на берегах Меконга возле Ват Пху было основано одно такое святое место (*тиртха*), названное *Курукшетрой* в честь одного из священных мест в Индии, упомянутого в Махабхарате (где в 3102 г. до н.э. произошла грандиозная битва между богами и демонами. — *Примеч. пер.*). На снимках, полученных при помощи аэрофотосъемки, видны дамбы, которые обозначают местонахождение святилища, но надпись о его основании остается единственным упоминающим о нем источником. Это удивляет, поскольку местечко Ват Пху буквально кишит эпиграфическими памятниками, информирующими об ашрамах и монахах-аскетах.

О религиозной жизни простых кхмеров можно хоть немного узнать из изображений на рельефах из Неак Пеан — храма-нилометра барая Прах Кхан в Ангкоре, — на которых толпа калек простирается у ног Авалокитешвары. И насколько тот величественен и оторван от земного мира, **настолько калек беспомощны и жалки. Отчаянное обращение к «богу» выражает их безграничное доверие к нему и надежду на исцеление, а также такую иссту-**

пленную веру, которую не встретишь, пожалуй, более нигде. Следующий пример, более грандиозный и монументальный, выдвигает на первый план другой аспект религиозной жизни, отражающий страх перед божьей карой. Речь идет о знаменитом фризе в галерее барельефов Ангкор Вата (занимающем все южное крыло и половину восточного), на котором изображены сцены ада и рая. Действие разворачивается сначала на трех, а затем на двух регистрах (уровнях). В первой части на верхнем уровне праведники отправляются прямо на небеса, внизу грешники идут напрямик в ад, а посередине люди вереницей проходят мимо Ямы, судьи мертвых, который, восседая на своем буйволе, указывает двум помощникам тех, кому суждено отправиться наверх, на небеса, и тех, кого следует низвергнуть в ад. На верхнем регистре второй секции изображены небеса, где воздушные дворцы, пристанище избранных, несут на своих спинах гаруды; а на нижнем уровне изображены тридцать два круга ада, обозначенные надписями, каждый из которых соответствует определенной категории грешников, которые испытывают невыносимые муки. Этот фриз представляет интерес не только тем, что он в карикатурном виде представляет общественное устройство Камбоджи, причисляя к «святошам» сановников, но и тем, что он — самое раннее изображение иконографической религиозной темы, связанной с муками ада, к которой постоянно возвращались, особенно в постангкорский период. В большей степени, чем проклятия и красноречивые угрозы, которыми, как правило, заканчивались все надписи в честь строительства религиозных сооружений, эта гигантская картина демонстрирует, что в ту эпоху изображения кары небесной (как и небесного блаженства) являлись частью религиозной политики.

МИР СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА

Мир служителей культа был строго иерархичен. На самой вершине находились религиозные сановники из ближайшего окружения короля, о которых мы говорим лишь для того, чтобы напомнить, что они часто принадлежали к династиям священнослужителей. Примером тому является жреческая династия, контролировавшая осуществление культа Девараджи с момента его зарождения в середине XI века, о которой сообщается в надписи на стеле Сдок Как Том. Часто именно из их числа избирались Врах гуру, духовные наставники и советники королей, и порой, например, в конце XI столетия, в их руках сосредотачивалась значительная реальная власть. **Состоявшие, как правило, в родственных связях с королевской семьей и получавшие щедрое вознаграждение, эти кланы присваивали себе монастырские земли, пользуясь своим высоким положением в религиозной иерархии.** Поэтому можно сделать вывод, что некоторые случаи захвата королем земельной собственности монастырей (особенно при Джайявармане VII), были не чем иным, как попытками помешать стремлению этих семейств распоряжаться в тех сферах, которые далеко выходили за рамки духовного руководства королевством. Наряду с этими династиями существовали варны, которые представляли собой нечто вроде закрытых наследственных каст, члены которых исполняли различные религиозные функции, что гарантировало им сохранение наследственных социальных и финансовых привилегий.

Свободных людей, приписанных к храмам, было очень много, они тоже делились иерархически: 97 840 мужчин и женщин, проживавших в 5324 деревнях, были приписаны к храму Прах Кхан,

который Джайяварман VII возвел в память о своем отце. Среди них были 444 «бригадира», 4606 поваров и рабочих, состоящих при кухне, 2298 служанок, из которых 1000 были танцовщицами, и 47 436 человек, на которых было возложено прислуживать при культовых обрядах или выполнять другие функции.

На стеле в Та Прохм имеются надписи с аналогичными сведениями, в которых уточняется, что в храме было 18 главных служителей культа и 2740 служителей рангом ниже. Такое огромное количество обслуживающего персонала объясняется, разумеется, грандиозностью храмов: в Прах Кхане были установлены статуи 430 божеств, а в Та Прохм — 260. Весь персонал был поделен на работавших в светлую и темную пятнадцатидневки. Но приведенные цифры от этого не становятся менее впечатляющими, хотя они не были чем-то исключительным, если сравнивать их процент с количеством людей, занятых на обслуживании менее крупных религиозных заведений: только в одной из шести башен Прах Ко, посвященной приобщенным к лику богов родителям Индравармана I, работали трое слуг (носильщик зонта, плетельщик гирлянд, барабанщик), 13 служанок (одна танцовщица, одна растирщица пряностей и 12 певиц), к которым следует прибавить 130 человек, работавших на рисовых полях и исполнявших другие обязанности. Следует отметить, что собственно служители культа, то есть лица, ответственные за исполнение обрядов, не были включены в списки, и о них редко упоминалось в надписях, может быть, потому, что они были наделены другим статусом и не «принадлежали» храму. В текстах часто шла речь о «преподобных» (*бхагаванах*) или о «главах храмов» (*сайладхипах*, букв. «глава горы»), о жрецах, осуществляющих ритуалы жертвоприношения (*хотапах*), об астроло-

гах, назначавших время и числа проведения церемоний, и т.д.

Весь этот обслуживающий персонал — слуги, служители культа и другие — содержался на средства храма. Иногда случалось, что часть этих средств направлялась на нужды самого храма. К тому же храмы освобождались от уплаты налогов, пошлин и общественных работ.

Есть одна область в религиозной жизни кхмеров, о которой нам мало что известно: речь идет о людях, отвергших мирское существование, отшельниках, аскетах и др. Отшельничество было широко распространенным явлением, связанным с разными культами. Некоторые отшельники жили в пещерах, вырубленных в горах, которые считались святыми местами. В пещере Тхам Лек в горе Лингапарвата — гора Линга в Ват Пху — в VII веке жил один аскет, самостоятельно вырубивший ее. В XI столетии некто Шивасома, «живший подаянием и носивший белый колпак и желтые одежды», высек на стенах пещеры в Пном Кулен, где он жил, надпись, содержащую его теорию относительно единства богов Шивы и Сомы. Другие отшельники постоянно проживали в ашрамах, даже если эти заведения предназначались для временного пребывания путников. Строительство ашрамов осуществлялось на пожертвования и поступления, вырученные в результате земельных сделок. Мы довольно неплохо осведомлены о том, как протекала в них жизнь, и о том, кто там жил. Начиная с VII века появляется множество надписей в ознаменование основания этих заведений, иногда содержащие весьма интересные детали. Так, в правление Ишанавармана I один глубоко верующий сановник основал ашрам, предназначенный для лиц, отвергших мирское существование и прошедших все стадии аскетической жизни, которые могли жить в нем временно или постоянно. К этому же периоду

относится свод правил, составленный для одного ашрама, в котором накладывается запрет на пребывание петухов и собак на его территории: собаки считались нечистыми животными, а петухи в соответствии с индийской традицией были слишком шумными и мешали своими криками медитировать. Через несколько лет в надписи периода правления Джайявармана I говорилось об одном ашраме, всем имуществом которого распоряжались проживавшие в нем аскеты. Но только в правление Яшовармана I, основавшего множество ашрамов, была упорядочена их структура, в соответствии с которой на аскетов возлагались все функции по управлению этими заведениями, которые, предоставляя кров членам сообщества, отвергшим мирскую жизнь и проповедникам-брахманам, оказывали прием разного рода странников в зависимости от их статуса. Таким образом, человек, на которого возлагалось руководство одним из многочисленных ашрамов, расплодившихся по территории всего королевства, должен был быть «совершенным аскетом»; если в числе гостей ашрама окажутся шиваиты или вишнуиты, он обязан был не отказывать им в приюте при условии, что их поведение будет безупречным. Об ашрамах, расположенных в Ангкоре, имеется достаточно много сведений: недостойное поведение в них влекло за собой изгнание. Среди всех гостей ашрама только аскеты, изучавшие религиозные сочинения, имели право на бесплатное питание (учитывался также их возраст). Особый интерес представляет уточнение, согласно которому любой аскет освобождался от контроля вышестоящего лица в том случае, если он находился в своей келье, а любое начальствующее лицо, не подчинявшееся установленным правилам, могло быть подвергнуто наказанию и даже освобождено от исполняемых им обязанностей постоянно проживающими в ашраме аскетами!

VII

ЛИТЕРАТУРА

Древняя Камбоджа не оставила нам никаких других текстов, кроме надписей на санскрите и кхмерском языке, но все они, по крайней мере их санскритская часть, обладают отменными литературными достоинствами, подкрепленными индийской культурой, прочно укоренившейся на кхмерской почве. Достаточно только напомнить, что в одной из самых ранних надписей, обнаруженной в Ват Пху на юге Лаоса (V век?), приводится отрывок из Махабхараты, древней индийской эпопеи, который является самым древним текстовым свидетельством существования этого произведения. **Что касается кхмерского языка**, то здесь все обстоит несколько иначе, поскольку его **использовали прежде всего в деловых текстах, перечнях и т.д.**, хотя встречаются **несколько текстов повествовательного характера**, которые наводят на мысль о существовании «хроник», то есть литературного жанра, который приобрел популярность в постангкорский период. Существовали также драматургические произведения, которые, к сожалению, не сохранились. Яджнавареха, знаменитый гуру Джайявармана V, «владел многими языками и формами письменности [и] сочинял театральные пьесы», а королева Джайяраджадеви, первая супруга Джайявармана VII, прославлялась благодаря тому, что осуществила постановку танцевальных спектаклей, в основе которых лежали *джата-*

ки, рассказы о предыдущих воплощениях Будды, в которых принимали участие ее собственные танцовщицы. Исходя из того, что известно о Яджнаварахе, пьесы, вышедшие из-под его пера, были написаны на санскрите. Зато вполне возможно, что танцевальные представления на религиозные темы, поставленные Джайяраджадеви, сопровождались комментариями на кхмерском языке. У кхмеров не было принято запечатлевать тексты пьес на камне, и все они исчезли одновременно с тем недолговечным материалом, на котором были записаны. **Надо полагать, что сохранились лишь такие произведения кхмерской литературы, которые по той или иной причине требовали «афиширования» — панегирики в честь королей и юридические акты.** А вот, так сказать, «библиотечные произведения» исчезли полностью, будь то рукописи с текстами индийского эпоса, о которых иногда идет речь в надписях (см. ниже о Махабхарате), либо оригинальные произведения на санскрите или кхмерском языке, не говоря уже об архивных документах, к которым мы еще вернемся. **Среди не сохранившихся произведений были, надо думать (за исключением уже упомянутых нами театральных пьес), небольшие специальные сочинения, затрагивавшие самые разные темы, например архитектуру или иконографию. Существовали ритуальные трактаты и астрологические сочинения, «артхашастры».** Нельзя также не упомянуть о сборниках афоризмов и других произведений подобного рода. Этот литературный жанр, широко распространенный в Индии как на санскрите, так и на многочисленных местных языках, пользовался большим успехом в постангкорскую эпоху, и было бы странным, если в интересующий нас ангкорский период дело обстояло иначе.

Исчезнувшие произведения представляли собой рукописи, записанные на пальмовых листьях, подвергшихся специальной обработке, которые широко использовались в Индии и странах Юго-Восточной Азии. Их применение в древней Камбодже подтверждается некоторыми пластическими изображениями, на которых боги держат в руках такие «книги», представляющие собой связку пальмовых листьев, а брахманы читают подобные рукописи, не говоря уже о надписях, в которых среди обслуживающего персонала храмов упоминаются «изготовители листьев» (*патфакафы*). Век таких рукописей был недолог, поэтому для сохранения содержащихся в них текстов приходилось их часто переписывать. Можно предположить, что разрыв с санскритской традицией, имевший место в XIV столетии, прервал существовавшую систему их сохранения, и произведения на санскрите пропали безвозвратно. Что же касается текстов на кхмерском языке, то большая их часть также исчезла в результате потрясений, постигших Камбоджу, начиная с XV века, но некоторые продолжали многократно переписывать, и они сохранились до наших дней (см. ниже раздел о Рамаяне). Остается только добавить, что если, по утверждению Чжоу Дагуаня, официальные документы записывались на кожах оленя или лани, то королевские указы, как гласит одна надпись, гравировались на золотых или серебряных пластинах.

Мы затрагиваем вопрос двуязычия только для того, чтобы напомнить о широком распространении кхмерской литературы на санскрите, что подтверждается многочисленными примерами в эпиграфике. Этот факт не может не удивлять, если учитывать, сколь мало людей было способно понять и оценить все ее достоинства (см. Двуязычие, гл. III).

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА НА САНСКРИТЕ

Санскритская литература в Камбодже, о которой говорится в надписях, ничем не отличалась от индийской. Одна из ее редких отличительных черт — появление в текстах нескольких типично кхмерских имен собственных, но это случалось редко. Мы уже отмечали, что это явление выходило далеко за литературные рамки текстов, внося изменения в лексикон кхмеров. Наглядным примером являются варны, о которых не упоминается в надписях на кхмерском языке, но часто говорится в эпиграфике на санскрите. Остается добавить, что сохранившиеся тексты имеют весьма односторонний характер, поскольку все являются стихотворными произведениями.

Как правило, надписи на санскрите отличает исключительная корректность, и только в некоторых текстах XIII столетия ощущается некоторое отступление от правил. В панегириках брахманам (индийским священным книгам) часто указывается на необходимость знания трудов Панини, великого индийского грамматиста, что говорит о том, что в Камбодже, как и в Индии, **хорошему владению языком и знанию грамматики придавалось первостепенное значение**. Мы уже приводили отрывок из свода правил для ашрамов Яшовармана I, согласно которому владению грамматикой отводилась важнейшая роль при определении иерархического статуса гостей. Из этого можно сделать вывод, что знакомству с сочинениями великих классиков санскрита придавалось основное значение. Значит, изучением этих трудов занимались многие и много, что отражается как в форме, так и содержании текстов.

Большая часть санскритских текстов писалась в стихотворной форме, при этом авторы пользовались различными стихотворными размерами. Самым рас-

пространенным был эпический размер (4 × 8 слогов), но существовали и другие, иногда весьма изысканные метры. **Кхмерские поэты, как и их индийские коллеги, умели сочинять такие произведения, в которых в соответствии с традиционными поэтическими правилами сочетались сразу несколько стихотворных размеров.** Некоторые поэмы были поделены на главы. Об одной из поэм (XII век) сказано в колофоне¹ (послесловии), что она представляет собой «поэтический рассказ» (*акхьяну*) и полностью соответствует нормам стихосложения (в частности, относительно использования разных стихотворных размеров в финальной части главы), что, согласно индийским поэтическим правилам, являлось основной характеристикой этого литературного жанра. Отмечается также отличное владение санскритской стилистикой, использование метафор и слов с двойным смыслом, которые считались важнейшими поэтическими приемами. Это явление особенно ярко проявляется в надписях конца IX — начала X веков. Вполне возможно, что они по времени совпали с обновлением, вызванным прибытием (вероятно, по приглашению Яшовармана I) ученых индийцев. Впрочем, эти поэмы, как и их индийские образцы, были столь утонченны и напыщенны, что иной отбросил бы их в сторону, едва прочтя первую строфу.

Надписи являются зеркальными отражениями индийских источников, всякого рода литературных аллюзий в них более чем достаточно, что свидетельствует о высоком культурном уровне поэтов. Как мы уже говорили, отрывок из **Махабха-**

¹ Колофон (от греч. kolophon, завершение) — 1) в рукописных и старопечатных книгах текст на последней странице, содержащий название книги, сведения об авторе, месте и времени переписки (печатания) и др. 2) Концевой титульный лист — последняя страница издания с его выходными данными (*примеч. пер.*).

раты был приведен в одной из первых кхмерских надписей. Это эпохальное произведение пользовалось в Камбодже большой популярностью: иллюстрированные рукописи полного или частичного текста Махабхараты считались очень ценными подарками; сцены из произведения изображались на стенах храмов, в частности, великая битва при Курукшетре (галерея барельефов в Ангкор Вате) или знаменитая «игра в кости» на многих ригелях начала XII века. То же можно сказать и в отношении Рамаяны, слава которой намного превосходила популярность Махабхараты, если судить по тому обилию разного рода изображений, посвященных ей, и той роли, которую она играла в Камбодже в постангкорский период. Большой любовью в Камбодже издавна пользовался автор Рамаяны поэт Вальмики, что подтверждают две статуи, воздвигнутые в его честь в VII веке: одна в Самбор Преи Кук/Ишанапуре, другая — в Пном Байяне. В обеих статуях ощущается сходство со скульптурой, которую король Чампы Пракашадхарма установил в своей столице в том же VII столетии (см. Пантеон скульптурных портретов, гл. VI). Пураны — первоисточники мифов — часто упоминались в перечнях санскритских произведений, а человек, знавший их наизусть, пользовался огромным уважением. Место, занимаемое мифологией в многочисленных эпиграфических поэмах (как и во многих повествовательных рельефах), не оставляет никаких сомнений в том, что ссылки в текстах на мифологические сюжеты не были простой формальностью; то же можно сказать и относительно повествовательных санскритских источников, относящихся к буддизму. Следует отметить, что культурный уровень кхмерских поэтов не ограничивался знанием повествовательных произведений. Идет ли речь об индуизме (в частности, о шиваизме) или о буддизме, многие

эпиграфические поэмы свидетельствуют о том, что их авторы были не понаслышке знакомы со сложными теологическими концепциями.

Двойное значение

Раджендраварман и герои Махабхараты

Отрывок из панегирика, посвященного Раджендраварману на стеле Пре Руп (стих 83). Арджуна, Юдхиштхира и Бхима принадлежат к роду Пандавов, «положительных» героев, с которыми отождествляют себя кхмерские монархи. Они противостоят роду Кауравов, к которым относятся Бхишма, Кама и Дурьодхана (адаптированный перевод Ж. Кёдеса).

<i>Первое значение</i>	<i>Второе значение</i>
В схватке с грозным врагом, убитым его острым белым копьем,	В схватке с врагом Бхишмой, убитым острым копьем Арджуны [игра слов: бхишма («жестокий» и имя собственное) и арджуна («белый» и имя собственное)]
таков непоколебимый воитель в битве	Таков воитель Юдхиштхира [игра слов, основанная на буквальном значении имени Юдхиштхира]
Останавливающий свет, идущий от солнца	Останавливающий отблески от сына солнца [патроним (родовое имя) Камы]
(У Раджендравармана) не было врагов	Он был Аджаташатру [букв. «враги которого еще не родились», эпитет Юдхиштхиры]
Положив конец битве, он причинил грозным врагам огромный ущерб и уничтожил их своей всесокрушающей палицей	Положив конец битве, он ранил в бедро Дурьодхану и убил его палицей Бхимы [игра слов: уру («великий») и уру («бедро»), дурьодхана («грозный» и имя собственное) и бхима («сокрушительный» и имя собственное)]

Джайяварман VII и грамматика

Отрывок из панегирика Джайяварману VII (стела Прах Кхан, стих 21, адаптированный перевод Ж. Кёдеса).

<i>Первое значение</i>	<i>Второе значение</i>
Любящий благо, вера которого возрастает по мере приумножения его добродетелей	Любящий классический язык, имеющий имя, приумножающееся гунами и вриддхи [игра слов: самджна («вера» и «имя»), гуна («добродетель»), вриддхи («приумножение»), специальные обозначения двух фонетических процессов, участвующих в словообразовании существительных]
Ловкий В совершенстве знающий касты	Ученый Умеющий использовать санскритские слова в разных стилях [игра слов: варна («общественный класс» и «слово») и самскрта («совершенный» и «санскрит»)]
Истребивший врага	Считающий [слово] дурхрд [= враг] неправильным [согласно правилу, введенному Панини]
Достойный уважения учителей	Достойный уважения Шивы [поскольку благодаря откровению Шивы Панини получил знание своей теории грамматики]
С юных лет (Джайявармана) приравнивали к Панини	

Это в очередной раз свидетельствует о том, что намеки на знание шиваитских агам, священных буддистских писаний и других произведений подобного плана были далеко не проформой. Необходимо также подчеркнуть, что знания индийских источников постоянно обновлялись благодаря непре-

рывному притоку в Камбоджу индийских брахманов (см. выше). Это подтверждается появлением в X веке Караикалламмайяр у ног танцующего Шивы всего несколько лет спустя после становления этого иконографического мотива в Индии (см. Пантеон индийских богов, гл. IV). Подобные примеры можно привести и относительно буддизма Махаяны, датируемые концом XI — началом XII веков, то есть тем временем, когда Камбоджа неукоснительно следовала теоретическим концепциям, которые разрабатывались в Наланде (буддистский университетский комплекс в Индии. — *Примеч. пер.*)

АВТОРЫ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Иногда на эпиграфических поэмах указывались имена авторов. Это были ученые брахманы, чиновники высокого ранга или члены королевской семьи. Так, два сына Джайявармана VII являются авторами двух больших надписей на санскрите, высеченных в его правление. Надпись в Та Прохм была написана Сурьякумарой, а надпись из Прах Кхана — Виракумарой. Вторая супруга Джайявармана VII, Индрадеви, хорошо разбиралась в теологии и написала пространную поэму, в которой превозносит добродетели своей умершей сестры и предыдущей супруги Джайявармана VII. Однажды был устроен конкурс между тремя поэтами, которые должны были написать поэмы на заданную тему: в результате на трех башнях в Прасат Бат Чум в Ангкоре (960) были высечены три буддистские поэмы. Наряду с именами нескольких авторов, произведения которым нам известны, существовали и другие поэты, чьи имена упоминаются в связи с дарениями, которые они либо получали, либо делали сами. Так, в первой половине VII века поэт Видьяпушпа, шиваитский ученый из секты Пашупата, знаток грамматики и ло-

гики, состоял на службе у Бхававармана II и сделал много подношений. О присвоении звания «поэта» говорится во многих хвалебных надписях. Знаменитый Яджнавареха удостоивается похвал за свои прекрасные поэмы, хотя его перу принадлежали и драматургические произведения.

Основной тематикой поэм были посвящения основанию религиозных сооружений. **Поэты писали хвалебные гимны** (*пращасти*) в честь бога, короля, лица, финансирующего строительство храма, порой не забывая восхвалять свои собственные поэтические таланты и прочие достоинства. В прамбуле поэмы такого рода автор обращался к богу, указывая на то, к какой вере принадлежит религиозное учреждение или по крайней мере, каким богам поклоняется тот, кто финансирует его строительство. Иногда это пространное обращение было адресовано всем великим богам пантеона, некоторые из которых назывались несколькими именами: Парамешвара (Верховный Шива), Шива, Вишну и Брахма, а также Хари-Хара (Шива-Вишну), Ардханаришвара (Шива-Ума) и, наконец, их супруги (Гаури, Ваджишвари, Ганга и Лакшми). Однако самое большое значение придавалось хвалебному гимну в честь монарха. Панегирики королям представляют собой отдельный жанр литературного творчества, который был популярен в Индии, особенно на территории современного штата Тамилнад. Видимо, именно эти санскритские надписи в честь династии Паллавов (VII и VIII века) послужили источником вдохновения для кхмерских авторов. Произведения этого жанра всегда приносили успех и признание поэтам, если в посвящении они ссылались на родословную, восходившую к чете основателей династии и подтверждавшую законность нахождения у власти того или иного монарха. Этот же прием использовался и при прославлении других высокопоставлен-

ных лиц: брахманов или вельмож (часто связанных родственными узами с правящей семьей), чьи предки поочередно служили сменявшим друг друга монархам.

Хвалебные посвящения составляли львиную долю всех произведений на **эпические и мифологические темы**, предоставлявших богатый выбор образных сравнений, обогащенных метафорами, приемами обыгрывания двойного смысла и другими оборотами речи. Король в них изображался Кришной, Арджуной, Рамой, супругом Победы или Фортуны или «объединением в одном теле пятерых сыновей Панду». Его сражения — это битвы Индры с Вритрой, Валою или богов с асурами, а его жена — это Сита или Ума (даже если она была буддисткой!). Что касается брахманов, то они приравнивались к Васиштхе и другим великим священнослужителям того времени.

Большая часть этих текстов идеально вписывается в каноны **классицизма**, для них характерны **совершенство формы и богатство иносказательных образов**. Но писались эти поэмы «под заказ», поэтому их надуманный пафос выливается в шаблонность стиля и бездушность. Среди редких исключений отметим уже известную нам поэму, в которой Индрадеви восхваляет свою сестру Джайя-раджадеви в качестве супруги Джайявармана VII. В некоторых местах поэмы отражены личные переживания автора (в частности, когда идет речь об исключительной набожности покойной), где она игнорирует общепринятый напыщенный стиль, хотя в целом ей так и не удалось избежать этой особенности, присущей кхмерской литературе:

«Воспитанная старшей сестрой Шри Индрадеви, она считала Будду единственным любимым, и отправилась смиренным путем Сугаты сквозь огни бурь и море страданий» (перевод на фр. Кёдеса). Однако

несмотря на свой преувеличенный пафос и чрезмерное многословие, эти произведения **представляют собой исторические документы**, поскольку являются практически единственными нитями, связывающими нас с событиями, происходившими в древней Камбодже. Совсем непросто их истолковывать: не всегда понятно, где кончается реальность и начинается легенда. К тому же систематическое использование слов с двойным смыслом, метафор и тому подобных оборотов речи, а также присущая им чрезмерная утонченность не позволяют сквозь призму иносказаний в полной мере разглядеть множество описываемых фактов.

Если **хвалебные гимны и панегирики** составляют самую большую и блестящую часть поэм на санскрите, то параллельно с ними **существовали и другие**, уже упоминавшиеся, **более «приземленные» тексты**. Особой популярностью они стали пользоваться при Джайявармане VII, появляясь на огромных надписях. В Та Прохм существует надпись, вторая часть которой является серией описей в стихотворной форме. Поэтические качества этого произведения не относятся к его основным достоинствам. Главное, что в нем перечисляется множество деталей и вещей, необходимых для проведения ритуалов, порядка прошения, подачи и получения милостыни, а также число деревень, приписанных к храму, количество зданий, длина стен, дотации для лечебниц и т.д. Не уподобляясь авторам текстов, о которых мы только что говорили, составители надписей на стелах ашрамов Яшовармана I конца IX столетия тем не менее включили в свод правил панегирики в честь короля, основавшего эти заведения, тогда как в других поэмах в мельчайших деталях описывалось проведение судебных процедур. В Индии тоже довольно часто прибегали к стихотворному языку при написании разноплано-

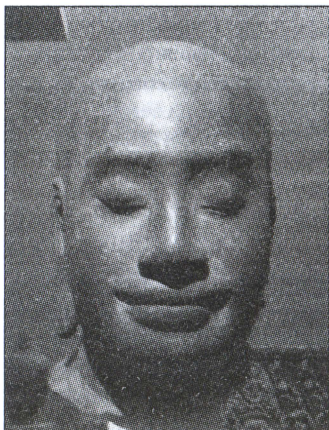

вых специальных сочинений, которые во многом способствовали распространению индийской культуры. И невольно задаешься вопросом, а не объясняется ли последнее описанное явление тем, что у кхмеров вошло в привычку регулярно заглядывать в индийские тексты.

ЗАРОЖДЕНИЕ КХМЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В отличие от литературы на санскрите **кхмерские тексты** в интересующий нас период **лишены каких бы то ни было литературных претензий**. И это удивляет, поскольку при сравнительном анализе двуязычных надписей кхмерские и санскритские варианты почти совпадают.

Двуязычный текст: Стела Смоковницы

*Скульптурный портрет
Джаявармана VII (XII век)*

Это обращение к дереву Пробуждения (к Фиговому дереву) является уникальным из-за использования в нем брахманской терминологии в буддистском контексте. Приписываемое периоду правления Джаявармана VII, оно является самой древней из сохранившихся дву-

язычной надписью (и добавим, одним из самых

редких документов подобного рода, перевод на фр. Ж. Кёдеса).

<i>Санскритская версия</i>	<i>Кхмерская версия</i>
«О ты, чьи корни — Брахма, ствол — Шива, а ветви — Вишну! О вечный счастливейший царь деревьев, пристанище всех существ, дарящий плоды! Да не причинят тебе вреда ни молния, ни топор, ни ветер, ни огонь, ни король, ни взбесившийся слон. Хмурый взгляд, насупленные брови, плохие сны, дурные мысли...О, Фиговое дерево, избавь от всех этих напастей людей и все живое на Земле!»	«О священный махабодхи, ты, основа которого — Брахма, ты, чье тело — Ишвара, а ветви — Вишну. О ты, счастливейший, живущий вечно царь всех деревьев, пристанище для всех существ, дарящий свои плоды. Да не поразит тебя молния, да не коснется тебя топор, да не сокрушит тебя Вайу [бог ветра], да не погубит тебя король, да не свалит тебя взбесившийся слон! Плохо, когда взор наш хмур, плохо, когда насуплены наши брови, плохи скверные сны, дурные мысли... От всего, что есть плохого на небесах и на земле, избавь нас, истреби все зло».

Лишь в кхмерской версии надписи на «стеле, возведенной в честь Смоковницы» (конец XII века), воспроизводится присущий тексту на санскрите лиризм. Во всех других «двуязычных» надписях, например на стеле Сдок Как Том, датируемой XI столетием, в кхмерском тексте умышленно опускаются преамбулы и панегирики, а также все, что относится к обращению (к богу или богам), и излагаются исключительно исторические факты (или, скорее, генеалогические), лишённые прикрас и метафор. Речь уже не идет

об эпической поэме, в которой ради прославления действующих в ней лиц прибегали к разным стилистическим ухищрениям, но о вполне прозаической хронике, повествующей о фактах, одного перечисления которых было достаточно. Это прекрасно иллюстрирует короткий текст эпохи правления Джайявармана VII, в котором прославляются подвиги четырех офицеров (санджаков), сложивших головы в двух битвах, защищая короля Яшовармана II (непосредственный предшественник Джайявармана VII) и сыновья Джайявармана VII. В тексте в повествовательной форме очень точно и сжато излагается сугубо фактический материал. Эти описания иллюстрируются изображением одной из битв, о которых идет речь, на барельефе в Бантеай Чмар. И рассказ, и изображение одинаково лаконичны и точны.

Двуязычная надпись на стеле Сдок Как Том

В отрывке говорится о становлении культа Девараджи (адаптированный перевод на фр. яз. Ж. Кёдеса и П. Дюпона).

<i>Санскритская версия в стихах (стихи 25–29)</i>	<i>Кхмерская версия в прозе (строки 69–76)</i>
25. У царя Джайявармана [II], который возвел свой дом на вершине горы Махендра [Пном Кулен], был учителем один мудрец, пред ногами которого склонялись самые благородные головы. Звали его Шивакайвалья.	И тогда S.M. [букв. «Святые ступни»] Парамешвара [посмертное имя Джайявармана II] отправился царствовать на гору Махендрапарвата. Учитель Шивакайвалья тоже пришел в этот город, чтобы служить S.M. Парамешваре, как было заранее оговорено.

26. Хираньядама, великий и умнейший брахман, явился, подобно милосердному Брахме, засвидетельствовал свое почтение королю и проявил магическую силу (сиддхи), коей не достиг никто другой.

27. Король поручил этому брахману обучать всем магическим премудростям одного хотара (жреца, осуществлявшего жертвоприношения) по имени Шивакайвалья, чтобы тот, чистый душой, полной бесконечного добра, стал еще могущественнее.

28. Как по волшебству, этот брахман обучил его шастрам, называемым Ширакчеда, Винашикха, Саммоха и Найоттара, которые были четырьмя частями Тумбуру.

И тогда брахман по имени Хираньядама, знаток магических наук (сиддхи видайя), прибыл из Джапананды, потому что S. M. Парамешвара пригласил его провести ритуал, который бы защитил страну Камбуджу от враждебной Явы и установил бы на Земле власть одного господина — чакравартина.

Этот брахман, согласно святому писанию Винашикха, провел ритуал (и) установил культ Камратен джагат та раджи [санскр. = девараджа].

И этот брахман обучал Шивакайвалью Винашикхе, Найоттаре, Саммохе и Ширакчеде, которые он декламировал от начала и до конца, заставляя того все записывать для лучшего запоминания. Он доверил Шивакавалье провести ритуал, касающийся Камратен джагат та раджи.

29. Этот мудрейший
брахман,
познавший все
магические тайны,
тщательно выделил
самое главное из
шаштр и провел
для процветания
мира магические
ритуалы (сиддхи)
в честь Девараджи
(=кхмер. Камратен
джагат та раджи).

Эти и некоторые другие примеры свидетельствуют о существовании литературного жанра, который мы назовем **хрониками**, отличного от того, с чем мы столкнулись в санскритской эпиграфике. В дальнейшем произведения этого жанра займут важное место в кхмерской литературе. Большинство этих произведений не сохранилось, дошедшие до нас немногочисленные свидетельства уцелели благодаря тому, что были высечены на каменных стелах, дверных косяках храмов и сланцевых плитках.

Остальные же записывались на недолговечных писчих материалах, которые исчезли вслед за оставлением Ангкора. Существование текстов подобного рода, а также архивистов, на которых была возложена функция их сохранности, подтверждается надписью XI столетия, где сообщается «об одной семье, которая хранила документы, имевшие отношение к семейству Камбу (то есть, к королевской семье), и к различным ведомствам королевской администрации, а также *рукописи с описанием самых важных событий жизни правителей [...]*». В надписи уточняется, что все «собрание этих священных текстов состояло из *листов*, которые были пронумерованы и зарегистрированы [и т.д.]». Добавим, что в этих ар-

хивах должны были храниться и тексты на санскрите, содержавшие описание генеалогических древ и исторических событий.

Как и во всех странах Юго-Восточной Азии, испытавших сильное влияние индийской культуры, в **Камбодже была своя собственная национальная эпопея, «своя» «Рамаяна»,** написанная на родном языке и адаптированная к кхмерским культурным и религиозным особенностям постангкорского периода, и, значит, она была уже буддистской (но в традициях Тхеравады, доминировавшей с конца ангкорского периода). Известное под названием *Рамакерти* (или *Реамкер*) («Слава Рамы»), это произведение существовало во многих версиях: одни были написаны сложным витиеватым языком, другие же предназначались для простого народа, самые ранние версии восходят к XVII столетию. Что касается доангкорского и ангкорского периодов, то многочисленные упоминания о Рамаяне в эпиграфике и большая часть изображений сцен из нее на

Так выглядит священное дерево махабодхи (смоковница)

барельефах свидетельствуют о том, что речь идет об оригинале санскритской Рамаяны поэта Вальмики. Однако Франсуа Мартини считает, что, начиная с XII столетия, в Камбодже появилась версия Рамаяны, слегка отличающаяся от оригинала Вальмики, которая являлась предтечей кхмерской Рамакертти. И действительно, многие детали барельефов, иллюстрирующие Рамаяну на стенах Ангкор Вата, не вписываются в индийскую традицию, которая строго придерживалась текста Вальмики. Так, бог Агни изображен сидящим на носороге, а не на баране, как у Вальмики. Таким образом, мы можем говорить, что уже в начале жизни Рамаяны на земле Камбоджи ее содержание немного корректировалось, о чем свидетельствует конкретный пример, касающийся животного мира Страны кхмеров, где носорог, истребленный, по свидетельству Чжоу Дагуаня, из-за своего рога, был знаменит тем, что без всякого для себя вреда мог пробегать сквозь пылающую высокую траву, что и делало его прекрасным спутником Агни.

VIII

ИСКУССТВО

Как и в других странах Юго-Восточной Азии, подпавших под влияние индийской культуры, искусство древней Камбоджи развивалось, сочетая индийские традиции и национальные особенности. Порой возникает впечатление, что храмы Камбоджи являются в большей степени индийскими, чем их аналоги на своей родине. Это явление охватывало все сферы искусства. Так, в двух ранних скульптурах легко угадываются индийские боги, поскольку статуи в точности воспроизводят их иконографические характеристики. Но их невозможно спутать с индийскими оригиналами или их копиями, хотя в некоторых, особенно ранних скульптурах, отражается сильное влияние индийского искусства. Верность иконографическим канонам не шла вразрез с **созданием новых видов изображений, оживлявших теологические понятия**, остававшихся в Индии на абстрактном уровне, как в случае с Авалокитешварой лучезарным. Это явление характерно и для архитектуры: кхмерские архитекторы, ни на йоту не отступив от индийских теоретических канонов, сумели интерпретировать их по-новому. Они изобрели такие новые формы архитектурных элементов, как, например, цоколи с симметричным лепным орнаментом, башни с ликами, входные павильоны в галереи или целые архитектурные ансамбли (храмы, вырубленные в горах). Верность оригиналам сочеталась с самобытностью на протяжении всего пе-

риода расцвета кхмерского искусства, длившегося с VI по XIII век. Точное следование индийским теоретическим канонам объясняется его целостностью и однородностью. Но его самобытность проявлялась в непрерывном развитии и гармоничной стилистической эволюции, подтверждающих, что это было живое и независимое искусство, а не бесконечное копирование раз и навсегда застывших форм.

Мы уже говорили, что **кхмерское искусство** по большей части существовало благодаря **королевским заказам**. Являясь орудием власти, оно служило ее интересам, а развитие творческой мысли и создание новых шедевров происходили благодаря заказам и воле короля. Но не все было так однозначно. Сама структура кхмерского государства и роль, отводимая в нем столице, привели к тому, что та стала центром создания и распространения художественных образцов. Делались, разумеется, и частные заказы, но их было немного, и они часто исходили от самого короля.

Это искусство, целью которого было прославление королевской власти, ярче всего воплотилось в произведениях на религиозные темы. Его основной задачей являлось возведение храмов, в которых устанавливались статуи богов, иногда очень напоминавших конкретных людей. Впрочем, эта точка зрения требует некоторой корректировки. Если в области скульптуры портретные изображения встречаются редко, то барельефы, на которых представлены исторические и жанровые сцены, демонстрируют повседневную жизнь мирян, мелькающую и в описаниях праздников Чжоу Дагуаня. Что касается светской архитектуры, то сохранившиеся следы некоторых строений, не относящихся к храмовым постройкам, позволяют воссоздать примерный внешний вид зданий, где жили люди, а не боги.

Создание художественных произведений осуществлялось в соответствии с устойчивой тенденцией: из столицы в провинцию; особенно ярко эта тенденция проявилась, когда королевство стало централизованной империей, расширившей свои границы далеко за пределы собственно кхмерского государства. Мода, которая обычно менялась при каждом новом монархе, создавалась в столице, откуда распространялась в виде планов, если речь шла об архитектуре и уже готовых произведениях искусства, или в форме моделей (в скульптуре), или шаблонов (рельефы на фронтонах и т.д.). Художественные произведения, сделанные в той или иной провинциальной мастерской, иногда можно идентифицировать благодаря особенностям их исполнения, примерами чему могут служить образы Авалокитешвары лучезарного (см. Авалокитешвара, гл. VI). Иногда провинциальные мастерские не всегда строго придерживались художественных норм, разработанных в Ангкоре. Особенно наглядно это явление проявляется на территории современного Северо-Восточного Таиланда, где при воспроизводстве кхмерских изобразительных образов часто наблюдается «смешение» стилей. Иногда возникают сомнения по поводу аутентичности этих произведений, но это вызвано совмещением двух способов изображения: одного — присущего данной местности, другого — навязанного извне, чуждого местным мастерам (см., например, произведения, датированные XII веком, в которых присутствуют детали, характерные для XI столетия).

Существование двух различных видов изображений свидетельствует о том, что и королевская власть была не безгранична. Именно так произошло в период правления Ишанавармана I в первой половине VII столетия, когда сформировавшиеся архитектурный и скульптурный стили столицы Ишана-

пуры легли в основу так называемого стиля Самбор Преи Кук, хотя к нему вряд ли можно отнести произведения «провинциальных» мастеров того времени. Можно предположить, что последние были достаточно независимы для того, чтобы выработать свои собственные стили, которые искусствоведы называют «продолжением стиля Самбор» из-за их явного несходства со столичной нормой. Подобное произойдет и позднее, в конце X — начале XI веков: смешение стилей, которое проявляется в произведениях изобразительного искусства этого периода, явилось следствием борьбы за власть и вытекающей отсюда беспомощности центральных властей.

ЗАКАЗ

Заказ на создание произведений искусства являлся в Камбодже неотъемлемой частью **правительственных постановлений**. Мы уже видели, какую роль он играл в экономике страны, но ничего не известно о том, каким образом осуществлялась его реализация (см. Финансирование строительства частными лицами, гл. IV). Работа над проектом протекала в атмосфере интенсивной творческой деятельности и дискуссиях между художниками, теологами и администраторами, в которых не могли не участвовать короли или, по крайней мере, некоторые из них. Впрочем, некоторые **монархи и сами были художниками**: например, три статуи в Прах Ко созданы лично Индраварманом II. Другие короли прибегали к помощи лиц из **своего ближайшего окружения**. Так, Кавиндра-риматхана прославлялся в буддистских надписях в Бат Чуме за то, что Раджендраварман доверил ему строительство одного из дворцов в Яшодхарапуре и возведение храма в центре Яшодхаратаки, т.е. Восточного Мебона.

Для составления проекта и его реализации требовались обширные знания, поскольку все проекты были сложными. Для их реализации требовалось, например, умение управлять водными ресурсами от определения орошаемой территории до установки храма-нилометра с учетом пожеланий короля и его религиозных убеждений (см. Храм-нилометр, гл. IV). Все это предполагает **наличие в окружении каждого монарха мастеров, наделенных исключительной интуицией**, способных предвидеть результаты проектов, реализация которых могла затянуться на многие годы. Но что удивительно, лица, наделенные столь редким даром, практически нигде не упоминаются (см. Архитекторы, гл. IV). Единственное исключение — Кавиндрариматхана, чье имя сохранилось в анналах истории благодаря тому, что ему было поручено строительство Восточного Мебона и королевского дворца. Что касается остальных, то до нас дошли лишь несколько безымянных статуй Вишвакармана, в которых можно заподозрить скульптурные портреты некоторых архитекторов, а также упоминание в надписи об установке статуи в честь одного «королевского архитектора» (раджашилпина) в храме, построенном Джайяварманом VII. Добавим, что кхмерскому искусству на протяжении всей его истории была свойственна уникальная преемственность, свидетельствующая о существовании династий художников и архитекторов, состоявших на службе у короля.

Обращение в проектах к той или иной единой художественной форме (особенно это касалось изображения человеческого тела или лица) было, **на наш взгляд**, связано с тем или иным правлением. Решающее слово принадлежало, разумеется, **королю**. Некоторые морфологические особенности статуй, которые, например, воплотились в XI столетии

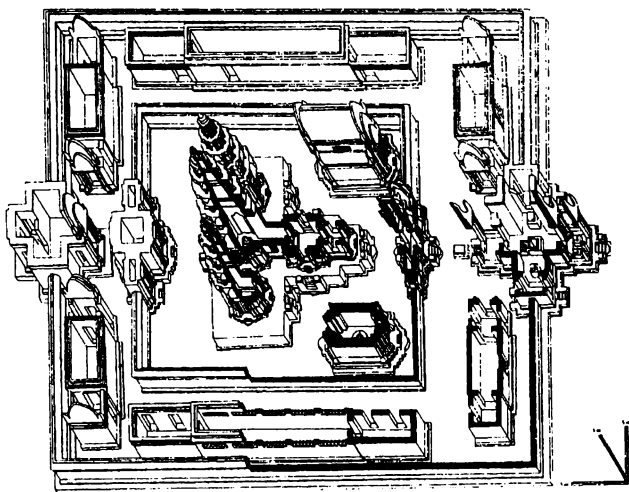
в так называемом искусстве Бафуона или сопровождали перестройку Ангкора, предпринятую Джайяварманом VII, не могут быть объяснены не чем иным, как ссылкой на конкретную живую модель, что было присуще и ликам Ахенатона в Древнем Египте в XIV веке до н. э.. Относительно быстрое забвение «Бафуонского искусства» объясняется сознательным изменением эстетического вкуса королевства в политических целях с приходом к власти династии Махидхарапуров, которая стремилась как можно быстрее оборвать все нити с прежними монархами. Веком позже радикальные изменения, произошедшие во всех сферах жизни страны с приходом к власти Джайявармана VII, были следствием взвешенных политических решений, учитывавших любые случайности.

Частные заказы существовали в Камбодже во все времена; и мы уже говорили об их влиянии на экономическую жизнь (см. Финансирование строительства частными лицами, гл. IV) и роли в создании скульптурных портретов (см. Пантеон скульптурных портретов, гл. VI). Однако упоминания в эпиграфике о частных заказах на изготовление тех или иных предметов искусства чересчур лаконичны, чтобы судить о том, какие художественные требования выдвигались или хотя бы подразумевались при этом. Вполне вероятно, что от скульптора (или модельщика, если требовалось изготовить бронзовую статую) ждали «прекрасного», выполненного в духе времени изображения, не более того. **Было ли указанное в заказе требование внешнего сходства с живой моделью простой формальностью наряду с требованиями иконографического соответствия божественному образцу?** Была ли непреложным правилом идеализация образа? Множество вопросов остаются до сих пор без ответа, поскольку у нас нет вещественных

доказательств, за исключением нескольких редких скульптурных портретов короля.

Частные заказы не ограничивались произведениями изобразительного искусства, отдельные лица часто финансировали строительство храмов и других сооружений. Наибольший интерес представляет храм Шивы в **Бантеай Срей** (967), как с точки зрения личности заказчиков и его особенностей, так и в отношении возможных связей между королевским и индивидуальным заказами. **Оба заказчика были братьям, высокообразованными брахманами.** По материнской линии они происходили от королей Индравармана I и Яшовармана I: старшего звали Яджнавараха, он был гуру Джайявармана V, младшего — Вишнукумара. Конструкция храма и декор отличаются изысканностью и утонченностью, а его богатая иконография свидетельствует о **высоком культурном уровне его учредителей** и обнов-

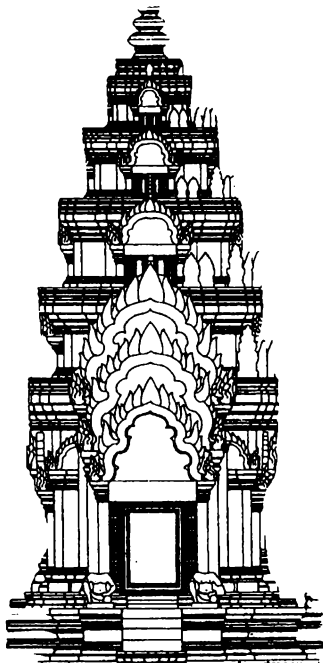

Бантеай Срей (967): аксонометрическое изображение стен I и II

лении тематики, произошедшем в ту эпоху. Гармоничная планировка этого довольно большого ансамбля выглядела следующим образом: три центральных башни окружали три concentric стены, которые дополнялись обширным сооружением, ориентированным на восток. Размеры зданий всего ансамбля были невелики, а тщательное соблюдение всех необходимых пропорций привело к тому, что некоторые из них, расположенные за первой стеной, были такими маленькими, что в их внутренних помещениях невозможно было не то что разместиться, но даже войти в них. Совершенство всего ансамбля не позволяет видеть в этой на первый взгляд неожиданной особенности результат простого просчета, допущенного на стадии проектирования. Скорее всего, речь идет о том, что именно таков был замысел его основателей, что может иметь два объяснения: это либо нехватка средств, либо нежелание соперничать с сооружениями, построенными по инициативе короля.

Первое предположение кажется маловероятным, учитывая множество сооружений того же размаха, что и Бантеай Срей, основанные Яджна-

*Бантеай Срей (967):
центральная башня,
восточный фасад*

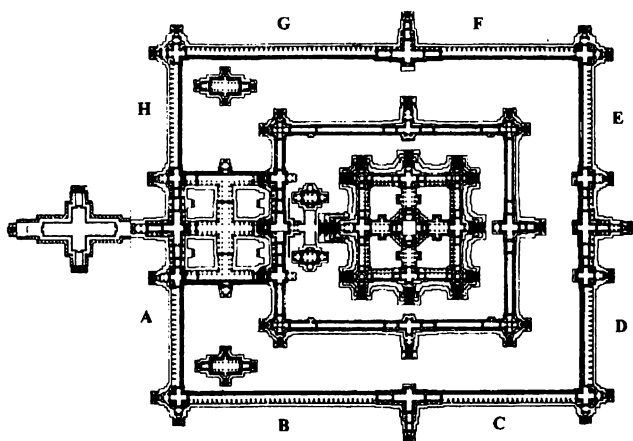

варахой. Но здесь стоит выделить одну важную деталь: средства, привлекаемые на строительство под частный заказ, всегда принадлежали одному или нескольким лицам (как, например, Яджнаварахе и его брату), и никогда не вносились лицами, принадлежавшими к какой-либо социальной группе; хотя в этом случае сооружения были бы гораздо значительнее. **В Камбодже не было принято, как в Индии, чтобы какие-либо объединения или города делали заказы на возведение культовых сооружений.** «Варны» никогда не выступали в роли заказчиков строительства религиозных сооружений, хотя их члены могли делать заказы в индивидуальном порядке. Это объясняет, почему самые большие сооружения в древней Камбодже были возведены по королевским заказам.

Другое предположение, согласно которому размеры храма ограничивались из чувства почтения к высшему статусу короля, также имеет право на существование и может объяснить разницу в масштабах, которая существовала между храмами, построенными по частной инициативе, и храмами, возведенными согласно монаршей воле. Добавим, что пример Бантеай Срея свидетельствует, что, несмотря на сложившееся ограничение в размерах, обоснованное финансовыми или идеологическими мотивами, частный заказ распространялся на строительство святилищ, хотя последние никогда не превосходили качеством и размерами аналогичные сооружения, возведенные по инициативе короля.

БОГИ И ЛЮДИ

Единственным примером статуй древней Камбоджи, **не относящимся к культовым произведениям, являются скульптурные портреты Джайявармана VII.** Как мы уже видели, это были

Ангкор Ват: расположение барельефов.

А: Битва при Курукшетре (Махабхарата);

В: Королевское шествие; С: Небеса и ад; D: Пахтанье;

Е: Вишну против асуров; F: Кришна против асура Баны;

G: Сражение богов и асуров; Битва при Ланке (Рамаяна)

единственные изображения, не соотносящиеся с определенной иконографической моделью бога (см. Пантеон портретов, гл. VI). Хотя это не препятствовало их установлению в часовнях в качестве культовых образов. Впрочем, изображения на **барельефах Ангкор Вата** и главным образом **Байона**, представленные в несколько ином стиле, отчасти смягчают царящий повсюду божественный дух. Очень показательно, что ими украшалось **наиболее посещаемое помещение обоих храмов**: галерея, доступ в которую был открыт для всех, кто имел право проходить за первое ограждение храма (для Байона это было ограждение Ангкор Тхома), словом, для всех свободных людей. Представленные на барельефах темы весьма разнообразны: с одной стороны, разумеется, изображения на эпические и мифологические сюжеты, с другой — длин-

ные военные процессии, где в сценах сражений или навахий (спектаклей, изображавших морские бои) наряду с простыми солдатами и такими малозначительными персонажами, как носильщики и т.д., изображены военачальники и сановники всех рангов (вплоть до короля); а также сцены из придворной жизни — аудиенции у монарха и т.д., уличные сценки, торговцы, акробаты, строители за работой, и даже грубые стражники, ведущие злоумышленников на суд (Ямы) и адские муки.

С областью архитектуры дело обстоит несколько иначе. Здесь мы располагаем относительно большим числом **изображений гражданских деревянных зданий**, крытых черепицей, к которым можно добавить несколько описаний, оставленных Чжоу Дагуанем. Если не касаться жилищ простых смертных, о которых речь пойдет позже, то некоторые детали дворцовых ансамблей, которые можно восстановить по имеющимся источникам, поражают организацией «постановочной части» королевских мероприятий. По свидетельству Чжоу Дагуаня, в королевском дворце было высокое окно, в котором во время своих аудиенций появлялся монарх (несколькими веками позже Ла Лубер обнаружит точно такое же во дворце короля Сиама в Аюттайе). На барельефах королевские дворцы изображаются в виде огромных архитектурных ансамблей с колоннами, поддерживающими кровлю, конструкция сориентирована таким образом, чтобы придать как можно больше значимости тому месту, где восседал король. Все сконцентрировано на том, чтобы ничто не мешало созерцанию монарха, существа высшего порядка, каким и полагалось быть богу. Интересно отметить, что если статуе главного бога отводилось центральное место среди храмовых структур, и это было общепринятым явлением, то в Байоне есть пример использования высоких окон, расположен-

ных по центру надстройки: это недоступные пустые лоджии. По аналогии с королевским дворцом можно было представить, что в одной из них сейчас явится сам бог.

ПОВТОРНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ИНДИЙСКОГО ХРАМА

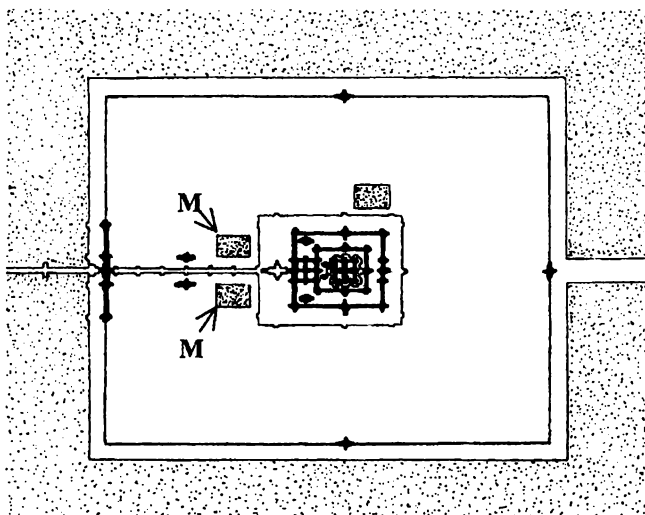
Развиваясь параллельно с индийскими образцами, **кхмерская архитектура упрощала их основные элементы** и сокращала количество их вариантов. Целлы почти всегда квадратные, очень редко прямоугольные в плане, и лишь в Самбор Преи Кук (VII век) целла восьмиугольная, а в Байоне (также единичное явление) у нее округлая форма. Лепные элементы цоколей зданий, в отличие от более разнообразных индийских схем, симметричны горизонтальной осевой линии, проходящей по центру сооружения, а их мотивы значительно проще. По

Вид на Ангкор Ват и изображение семиголового нага

словам Ж. Дюмарсе, кхмерские архитекторы на основе различных образцов порой создавали принципиально новые композиции. Именно благодаря самобытности кхмерской архитектуры родился тип храма-горы, ставший государственным храмом. В этом типе архитектурных сооружений сочетались различные классические формы: ступенчатая пирамида, состоящая из поднимающихся уступами цоколей; башня, в которой располагалась главная целла с иногда примыкавшими к ней башнями меньших размеров также с целлами внутри. Все башни соответствовали широко распространенному архитектурному типу с ложными этажами (сформировавшемуся на основе комбинации более простых моделей). Новый образец появляется впервые в конце VIII века в Ак Йом, западнее будущего Ангкора. Строительство храма было закончено в IX столетии одновременно с возведением Баконга Индравармана I. В нем в окружении ста-

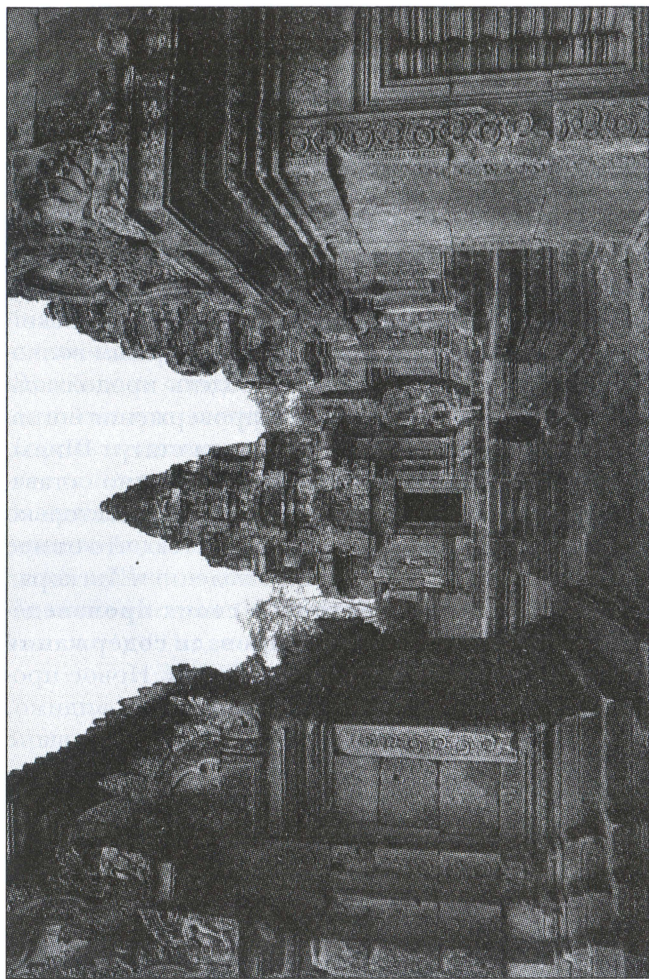
Ангкор Ват: общий план (М: бассейны-зеркала)

туй второстепенных богов стояла скульптура Дева-раджи. «Центральной Горой» его стали называть позже, при следующем монархе. До конца XII века каждый уважавший себя король стремился возвести сооружения подобного типа. Эта модель, как и некоторые ее элементы, порой претерпевала значительные изменения, но сменявшие друг друга архитекторы, бывшие инициаторами модификаций, никогда не покушались на ее основную форму, поскольку она выражала могущество королевской власти, точнее, являлась ее архитектурным воплощением. Интересно, что эта модель продолжала существовать, несмотря на ниспровержения богов: в главной целле сменяли друг друга статуи Шивы, Вишну и Будды, сама же модель все равно оставалась неизменной. В конце концов она настолько прочно срастется с ангорской властью, что от нее откажутся только в XIII веке, с падением Ангкора.

Кхмерские архитекторы в своих произведениях творчески интерпретировали содержание индийских религиозных трактатов. Новое прочтение ими первоисточников повлияло, видимо, на то, что входные павильоны, пронизывавшие стены, окружавшие храм, превратились в часовни, в каждой из которых находилась статуя божества. Она стояла на пьедестале в середине центрального прохода (точно так же, как и в целле) и мешала совершению обрядов. Для устранения этого неудобства иногда делались две боковые двери, что позволяло проникнуть за ограждение, минуя центральный проход. Но главное, что именно благодаря этим часовням нашли место для статуй бесчисленного племени богов, не вступая в противоречия с духом и буквой нормативных трактатов.

Весьма показателен другой способ интерпретации трактатов. Согласно южноиндийским сочине-

Храм
Бантеай Срей

ниям по архитектуре, входные павильоны и concentрические стены вокруг храмов должны были становиться выше по мере удаления от центральных сооружений ансамбля. В Индии этот принцип был впервые воплощен в храме Танджор в первой половине XI столетия. Однако в Камбодже его внедрили сорока годами ранее, при возведении храма Бантеай Срей, основанном Яджнаварахой и его братом в 967 году. Этот удивительный факт не поддается никакому объяснению. Можно только напомнить, что в Бантеай Срей имеется наглядное свидетельство существования тесных связей с южно-индийскими источниками: присутствие Караиккаламмайяр у ног танцующего Шивы.

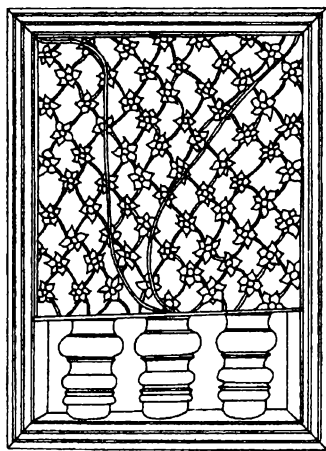
Но особого совершенства достигли кхмерские архитекторы в такой сфере, как композиционное построение храмов. Для этого они использовали самые разнообразные приемы. В основе первого лежал принцип, согласно которому внутренний и внешний вид индийского храма были почти или полностью независимы друг от друга. Об этом лишь вскользь упоминается в трактатах. Однако кхмерские архитекторы воплотили краткое замечание в архитектурных формах, что привело к тому, что консоли, образующие чердачное помещение, протянувшиеся под крышей по всей длине надстроек, скрывались за фасадом с множеством ложных ярусов. Такие фасады «строились» с виртуозностью, порой превосходившей даже внутреннюю планировку зданий. Что касается пола храма, то он мог располагаться значительно ниже уровня цокольного этажа, на котором ему следовало бы покоиться. Чертежи разрезов храма в Пимаи, обнародованные П. Пишаром, демонстрируют, как умело кхмеры пользовались этим приемом.

Еще одним приемом, которым пользовались кхмерские архитекторы, был **эффект перспекти-**

вы: например, храмы строились таким образом, что они казались гораздо выше, чем были на самом деле. Он был заимствован, вероятно, у яванских архитекторов и применялся, начиная с IX столетия (храм Прасат О Паонг на Пном Кулене), пользуясь широкой популярностью, даже если порой и неумело, а значит, и неэффективно (храм Прах Краван). Параллельно с ним развился **принцип бассейнов-зеркал**, примененный в Ангкор Вате, чтобы продублировать пирамиду на водной глади и тем самым напомнить, что она, как и гора Меру, так же глубоко уходит в землю, как и возносится над ней.

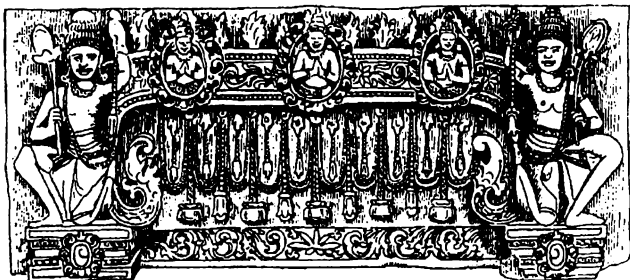
Важное значение при проектировании зданий придавалось **игре света и теней**, оживляющей фасады храмов. Для этого кхмеры использовали не только горизонтальную лепку на цоколях и антаблементах, им удавалось также усилить эффект игры света декором, наносимым по вертикалям строе-

*Ложное окно с имитацией
шторы (Бантейай Кдей,
конец XII века)*

ний. Это относится, например, к крытым галереям, в которых тени двойной колоннады перемещались на протяжении всего светового дня. Ощущение движения возникало и благодаря особому расположению каменных оконных перекладин или ложных окон, как, например, на оборотной стороне галереи барельефов Ангкор Вата.

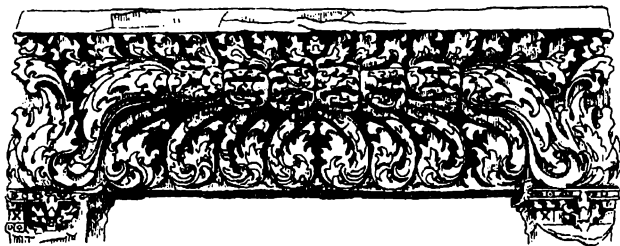
Наконец, весь декор кхмерского хра-

*Праздничный характер декора храма:
ригель в виде изогнутой перекладкины с подвесками
(середина VII века)*

ма, может быть, даже в большей степени, чем индийского, создавал атмосферу праздника. Так, декоративные ригели дверей украшались перемычками в виде множества падающих листьев или в более ранние периоды — гирлянд на резном деревянном каркасе. В обоих случаях отражено стремление сохранить в камне мимолетность ускользающей красоты. Карнизы и углы зданий декорировались перемычками в виде падающих листьев, вылепленными из стука¹, как, например, в Прах Ко, или вырезанными из песчаника (Бантеай Срей). Ложные окна иногда «прикрывались» имитацией штор, хотя непонятно, что это означало: то ли окна были наполовину приоткрыты, то ли они были почти закрыты шторами. Однако при взгляде на них возникала иллюзия, что в здании живут люди, а за окнами отмечается праздник. Увековечивание в камне ощущения праздника давало возможность лицу, возводящему сооружение за свой счет, загодя восполнить вероятную нехватку средств на последующее финансирование проведения обрядов. Все это

¹ Стук (арх.) — легкая смесь на базе гипса и мраморной пудры, применяемая для отделки стен и потолков (имитация мрамора) (примеч. пер.).

*Праздничный характер декора храма:
ригель в виде свернутого в рулон орнамента из листьев
(середина VIII века)*

свидетельствовало не только о стремлении кхмеров к украшению фасадов зданий, но и о праздничном характере кхмерских религиозных обрядов, что весьма удивило Чжоу Дагуаня.

ВЕЗДЕСУЩИЕ СКУЛЬПТОРЫ

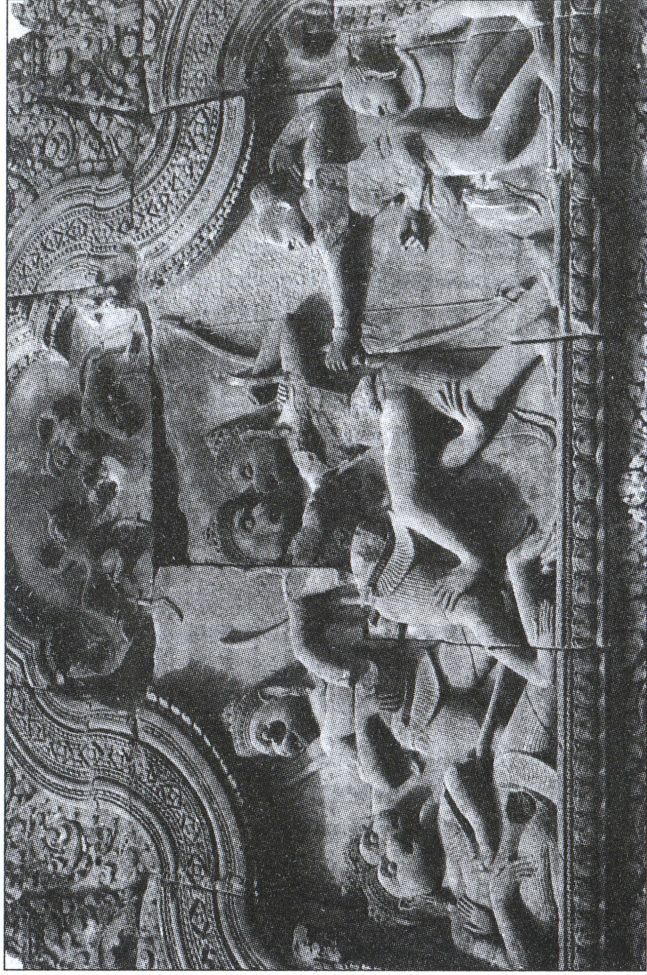
Кхмерская скульптура в период своего наивысшего расцвета предстает в виде совершенных по форме лепных украшений чаще всего культового характера, свидетельствующих о сформировавшейся скульптурной школе и прекрасном умении изображать тело, главным образом его верхнюю часть. Уже в первые века существования кхмерской скульптуре удалось освободиться от канонической индийской позы со слегка отставленной в сторону ногой и искусственных опор, хотя она до самого конца сохранила некоторые индийские «элементы красоты», упрощенные до уровня иконографических обликов, лишенных какого бы то ни было художественного смысла, но необходимых для определения того или иного образа. Наглядный пример тому — «складки красоты» на шее, превратившиеся в простые строго параллельные горизонтальные разрезы, потерявшие былую привлекательность.

Скульптурные изображения необычайно «целомудренны»: в них кхмеры воплотили всю свою стыдливость касательно демонстрации обнаженных гениталий, изгнав из своего иконографического «репертуара» все индийские божественные формы, где их обнажение было необходимым или недвусмысленно внушалось (см. Пантеон индийских богов, гл. VI). Единственными исключениями, о которых мы уже упоминали, были изображения, не имевшие никакого отношения к индийским образцам, принадлежавшие представительницам горной народности, для которой нагота была характерной особенностью (см. Пантеон местных богов, гл. VI). Благодаря чрезвычайному целомудрию кхмеров женская одежда на скульптурах никогда не была прозрачна, как у индийских женских одеяний. Уже на самых первых кхмерских скульптурах женщины изображались в юбках, полностью скрывавших нижнюю часть тела от талии до лодыжек, сквозь которые не «просвечивалось» скрываемое тело. При изображении мужской одежды (даже в XI столетии, когда натуралистичность приветствовалась) тоже никогда не угадывалось признаков пола. Что касается статуи «Прокаженного короля», то ее «нагота», в которой не ощущается никаких признаков половой принадлежности, иллюзорна. В более ранние периоды (в частности, в VIII веке в Трапеанг Понг) скульпторы изображали бесполое тело, одежда которых просто высекалась, не хватало только гравировки. Целомудрие никоим образом не затрагивало верхнюю часть тела, которой придавалась продуманная пластическая изысканность, хотя ее никогда не отличала излишняя пышность, как это было принято в Индии. Поэтому сразу можно отличить кхмерские скульптуры от индийских.

Как мы уже видели, иконографический выбор кхмеров характеризуется решительным от-

Один
из многочисленных
барельефов
храма
Бантей Срей

торжеством всего внушающего ужас, любого насилия, другими словами, **крайностей** (см. Пантеон индийских богов, гл. VI). Этой особенностью объясняется тяготение кхмеров к **торжественной застылости и отвлеченности изображений**, хотя в самые ранние периоды встречаются некоторые исключения (они не относятся к индийской канонической позе с отставленной в сторону ногой), которые свидетельствуют о том, что кхмерские мастера умели прекрасно передавать на рельефных изображениях движение человеческого тела. Искусство изображения движения достигло своего пика в Кох Кере в период правления Джайявармана IV в величественных статуях танцующего Шивы, в скульптурах сражающихся обезьян Валина и Сугривы или Шивы, бьющегося с Арджуной. Впоследствии это умение кхмерских скульпторов окажется неостребованным, по крайней мере в отношении каменных изваяний. Единственная значительная скульптура этого типа — огромная статуя Хеваджры (правление Джайявармана VII), изображавшая танцующего буддистского бога, наделенного характерными для него признаками (четыре ноги, шестнадцать рук и т.д.). Однако во множестве надписей, датированных XI и XII столетиями, говорится об установлении скульптур танцующего Шивы. Наряду с этим были обнаружены бронзовые статуи, изображающие Хеваджру или йогоинов, входивших в его свиту. Вполне вероятно, что почти полное исчезновение каменных скульптур, изображающих богов в движении, обуславливалось некоторыми «техническими» причинами (нехваткой качественного камня и пр.), и поэтому выбор скульпторов пал на бронзу.

Наконец, некоторые из статуй были **скульптурными «портретами»**. Мы уже отмечали, что особое место, отводимое в Камбодже человеческим изображениям, никак не могло обуславливаться

тем, что происходило в этой области изобразительного искусства в Индии, поскольку значительная часть пантеона состояла из божеств, у которых для изображения людей были заимствованы некоторые иконографические характеристики (см. Пантеон скульптурных портретов, гл. VI). Трудно определить, в какой степени эти разнородные изображения обладали реальным портретным сходством, но неоспорима прямая связь между этими «портретами» и поиском пластических решений, присущих кхмерской скульптуре. И действительно, эти поиски, выразившиеся как в стремлении как можно совершеннее передать строение человеческого тела, так и в желании придать черты людей мифологическим существам, свидетельствуют о постоянном возвращении к живой человеческой модели, что присуще любому художнику, основным видом деятельности которого является создание портретов. **Ориентированность на живую модель отражается как в изображении всего тела, так и его частей, например рук.** Если в индийской скульптуре руки служили в первую очередь для определения божественного образа, то в Камбодже на первом месте была их «человеческая природа».

Кхмерские скульпторы были неплохо знакомы с **самыми разнообразными видами рельефов**: наряду с несколькими едва касающимися стен круглыми скульптурами Кришны конца VI века обнаружено множество горельефов на фронтонах и ригелях, изображений божеств на стенах и прочих украшений, а также рельефов на стенах входных павильонов (Бафуон и Прасат Кхна Сен Кео) и уступов или галерей государственных храмов и др. (Ангкор Ват, Байон, Бантеай Чмар). Лучшим строительным материалом был песчаник, но когда его не было поблизости, в ход шел и латерит, особенно в тех регионах, где его хватало (в частности, в Северо-

Восточном Таиланде). Что касается кирпича, то его стали использовать в строительстве в начале второй половины X века, как для внутренних барельефов (Прасат Краван, 921), так и для внешнего декора стен (Пре Руп, Мебон); во втором случае кирпич покрывали штукатуркой.

Попутно добавим, что лишь образцы настенной росписи в Пр. Нанг Кхмау на юге Камбоджи в корне отличаются от декора внутренних рельефов Прасат Краван (921) в Ангкоре, хотя оба храма были построены в одно и то же время.

Возможности, открывшиеся благодаря рельефному декору, нашли большое применение. Если сравнивать изображения женской одежды и причесок в разных храмах того времени, то мы увидим следующую картину: юбки с развевающимися полами и прически, украшенные султанами, на стенах Ангкор Вата не имеют ничего общего с безукоризненной скромностью одежд и украшений богинь в других храмах. Касаясь другой области, можно отметить, что Дварапалы на горельефах (Бантеай Срей, 967) второй половины X века вновь принимают, хоть и на короткий период, каноническую позу с отставленной ногой, исчезнувшую в конце IX столетия.

Тематика и способы повествовательных изображений на кхмерских рельефах бесконечно разнообразны. Если мифологические темы (брахманские или буддистские) постоянно присутствуют на всех типах рельефов, то собственно исторические сюжеты обнаружены только в длинных галереях Ангкор Вата, Байона и Бантеай Чмар. Религиозное воображение иногда принимало форму того, что Альфред Фуше назвал, правда, в другом контексте, «сочетанием образов»: божество занимало центральную часть всей композиции, подавляя своими размерами остальные второстепенные фигуры, которые подчеркивали величие бога или поясняли

связанный с ним эпизод. Этот прием использовался как на фронтонах, ригелях или декоре оснований пилястр, так и на больших панно в глубине галереи (Бантеай Чмар). Но встречаются менее иерархически выстроенные изображения, иллюстрирующие различные мифы: панно с развернутой композицией на фронтонах, изображения целого повествования или одной сцены из него на разветвленных ригелях или на гигантских панно длиной более 50 метров (например, Пахтанье в Ангкор Вате). Фризы, иллюстрирующие непрерывные повествования и придающие динамизм многоплановым рассказам, расположены как на небольших панно входных павильонов Бафуона (2-я половина XI века) или угловых павильонов Ангкора Вата, так и на огромных участках стен в галереях последнего длиной более 100 метров (битва богов и асуров).

СКУЛЬПТУРНАЯ АРХИТЕКТУРА

Индийскую архитектуру часто называют скульптурной. Но в еще большей степени это замечание касается древней Камбоджи, где скульптурная архитектура получила широчайшее распространение.

В основе обычной отделки фасадов кхмерский зданий лежит сочетание скульптурной архитектуры и дополнительных скульптурных деталей. К первой категории можно отнести ложные двери и окна, черепицу на сводах, ложные галереи, создающие иллюзию объемности, наложенные друг на друга фронтоны, подчеркивающие наличие выступов фасада, лепные или резные орнаментальные фризы и т.д. К вышеперечисленному можно добавить изображения гаруд, львов-атлантов, настенных божеств, богов-хранителей и др. Ко второй категории относится множество выразительных иллюстративных деталей на изображениях божеств на

*Скульптурная «иллюстрация» к мифу о Пахтании
в Ангкор Тхом*

антаблементах, которые подчеркивают членение фасадов и увеличивают количество богов в храме. Но еще есть и парапеты из скульптур ползущих наг по обеим сторонам подъездных эспланад или террас, а также фигуры Дварапал, львов и других мифических персонажей на опорных стенах лестниц, без которых храм не был бы защищен со всех сторон от враждебных сил.

Но кхмерские архитекторы и ваятели пошли еще дальше, и при Джайявармане VII в архитектурной скульптуре появляются относительно новые формы. Прежде всего это **изобретение башен с ликами**, что вывело архитектуру на уровень монументальной скульптуры, а храмы превратило в божественные символы, материализовав, таким образом, присущее индийскому мировоззрению представление о том, что храм символизирует бога. Поскольку скульптуры богов в Байоне и в других храмах невозможно идентифицировать, отнесем

*Скульптурная архитектура:
Пном Кром (конец IX – начало
X веков). Южная башня,
восточный фасад (деталь)*

их к категории местных божеств.

Другое новшество этого же периода — размещение на углах башен мотивов, представляющих собой гигантские скульптурные группы.

Например, в скульптурном комплексе Прах Тхкола чередуются изображения наг, слонов, гаруд, гусей, каждый из которых символизирует определенный уровень вселенной (см. Сообщество богов, гл. VI). В том же стиле выполнены ворота Ангкор Тхома, на надстройке которых нахо-

дятся четыре главных (в соответствии со сторонами света) лика, а

на углах расположены обширные композиции, в центре которых находится скульптура Индры

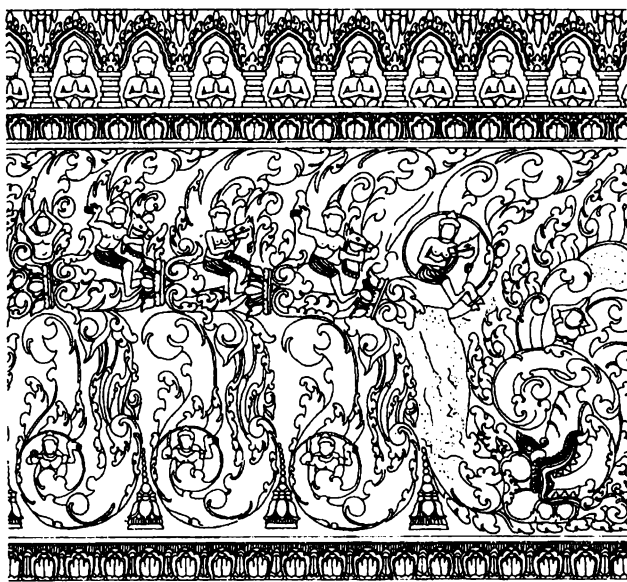
верхом на трехглавом слоне. В заключение добавим, что скульптурные ансамбли соответствовали масштабам огромного города. Размещенные у ворот Прах Кхана в Ангкоре, а затем и у ворот Ангкор Тхома в качестве иллюстрации к мифу о Пахтанье, они привели в восторг как Чжоу Дагуаня, так и миссионеров XVI столетия.

ХРОНОЛОГИЯ

Работы П. Стерна и его учеников (П. Дюпона, Ж. Буасселье), подкрепленные трудами эпиграфистов (Ж. Кёдеса и П. Дюпона), позволили со-

ставить довольно точную хронологию кхмерского скульптурного и архитектурного искусства. Координированные исследования видоизменений различных элементов скульптуры (одежды, украшений, морфологии и т.д.), архитектуры (декора ригелей, пилястр, колоннад и др.), сложных форм (надстроек и т.д.), а также некоторых технических приемов позволили выделить ряд этапов развития кхмерской архитектуры и скульптуры. Каждый из этих «стилей» (пользуясь терминологией П. Стерна и его последователей) получил свое название от наиболее характерного для данного периода сооружения, что не всегда целесообразно, особенно если сооружение, давшее свое имя «стилю» (сооружение-эпоним), является второстепенным (Прей Кхменг, Компонг Преах или Бантеай Срей).

Декор ригеля Восточного Мебона (ок. 952)

Стили распределены в соответствии с классической схемой деления истории ангорской Камбоджи на три периода, со всеми вытекающими, как мы успели заметить, отсюда вопросами. В приведенной ниже таблице мы совместили с этой классической схемой более логичное, на наш взгляд, деление. Несмотря на ее кажущуюся точность, эта хронология не является окончательной и может подвергнуться корректировке, что доказали недавние работы по исследованию скульптуры (Н. Далс-хеймер) и архитектуры (Ж. Дюмарсе и П. Ройер). Но даже с учетом этих последних разработок наша хронологическая система является не совсем точной, что объясняется пересечением некоторых стилистических периодов (в частности, период с 950 по 1050). Наконец, в области скульптуры до сих пор не решена проблема, касающаяся изображений Будды: беспрекословное соблюдение иконографических правил подчас тормозило стилистическое развитие (за исключением изображений одетого Будды). Отметим также, что изображения Будды стоящего, самые гибкие и свободные от иконографических оков, парадоксальным образом входят в число самых ранних и наиболее близких к индийским моделям образов.

Хронология кхмерского искусства

Период освобождения от индийского влияния

(А. «Доангорский период»)

V — начало VI века: появление первых образов (Вишну «в юбке»)

— 540–600: Стил Пном Да

— 600–650: Стил Самбор Преи Кук (Ишана-варман I: 616–635?)

— 635–700: Стил Преи Кхменг

Стил Прасат Андет

— 706–800: Стил Компонг Преах

(В. Промежуточный период)
— 825—875: Стиль Кулен (Джайяварман II: 800—850?)

(С. «Ангкорский» период)
— 875—893: Стиль Прах Ко (Индраварман I: 877—889)

Период формирования ангорской школы

(С. «Ангкорский» период [продолжение])
— 893—925: Стиль Бакхенг (Яшоварман I: 889 [с 893 в Ангкоре]—900?)

— 921—945: Стиль Кох Кер (Джайяварман IV: 925—945)

— 947—965: Стиль Пре Руп (Раджендраварман: 945?—968)

— 967—1000: Стиль Бантеай Срей (Джайяварман V: 968—1001?)

— 965—1010: Стиль Кхлеанг (Сурьяварман I: 1005?—1050?)

— 1010—1080: Стиль Бафуон (Удаядитьяварман II: 1050?—1066)

Имперский период

— 1100—1175: Стиль Ангкор Ват (Сурьяварман II: 1113—1150?)

— 1177—1230: Стиль Байон (Джайяварман VII: 1178—1220?)

Закат кхмерского искусства

— 1230—1430: (постбайонский стиль)

(D. Постапгкорский период)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ИНДИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ (VI—IX ВЕКА)

Этот длительный период, завершившийся в середине IX века, характеризовался освобождением от влияния привнесенных извне моделей. В скульптуре он ознаменовался процессом повторного изо-

бретения круглых статуй, сочетавшимся с поисками новых пластических форм и тенденцией к изображению неподвижных фигур. В области архитектуры в этот период появляются первые чисто кхмерские башни с ложными этажами и храм-гора.

Первые кхмерские круглые скульптуры нуждались в опоре. Ею, как правило, служила большая поддерживающая арка, соединявшая голову, руки и основание монумента. Она дополнялась подпорками под выступающими запястьями, но иногда арку заменяли вертикальные опоры и поперечный брус, соединявший голову с руками. В течение IX столетия эти опоры постепенно исчезли, сохранились только различные по величине детали, поддерживавшие статую сзади на уровне лодыжек, а также такие «естественные» опоры, как палицы Дварапал или Вишну (хотя все статуи Вишну эпохи Джайявармана VII держат в руках короткую палицу, не соприкасающуюся с основанием памятника). **Эти опоры помогали скульпторам решать задачу устойчивости статуи и позволяли сохранять естественные пропорции рук и шеи, а также спокойно продолжать изыскания в области пластики** (отделки торса, груди, спины, ног и т.д.), что помогло им достичь совершенства в изображении тел человека и мифических существ. **Круглые скульптуры были широко распространены с момента зарождения кхмерского искусства.** Исключения составляют несколько редких скульптур Кришны, поднимающего гору Говардхану (конец VI века), не получившие дальнейшего распространения. Сложность движений, осуществляемых богом, привела к сохранению широко применяемой в Индии технологии изготовления круглых скульптур, прислоненных к опоре. Статуи этого вида опирались на вертикальную плиту, сквозную на уровне талии, а сам способ изображения давал возможность продемонстриро-

вать движение развевающихся пол одежды, как это было принято в Индии.

Обращение к религиозному формализму можно истолковать как стремление к упрощению, выраженному в **отказе от индийской позы с отставленной в сторону ногой**. Эта поза была хорошо просчитана и выверена с математической точностью, поскольку ее основной характери-

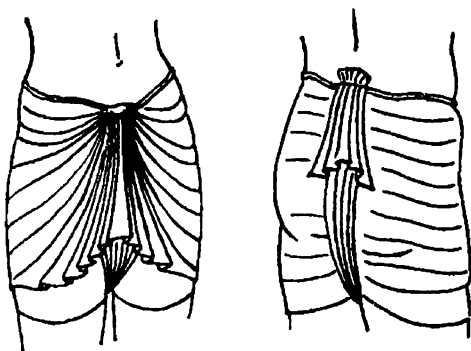
Голова Хари-Хары

стикой был интервал, определяющий расстояние как между пятками, так и между пальцами обеих ног. Нам неизвестно, пользовались ли кхмеры этим правилом подсчета, содержавшимся в специальных индийских трактатах. Последние образцы этой канонической индийской позы, воплощенные в круглых скульптурах, датируются периодом правления Индравармана I (конец IX века). Что касается круглых скульптур, передающих движение, то после IX века они встречаются крайне редко. Их единственной представительницей, настоящим иконографическим и пластическим шедевром второй четверти VII века является статуя Дурги Махисасурамardini из Самбор Преи Кук, хотя элементы динамики фигурируют и на горельефах, предшествующих образу Дурги, на которых изображен Кришна, несущий гору Говардхану.

Мужская одежда на изображениях первого периода ангорской истории приобретает чисто кхмерский характер (например, отказ от юбок в качестве

одеяний Вишну), сохранив складки, обязательные в индийских скульптурах. Однако вскоре она стала компоноваться из нескольких кусков ткани, и этот вид изображения сохранялся на протяжении всего ангорского периода, слегка изменяясь под влиянием веяний моды. Что касается женской одежды, то с самого начала она была типично кхмерской и состояла из юбки, полностью скрывавшей нижнюю часть тела. Лишь иногда движение тела (Дурга из Самбора) или незначительное отведение в сторону ноги слегка деформировали ткань, которая в этом случае облегла колено. Головные уборы и прически начального периода, будучи индийскими по духу, но не по форме, строго дифференцировались. Вишну и его супруга носили митры цилиндрической формы, аналогичные индийской тиаре, из-под которых на затылок спускались букли (также весьма характерная индийская деталь). У Шивы и Умы на головах были шиньоны, в которых переплетенные пряди укладывались в довольно сложную прическу. У Хари-Хары сочетались два типа прически, однако шиваитский шиньон вскоре стал в профиль напоминать митру (см. рис. на стр. 191). У Кришны неболь-

*Мужская драпированная одежда
(Баларама из Пном Да, конец VI века)*

шой тройной шиньон дополнялся двумя юными божествами с тщательно уложенными, как у Будды, буклями. Митра сохранялась на изображениях до первой половины IX века, а со второй половины этого столетия началась постепенная унификация причесок и головных уборов с параллельным появлением диадемы, разные формы которой получают большое распространение в последующие периоды.

*Вишну с митрой на голове
(Пном Да, конец VI века)*

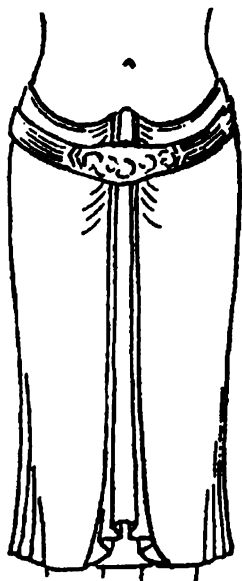
Что касается шиньона (или пучка), который возвышался на темени, то иногда он (на некоторых образах Вишну) скрывался под головным убором в виде маленькой пагоды, но чаще всего его оставляли открытым, и была заметна его цилиндрическая форма.

Храмы Ишанапуры, столицы Ишанавармана I (около 615–635), и **первый крупный кхмерский архитектурный ансамбль** (единственный на тот период) еще подвержены сильному индийскому влиянию, о чем свидетельствуют их многоплановость и наличие надстроек с ложными этажами, увенчанных крышей. Индийский след виден в фасадах с пилястрами или пристройках, украшавших цоколи зданий, стены и антаблементы. Применяемая технология строительства была доведена до совершенства: внушительные размеры некоторых зданий свидетельствуют о безупречном владении техникой

возведения на кирпичных зданиях **выступающих элементов: башенок, балконов** и т.д. В этот период появляется множество новых архитектурных элементов, которые, впрочем, вскоре были преданы забвению (например, ниши, кельи, восьмиугольные планы сооружений), хотя **декор входов в храмы** с фронтонами, которые опирались на угловые пилястры и декоративные ригели на небольших колоннах, уже **нес в себе зачатки будущих характерных черт кхмерской архитектуры**.

Многообразие **храмов Пном Кулена** (начало IX века) демонстрирует как **архаичные формы** (фасады с пилястрами) и иностранные заимствования, еще не полностью укоренившиеся на кхмерской почве (декор в духе чамов, создание эффекта перспективы, заимствованное у яванцев), так и появле-

*Женская юбка
(Кох Криенг, VII век)*

ние **типично кхмерских окончательно определившихся форм** (ложные этажи, отсутствие крыши на вершине многих надстроек). В эту же эпоху на фоне многих сооружений неясного предназначения и неопределенной датировки начинают вырисовываться основные черты **храма-горы**. На Пном Кулен была построена пирамида **Ронг Чен**, довольно грубо или поспешно возведенная из латерита. Она получила известность благодаря своим размерам (сторона основания была равна 100 метрам) и наличию

центрального колодца. К западу от будущего Ангкора находился **Ак Йом**, двухъярусная пирамида, значительно более совершенная по технике выполнения и структуре (все элементы расположены в шахматном порядке, в наличии 8 часовен, центральный колодец, подземный зал). Этот неоднократно перестраивавшийся впоследствии храм был возведен в VIII веке, значительно раньше становления культа Девараджи. Наконец, к этому же периоду относится, вероятно, возведение прямоугольной в основании пирамиды из латерита **Пимеанакас**, которая в то время венчалась деревянной надстройкой. В самом конце X и в первые годы XI века в ней была построена периферическая галерея, а вокруг была сооружена стена, окружавшая Королевский дворец Ангкора.

*Парвати с шиньоном на голове
(Кох Криенг, VII век)*

ФОРМИРОВАНИЕ КХМЕРСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА (IX—XI ВЕКА)

При Яшовармане I кхмерское изобразительное искусство, полностью освободившееся от внешних заимствований и слепых поисков новых форм, которыми было отмечено правление Индравар-

Голова мужчины с шиньоном
(Кох Кер, 2-я четверть X века)

мана I, находилось в самом начале своего в целом прямого пути развития.

Скульптура при Яшовармане I строго придерживается норм религиозного формализма, которые впоследствии несколько смягчатся. После переноса столицы в Кох Кер начался процесс раз-

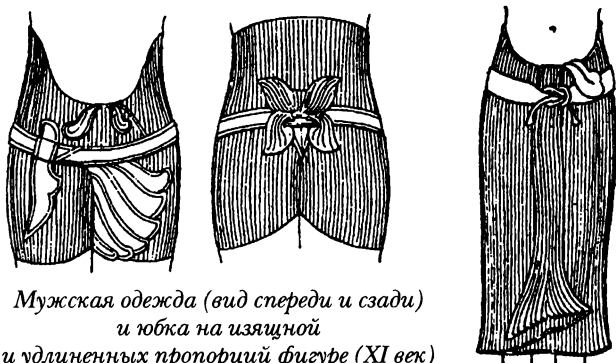
деления художественных течений. Новая столица становится единственным центром становления нового искусства. Для этого периода характерны статуи огромных размеров (а также здания), появление новых, но не получивших дальнейшего развития форм (динамичные скульптурные группы, статуи, вырубленные из монолита вместе с основанием и т.д.), а также изменения в одежде, прическах и головных уборах. Впрочем, процесс тематического обновления характеризовался возвращением к индийским источникам. В это время Ангкор, не покинутый большинством жителей, придерживался более осторожной позиции.

В середине X века столицей снова становится Ангкор, и Раджендраварман решительно отказывается от гигантомании Кох Кера, частично обратившись к старым традициям изобразительного искусства конца IX века. Из-за этой путаницы стилей порой возникают проблемы с определением даты создания некоторых декоративных ригелей, а иногда и неразрешимые трудности: например, скульптурный декор некоторых сооружений, возведенных до Кох Кера, появился позднее, при Рад-

жендравармане (например, Баксей Чамкронг). При этом неуклонно **соблюдалось почтение к индийским канонам**, а развитие скульптуры продолжилось в двух направлениях: наряду с традиционным искусством, примером которого могут служить статуи Кох Кера, развивалось «новое» искусство, о существовании которого свидетельствуют высеченные в стенах скульптуры, некоторыми элементами (поза с отставленной ногой, одежда) напоминавшими статуи начала IX века. Однако их отличают уникальные для того времени **удлиненные пропорции** и изящная пластика. Весьма характерным в этом отношении является храм Бантеай Срей, одна из скульптур которого выполнена в традиционном стиле (статуя Умахешвары в Национальном музее Пномпеня), тогда как остальные скульптуры на стенах относятся к «новому» искусству.

После периода, продлившегося с конца X по начало XI века, стилистическая неоднородность которого была обусловлена борьбой за власть, в **XI столетии начинается расцвет кхмерской скульптуры, в которой преобладают черты «нового» искусства**. Впрочем, в конце века наступил его закат и полное забвение. Скульптуры больше не были нарочито хрупкими, облегающая одежда не

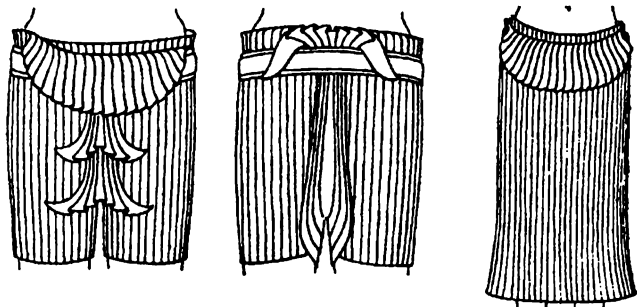

*Мужская одежда (вид спереди и сзади)
и юбка на изящной
и удлиненных пропорций фигуре (XI век)*

украшалась вычурными деталями (раковинами на поясах или бантиками в виде бабочки на затылке), исчезли лишние половой принадлежности вытянутые лица с тонкими чертами, а подчас и с инкрустированными глазами и ямочкой на подбородке, которые увенчивали небольшие шиньоны. И в то же время великолепная бронзовая статуя лежащего Будды в храме-нилометре Западного барая свидетельствует о **существовании монументального искусства** без малейшего намека на слащавость.

Первым государственным храмом был Баконг, история создания которого была довольно сложной: его строительство началось не позднее начала IX века, велось по технологии (из небольших блоков из латерита) и общему замыслу (квадратная пирамида), заимствованными, вероятно, у яванцев (Боробудур), и завершилось (?) только в 881 году при Индравармане I. Впоследствии, в начале XII столетия, внешний вид храма претерпел значительные изменения (была перестроена верхняя башня и, вероятно, добавлены новые скульптуры барельефов). Построенный и торжественно открытый тем же монархом храм Прах Ко, посвященный предкам, имел шесть кирпичных башен с

*Мужская одежда (вид спереди и сзади)
и юбка (Кох Кер, 2-я четверть X века)*

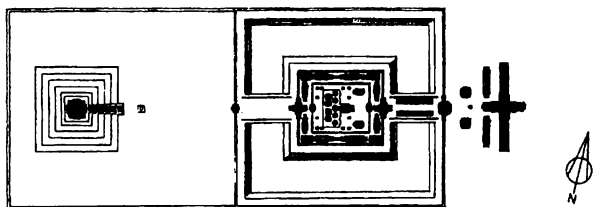
ложными этажами, на-
долго определившими
эти архитектурные
формы, которые впо-
следствии только со-
вершенствовались (в
частности, создание
эффекта перспекти-
вы). Кирпичные сте-
ны покрывались шту-
катуркой и плитами
из песчаника, на кото-
рых были запечатле-
ны лики хранителей
и хранительниц хра-
ма. При следующем
короле был возведен
государственный
храм Пном Бакхенг,
ставший первым об-

*Скульптурное изображение
богини Умы*

разцом «космографической» архитектуры, досе-
ле невиданной в Камбодже. Это был единственный
храм-гора, возведенный на горной вершине. Храм
был выстроен в виде пирамиды, окруженной че-
тырьмя угловыми башнями. Его характерной осо-
бенностью были однотипные часовни (60 малень-
ких башен из песчаника, построенных по единому
образцу, и 44 кирпичных башни, несколько выби-
вавшиеся из общего строя). Его архитектор был
главным распорядителем при возведении целого
ряда похожих, как две капли воды, заведений, —
ашрамов, об архитектурном стиле которых нам
ничего не известно.

Государственный храм Джайявармана IV в Кох
Кере — новое слово в архитектуре того времени,
в дальнейшем преданное забвению. Он пред-
ставлял собой семиярусную пирамиду, окруженную

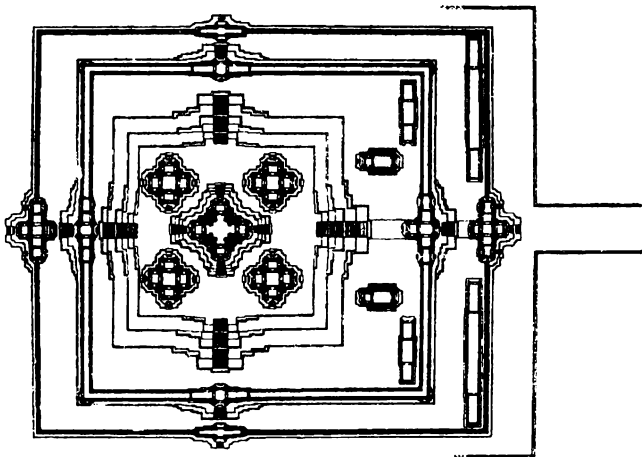
*Государственный храм Джайявармана IV в Кох Кере
(вторая четверть X века)*

стеной, на вершине которой возвышалась единственная башня, к которой вела лестница и т.д. Его **огромные размеры** (36 метров в высоту) намного превосходили все, что было построено до сих пор, о чем неоднократно упоминается во многих надписях. Эта особенность свойственна большинству сооружений, возведенных в Кох Кере, которые отличаются от зданий, построенных в это время в Ангкоре (Прасат Краван), только своими огромными размерами. Возвращение в Ангкор было ознаменовано проведением широкомасштабных гидротехнических работ в Восточном барае, сопровождавшихся возведением двух храмов в форме пирамид с четырьмя угловыми башнями. Один храм был построен в центре бараа, другой — на его южном берегу (но по одной осевой линии с первым). Однако настоящие архитектурные новшества увидели свет при создании менее широкомасштабных сооружений, чаще всего возводимых частным образом, таких, как, например, **Бантеай Срей**. Именно в этом ансамбле **приобрели свои окончательные формы башня из песчаника с ложными этажами** и «библиотеки» (см. Библиотеки, гл. VI), а также упоря-

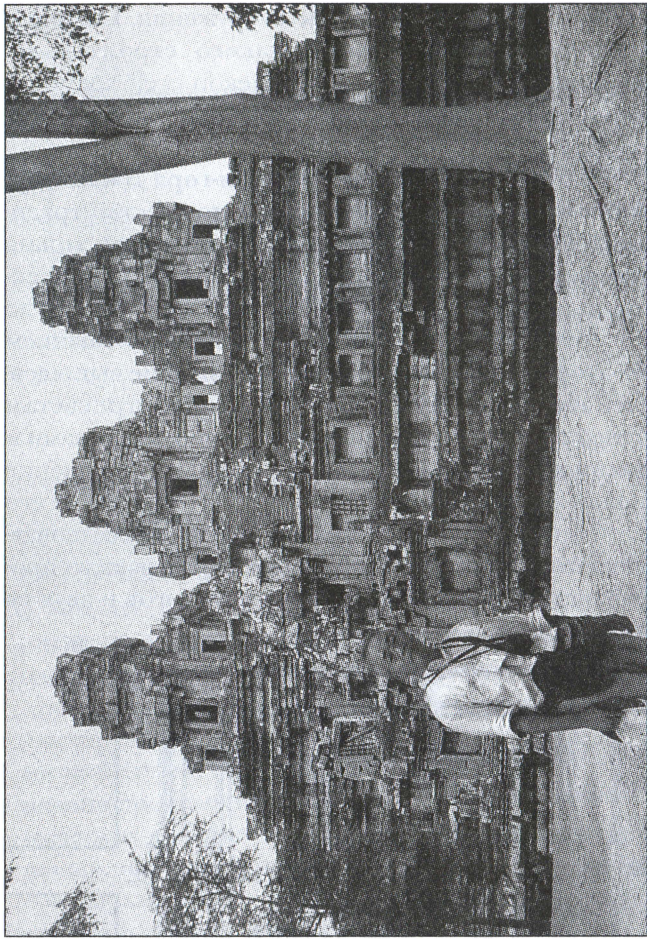
доченные концентрические сооружения. Наконец, благодаря **использованию такого строительного материала, как песчаник**, декор стен храмов и входных павильонов стал значительно богаче и разнообразнее.

Та Кео, незавершенный храм-гора Джайявармана V, знаменует собой полное торжество традиционной схемы с пирамидой в центре и четырьмя угловыми башнями в сочетании с **новыми архитектурными приемами**: применением доведенного до совершенства эффекта перспективы и размещением на втором этаже ложной галереи, внешне выглядевшей абсолютно естественной благодаря игре света и теней в ее окнах, ложным окнам с перекладинами и таким же дверям. В начале XI столетия становление новой формы Королевского дворца (окружение его стенами и входные павильоны) и предшествовавшее этому процессу заполнение окружающего пространства (строительство двух Кхлеангов и двух из

*Та Кео: государственный храм Джайявармана V
(конец X века)*

*Храм Та Кео.
Современный вид*

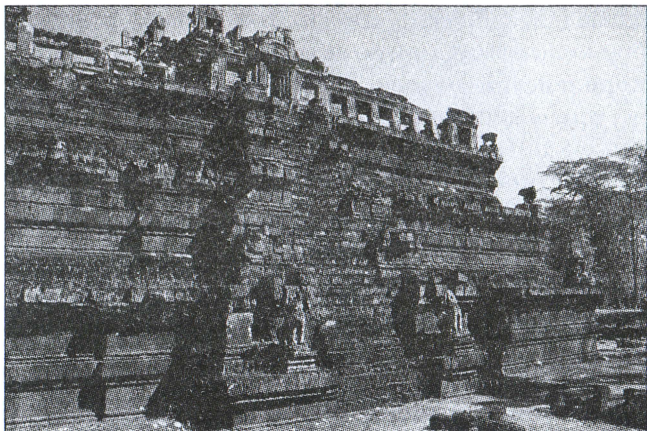

двенадцати Прасат Суор Пратов) ознаменовали собой новый этап в **архитектурном возвеличивании королевской власти**. В центре Западного барая вступил в действие первый вариант нового изобретения: шиваитский храм-нилометр, который вскоре стал вишнуитским. Его структура была довольно проста, поскольку преследовалась цель скрыть механизм, благодаря которому сооружение приобретало свою оригинальность (см. Храмы-нилометры, гл. IV). Наконец, величайшим архитектурным шедевром этого века стал **Бафуон**, последний шиваитский государственный храм, размеры которого, а также новизна формы и дерзость замысла предвосхищали великие проекты грядущего века. Впрочем, технология строительства не поспевала за развитием архитектурных идей.

ИМПЕРСКОЕ ИСКУССТВО (XII ВЕК)

Несмотря на то что XII век был переходным периодом от строгого классицизма к неистовому барокко, он ознаменовался реализацией самых широкомасштабных архитектурных проектов, которые когда-либо знала древняя Камбоджа: Ангкор Ват, Бенг Меалеа и Байон, не считая множества других грандиозных святилищ, построенных в эпоху правления Джайявармана VII. Целый ряд неординарных личностей, от Джайявармана VI до Джайявармана VII, внес свою лепту в изменение кхмерского художественного пейзажа, который не ограничивался одним Ангкором. В самом начале XII века династия Махидхарapurов начала строительство разного рода сооружений в **Пимаи** (современный Северо-Восточный Таиланд) и в **Ват Пху**, уже обжитом районе современного Лаоса. Спустя немногим более века произведения скульпторов эпохи Джайявармана VII появляются в **Муанг Син** на границе с

*Храм Бафуон – величайший шедевр
кхмерской архитектуры*

Бирмой, в Сай Фонг в Лаосе и в Бинь Динь (древняя Виджайя) в Центральном Вьетнаме.

В конце XI или в самом начале XII века кхмерская скульптура претерпела внезапные изменения. На смену хрупким и изящным фигурам приходят сколь совершенные, столь холодные и бездушные образы: квадратные плечи, одревеневшие конечности, безжизненный взгляд, одежда без малейшего намека на фантазию порой наводят на мысль о том, что имел место возврат к стилю времен Яшовармана I. Перемена была столь быстрой, что провинциальные мастерские отреагировали на нее с запозданием, продолжая увековечивать, в частности, некоторые детали одежды, характерные для предыдущего стиля (например, плоский бант на поясе). Но что любопытно, рельеф во всех своих формах как будто игнорировал эти перемены. Изображения женских божеств и многочисленных фигур на фронтонах или барельефах отличает совершенство исполнения, сочетающееся с непринужденностью, не имеющей ничего общего

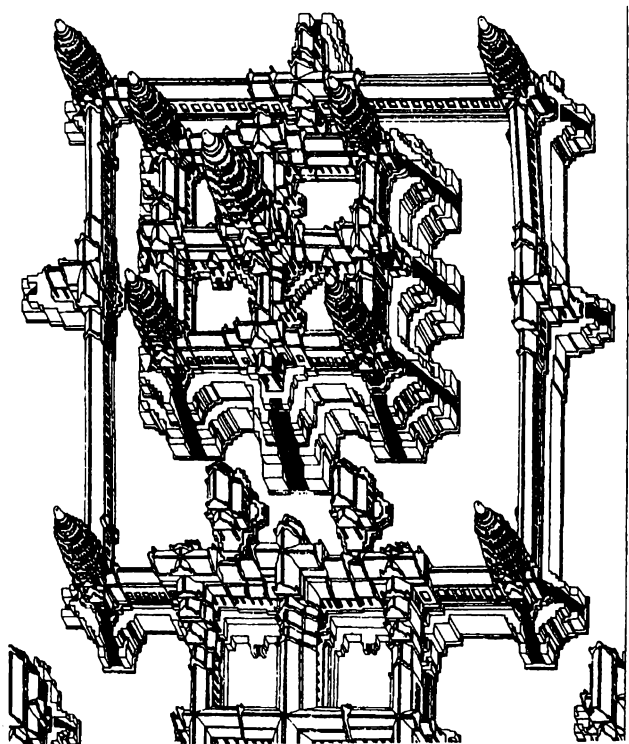
со стилистической вседозволенностью, что свидетельствует о том, что безжизненная окаменелость фигур не была в полной мере присуща этому периоду (хотя объяснения этому феномену найти пока не удалось). Впрочем, не подающая признаков жизни окаменелость к середине века постепенно смягчается, и фигуры Авалокитешвар храмов при постоянных дворах приобретают более непринужденные формы, а их лица становятся умиротворенными и открытыми.

Архитектурные законы диктовались **Ангкор Ватом**, который весьма **отличался от всего того, что было построено** ранее. Несмотря на то что при проектировании Бафуона были допущены некоторые промахи, они были незаметны благодаря доведенной до совершенства **технологии строительства**. В основе ансамбля лежал **единый** и согласованный до мельчайших деталей **проект** невиданного доселе размаха. Уже при разбивке площадки под строительство учитывалась **динамическая составляющая композиции** всего ансамбля: места проходов, эффект перспективы, бассейны-зеркала, игра света и тени в галереях и т.д. Храм был посвящен **Вишну**, но его форма была переработкой схемы построения шиваитских храмов X века, согласно которой в центре возвышалась пирамида, а по четырем углам возводились башни. Эта схема дополнялась галереями, первоначально построенными в Та Кео, но принявшими свой окончательный вид в Бафуоне. В нарушение всех существовавших правил трехъярусные входные павильоны пирамиды были возведены без надстроек, чтобы ничто не мешало созерцанию центральной башни, вознесшейся на высоту шестидесяти метров. Бесчисленные фронтоны и украшенные фигурками и узорами ригели, равно как барельефы длинных галерей и их угловых павильонов, превратили храм в огромный **фолиант**

художественных образов, заимствованных как из Рамаяны, Махабхараты и пуран, так и из хроник, прославлявших короля-созидателя. Никогда прежде такое обилие иллюстраций в камне не было собрано в одном месте. Что касается технологии строительства, то она достигла совершенства как в гармоничном соотношении пропорций, так и в безупречном качестве каменной кладки.

Бенг Меалеа, построенный в середине века, был как бы буддистским ответом Ангкор Вату. Он

*Ангкор Ват (первая половина XII века),
вид с высоты птичьего полета на 2-й и 3-й этажи*

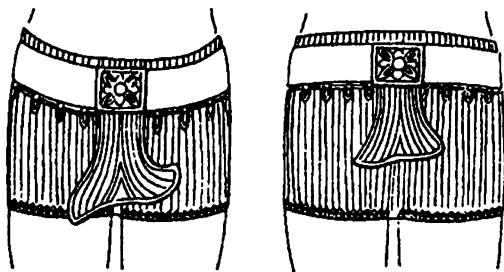

имел несколько иной общий план, поскольку был возведен на ровной местности, а к востоку от него простирался обширный барай. Но даже по оставшимся от храма развалинам можно судить о том, сколь величественно было это сооружение. По его образцу были возведены все храмы при постоянных дворах. Наделение в целом довольно обычного типа зданий новой функцией (ориентацией на восток и расположением главного входа ограды с северной стороны, где проходила основная дорога) и равномерное размещение по территории всей страны, несмотря на их незначительные размеры по сравнению с грандиозными сооружениями, свидетельствуют о проектировании зданий по строгому плану.

Во время правления Джайявармана VII в наибольшей степени ощутимо единение монарха с искусством своего времени.

Но это соответствие не ограничивалось только тем, что король был главным заказчиком. Поэтому часто ученые небезосновательно употребляют выражение «искусство Джайявармана VII».

Когда заходит речь об архитектуре или скульптуре, то может сложиться впечатление, что уже ничто или почти ничто не могло быть таким, как было раньше, и **началось полное обновление форм, чувств, лиц и даже самого определения творческой деятельности.** Относительно последнего замечания напомним, чтобы к этому больше не возвращаться, что между скульптурой и архитектурой существовало слияние, о чем свидетельствуют башни с ликами, и оно касалось не только формы, но и содержания, поскольку храм стал реальным воплощением бога на земле. Обновление форм отразилось в **изображении мужских образов**, которым придавалось приоритетное значение: изначальная массивность и тяжеловесность мужских статуй постепенно сменяется легкостью, изяществом и едва неуловимой

*Плиссированная мужская одежда с отделкой
(искусство Джайявармана VII, конец XII века)*

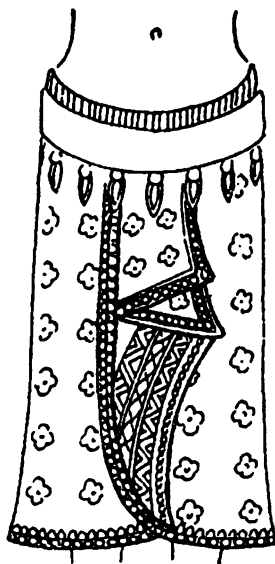
улыбкой на лицах, с появлением которых исчезает приблизительное изображение ног и обобщенный характер деталей одежды (в большей степени выгравированной, чем изваянной) или прически, по которой трудно понять, то ли это локоны, либо грубо стилизованные пряди волос, либо головной убор из ткани. **Пренебрежение формой** было присуще и архитектуре: прямоугольный план ансамблей, преобладавший в кхмерской архитектуре, становится чисто виртуальным; вместо капитальных стен возводятся облегченные, покрытые штукатуркой перегородки, отклоняющиеся от вертикальной линии, между которыми нет прямых углов; и только мысленное восстановление прямоугольного чертежа позволяет понять планировку здания.

Когда сталкиваешься с искусством Джайявармана VII, неминуемо возникает мысль о **повторении или, скорее, становлении «серии» художественных образов**. Подобные явления не раз встречались в кхмерском искусстве, но раньше они выражались в повторении относительно простых элементов (ярких деталей, коньковых гребней и т.д.). Теперь же явление приобретает совершенно иной характер: создается впечатление, что статуя отныне является всего лишь одним из «экземпляров» целой серии абсолютно идентичных образов, на-

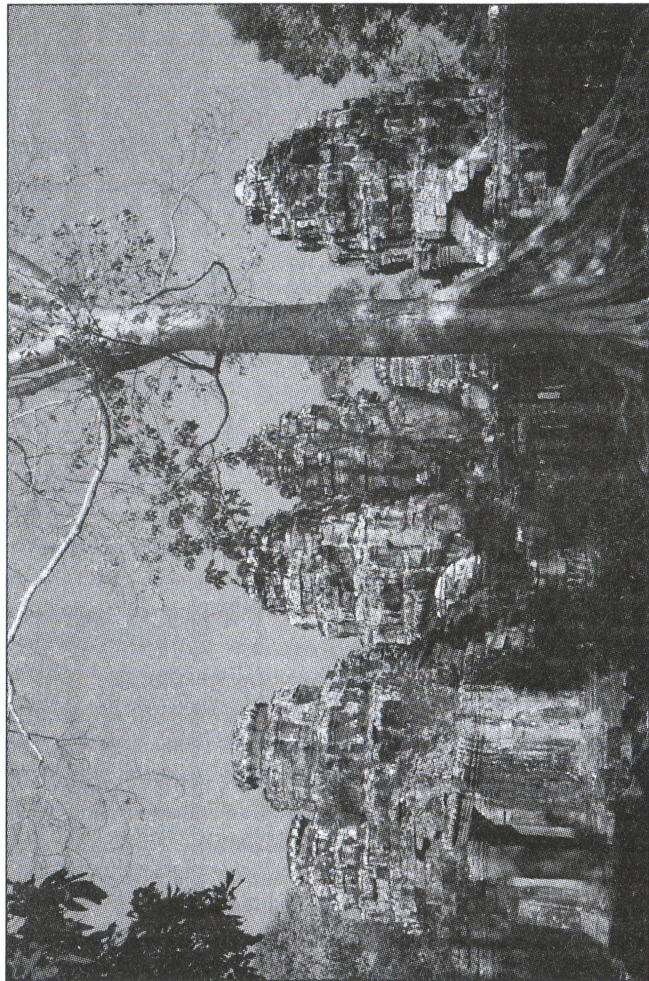

пример, таких, как изображения стоящего Авалокитешвары с четырьмя руками, или Будды на наге, или четырехрукого Вишну. В архитектуре это явление отразилось не только в формах храмов при постоянных дворах и лечебницах, но и в башнях Байона с ликами, чьи незначительные различия вряд ли следует считать опознавательными иконографическими признаками.

Часто Джайяварману VII приписывают **гигантоманию** или **чрезмерную амбициозность**. Это подтверждают и многочисленные свидетельства. Вопрос лишь в том, является ли стремление к гигантским размерам особенностью гениального политика или симптомом психически неуравновешенного человека? В скульптуре это явление проявилось в возврате к статуям больших размеров высотой от трех до четырех метров, преданных забвению с момента оставления Кох Кера, примерами чему являются статуи восьмирукого Вишну из Ангкор Вата или скульптуры Авалокитешвары лучезарного из Пном Дей. В области архитектуры это явление выразилось в стене вокруг Байона, окружавшей весь город, комплексе Прах Кхан, который дополняют ансамбли Та Прохм, Бантеай Кдей, Бантеай Чмар и т.д. Во всех областях изобразительного искусства эти проекты по

Юбка из вышитой ткани
(искусство Джайявармана VII, конец XII века)

*Храмовый
архитектурный
ансамбль
Бантеай Кдей*

своей грандиозности были сопоставимы с масштабами кхмерского королевства, которое, напомним, никогда прежде не было и больше не будет таким огромным, как в то время.

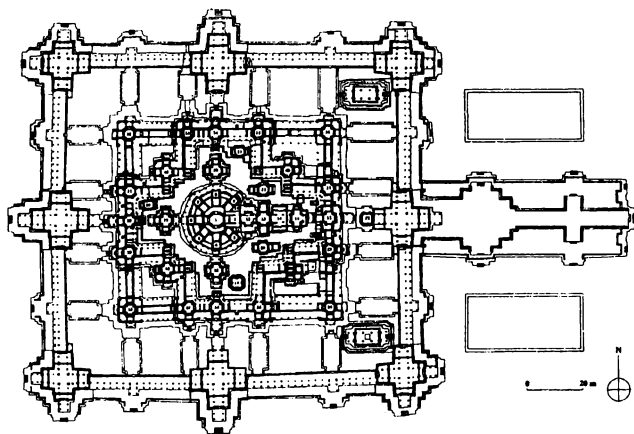
В заключение можно сказать, что **искусство Джайявармана VII**, как никакое другое, **носило на себе отпечаток личности монарха**. Все в нем было проникнуто его духом. Доказано, что различные статуи-портреты короля соответствовали разным периодам его жизни, и скульпторам удалось передать следы, которые время оставило на его лице. Поэтому нет никаких сомнений относительно того, что во всех мужских скульптурных портретах той эпохи просматриваются черты короля. Оба процесса проходили одновременно: в первом случае шла речь о том, чтобы приблизить монарха к народу, отразив в его скульптурных портретах, как меняется с течением времени его внешний облик, тогда как во втором видно стремление к тому, чтобы присутствие короля ощущалось повсеместно, для чего нужно было придать бесчисленному и разнообразному пантеону скульптурных портретов черты монарха. Тот факт, что во множестве женских скульптур той эпохи проглядывают черты худощавого лица его супруги Джайяраджадеви, только подтверждает эту мысль.

ЗАКАТ КХМЕРСКОГО ИСКУССТВА

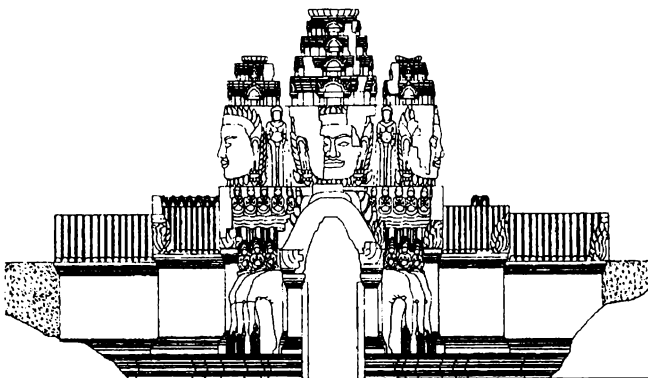
Несомненно, что после смерти Джайявармана VII в Камбодже больше никогда не велось столь широкомасштабных строительных работ. Однако архитектурное строительство в той или иной степени продолжалось до XIV столетия. Так, в течение XIII столетия были пристроены несколько помещений к Байону (например, «библиотеки») и появились не имеющие точной датировки новые

барельефы во внутренних помещениях. В других местах перестройка (по крайней мере, частичная) затронула храмы комплекса Прах Питху к северо-востоку от Королевского дворца и несколько других сооружений подобного типа, где из бывшего в употреблении строительного материала (камня) были возведены небольшие однообразные строения, декор которых повторял мотивы украшений сооружений предыдущих эпох. Датировку и окончание срока строительства этих зданий еще предстоит определить, а на данный момент они представляют интерес, потому что свидетельствуют о сохранении архитектурной активности в Ангкоре после 1220 года. Немного известно о том, как развивалось строительство вне Ангкора, но несомненно, что на северо-востоке современного Таиланда были разбиты несколько строительных площадок для возведения храмов при лечебницах, но в самый разгар строительства работы были внезапно прекращены. Еще меньше ясности относительно менее типичных сооружений (например, Лопбури в Таиланде).

Байон, государственный храм Джаявармана VII

Восточные ворота Ангкор Тхома (западный фасад)

Относительно же скульптуры вообще ничего не известно. Не вызывает сомнений только то, что после смерти Джаявармана VII больше не появляются статуи, относящиеся к буддизму толка Махаяны. Из-за недостатка сведений невозможно отнести к данной эпохе как брахманские скульптуры, которые могли иметь отношение к храмам, о которых мы уже упоминали, так и то или иное изображение Будды толка Тхеравады.

МУЗЫКА И ТАНЦЫ

Как и в Индии, наивысшего расцвета музыка и танцы в Камбодже достигли в рамках проведения религиозных церемоний. Однако некоторые сведения свидетельствуют о том, что при дворе служили танцовщицы и музыканты, в совокупности представлявшие собой то, что в более поздние времена было принято называть «королевским балетом». Так, в конце XII века королева Джаярадха-деви осуществила постановку сценических представлений на буддистские сюжеты, роли в которых исполняли ее собственные танцовщицы.

Музыка и танец впервые упоминаются в надписи начала VII века, в которой перечисляются дары, поднесенные сановниками различным божествам. В списке упоминаются многочисленные «рабы», среди которых было семь танцовщиц, одиннадцать певиц, одна женщина, игравшая на лютне (*вина*), и три женщины, игравшие на струнных музыкальных инструментах, которые не удалось идентифицировать. Эта надпись интересна тем, что она свидетельствует об **уважении, которым пользовались в Камбодже музыканты**: имена танцовщиц, певиц и женщин-аккомпаниаторов были санскритскими и в целом довольно лестными («Очаровательная», «Высокогрудая», «Сладостная», «Благоуханная», «Дружелюбная» и т.д.), в то время как имена почти всех остальных рабов были кхмерскими и уничижительными. Появившийся одновременно с первыми изображениями «музыкальных сцен» на ригелях в Самбор Преи Кук, этот текст положил начало множеству надписей, просуществовавших до конца ангорского периода, в которых говорилось как о буддистских, так и о брахманских храмах (мы уже отмечали, что в конце XII века 1000 танцовщиц были приписаны к храму Прах Кхан, посвященному Авалокитешваре). Во второй половине XI столетия существовала «корпорация» (варна) танцовщиц, на одну из членов которой была возложена ответственность за всех дворцовых женщин (см. Корпорации, гл. III). Что касается музыкантов, то если в надписях упоминаются, как правило, женщины, то на изображениях «музыкальных сцен» часто фигурируют мужчины.

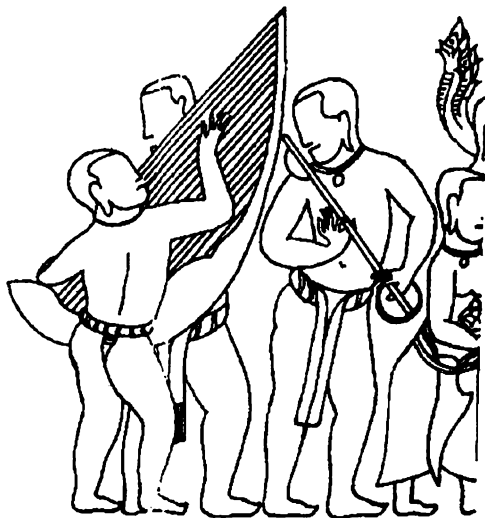
Кхмерские **музыкальные инструменты** изображены на всевозможных рельефах и перечислены в надписях, но не всегда удается совместить оба источника. Самыми многочисленными были **ударные инструменты**: небольшие кимвалы (соединенные

шнурками), разнообразные гонги, в которые били колотушками; иногда их подвешивали к носилкам (они были разных размеров и часто прикреплялись попарно); существовали и связки маленьких гонгов, прикрепленных к каркасу, который держали в руке. Подобные этим инструментам колокольчики вертикально подвешивались на шнуре, в них тоже ударяли колотушками. Существовали разнообразные виды барабанов, как правило, с двумя мембранами, которые носили через плечо. Что касается **струнных музыкальных инструментов**, то к ним относилась изогнутая арфа. Она была единственным ангорским музыкальным инструментом, преданным впоследствии полному забвению, в связи с чем ее иногда считали музыкальным инструментом иностранного происхождения. К струнным музыкальным инструментам относилось также некое подобие «скрипки» с одним или двумя калебасами¹; в некоторых случаях они были однострунными, хотя в Байоне имеется изображение женщины, играющей на струнном инструменте без резонансного корпуса, который напоминает бамбуковую цитру горных племен, живущих ныне в Кардамоновых горах. Этот же музыкальный инструмент держит в руках танцующий Шива (изображение XI века). К **духовым музыкальным инструментам**, наряду с трубами и раковинами, о которых мы уже говорили по поводу военных оркестров (см. Вооружение кхмерских воинов, гл. III), относились и небольшие гобои, сохранившие свою форму до наших дней.

О **танце** в древней Камбодже известно очень мало. Как и в Индии, термином «танец» охватывалось все театральное искусство. В надписях как на кхмерском языке, так и на сан-

¹ Калевас — сосуд, сделанный из плода калевасового дерева или бутылочной тыквы, в данном случае служил корпусом «скрипки» (*примеч. пер.*).

Арфист и «скрипач», играющий на скрипке из калевасового дерева (барельеф из Байона)

скрите это слово одновременно обозначает танцоров и актеров. Что касается непосредственно самого танца, то, в отличие от Индонезии, где 108 поз Шивы изображены в Прамбанане, в Камбодже пока не найдено чего-либо подобного. Что же касается бесчисленных танцовщиц, изображенных на стенах храмов, то они, как правило, представлены в стереотипных и однообразных позах. То же самое можно сказать и об изображениях танцующих божеств, будь то Шива, Хеваджра или сопровождающие его йогины.

IX

ЖИЗНЬ КХМЕРОВ

Можно предположить, что камбоджийские брахманы, а под их влиянием и члены королевских семей сумели в той или иной степени организовать свою жизнь в соответствии с индийскими религиозными канонами, согласно которым весь ритм их жизни от момента зачатия до смерти подчинялся строго определенным обрядам. Однако подтверждений этому практически не встречается ни в надписях, ни в том описании, которое нам оставил Чжоу Дагуань. Но когда читаешь его записки, создается впечатление, что эти ритуалы были обязательны лишь для лиц благородного происхождения и не затрагивали остальную часть населения королевства. Зато в записках содержится намек, что изменения служебного положения требовали обязательного проведения некоторых из этих обрядов. **О частной жизни кхмеров практически ничего не известно.** Отдельные сцены на барельефах, на которых, например, изображено небольшое семейство, сопровождающее армию в походе, свидетельствуют о том, что семье как ячейке общества уделялось в древней Камбодже большое внимание. Но это и все, что известно о семье. **Кхмерские города — даже столица — были большими деревнями,** а самые большие из них — **скоплениями деревень,** в которых каждый жил в той или иной степени обособленно. Города располагались, как правило, вокруг храмов и поблизости от водоемов. О том, как

протекала жизнь в сельской местности, ничего не известно, но жилища сельских жителей не должны были сильно отличаться от домов горожан, часто изображаемых на барельефах. В каждом сельском храме отмечались местные праздники, проходившие менее пышно и торжественно, чем столичные празднества. **Особая роль отводилась лесу:** множество людей охотились и передвигались в нем, что привлекало внимание скульпторов, ваявших барельефы сцен передвижения в лесу армейских отрядов или морских сражений, почему-то часто располагавшихся над изображениями городской жизни.

Наконец, присутствие власти в повседневной жизни кхмеров проявлялось не только в весомом **налоговом бремени** или наличии **органов управления**. Некоторые монархи стремились показать себя «добрыми королями», считая своим долгом заботиться о **здоровье** и **образовании** своих подданных, и организовали густую сеть лечебниц и образовательных учреждений по всей стране.

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ОТРОЧЕСТВА

Если верить Чжоу Дагуаню, рождение ребенка для матерей было несложным делом, после которого они быстро возвращались к активной жизни благодаря высокому уровню медицинского обслуживания. Матерями часто становились в весьма юном возрасте, поэтому в двадцать или тридцать лет кхмерские «женщины выглядели как сорокалетние китайки». Что касается ребенка, то свои первые годы жизни он проводил на руках у матери или, скорее, сидя на ее бедре, как и в наши дни. На барельефах Байона мы видим покупателей на рынке или сопровождающих армию носильщиц с младенцами на руках, в то время как отец нес на плечах или вел за руку старшего ребенка. В списках

Повседневная жизнь кхмерской деревни. Барельеф из Байона
рабов или слуг женщины всегда перечислялись с детьми, среди которых отдельно выделялись «младенцы» и те, кто «мог самостоятельно передвигаться»: первые сидели на бедре у матери, вторых вели за руку. **Обязательные упоминания о детях или их демонстрация весьма показательны**, а маленькая девочка (дочь Джайявармана VII?), изображенная в образе Праджнапарамиты, может являться чем-то вроде образа девочки-королевы, даже если очевидно, что ее судьба сложится совершенно иначе, чем у ее ровесников на рисовых плантациях, достигших возраста, когда они могли самостоятельно передвигаться.

В подростковом возрасте мальчики начинали самостоятельную трудовую жизнь: они были «пастухами и ухаживали за животными», а их имена отдельно вносили в списки людей, занятых на рисовых плантациях. Но некоторые из них в этом возрасте обучались в монастырях или ашрамах (см. ниже: Образование). В период отрочества с принцами начинал заниматься их духовный наставник, который, как правило, оставался главным советником будуще-

го монарха на протяжении всей его жизни (см. Сановники, гл. III). По словам Чжоу Дагуаня, детство для девочек заканчивалось процедурой лишения их девственности, которая осуществлялась буддистским монахом или шиваитским жрецом. Этот обряд проводился ежегодно, его дата устанавливалась властями, а приглашенный монах или жрец получал весьма значительное вознаграждение, а также право на получение выкупа за девочку, ставшую его собственностью. Впрочем, ни одна надпись не упоминает об этом ритуале.

БРАК, СЕМЬЯ И ФЕМИНИЗМ

Хотя Чжоу Дагуань и признает, что на свадьбу молодым дарили богатые подарки, брак в Камбодже, по его мнению, являлся простой, не имеющей значения формальностью. Браки часто заключались в раннем возрасте и легко расторгались без каких-либо сложностей для обеих сторон. Нет никаких сведений относительно того, каким образом между будущими супругами завязывались отношения. Обычно невесту «вручали» жениху, но в одном тексте XI века говорится о том, что одна девушка сделала предложение своему будущему супругу. Такая форма заключения брака была присуща индийской традиции, хотя вполне допустимо, что речь может идти об исключительном случае, поэтому о нем и упоминается в надписи. **Супружеская верность** приветствовалась, поскольку **превозносились в панегириках, посвященных королевам и другим женщинам**. В Ангкор Вате некоторые изображения мук ада на барельефах галереи сопровождаются надписями, в которых поименно указаны те, кто совершил прелюбодеяние с супругой гуру (в соответствии с индийской традицией, это один из пяти смертных грехов) или с женой друга. Среди знати была широко распространена полигамия. У монарха, кроме много-

Семья путешествует (барельеф Байона)

численных сожительниц, было по несколько жен-королев, среди которых всегда была «первая королева», которую называл сам король. Принцип иерархии жен существовал и в среде сановников, хотя когда в правление Джайявармана VII две родные сестры были «отданы» в жены одному высокопоставленному религиозному деятелю, между ними не существовало какой-либо разницы.

Семьи были, по всей видимости, многодетными. В тексте XI века возносится хвала одной «верной» супруге главы округа и уточняется, что украшала ее «благовоспитанность богини», и она произвела на свет пятерых мальчиков и трех девочек. В этом же тексте перечисляются достоинства ее сыновей, тогда как девочек обходят молчанием, что свидетельствует **о разном отношении к детям в зависимости от их половой принадлежности.** Это подтверждается надписью из Пимеанакаса,

посвященной памяти одной из самых почитаемых женщин в истории Камбоджи, Джайяраджадеви, первой супруги Джайявармана VII. Надпись гласит, что она «воспитывала как своих собственных дочерей около сотни несчастных девочек, от которых отказались их матери». Добавим, что старшая сестра Джайяраджадеви, ставшая королевой после ее смерти, тоже была неординарной женщиной и, видимо, яркой феминисткой. Когда король назначил ее «главным учителем» буддистской теологии, она стала обучать религиозным премудростям исключительно женщин и всегда была так «добра к возлюбленным короля и своим ученицам, как будто была инкарнацией “Богини знания”».

Если девочки несколько «обесценивались» и воспитывались в условиях, отличающихся от тех, в которых росли мальчики, то после их замужества все кардинально менялось. Вспомним, к примеру, замечание Чжоу Дагуаня о той роли, которую играли женщины в торговле (см. гл. IV). Однако ничуть не меньшую роль они играли в совершенно иной сфере, а именно при передаче власти. Мы уже говорили о матрилинейном характере близких к королевской семье династий сановников. Согласно надписи начала XI века в одной семье из-за отсутствия наследников мужского пола некоторые наследуемые религиозные обязанности выполняли женщины. И далее в надписи уточняется, что эта возможность предоставлялась всем женщинам и девочкам, вне зависимости от достижения последними брачного возраста.

СТАРОСТЬ И СМЕРТЬ

В древней Камбодже особым почтением пользовались старые люди. В каждой деревне существовал свой «совет старейшин» (*грамаврджхи*), к которому обращались в случае возникновения земельных спо-

ров. Но со старостью приходило и время ухода от мирских забот: пещеры и скиты ждали отшельников. Как, например, того старика, поселившегося в пещере горы Пном Кулен, о котором в посвященном ему панегирике с восторгом говорится, что «для великих людей нет более благородной цели, чем жить подаянием!». Именно об этих лесных отшельниках рассказывают нам изображения на внутренних барельефах Байона.

В древней Камбодже довольно часто встречались долгожители. Наряду с восьмидесятилетним старцем, осуществившим подношение Шиве в виде двух собственных зубов (VII—VIII века), в надписях упоминается лекарь, умерший, по словам очевидцев, «в возрасте 1000 месяцев», или брахман по имени Джайямангалартха, живший в XIII столетии, который был «королем учителей» и умер в 104 года. Не отставали от них и монархи: Джайяварман II прожил более 80 лет, а Джайяварман VII здравствовал не менее 93 лет, поскольку он родился около 1225 года, а в 1318 году все еще находился у власти.

Смерть обозначалась многими выражениями, сводившимися, чаще всего к двум широко распространенным в Индии формулировкам освобождения и ухода на небо. Когда умирал король, принято было говорить, что он ушел на небо, а его посмертное имя было образовано от названия того светила, которым правил избранный им бог. Но это выражение применялось и в отношении других людей. Так, в надписи конца XI века говорится о короле и сановнике из его окружения, которые поочередно «отправились на небо». Отдельные дополнения иногда подчеркивали обожествление почившего монарха или преемственность династии: так, в надгробном слове Джайяварману VI говорится, что этот король «принял божественный облик» и «последовал на небо вслед за предками своего старшего брата».

И эти два замечания весьма важны для основателя новой династии, в котором могли бы заподозрить самозванца. Горе близких иногда выражалось в необычайно пафосной форме: пример тому панегирик Индрадеви своей сестре Джайяраджадеви, — а страдания, описываемые в эпосах, являются одной из популярных иконографических тем, например, оплакивание царя обезьян Валина его женой, или причитания обезьян, когда Раму и Лакшману «схватили наги смерти», которых Гаруда не успел обратить в бегство.

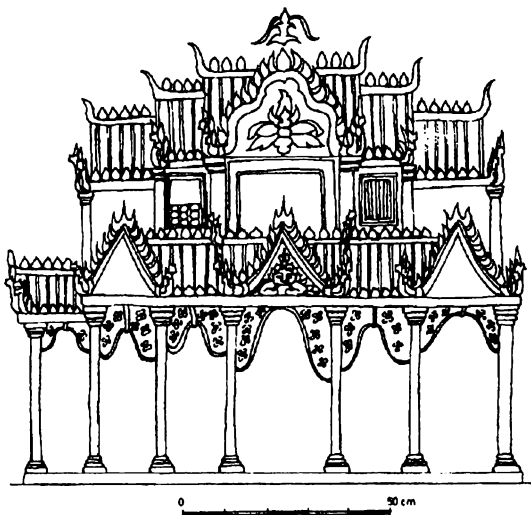
Кхмерские погребальные обряды вызывают немало вопросов, особенно это касается проведения похорон королей. Что касается простых людей, то обширный некрополь, обнаруженный в 1960 году в Ангкоре, свидетельствуют о том, что все они кремировались, а их пепел впоследствии собирался в сосуды, которые захоранивались. Однако, по словам Чжоу Дагуаня, тела выставлялись на съедение диким животным, а «с недавних пор» потомки выходцев из Китая начали применять сожжение. Что же касается монархов, то, не вдаваясь в подробности дискуссий, краткий смысл которых выражен в названии одной главы («Храмы или захоронения?») из книги Ж. Кёдеса *«Чтобы лучше понять Ангкор»*, можно сказать следующее: их останки после кремации (или высушивания) помещались в каменные резервуары, которые могли размещаться в любом месте государственного храма почившего монарха. Все это соответствует тому, что говорит Чжоу Дагуань: «умерших монархов хоронили в башнях, но я не знаю, предавали ли земле их тела или только кости». Добавим, что многочисленные каменные резервуары в Ангкоре не обязательно были саркофагами: в некоторых из них хранили масло, как это было принято в индийских храмах.

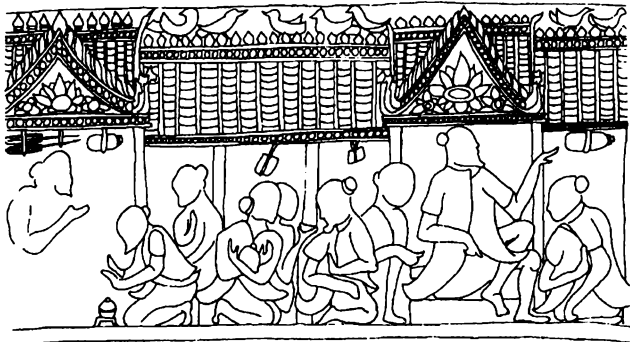
ЖИЛИЩЕ КХМЕРОВ

Чжоу Дагуань отмечал, что дома, в которых жили кхмеры, подчинялись строгой субординации. Он сообщает, что жилища простого народа «были покрыты исключительно соломой», но умалчивает о том, что **обычный камбоджийский дом возводился на сваях**. Именно эта особенность отличала его от китайского дома, который **строился непосредственно на земле**. И тот и другой вид строений изображены на стенах Байона, что свидетельствует о наличии преемственности между ангорским периодом и современной Камбоджей.

В дом поднимались по довольно крутой лестнице, которая приводила на нечто, напоминающее помост, окруженный, видимо, перилами. Наверху спали, принимали гостей или предавались спокойным занятиям, например игре в шахматы. На окнах были шторы, подобные тем, что изображены на ложных

Кхмерский дом на сваях (барельеф из Байона)

*Китайский дом, построенный непосредственно на земле
(барельеф из Байона)*

окнах храмов. Вместо дверей были занавеси, которые завязывали узлом, чтобы в помещение проникало больше света. Что касается крыши, то здесь была вотчина домашней птицы. Жизнь протекала также и на земле возле лестницы, между сваями и вокруг дома. Именно здесь готовили пищу, искали друг у друга вшей, играли с детьми. Под лестницей стоял закрытый крышкой глиняный кувшин с питьевой водой и кружкой для хозяев и прохожих. Вокруг росло несколько деревьев, например папайя, и такие долгожители, как манговое дерево, кокосовые и арековые пальмы.

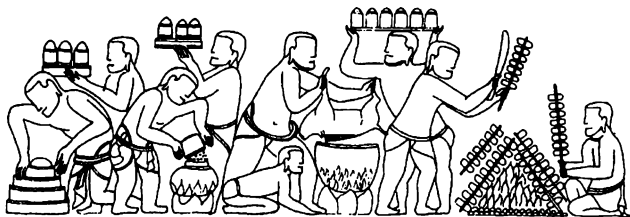
ПИЩА КХМЕРОВ И ЕЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ

Кхмеры готовили пищу исключительно на земле. Они ее варили на небольших терракотовых печах (используя древесный уголь?), на которые ставили котел или чугунок. Рис перетирали женщины, но, судя по барельефам Байона, мужчины засыпали его в стоящий на огне котелок. Именно мужчины

занимались приготовлением пищи как в повседневной жизни, так и в храмах. Подтверждают последнее замечание списки рабов и других служащих, в которых среди поваров упоминаются исключительно мужчины. Рядом с печью, на которой варили рис, составлявший основу питания кхмеров, стояла еще одна, на которой в большом котле варили целиком либо кабанчика, либо олененка. Повсеместно использовался способ жарки мяса на шампурах, на которые, располагая их пирамидой вокруг живого огня, нанизывали куски мяса или маленькие бананы. На барельефах Байона не видно рыбы (хотя мы ее видим в изображении рыночной сцены на прилавке торговли), птицы (но петушиные бои свидетельствуют о ее существовании) и овощей. В надписях говорится, что их выращивали в садах; видимо, их варили вместе с животными в больших котлах.

Судя по сценам, изображенным в Байоне, прием пищи носил самый непринужденный характер: двое, трое или даже четверо приглашенных сидели вокруг блюда, куда каждый запускал свои пальцы. Это совсем непохоже на раздельное питание индийцев, опасавшихся быть оскверненными нечистым соседом (хотя некоторые шиваиты в XIII веке в Ангоре предпочитали питаться в одиночестве). Слуги сновали с подносами, на которых стояли корзиночки, прикрытые круглыми крышками, своим видом напоминающие те, которые в наши дни распространены в Лаосе и у горных племен (в них содержится клейкий рис). **Алкоголь за столом не употребляли**, хотя Чжоу Дагуань перечисляет несколько видов алкогольных напитков. Среди них было нечто вроде рисового пива: его пили из глиняных кувшинов через длинную соломинку, как это изображено на рельефах Ангкор Вата. Этот обычай недолго продержался среди населения, проживающего на равнинах, но у горных

*Кухня (справа налево): мясо на шампурах, кабачки, рис
(барельеф из Байона)*

племен он все еще популярен. Что касается редких упоминаний об алкоголе в надписях, то его употребление резко осуждалось.

ГОРОД

Для простых смертных кхмеров город — это прежде всего **рынок**. Судя по изображениям в Байоне, он был всегда шумным и многолюдным: наряду с торговцами и покупателями здесь можно было встретить говорливых китайцев, акробатов и других актеров уличных балаганов (см. ниже: Досуг). Торговцы, как правило, сидели на корточках под зонтами на невысоких помостах, служивших одновременно прилавком, а разложенный на них товар находился на удобной для покупателей высоте. Продовольственные товары приносили на рынок в корзинах, подвешенных на коромысло, которое носили на плечах, а товар взвешивали на весах, представлявших собой равноплечное коромысло с подвешенными чашками.

Внутри городских стен Ангкор Тхома люди передвигались по каналам, которые проходили вдоль главных улиц в направлении пяти городских ворот, и большей частью вдоль сети улиц, о которых нам ничего не известно. По словам Чжоу Дагуаня, редко выпадал случай увидеть шествие короля,

поскольку монарх выбирался из своего дворца не более четырех-пяти раз в год. Он шествовал в сопровождении нескольких тысяч человек. Китайца поразило количество и разнообразие обязанностей, исполняемых членами его свиты: от трехсот до пятисот женщин несли светильники, к ним прибавлялись носильщицы королевских регалий и женское воинское подразделение, осуществлявшее охрану дворца. Что касается сановников, то они шли рядом с королем, на каждом из них была надпись с указанием его имени, а число зонтов, которые несли над ними, соответствовало его рангу. Разумеется, больше всех зонтов было у короля. Если пышные королевские шествия были большой редкостью, то в городе часто можно было встретить сановника верхом на слоне или его жену в паланкине. Паланкин подвешивался к носилкам изогнутой или прямоугольной формы и, как рукоятки зонтиков, свидетельствовал о ранге его владельца. (см. Государственный аппарат королевства, гл. III). Часто толпы народа заполняли площадь перед Королевским дворцом, где проводились многочисленные праздничные торжества, или стекались к бассейнам, где устраивались столь любимые кхмерами совместные купания.

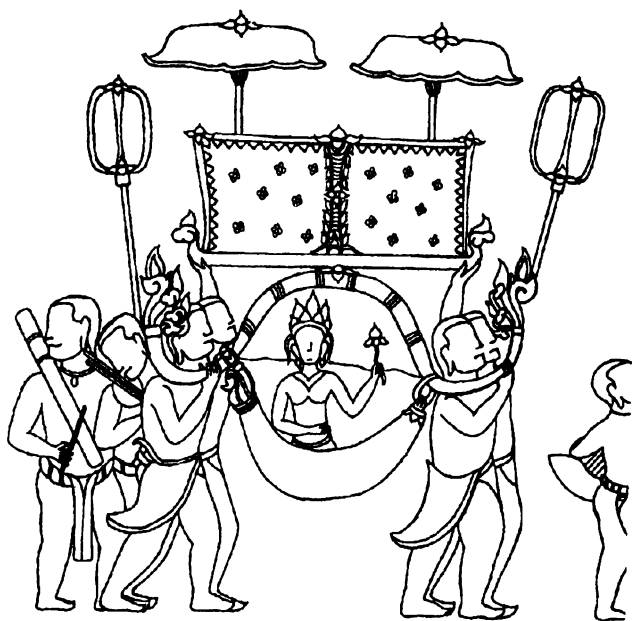
ЛЕС В ЖИЗНИ КХМЕРОВ И ПУТЕШЕСТВИЯ

Как и в наши дни, большая часть Камбоджи в древности была покрыта лесами. Поэтому неудивительно, что им отводится такое большое место на барельефах Байона и на стенах угловых павильонов Ангкор Вата. В лесах всегда царило оживление: через них проходили путешественники, армии, иногда сражавшиеся друг с другом. Но в первую

очередь они были **вотчиной диких животных и охотников**, а также **лесных отшельников**. Однако барельефы Байона рассказывают и о том, что в лес отправлялись плотники, чтобы вытесать с помощью топоров и тесел сваи и балки для строений или половые доски.

Если кхмеры не перемещались по лесу пешком, то ездили на **слонах** или их переносили на **носилках** (это касается кхмерской знати), либо ездили на **телегах**. Они были двухколесными, в них впрягалась пара быков или буйволов. Как и сегодня, их изготавливали без единого гвоздя, что при поломке позволяло найти на месте запасную деталь. Колеса телег были достаточно высокими, чтобы проходить по глубоким колеям, а нечто вроде тормозных

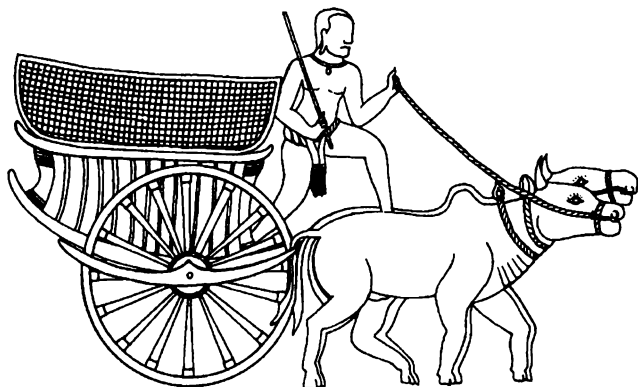
Паланкин (барельеф из Байона)

полозов, установленных по бокам, помогали преодолевать непролазную грязь или зыбучий песок. Над корпусом повозки иногда устраивали круглый навес, защищавший от солнца или дождя; возница сидел на корточках впереди, а иногда правил стоя, опираясь ногой на дышло. На отдых останавливались здесь же, в лесу, где сразу приступали к приготовлению пищи. Но, как мы успели заметить, вдоль основных дорог стояли **остановочные пункты** и ашрамы, построенные по личной или королевской инициативе. Напомним, что по правилам этих заведений гостей принимали в зависимости от их религиозных и иных заслуг; кроме того, посетители обязаны были безукоризненно соблюдать все положенные нравственные нормы. Что касается частоты возведения в XII столетии специальных строений для отдыха короля на дороге, соединяющей Ангкор и Прах Кхан с Компонг Свай, то их строили приблизительно через каждые двадцать километров, что соответствовало расстоянию, которое преодолевалась за день повозка.

Лесная **охота** была для кхмеров делом привычным. Они охотились с помощью луков, арбалетов, а иногда и духовых трубок. На крупную дичь типа кабанов выходили с рогатиной. Дичь в лесах водилась самая разнообразная: от прекрасных павлинов до серых журавлей, от обезьян до оленей самых разных видов, и, конечно, были там и такие хищные животные, как тигры и другие. Нельзя не упомянуть о слонах. К удовольствию охоты на них, которой особенно увлекался Джайяварман III, примешивалась забота о поддержании их поголовья, необходимого для экономики, армии и укрепления авторитета короля и окружавшей его знати.

Все эти животные жили бок о бок с коренным населением лесов, в первую очередь **дикими племенами**, представителей которых редко изображали на

Повозка (барельеф из Байона)

барельефах. Однако при удобном случае дикарей отлавливали и обращали в рабство (см. Рабы и слуги, гл. III). Они выращивали сельскохозяйственные культуры на гаревых участках и собирали разного рода дары леса, которые меняли на товары у посещавших их городских торговцев. Здесь же группами или поодиночке проживали **лесные отшельники**, которые обучали, учились сами и медитировали в скитах или под деревьями горных лесов, которые они предпочитали всем остальным, о чем свидетельствуют надписи в Ват Пху, датированные VII веком (см. Мир слугителей культа, гл. VI).

ДОСУГ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Религиозных праздников было очень много, они определяли течение всего годового цикла. Помимо того, что эти празднества носили религиозный характер, они еще были поводом для организации красочных представлений с иллюминациями и петардами, например на Новый год, или массовых народных игр, популярных по сей день: игры в мяч, плавания по земле (см. Празд-

ники, гл. V). Как в одном, так и в другом случае речь в большей степени шла о том, чтобы предоставить публике развлечения, ритуальный подтекст которых был второстепенным. То же относится и к другим коллективным играм, изображенным на одной из стен террасы Прокаженного короля, например к игре в поло, где наездники на слонах играют клюшками в мяч. Эта игра, несомненно, была одним из неперенных элементов празднеств, проводимых по случаю коронации, или иных торжеств.

По будням проходили представления уличных балаганов. На барельефах Байона наряду с прилавками торговцев изображены акробаты, жонглеры, канатоходцы... На них мы видим петушинные бои, а вокруг — китайцев, видимо, делающих ставки. В подобных представлениях участвовали и более крупные животные: рядом с петушиным боем изображен бой между двумя кабанами (или бульдогами?), которых натравливали друг на друга. По словам Чжоу Дагуаня, торжества по случаю некоторых праздников сопровождалась проведением боев между слонами. Не отставали и борцы. Когда смотришь на изображения их поединков в Байоне, то понимаешь, что это были настоящие профессионалы: их атлетическое телосложение резко выделяется на фоне окружающих их простых тщедушных смертных, а одежды (скрученная на талии и пропущенная между ног ткань) напоминают форму борцов сумо. Их могучая стать намного превосходит фигуры на знаменитой скульптурной группе из Кох Кера, где гораздо более миниатюрными борцами изображены Шива (в образе Кираты, то есть лесного человека) и король Арджуна. Бокс (*муштиюддха*, букв. «кулачный бой») на барельефах Байона не замечен, но о нем говорится во многих надписях X века. В одной из них рассказывается, что боксеры организовывали нечто вроде профессиональных союзов (в данном

случае говорится о шести членах этого союза, замешанных в одном запутанном деле о неуплате денежного долга); в другой упоминается об организации боксерского турнира, условия проведения которого непонятны.

С особым почтением относились кхмеры к воде, что выражалось, кроме всего прочего, в их любви к совместным купаниям, которые шокировали Чжоу Дагуаня. Но на барельефах Байона показана еще одна форма развлечений, имеющая отношение к воде: наряду с морскими сражениями между кхмерским и чамским флотами на них неоднократно изображаются водные прогулки, где какой-нибудь сановник, принц или принцесса восседают на корабле под элегантным балдахином в окружении небольшой свиты. Эти мирные прогулки совершались по большим и спокойным водным пространствам, какими могли быть бараи Ангкора или бассейны меньших размеров, например Срас Сранг с построенной Джайяварманом VII на его берегу роскошной пристанью.

Судя по изображениям на барельефах Байона, **огромной популярностью пользовалась игра в шахматы**. Однако самым наглядным свидетельством популярности этой игры являются изображения (наиболее часто они встречаются в начале XII века) знаменитого эпизода из Махабхараты, когда царь Юдхиштхира проигрывает Драупади свою собственную жену, являющуюся одновременно женой его братьев. Но если в тексте Махабхараты говорится об игре в кости, то кхмерские скульпторы постоянно заменяют ее партией в шахматы, полагая, что эта игра выглядит веселее в глазах их современников.

Некоторые брахманы как, например, Яджна-вараха, писали пьесы для театра. Однако неизвестно, о чем в них шла речь, и каким образом

осуществлялась их постановка (см. гл. VII). Вполне вероятно, что в основе их сюжетов лежали мифологические темы. В скульптурных и барельефных изображениях головы некоторых божеств, особенно демонов (асуров), были выполнены в виде театральных масок. Возможно, что в Камбодже, начиная с ангорской эпохи, развивались традиции театрализованного танцевального представления, получившего впоследствии широкое признание, роли в котором исполняли актеры в масках.

К несколько иному жанру принадлежали «песны, написанные по мотивам сказаний о предшествующих воплощениях Будды (джатак)», которые в конце XII века ставила на сцене королева Джайяраджадеви, и роли в которых исполняли «ее собственные танцовщицы». Видимо, они представляли собой настоящие **мистерии, предназначавшиеся для того, чтобы наставить на путь истинный зрителей**, поскольку, как гласят надписи, «они должны были понять, что их (мирские) связи нарушены», и поэтому обязаны принять буддистскую веру. Упоминание о танцовщицах, принадлежащих Джайяраджадеви, свидетельствует о наличии дворцовой балетной труппы, отличающейся от танцевальных трупп, приписанных к храмам. Нам неизвестно, были ли эти представления связаны с буддистскими традициями или воплощали независимые, новаторские идеи кхмеров.

ЗДОРОВЬЕ И МЕДИЦИНА

Под влиянием легенды о неизлечимо больном **«Прокаженном короле»** к больным в древней Камбодже относились с состраданием и сочувствием. Те же уповали исцелиться с помощью Авалокитешвары, чей дар великого врачавателя воспевался иконографией (см. Авалокитешвара, гл. VI). Однако суще-

*Одна из скульптур «Террасы прокаженного короля»
в Ангкор Тхом*

ствовали и реальные лекари, и официальная система здравоохранения, которая, по крайней мере в конце XII века, была весьма неплохо организована и располагала многочисленным персоналом и большими запасами лекарственных средств и продуктов питания.

Первой кхмерской скульптурой, обнаруженной в 1863 году европейскими учеными, была статуя «Прокаженного короля». Она привела в восторг Анри Муо, который зарисовал ее. Статуя изображала бога Яму, вершителя судеб мертвых, но по беловатым следам лишайника на ней ее посчитали изображением героя одной из самых известных кхмерских легенд, с кратким содержанием которой

мы познакомимся ниже. Появление этой легенды вполне естественно в стране, где и в наши дни немало прокаженных (Камбоджа является эндемической зоной проказы).

Во время своей поездки по стране Чжоу Дагуань видел вдоль дорог множество прокаженных, но отметил, что у кхмеров они не вызывали заметного чувства отвращения. У него было собственное мнение по поводу происхождения этой болезни, которую он связывал не с климатическими условиями, как считалось, а с купанием сразу после совершения полового акта. Он полагал, что кхмеры относились к этому заболеванию с сочувствием, потому что ею болел один из их монархов. Им был «Прокаженный король», реально существовавший исторический персонаж, ставший героем легенды. Им вполне мог быть и сам Джайяварман VII.

Записки Чжоу Дагуаня не являются самым древним источником сведений о проказе в Камбодже. Существуют прежде всего несколько надписей, в которых, правда, содержатся лишь указания относительно **приема прокаженных**. Например, согласно своду правил ашрама, построенного в Лолеи Яшоварманом I, прокаженным запрещалось переступать порог этого заведения, тогда как другой текст X века призывает проявлять сочувствие к похитителям подношений, пораженным проказой, лишаями или другими кожными заболеваниями. Однако больший интерес представляют два других свидетельства, на этот раз иконографических. Речь идет о рельефах, на которых изображен человек королевских кровей с обезображенной рукой, которому собираются растереть ногу соком некоего плода округлой формы.

Деформация руки была вызвана так называемой птичьей лапой (поражением локтевого нерва), симптома проказы. Круглый плод был, видимо, **хауль-**

мугрой, которую традиционно применяют в Камбодже для лечения прокаженных. Чжоу Дагуань упоминает этот плод в числе камбоджийских продуктов, которые могли бы заинтересовать Китай. Ж. Кёдес выдвинул гипотезу, что знатный больной был не кем иным, как Джайяварманом VII или, по крайней мере, одним из членов его семьи, заразившимся проказой, что подвигло короля к строительству его знаменитых лечебниц. Оба рельефа интересны тем, что один из них находится в Байоне, государственном храме Джайявармана VII, а другой — на фронте одного из храмов лечебницы, возведенной в Ангкоре все тем же Джайяварманом VII.

Легенда о «Прокаженном короле»

Некогда король Камбоджи был жесток и вспыльчив. Однажды один из его министров не оказал ему должных знаков почтения, и тогда он сразил его священным мечом королевства. Капля крови сановника попала на тело монарха, и вскоре в этом месте показались первые признаки проказы. Из сочувствия к монарху один мудрец поручил своему молодому ученику вылечить больного. Для излечения нужно было окунаться в чан с кипящей водой, в которую требовалось поочередно добавлять различные медицинские вещества. В результате король должен был окончательно излечиться и омолодиться. Но недоверчивый монарх потребовал, чтобы ученик испытал этот способ лечения на себе. Тот погрузился в чан, но нетерпеливость монарха помешала ему в точности выполнить все нужные предписания, и его тело обратилось в каменную глыбу, которую предстояло измельчить в пыль. Разгневанный мудрец наслал на короля проклятие, и проказа стала неизлечимой болезнью.

ЛЕЧЕБНИЦЫ

В своих записках о Камбодже Чжоу Дагуань не упоминает королевские лечебницы, хотя они существовали в стране с давних пор. **Первым монархом, который стал методично возводить лечебницы по всей территории королевства, был Джайяварман VII. Он же первым стал строить рядом с лечебницами храмы, посвященные Будде-целителю, Бхайшаджьягуру, и стелы, на которых высекался свод правил этих заведений. Он лично руководил строительством лечебниц, поскольку, как он сам объяснил мотивы своих действий, «не собственные боли, а физические страдания подданных повергают в печаль монархов» (перевод на фр. яз. С. Жака).**

Мы уже отмечали, что в 1186 году Джайяварман VII построил 102 лечебницы, руководство которыми осуществлялось из храма Та Прохм (посвященном его матери и гуру), а вся ответственность за них возлагалась на одного из министров. На сегодняшний день около сорока из этих заведений идентифицированы благодаря наличию стел и/или характерных для них храмов. Вполне вероятно, что в каждом округе была своя лечебница, но это лишь гипотеза, как и предположение, согласно которому на завоеванных территориях, например, в сегодняшнем Северо-Восточном Таиланде, лечебниц было гораздо больше. Остается лишь выяснить, все ли эти лечебницы были построены после 1086 года, и ограничивалось ли их число 102 заведениями, либо оно увеличилось в ходе дальнейшего правления этого короля.

Здания лечебниц строились из недолговечных строительных материалов, поэтому от них не осталось никаких следов. Но многочисленность обслуживающего персонала каждого заведения дает

основания предполагать, что они были довольно **большими**. Что касается **храмов**, то их строили **по единому образцу** из латерита или песчаника: они состояли из башни с ложными этажами в центре огражденной территории, с восточной стороны которой располагался входной павильон. Юго-восточнее центральной башни находилось дополнительное здание («библиотека»). С наружной стороны ограды, близ ее северо-восточного угла, располагался квадратный бассейн, к которому со всех сторон спускались ступени из латерита. Все эти здания были одинаковыми по форме и размерам, только делались из разных строительных материалов.

Подробности об **организации работы в лечебницах** даются в надписях на **стелах**, находившихся внутри каждой из них, а также в тексте на стеле Та Прохм в Ангкоре. Содержание всех надписей одинаково, то есть в них нет конкретных указаний относительно данного лечебного заведения, как это было с ашрамами Яшовармана I, когда на каждой стеле обязательно упоминалось, какому божеству посвящен ашрам. Зато можно сказать, что обнаруженные стелы (около двадцати) относятся к трем различным в зависимости от их размеров типам лечебниц: персонал самых больших насчитывал около двухсот человек, в лечебницах второго типа работало около сотни служащих, а третьего — немногим более пятидесяти.

Весь обслуживающий персонал лечебниц делился на две категории: на тех, кто постоянно проживал в ней, и тех, кто жил за свой счет за ее пределами. Некоторые из сотрудников имели право на получение «лекарств и масла для светильников». Возглавляли лечебницы два лекаря (по одному на пятнадцать человек), у каждого в подчинении было по три помощника; затем шли два кладовщика, занимавшихся раздачей медикаментов, и два повара,

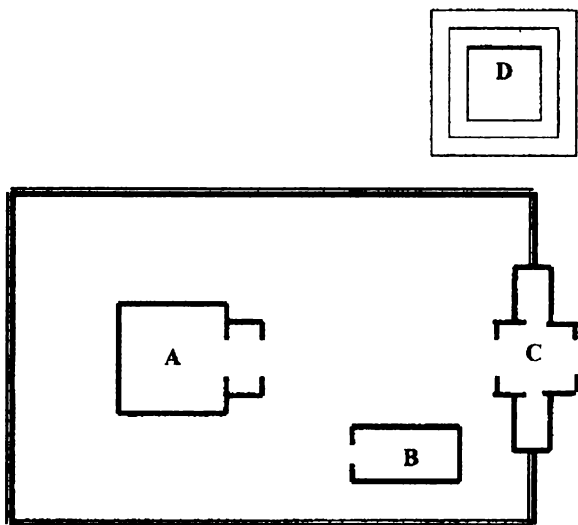

Схема храма при лечебнице.

А: главная зала с изображением Бхайшаджьягуру и его сподвижников; В: дополнительное здание («библиотека»); С: входной павильон; D: бассейн

которые также следили за чистотой в храме. Лечебные снадобья приготавливали женщины, измельчавшие различные вещества под руководством двух фельдшеров (букв. «больничные смотрители»). В штат лечебниц входили также различные материально ответственные лица, священники и один астролог (лица, исполнявшие три последних функций, назначались настоятелем Та Прохм).

Дотации, выделяемые для лечебниц, были весьма значительными, поскольку, как говорится в надписи на стеле в Та Прохм, к ним были приписаны более 800 деревень, в которых проживало более 80 000 человек. В лечебницы поставляли самые разнообразные продукты и вещи: наряду с рисом, предназначенным для питания больных, которым

иногда перепадали остатки ежедневных жертвоприношений, поступали медицинские вещества, целебные травы, наборы разных медикаментов и т.д., а также одежда и рис для медицинского персонала, священнослужителей и богов.

Об организации работы в лечебницах практически ничего не известно, за исключением того, что в них могли обращаться и лечиться представители всех сословий, а больные проживали на территории лечебницы (поскольку на их питание выделялось большое количество продуктов, о чем свидетельствует надпись на стеле Та Прохм). Каждый год, когда наступали праздники Чайтры (праздник весны), летнего солнцестояния и поминовения усопших, проводилась раздача одежды, светильников, продуктов питания и лекарственных средств. Все это поступало с королевских складов, где хранилось специально для больных.

ВРАЧИ И БОЛЕЗНИ

Те несколько **лекарей**, о которых говорится в надписях, занимали **высокое общественное положение**. Так, в надписи VII века сообщается о личном враче Джайявармана I, который одновременно был правителем города, а среди его предков были два королевских лекаря и несколько министров. В более позднем тексте, написанном в ознаменование подношения, осуществленного некогда «лучшим из врачей» (по-другому его не называют), сообщается, что смерть настигла его в возрасте 1000 месяцев (немногим более 83 лет). Указывается также, что на его личные средства была создана статуя богини Видьядхарани (букв. «которая несет знания»), поскольку он стремился «на этой земле постигнуть науки», которые «ставил превыше всего». О врачах, работавших в лечебницах, основанных Джайявар-

маном VII, известно только то, что они делились на две категории: королевских лекарей, работавших в столице, и всех остальных, кто трудился в провинциальных лечебницах. Что касается Чжоу Дагуаня, то он сообщает, что можно было обратиться и к «каким-то колдунам», о которых он отзывается с усмешкой, не давая никаких дополнительных сведений об этих личностях. Поэтому непонятно, кого он имеет в виду: знахарей или врачей, которых откровенно презирает за то, что они дикари-кхмеры.

Что же касается самого распространенного способа лечения, то, по словам всего того же Чжоу Дагуаня, универсальным средством было погружение в воду и многократное мытье головы; но он также уточняет, что лекарства можно было приобрести на рынке. К сожалению, кхмеры не считали нужным давать в надписях на стелах описания патологических случаев и перечислять лекарства для их излечения. Впрочем, надписи настойчиво «рекламируют» «многие лекарственные средства, помогающие при геморрое». Любопытно, что **правила для лечебниц обходят молчанием проказу** и даже не упоминают хаульмугровое масло среди множества лекарственных растений и препаратов, ежегодно поставляемых в качестве подношений в эти заведения. Что же касается изображений больных, то, кроме уже упомянутого знатного прокаженного, они ограничиваются лишь фигурами инвалидов на фронтонах в Неак Пеан, молящих об исцелении Авалокитешвару.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ

Камбоджийские мальчики в период отрочества получали религиозное образование, точнее, самые элементарные знания в этой области. В то время, когда Чжоу Дагуань побывал в Ангкоре, образова-

ние находилось в руках монастырей. Эта традиция сохранилась вплоть до XX столетия, когда «школы в пагодах» продолжали существовать наряду с государственными. В предшествующие эпохи заведений, где могли учиться дети, являлись храмы (брахманские или буддистские), буддистские монастыри и брахманские или буддистские ашрамы. Последние предоставляли приют аскетам и странникам и занимались обучением мальчиков. Образовательная функция ашрамов подтверждается упоминанием в списках их персонала одного или нескольких учителей. Примечательно, что именно **оба монарха, Яшоварман I, основавший Яшодхарапуру, и Джайяварман VII, перестроивший ее тремя столетиями позже, были инициаторами создания школ при некоторых основанных ими же религиозных заведениях, являясь, по сути, создателями ангорской образовательной системы.** Первый занимался исключительно регионом Ангкора, второй же распространил систему образования на все королевство. К сожалению, мы располагаем немногими сведениями относительно того, как обстояло дело с обучением в период между их правлениями, действовали ли в последующие века заведения, основанные Яшоварманом I, и в каком состоянии находилась вся эта система в момент прихода к власти Джайявармана VII.

Яшоварман I вверил обучение юношества **ашрамам**, которые построил в Ангкоре (но не провинциальным ашрамам, рассеянными по всей стране). **Учащиеся в них жили, питались и регулярно получали письменные принадлежности** (пальмовые листья, животный уголь и мел). Что касается **преподавателей**, тоже проживавших на полном государственном обеспечении, то большим уважением пользовались те из них, кто, помимо **религиозной доктрины** (шиваитской, вишнуитской или буддист-

ской), обладал познаниями в области **грамматики**; а наиболее сведущие имели право иметь шестерых слуг. К персоналу ашрамов относились также два **библиотекаря**, работавших попеременно в одну из двух пятнадцатидневок месяца, и три **изготовителя пальмовых листьев** для письма.

При Джайявармане VII школы существовали при различных храмах и **постоялых дворах** (называемых «домами, где есть огонь»), которые он построил вдоль главных дорог, проложенных по всему королевству. В надписи на стеле Та Прохм перечисляются 970 учащихся, проживавших в храме (одним из названий которого было «королевский монастырь»), и сообщается о бесплатном питании для них и преподавателей. Что касается храма Прах Кхан, то это был особый случай, потому что он контролировал деятельность всех постоянных дворов. В надписи на его стеле сообщается о двойной дотации, первая часть которой предназначалась для осуществления процесса обучения, а вторая — для всего остального. Первая часть дотации шла на содержание самого храма, старшего преподавателя, 15 его помощников и йогоинов, обучавших основам законодательства (знание законов могло пригодиться учащимся во взрослой жизни). Во второй части перечислялись продукты питания для учителей и 2898 учащихся, проживавших в различных провинциальных храмах и 121 остановочном пункте, при которых также были учебные заведения. Существовали и **другие, королевские учебные заведения**, о чем мы можем судить по тому факту, что первая королева Индрадеви, получившая титул «лучшей из учителей», преподавала в двух буддистских храмах, которые не входили в список на стеле Прах Кхан. Одной из этих школ «не было равных в мире в обучении религии откровения» (имеется в виду изучение Вед).

Наряду с официальными государственными школами в королевстве существовали и довольно многочисленные **частные учебные заведения**. Они назывались **видьяашрамами** («ашрамы для занятия наукой») и были основаны в конце X столетия Дивакарабхаттой (прибывшим из Индии брахманом, ставшим зятем короля), который воздвиг статую Вагишвари/Сарасвати, богини знания. Известно также, что школы организовывали и проживавшие в лесах отшельники. На барельефах Байона неоднократно встречаются изображения аскетов в окружении учеников.

УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

В источниках крайне мало говорится об учебных предметах. Большая часть учебных часов отводилась изучению религиозной теории (вне зависимости от того, какого вероучения придерживалось учебное заведение), а оставшееся время посвящалось грамматике. Но если судить по высокому культурному уровню авторов надписей, то можно предположить, что в основной курс, помимо этих предметов, входило также изучение санскритской культуры, другими словами Вед и связанных с ними текстов (веданг), шести ортодоксальных философских систем (йоги и т.д.), научных сочинений, в частности, трактатов по праву (дхармашастр) и главным образом великих эпосов (Махабхараты и Рамаяны), а также текстов пуран, которые заучивали наизусть. **К обучению как таковому прибавлялась так называемая работа по сличению текстов:** на двух барельефах Байона изображен шиваитский учитель, читающий вслух рукопись, написанную на пальмовых листьях, а сидящие напротив ученики следят глазами за аналогичным текстом перед ними. Вспомним, что в храмовые комплексы входило здание, которое в надписи X века на-

звано «библиотекой» (пустакашрама). Это название не всегда оправдывает свое значение, но в данном случае храм, к которому относилась библиотека, был основан учеными, целью которых было приумножение достоинств учащихся путем изучения грамматики, ритуалов и дхармы (см. Библиотеки, гл. IV).

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Кхмеры одевали своих богов по своему собственному образу и подобию, что дает возможность проследить всю эволюцию моды, начиная с периода зарождения кхмерского искусства, хотя речь идет о божественных одеяниях, которые носили фигуры, обладающие необычным строением тела. Если сравнить изображения исторических или бытовых сцен на барельефах Ангкор Вата с теми, что мы видим в Байоне, то можно увидеть, как изменился внешний вид кхмеров за прошедшее шестидесятилетие. Мы не будем говорить об иностранцах, сиамах или других наемниках, сопровождавших в походах Сурьявармана II, или чамах в остроконечных шляпах, сражающихся против войск Джайявармана VII. Ограничимся лишь одеждой и внешним видом кхмеров.

Женщины (как и богини) носили длинную юбку с запахивающимися полами (саронг), тогда как мужчины (а также и боги) были одеты в более короткое одеяние, «сампот», которое едва доходило до колен и представляло собой драпированный отрезок ткани, стянутый на талии и пропущенный между ног, закреплявшийся сзади на поясе. В эпоху Сурьявармана II саронг и сампот часто дополнялись треугольными полами, которые спускались вдоль правой ноги и развевались на ветру. При Джайявармане VII эта деталь одежды все еще была модной, хотя встречалась гораздо реже.

Ткань, из которой изготавливались саронги и сампоты, была гладкой или плиссированной, хотя можно предположить, что плиссировка, свойственная одеяниям богов, в повседневной жизни предназначалась для представителей кхмерской знати. Иногда на скульптурах изображены цветочные орнаменты, вышитые на ткани юбок. Однако это не может заменить погибшую кхмерскую живопись. Поэтому приходится опираться лишь на текст Чжоу Дагуаня, чтобы иметь представление о цветочных узорах, в той или иной степени богатых (в зависимости от ранга), украшавших одежду знати и всех женщин. Ничего не известно о строении тканей. Можно предположить, что одни были очень тонкими, а другие — расшиты золотыми узорами. Наш вездесущий китаец сообщает, что самые лучшие ткани поставлялись из Индии.

Грудь, особенно у женщин, **оставалась обнаженной**, но среди мужчин встречались исключения: они касались монахов и воинов, изображенных в Байоне, верхняя часть тела которых покрыта чем-то вроде кирасы. Стоит также упомянуть изображения китайцев, одетых в камзолы, и выделявшихся на фоне полуголых мужчин, женщин и детей.

Веяния моды затрагивали не столько одежду, сколько прически. При Джайявармане VII голова была не покрыта, а волосы стягивались на затылке в небольшой круглый пучок (как у короля). По всей видимости, этот тип прически был популярен у большинства мужчин вне зависимости от их социального положения и среди женщин из народа. Принцессы украшали свои прически диадемами. Однако несколькими десятилетиями ранее, в эпоху правления Сурьявармана II, все обстояло иначе. Головные уборы монарха и его сановников выглядели гораздо сложнее: они состояли из диадемы и

скрывающего пучок колпака конической формы на темени. Многочисленные воины его свиты носили диадемы, дополняемые геральдическими головными уборами в виде голов птиц или животных. Без головных уборов были только некоторые носильщики паланкинов и, естественно (как и во все времена), придворные брахманы с высоким пучком на темени. Что касается женщин, то тут различия ощущались еще сильнее: диадему дополняла сложная прическа в виде тройного эгрета или изысканно переплетенных прядей волос, которая была широко распространена, по крайней мере среди принцесс и женщин, входивших в свиту короля, то есть тех, кого только и можно увидеть на изображениях. Хотя прически женщин в Байоне утрачивают былую сложность, они при этом сохраняют основные модные тенденции.

Ювелирные украшения — кольцо, нарукавники, браслеты, кольца на лодыжках, серьги — столь частые в Ангкор Вате, в Байоне встречаются лишь на некоторых сановниках. Однако следует отметить, что многие солдаты или сопровождающие их женщины изображены с ожерельями на шее и весьма характерными кулонами. Интересна еще одна деталь: у людей, изображенных в Байоне — мужчин, женщин, детей, — в ушах нет сережек, а мочки у всех растянуты и проколоты. Вероятно, они, как и некоторые горные племена в наши дни, иногда носили в ушах тяжелые сережки из кости или дерева, что значительно удлиняло их мочки.

По словам Чжоу Дагуаня, женщины окрашивали красной краской подошвы ног и ладони. Среди мужчин такое украшение мог позволить себе только король. Кроме того, он имел право носить перстни, надевать на голову золотую диадему или венок из цветов жасмина вокруг шиньона, но, как и все в Камбодже, король ходил босиком.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

♦ Бхававарман I (конец VI века)

Один из первых королей Ченлы. Его предшественниками были, вероятно, его дед по имени Сарвабхаума («Повелитель вселенной») и отец Вираварман, о которых нет конкретных сведений. Сам же Бхававарман I «завладел тронem, приложив к тому много усилий», что дает основания предполагать, что к власти он пришел насильственным путем. Его владения находились в районе Самбор Преи Кук (место будущей столицы Ишанавармана I), но размещение надписей, в которых он упоминается, свидетельствует о том, что он контролировал также регион Баттамбанга к востоку от Великого озера и юг Камбоджи, а его имя было известно в центральных областях Таиланда. Единственная достоверная дата, относящаяся к периоду его правления, — 598 год н. э.. Он был братом *Махендравармана, его преемника, и дядей Ишанавармана I.

♦ Читрасена: см. *Махендраварман

♦ Деваника (вторая половина V века?)

Этот человек, носивший звучный титул (махараджадхираджа: «великий и верховный царь царей»), видимо, «прибыл издалека», чтобы его короновал «сам Шива в форме Горы, которая является Лингой» (Лингапарвата), то есть бог Ват Пху. О нем упоминается лишь в одной надписи в честь его при-

бытия, которая была обнаружена на юге Лаоса. Его властные полномочия вызывают много споров: одни считают, что он был королем чамов (Ж. Кё-дес), другие видят в нем «всемирного монарха» (сарвабхаума) и вероятного родоначальника кхмерских королевских династий (К. Жак), третьи полагают, что он был всего лишь одним из «мелких князьков» горных племен Дангрека (М. Викери).

В том, что он точно не был чамом, мы уверены на сто процентов, две другие гипотезы требуют тщательной проверки. Вполне вероятно, что именно он установил в Ват Пху статуи и основал большое «святилище» (тиртху), которое он назвал Курукшетра (город, возле которого разворачивается битва в Махабхарате). Если судить по результатам аэрофотосъемки, святилище занимало довольно обширное пространство со стороной более 2 км, было ограничено двойной дамбой и находилось на правом берегу Меконга. Однако установить дату сооружения этого ансамбля невозможно. Единственное, что не вызывает сомнений, это то, что он был возведен в доангкорский период.

Надпись свидетельствует о том, что окружение Деваники в совершенстве владело санскритом: многочисленные ссылки на Махабхарату дополняются цитатами из этой эпопеи, где прославляется Курукшетра, одно из самых почитаемых мест в Индии (это название встречается уже в первом стихе Бхагавадгиты).

♦ **Дхараниндраварман II (1050—
до 1165, посмертное имя:
Махапараманирванапада)**

Он принадлежал к династии Махидхарапуров и был троюродным братом Сурьявармана II, которому, вероятно, наследовал и правил до прихода к

власти Яшовармана II (погиб в 1165). Однако отсутствие достоверных эпиграфических свидетельств о его правлении заставляет усомниться в истинности его пребывания на престоле (К. Жак). Он исповедовал буддизм и был женат на Джайяраджакудамани, внучке Сурьявармана I, тем самым породнившись с древними династиями. Но главное, что он был отцом Джайявармана VII, который основал в его честь храм Прах Кхан, где он изображен в виде Авалокитешвары.

Но каким бы ни был его статус, он играл важную роль в период с 1050 по 1065 годы, контролируя области к востоку от Ангкора и севернее Великого озера. Ему приписывают строительство нескольких значительных буддистских храмов: Бенг Меалеа, Прах Кхан в Компонг Свай (где уже существовал небольшой храм, воздвигнутый Сурьяварманом I), и храмов при остановочных пунктах, которые стояли вдоль дорог, соединявших оба эти места с Ангкором (среди которых были Чау Сай Тевода в самом Ангкоре и Бантеай Самре в его ближайшем пригороде). Он умер не ранее 1165 года, а его преемник Яшоварман II погиб в том же году в результате государственного переворота.

♦ Дивакарапандита (ок. 1040 — после 1120)

Дивакарапандита был брахманом, который исполнял религиозные, а иногда и политические обязанности при последовательно сменявших друг друга Удаядитьявармане II, Харшавармане III, Джайявармане VI, Дхараниндравармане I и Сурьявармане II. Он родился в Камбодже около 1040 года и принадлежал к «корпорации» (варне) кармантаров (занимавшихся проведением погребальных ритуалов?) 3-й категории. С юности он предался глубокому изучению религиозных текстов (ага-

мов) и вел аскетический образ жизни. При Удаядитъявармане II он проводит богослужения у золотой Линги в Бафуоне, а при Харшавармане III становится старшим жрецом 4-й категории. Джайяварман VI, первый правитель из династии Махидхарапуров, пригласил его провести церемонию своей коронации (которая могла состояться после государственного переворота). Новый король назначил его Врах гуру, присвоил почетный королевский титул и одарил немалыми вознаграждениями, часть из которых обязал потратить от своего имени на строительство храмов (в частности, на храмы в горах Дангрека и в Ват Пху). Дивакарапандита исполнял те же обязанности Врах гуру при Дхараниндравармане I, но когда того сверг с трона Сурьяварман II, именно ему поручено провести церемонию коронации. Впоследствии король посвятил ему стансы на санскрите, где говорится, что Дивакарапандита «возложил ступню своей ноги на диадему, украшающую голову Сурьявармана, властителя мира, чтобы на ней распустился лотос безмерного почитания и уважения (анджали)». Как и при прежних монархах, на Дивакарапандиту была возложена обязанность делать от имени короля богатые подношения различным храмам (среди которых был и Бантеай Срей, основанный ранее Яджнаварахой, другим Врах гуру). Он умер более восьмидесяти лет от роду между 1120 и 1136 годами, когда Сурьяварман II повелел воздвигнуть его статую в храме Ват Пху.

♦ Индраварман I (877—889, посмертное имя: Ишваралока)

Будучи дальним родственником двух своих предшественников (Джайявармана II и Джайявармана III), Индраварман I в результате заключения брака вошел в клан Самбхупура (=Самбор на Меконге), по-

роднившись с древними династиями. Его духовный наставник Шивасома был внуком дяди Джайявармана II и, возможно, учеником Шанкары, великого индийского религиозного реформатора. Сам король был человеком творческим: именно ему приписывают авторство трех статуй в Прах Ко. Он взошел на трон в 877 году, но вполне вероятно, что уже до этого он контролировал часть территории Камбоджи. О размерах его королевства сообщается в одной стандартной надписи: «высокомерные лики царей Китая, Чампы и острова Явы затмил подобно белоснежному венку, сплетенному из гирлянд жасмина, установленный им порядок правления (аджна)». Это должно означать, что он контролировал большую часть территории современной Камбоджи и поддерживал добрые отношения с великими державами того времени. Следы его деятельности особенно заметны в Харихаралайе и Ангкоре. В 877 году он перестроил барай Лолеи (которому дал собственное имя: Индрататака), затем выстроил храм Прах Ко (879), посвященный его предкам и закончил возведение первого государственного храма Баконг, где установил лингам, получивший его имя (881, Лингам Индрешвары). Вероятно, именно он начал возводить Восточный барай в Ангкоре и Пном Бакхенг. Последняя надпись, упоминающая о нем, датируется 886 годом. Скончался он не позднее 889 года, когда на трон взошел его сын и наследник Яшоварман I.

♦ Ишанаварман I

(ок. 615 — не позднее 637)

Кхмерский король, который построил первую столицу страны и возвел в ней храмы. Сын Махендравармана-Читрасены. Он ввел в королевстве административную систему и расширил его территорию далеко на юг. Надписи, относящиеся к периоду его правления, свидетельствуют о том,

что номинально он контролировал побережье Кохинхины, юго-западные области Страны кхмеров (Чантабури) и Центральный Таиланд (регион Прачинбури), но это не значит, что все эти земли находились всецело в его власти. Отношения, которые он поддерживал с Чампой, носили исключительно характер культурного обмена.

Столица, названная его именем (Ишанапура), была первым кхмерским городом, достойным носить это название. Если не говорить о качестве ее архитектуры и украшавших ее скульптурных произведений, то главной отличительной чертой столицы была масштабность реализуемых в ней проектов (например, южная архитектурная группа), что предполагало наличие процветающей и контролируемой властью экономики. Здесь впервые проявляется такое распространенное в будущем в Камбодже явление, как восточный деспотизм. Ишанаварман I скончался не раньше 637 года. Сколько времени пробыл на троне его сын Бхававарман II (его присутствие на троне подтверждается надписью 944 года), пока неизвестно.

♦ Джайядеви (начало VIII века)

Единственная правящая королева в истории Камбоджи. Она была дочерью Джайявармана I (умершего около 681 или 691), которому непосредственно наследовала. Единственной достоверной датой, подтверждающей ее правление, является 713 год. Надписи, в которых о ней упоминается, сосредоточены лишь в районе Ангкора, но ее титулы гораздо пышнее, чем у ее предшественников, что свидетельствует об усилении, по крайней мере номинальном, королевства, которое отныне становится на порядок выше «мелких княжеств местного значения». После ее кончины (дата которой нам неизвестна) Ченла распалась.

♦ **Джайяварман I**
(около 657—680/681 или после 691,
посмертное имя — Шивапура?)

Правнук Ишанавармана I по материнской линии, Джайяварман I был сыном Чандравармана, статус и происхождение которого неопределенны (носил королевский титул и относился к роду Ишанавармана, а по другой линии к чете Кауньдинья-Сома). Столица Джайявармана I Пурандарапура располагалась в районе Ангкора, его владения занимали ту же территорию, что и при Ишанавармане I. Но тот факт, что две упоминающие его надписи, высеченные в один и тот же день, обнаружены одна в районе Баттамбанга на северо-западе Камбоджи, а другая — на юго-востоке страны возле Преи Венг, свидетельствует о том, что он достаточно уверенно контролировал всю камбоджийскую равнину. Дата его смерти неизвестна, ее установление зависит от того, имеет ли он отношение к посмертному имени Шивапура (оно появляется в надписях, начиная с 680/681). Его преемницей была, видимо, его дочь Джайядеви, хотя предполагают, что некий Бхаварман III вполне мог быть его сыном.

♦ **Джайяварман II (ок. 770 — после 830,**
посмертное имя: Парамешвара)

Считающийся «основателем ангорской монархии» Джайяварман II родился около 750 года в кхмерской семье, эмигрировавшей (или депортированной) на остров Яву, где жили малайцы или индонезийцы, не обязательно бывшие подданными яванского королевства. Не позднее 770 года он вернулся в Камбоджу и поселился сначала на юго-востоке страны в Вьядхапуре, где он провел первый обряд по освобождению Камбоджи от «опеки» «Явы». К 770—780 годам под его властью находил-

ся уже весь север страны (сначала Самбхупура или Самбор на Меконге, откуда была родом его семья, а затем и Ват Пху). Впоследствии он захватил княжество Аниндитапуру (находившееся, как полагают, в районе Ангкора) и в это же время вступил в вооруженный конфликт с чамами.

Основав столицы в различных городах, он оседает в Харихаралайе-Ролуосе, но в 800 году переезжает в новую столицу, на этот раз на Махендрапарвату (Пном Кулен). Именно там он проводит магический ритуал (о нем рассказывается в надписи на стеле Сдок Как Том), который должен был освободить Камбоджу от влияния Явы, а его самого превратить в единственного «всемирного монарха» (чакравартина, см. Двухязычие надписей на стеле Сдок Как Том, гл. VII). Затем он возвращается в Харихаралайю, где правит как минимум до 830 года (по его инициативе увидели свет первый вариант Баконга и барай Лолеи). Конец его правления отмечен набегами чамов и многочисленными бунтами. Его сын, Джайяварман III (ок. 830—877, посмертное имя Вишнулока) остался в истории главным образом как большой любитель охоты на слонов.

♦ Джайяварман IV (921/928—941, посмертное имя: Парамашивапада)

Супруг одной из младших сестер Яшовармана I. В 921 году переносит столицу в Кох Кер (тогда он назывался Чхок Гаргьяр), в то время как один из его племянников, сын Яшовармана I, правит в Ангкоре (Харшаварман I, ок. 910—922), где его сменил его брат (Ишанаварман II, ок. 922—928). Если в Кох Кере Джайяварман IV считает началом своего правления 921 год, то в надписи, обнаруженной на юге Камбоджи, говорится о 928 годе, что свидетельствует о том, что его власть, по крайней мере на начальном этапе, простиралась не на все владения, кото-

рые когда-то контролировал Яшоварман I. В своей столице Кох Кер Джайяварман IV возводит гигантский государственный храм и множество других монументов, а также барай. Он умер в 941 году, оставив трон своему сыну Харшаварману II (941–944), окончание правления которого поставило точку на коротком историческом эпизоде под названием Кох Кер.

♦ **Джайяварман V (968—1000,
посмертное имя Парамашивалока)**

Сын Раджендравармана Джайяварман V занял трон в довольно юном возрасте. Только в 974, то есть через шесть лет после прихода к власти, он закончил «изучение всех наук», которым обучал его духовный наставник Врах гуру Яджнаваракха. Его правление отмечено той значительной ролью, которую играл его советник и гуру, и появлением брахманов из Индии. При Джайявармане V в Ангкоре, на западном берегу Восточного барая, были начаты крупномасштабные работы по строительству новой столицы Джайендранагари и возведен государственный храм Та Кео (или «Гора с золотым рогом»), который был в то время одним из крупнейших сооружений в столице. Его строительство было прервано после того, как в него ударила молния (и было возобновлено, но так и не доведено до конца при Сурьявармане I). Джайяварман V скончался в 1000 году. На короткое время трон занял его племянник по линии жены, Удаядитьяварман I (1001–1002), которого сменил Сурьяварман I.

♦ **Джайяварман VI (1080—1107,
посмертное имя Парاماкаииваляпада)**

Джайяварман VI, который пришел к власти при помощи брахмана Дивакарапандиты, занял трон

Харшавармана III, младшего сына Сурьявармана I, хотя не имел никаких родственных связей ни с ним, ни с предыдущими династиями. Он был уроженцем города, местоположение которого неизвестно, находившегося в Махидхарапуре (северо-восток Таиланда?). Это название впоследствии получит основанная им династия, которая будет править в Камбодже до конца ангкорского периода. Мало надписей рассказывают нам о его правлении, ни одной не обнаружено в Ангкоре, где в это время вполне мог править наследник Харшавармана III. По приказу Джайявармана VI были перестроены храмы на севере Страны кхмеров, среди которых были Прах Вихар в горах Дангрека и Ват Пху. Именно при нем был построен храм Будды Вимайи в Пимаи (Северо-Восточный Таиланд). Он умер в 1107 году, уступив место на троне своему старшему брату Дхараниндраварману I (1107–1113).

♦ Джайяварман VII (1181—1218, посмертное имя: Махапарамашуагата)

Единственный кхмерский правитель, внешность которого известна благодаря статуям-портретам, изображающим его сильным и невозмутимым человеком. Джайяварман VII — величайшая личность в истории Камбоджи. По отцу Дхараниндраварману II он был двоюродным братом Сурьявармана II и, таким образом, принадлежал к династии Махидхарапуров. По матери Джайяраджакудamani, внучке Сурьявармана I он мог считать себя наследником предыдущих династий, основанных четой Кауньдинья—Сома. Своим родителям он посвятил два храма: Прах Кхан (отцу) и Та Прохм (матери и одновременно своему гуру Джайямангалартхадеве). Вполне возможно, что он послужил прототипом героя знаменитой легенды о Прокаженном короле (см. Здоровье и медицина, гл. IX).

Он родился приблизительно в 1125 году и, как и его отец, был ревностным буддистом. Он был женат на Джайяраджадеви, а после ее кончины (не ранее 1191) женился на ее старшей сестре Раджендрадеви. Обе сестры были очень набожными, а последняя была выдающимся богословом. Двое его сыновей были авторами поэм, запечатленных на надписях в Та Прохм (Сурьякумара) и Прах Кхан (Виразумара). Еще один его сын, Шриндракумара, был крупным военачальником, о его подвигах в битвах с чамами рассказывается в надписях в Бантеай Чмар. Четвертый сын, Тамалинда, в 1190 году вернулся с Цейлона, где изучал Тхераваду (хотя его родственные связи с Джайяварманом VII оспариваются). Кроме того, Джайяварман VII усыновил чамского принца, которому он присвоил титул ювараджи (наследного принца, см. Принцы, гл. III).

Политическая карьера будущего короля началась задолго до его прихода к власти: в 1165 году (в это время ему было уже сорок лет) он возглавлял военный поход против Чампы, но узнает о смерти отца, захвате власти Яшоварманом и о военном перевороте, организованном против последнего одним из его приближенных, Трибхуванадितьяварманом. По возвращении домой будущий Джайяварман VII удаляется в Прах Кхан в Компонг Свай (построенном его отцом) на целых двенадцать лет. В 1177 году после захвата Ангкора чамами и гибели в сражении с ними Трибхуванадितьявармана он становится во главе вооруженной борьбы с захватчиками. Он выигрывает битву с чамами в Ангкоре (на месте сражения впоследствии будет возведен храм Прах Кхан) и наносит поражение чамскому флоту на Великом озере.

Официально он стал королем в 1181 году (коронация, вероятно, происходила в Пном Кулен) и сразу же приступил к восстановлению территориаль-

ной целостности Страны кхмеров, которая за время его правления достигла самых больших размеров за всю историю Камбоджи. В результате завоевательных походов против Чампы, проводившихся с 1190 года, та в 1203 году была низведена до статуса провинции. Короли соседних стран — Яваны (то есть Вьетнама), Явы и Чампы — оказывали ему знаки почтения (приношения воды для ежедневных омоений, 1191). Внутри же страны, после подавления восстания в городке Малиан (регион Баттамбанга) в самом начале своего правления, король не испытывал больше никакой открытой конкуренции.

Возрождение страны сопровождалось строительством многочисленных сооружений, в которых древние традиции сочетались с дерзкими новаторскими идеями. Сооруженные, как правило, на скорую руку, а подчас остававшиеся незаконченными сооружения безошибочно указывают на имя построившего их монарха. В самом же Ангкоре (прежнее название которого, Яшодхарапура, Джайяварман VII решил сохранить) уже в самом начале правления он возводит Джайяшри, первый временный укрепленный город, затем храм Та Прохм (1186). В 1191 году он преобразует Джайяшри в храм, одновременно строит барай Прах Кхан, возводит крепостные стены вокруг окончательной столицы (Ангкор Тхом) и начинает строительство государственного храма Байон и многих других культовых сооружений и зданий (Бантеай Кдей, Та Ней и строений, примыкавших к Прах Кхан, в том числе и Неак Пеан). Нельзя не упомянуть и о статуях, которые он установил в государственных храмах своих предшественников (Ангкор Ват, Бакхенг, Баконг и др.). За пределами Ангкора он выстроил 102 лечебницы (начал в 1186), 121 постоялый двор (1191), мосты севернее Великого озера и целые города, например Муанг Син (в Таиланде возле грани-

цы с Бирмой), а также многочисленные храмы, не забывая дополнять статуями новых божеств храмы, построенные его предшественниками. Впрочем, после его смерти работа на строительных площадках была прервана, и многие сооружения остались незавершенными. Сложившийся архитектурный облик королевства носил одновременно религиозный и интеллектуальный характер: остановочные пункты были одновременно и центрами просвещения, а в храмах при них проповедовали обновленный буддизм с присущей ему веротерпимостью.

Джайяварман VII умер в 1218 году или несколько позже. Его сменил Индраварман II (который, видимо, был его сыном, принцем Шриндракумарой, прославившимся своими ратными подвигами).

♦ Джайяварман VIII (1243—1295, посмертное имя: Парамешварапада)

Этот монарх неизвестного происхождения взшел на трон в 1243 году вслед за Индраварманом II, непосредственным преемником Джайявармана VII. В отличие от своих предшественников он был убежденным шиваитом. Он был женат на дочери одного шиваитского священника Джайявармана VII, видимо, выходца из Бирмы. В 1295 году (в год своей смерти) он даже посвятил одному шиваитскому богослову и своей матери храм под названием Мангалартха или № 478 в Ангкор Тхоме. Вполне вероятно, что во время его правления набрала силу экстремистская секта шиваитских йогов, члены которой систематически разрушали буддистские изображения в храмах Джайявармана VII. Его правление также отмечено вооруженными столкновениями с Дайвьетом, который обратился за помощью к монгольскому императору Кубилаю. Тот в 1282—1283 годах направил в Камбоджу военную экспедицию, но после уплаты дани в 1285 году войска монголов покинули

территорию страны. Именно по поводу уплаты этой дани вскоре после смерти Джайявармана VIII и прибыло в Камбоджу посольство, в состав которого входил Чжоу Дагуань. В это же время первые набег на Камбоджу совершают сиамцы (о чем сообщает Чжоу Дагуань). Джайяварман VIII скончался в 1295 году, а его трон, при весьма драматических, по словам Чжоу Дагуаня, обстоятельствах занял его зять Шри Индраварман III, провозглашенный ранее ювараджей.

♦ Кауньдинья (начало н. э.?)

Согласно китайским хроникам, мифический основатель кхмерского королевства брахман Кауньдинья прибыл из Индии или Малайзии, где у него было видение: ему был вручен магический лук и приказано сесть на корабль и отправиться в путешествие. Судно доставило его в Фунань, который он покорил, а затем женился на местной королеве. Этот рассказ, хотя и в весьма измененном виде, соответствует сказанию, хорошо известному по более поздним надписям в Камбодже и Чампе (последняя заимствовала кхмерский вариант) и преданиям Южной Индии. Итак, брахман Кауньдинья получил от брахмана Ашваттхамана, сына Дрона (героя Махабхараты), копьё и дротик, при помощи которых он должен был очертить место своей будущей столицы. Затем он женился на принцессе Соме, дочери царя Нагов, и основал королевский род. В анкорский период представители всех королевских родов вели свои родословные от четы Кауньдиньи — Сомы, основателей лунной династии, куда входили Рудраварман (последний известный король Фуна-ня), Бхававарман I, Джайяварман II и т.д., то есть самые известные исторические деятели древнего рода, многочисленные временные разрывы которого свидетельствуют об отсутствии преемственности

между ними. Другая чета, образованная Камбу и Мерой, положила начало солнечной династии.

♦ Кауньдинья-Джайяварман (ок. 480—514)

Об этом короле Фунаня известно из китайских хроник. Его женой и первой королевой была некая Кулапрабхавати, о которой в надписях упоминается как об основательнице монастыря и яркой приверженке вишнуизма. Джайяварман отправил в Китай несколько посольств, которые часто сопровождали буддистские монахи, выходцы из Индии или Фунаня. После его смерти в 514 году престол занял его сын Рудраварман.

♦ Махендраварман-Читрасена (начало VII века)

Преемник Бхававармана I, Махендраварман контролировал, по всей видимости, район Самбор Преи Кук, но несколько наскальных надписей на берегах Меконга (на севере Камбоджи и крайнем юге Лаоса), а также на северо-востоке Таиланда, в которых он упоминается, свидетельствуют либо о расширении территории королевства за пределы Дангрека, либо о его грабительских набегах на эти области. Он отправил в Чампу с «дружественными целями» посольство и умер около 615 года, уступив трон своему сыну Ишанаварману I.

♦ Махидхарapura (династия)

Эта династия, основанная Джайяварманом VI, вначале имела отношение только к солнечной чете Камбу—Меры. Лишь после заключения брака между Дхараниндрaварманом II (отцом Джайявармана VII) и Джайяраджакудaмани (внучкой Сурьявармана I) образовались родственные связи с династиями, начало которым было положено четой Кауньдинья—

Сома. Все последующие монархи от Джайявармана VI и до Джайявармана (IX) Парамешвары (взошел на престол в 1327) относили себя к этим династиям (или были причислены к ним их преемниками, о чем свидетельствуют оставленные ими надписи), за исключением Яшовармана II (?—1165), одного из двух «законных» наследников Сурьявармана II, и узурпатора Трибхуванадитьявармана (1165—1177). Наиболее видными представителями Махидхарапу-ров были Сурьяварман II и Джайяварман VII.

♦ Раджендраварман II (944—967/968, посмертное имя: Шивалока)

Сын зятя Яшовармана I Раджендраварман вернул столицу в Ангкор и занял престол после смерти в Кох Кере Харшавармана II, сына и преемника узурпатора Джайявармана IV, в условиях непрекращающейся гражданской войны и распада государства. В то время он был довольно молод, его гуру был брахман Шивакарья, но в конце его правления того сменяет Яджनावараха, духовный наставник его сына Джайявармана V. Одну из своих дочерей он отдал в жены индийскому брахману Дивакарахатте. В надписи на стеле Пре Руп о нем говорится как об ученом, «постигшем четырнадцать видов наук».

Произведя серьезную перестройку Восточного барая в Ангкоре, он возвел в его центре храм в честь предков (Восточный Мебон, 952), а на его южной стороне — Пре Руп, который стал его государственным храмом (961). На этот же период приходится строительство многих сооружений на частные пожертвования видных сановников, среди которых были Яджनावараха и Кавиндрариматхана. По инициативе последнего в 952 году были установлены буддистские статуи в Бат Чуме. Кроме того, король поручил ему строительство Восточного Мебона и

Королевского дворца (предполагают, что он находился на южной стороне Восточного бара).

Раджендраварман разбил Страну кхмеров на провинции и укрепил управленческий аппарат, причем должности в нем передавались по наследству. Почти все время своего правления он вел войны с Чампой. В 950 году он направил туда военную экспедицию, разграбил храмовый город По Нагар, откуда вывез золотую статую. Умер Раджендраварман II в 968 году, уступив место Джайяварману V, опекуном которого был все тот же Яджнавареха.

♦ Рудраварман (ок. 514 — ок. 550)

Считается, что Рудраварман был «последним королем Фунаня», хотя в действительности он был последним, о ком упоминается в китайских источниках. В надписи VII века он упоминается перед Бхававарманом I (и таким образом, в ней опускаются отец и дед последнего), хотя немедленный переход власти совсем не обязателен. Рудраварман был сыном (Кауньдиньи-)Джайявармана и одной из его сожительниц. Согласно все тем же китайским источникам, после смерти своего отца он убил законного наследника.

Он отправил несколько посольств в Китай. По просьбе императора, который хотел видеть при своем дворе переводчиков, он направлял к нему нескольких буддистских монахов, среди которых был и знаменитый Парамартха, уроженец индийской области Удджайны. В ангорских генеалогиях он предстает как первый видный (и отмеченный в надписях) наследник четы Кауньдинья—Сома.

♦ Сурьяварман I (1002—1050, посмертное имя: Нирванапада)

Сурьяварман I был связан дальними родственными узами с матерью Индравармана I, а по жене

приходился родственником сыновьям Яшовармана I. Он считал началом своего правления 1002 год, когда при невыясненных обстоятельствах умер Удайдитьяварман I (1001—1002), наследник и племянник по жене Джайявармана V (968—1001). Однако до 1006 года или даже до 1010 года он не мог обосноваться в Ангкоре, где в это время правил некий Джайявираварман с еще более сомнительной родословной, контролировавший столицу и соседние провинции (предполагают, что он был наследным принцем одного из малайских городов-государств). После победы в девятилетней гражданской войне, в течение которой он укрывался в горах Дангрека, Сурьяварман I обязал в 1011 году некоторых чиновников («инспекторов») принести клятву верности, текст которой, равно как и список принесших ее, высечены на стенах входных павильонов только что построенного Королевского дворца (см. Государственный аппарат, гл. III).

Принимая во внимание его посмертное имя (хотя слово «нирвана» имеет вполне обиходное значение, означающее «освобождение»), Сурьявармана I долгое время считали буддистом, однако то, что он исповедовал шиваизм теперь ни у кого не вызывает сомнений. К тому же его главная жена принадлежала к семье шиваитских сановников, и одну из своих дочерей он выдал замуж за своего личного священника Садашиву, племянника гуру Раджендравармана II. Наконец, один автор па-негирика в его честь называет его «средоточием брахманских знаний».

Он окружил Королевский дворец в Ангкоре крепостной стеной и построил первый вариант Западного бараея с его храмом-нилометром (бывшим в то время шиваитским, см. Храмы-нилометры, гл. IV). В провинциях он возвел или отреставрировал множество шиваитских храмов (и требовал делать то

же от брахманов и сановников из своего окружения). При нем территория королевства вплотную подошла к бассейну реки Менам-Чао-Прая. Он поддерживал если не дружеские, то по крайней мере дипломатические отношения с Раджендраколой (правил с 1012 по 1044), который, видимо, по его просьбе отправил военную экспедицию против морской державы Шривиджайи. Сурьяварман I умер в 1050 году, оставив престол своему сыну Удайдитьяварману II (1050–1066), которого сменил его младший брат Харшаварман III (1066–1080).

♦ **Сурьяварман II (ок. 1113 — после 1145, посмертное имя: Парамавишнулока)**

Племянник Дхараниндравармана I и Джайявармана VI, Сурьяварман II пришел к власти, «объединив двойное королевство», то есть владения Дхараниндравармана I (которого он устранил в результате заговора) и владения некоего наследника Харшавармана III, младшего сына Сурьявармана I. Его короновал Дивакарапандита, который ради такого случая покинул Дхараниндравармана I, духовным наставником которого являлся. Будучи вишнуитом, именно Вишну Сурьяварман II посвятил Ангкор Ват, свой государственный храм, ставший вершиной классической архитектуры Камбоджи и единственным кхмерским храмом, который функционирует по сей день (несмотря на то, что впоследствии он был переведен под эгиду буддизма толка Тхеравады). Сурьяварман II устанавливает статуи новых богов в шиваитских храмах предыдущих королей, и вполне возможно, что именно в период его правления зародилось буддистское движение, нашедшее наиболее яркое воплощение в сооружениях Дхараниндравармана II (Бенг Меалеа, Прах Кхан в Компонг Свай, храмы при остановочных пунктах).

Он проводил активную внешнюю политику и поддерживал постоянные связи с Китаем, хотя его отношения с Чампой и Дайвьетом были непростыми. Проведя несколько военных кампаний против первой (1123, 1124), он вторгся на территорию Дайвьета (1128), но потерпел несколько поражений. Оккупировав Чампу в период с 1145 по 1149 годы, он предпринял попытку посадить на трон своего ставленника, но был изгнан оттуда. Наконец, в 1150 году он вел столь же безуспешную военную кампанию в Тонкине против Дайвьета. На западе его походы на монские княжества, располагавшиеся на севере современного Таиланда, потерпели полный провал, что вызвало ответные налеты на кхмерские поселения в регионе Лопбури в центре Таиланда.

Он умер около 1150 года по окончании очередной и последней своей военной экспедиции против Тонкина. Кому достался трон после его смерти не совсем ясно. Вероятнее всего, его непосредственным преемником был Дхараниндраварман II (отец будущего Джайявармана VII), которого вскоре сменил Яшоварман II, свергнутый в 1165 году его министром и узурпатором Трибхуванадитьяварманом (1165–1177).

♦ Удаядитьяварман II (1050—1066, посмертное имя неизвестно)

Сын Сурьявармана I Удаядитьяварман II возшел на трон в 1050 году в очень юном возрасте. О его правлении мало что известно, за исключением рассказов о подвигах его генералиссимуса Шанграма, принадлежавшего к знатному роду сановников и генералов, состоявших в родственных связях с королевской семьей. Тому удалось подавить три мятежа: один — в 1051 году, два других — в 1065 году. В Ангкоре Удаядитьяварман II воздвиг

Бафуон, свой государственный храм, который называли в то время «золотой горой», поскольку на его вершине был установлен золотой лингам, вероятно, изготовленный из золота, захваченного Шанграмой в ходе военных походов. По инициативе короля был возведен второй вариант храменилометра в Западном Мебоне, где центральный лингам был заменен на бронзовую статую лежащего Вишну (см. Храмы-нилометры, гл. IV). Удайдитьяварман II умер в 1066 году, его преемником стал его младший брат Харшаварман III, но то, что покойный не получил посмертного имени, свидетельствует о том, что при передаче власти могли возникнуть осложнения.

♦ Яджнавареха (вторая половина X века)

Яджнавареха, духовный наставник Джайявармана V, был брахманом королевского рода. Его отец, Дамодар, знаток Ригведы, был зятем Харшавармана I (ок. 910–922), сына Яшовармана I. В посвященном ему панегирике прославляются его набожность и милосердие, а также знания, которыми он обладал, охватывавшие не только великие философские школы (Йогу, Вайшешика, Ньяя), но и медицину, астрономию и языки. В нем также воспеваются его литературные дарования как автора небольших рассказов, театральных пьес и поэм (кавий). Его младший брат Вишнукумара (участвовавший с ним в возведении Бантеай Срей) слыл знатоком в области грамматики и шиваитских трактатов. Джайяварман V осыпал обоих почестями.

Яджнавареха служил сначала при Раджендравармане II, которого обратил в шиваитскую веру (шайвадиксу). Мы не знаем, исполнял ли он при этом правителе другие функции, кроме обязанностей духовного наставника будущего Джайявармана V,

но при последнем в качестве Врах гуру он играл, по всей видимости, довольно значительную политическую роль, активно участвуя в управлении государством. Ему часто поручалось следить за исполнением королевских указов. Будучи очень богатым, он построил на свои средства много крупных сооружений: храм Бантеай Срей (открытие которого состоялось в 967), а также храмы Сек Та Тхюи, Прасат Трапан Кхьян и др.

Неизвестно, когда он умер, но в XII столетии о нем, как об основателе Бантеай Срей, вспомнили еще раз, когда Сурьяварман II поручил Дивакарапандите реставрировать храм в шиваитском духе. Веком позже, при Джайявармане VII, настоятелем храма был королевский пандит, который утверждал, что состоит в родстве с «королевским гуру Яджнаваарахой».

♦ Яшоварман I (889—910, посмертное имя: Парамашивалока)

Сын Индравармана I, наследный принц, которого звали Яшовардхана, Яшоварман I по материнской линии принадлежал к древним династиям, в то время как его отец породнился с ними в результате заключения брака. Его духовным наставником был брахман Вамашива, который был учеником Шивасомы, гуру Индравармана I. Имя короля осталось в истории благодаря изобретению им кхмерской письменности, а также тому, что он одинаково владел обеими руками и был необычайно силен: из уст в уста передавали слухи о том, что «одним ударом меча он разбивал на три части длинный и круглый железный брус...».

Он вззошел на престол в 889 году, захватив власть силой (вполне вероятно, что ему пришлось вести морской бой на Великом озере). Согласно тексту, составленному при его жизни, границами его ко-

ролевства были «Китай и море» (в более позднем тексте оно ограничивалось Бирмой, Сиамским заливом, Чампой и Китаем).

Его строительная и организаторская активность не ограничивалась одной столицей, которую он переместил в другое место. Его деятельность распространялась на всю подвластную ему территорию. В 889 году, едва придя к власти, он построил по всему королевству сто ашрамов, которые стали материальным воплощением ритуального покорения территории королевства (дигвиджайи). Следы пятнадцати из них обнаружены на обширной территории, раскинувшейся от Кохинхины до Южного Лаоса и Северо-Восточного Таиланда. После нескольких лет пребывания в Харихаралайе, где он построил храм в честь предков в центре барая Лолеи, он «основал» Яшодхарапуру, где возвел свой государственный храм-гору Пном Бакхенг и Восточный барай (Яшодхарататаку). Вдоль берегов барая он построил ашрамы, каждый из которых предназначался для одного из великих религиозных культов. Они были одновременно домами для престарелых, постоянными дворами и образовательными заведениями (см. Образование, гл. IX). В то же время возводились храмы в Ангкоре (Пном Бок, Пном Кром) и в провинциях. Умер он около 910 года. Он был отцом двух своих непосредственных преемников в Ангкоре: Харшавармана I (ок. 910—ок. 922) и Ишанавармана II (ок. 922—ок. 928), зятем узурпатора Джайявармана IV (921—941) и дядей Раджендравармана, вернувшем столицу в Ангкор (944—968).

◆ Чжоу Дагуань

Чжоу Дагуань (или Чеу Та-куань) был китайцем, который в 1296—1297 годах входил в состав посольства, отправленного Кубилаем в Камбоджу по поводу исчезновения двух чиновников, посланных

в Камбоджу китайским наместником в Чампе. Во время своего пребывания в стране Чжоу Дагуань постоянно делал записи о ней (главным образом о столице) и изучал основы кхмерского языка. По возвращении домой он записал свой рассказ, который впоследствии перевели на французский отцы-иезуиты, проживавшие в Пекине (перевод был опубликован в Париже в 1789). Впоследствии его перевели Абель Ремюза в 1819 году и Поль Пелльо в 1902-м (после частичной переработки текст был переиздан в 1951). Записки Чжоу Дагуаня не единственный китайский источник сведений о древней Камбодже, но они, вне всякого сомнения, наиболее достоверные и содержательные.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНА КХМЕРОВ

I. ИСТОРИЯ.....	7
ПРЕДЫСТОРИЯ	7
ФУНАНЬ.....	9
ПЕРВАЯ СТОЛИЦА.....	13
РОЖДЕНИЕ АНГКОРСКОГО КОРОЛЕВСТВА	15
ОТ АНГКОРА ДО АНГКОРА.....	17
КОНЕЦ АНГКОРА.....	24
ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ, ИЗЛОЖЕННЫЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ.....	27
Предыстория	27
Фунань (около 0—550 н. э.).....	27
В поисках столицы (ок. 550—начало VIII века).....	28
Рождение Ангкорского королевства (начало VIII в.—877).....	30
От Ангкора до Ангкора.....	31
Конец Ангкора.....	36
СПИСОК КХМЕРСКИХ КОРОЛЕЙ	38
Короли Фунаня.....	38
Короли Ченлы	38
Короли Ангкора.....	39

II. ГОРОД И КОРОЛЕВСТВО	41
АНГКОР	44
СТОЛИЦЫ В АНГКОРЕ	60
СТРАНА ВОДЫ	66
РАВНИНЫ И ГОРЫ	71
ЗАХВАТ ЧУЖИХ ТЕРРИТОРИЙ И ГРАНИЦЫ	74
ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ	76
ГЛАВНЫЕ ДОРОГИ	80
III. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО	82
ОБЩЕСТВО	83
Кхмеры и иностранцы	83
Двуязычие	86
Социальная иерархия	90
Брахманы	94
Рабы и слуги	97
КОРОЛЬ И ЕГО БЛИЖАЙШИЕ РОДСТВЕННИКИ	100
Король	100
Королевская власть	102
Королевы	106
Принцы	108
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ	109
Сановники	111
Административный аппарат	115

Хранители королевской казны	120
Корпорации (варны).....	121
ПРАВО И ПРАВОСУДИЕ.....	123
Правовые принципы	123
Меры наказаний.....	125
Суд	128
Судопроизводство.....	130
АРМИЯ.....	132
Организация армии	132
Вооружение кхмерских воинов.....	135
Командный состав армии	137
IV. ЭКОНОМИКА.....	141
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	142
ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ.....	154
РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО.....	159
ТОРГОВАЯ	160
СИСТЕМА МЕР И ВЕСОВ.....	165
ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО РЕЛИГИОЗНЫХ СООРУЖЕНИЙ	168
СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.....	169
СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.....	173
АРХИТЕКТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА.....	175
АРХИТЕКТОРЫ	177
ФИНАНСИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ЧАСТНЫМИ ЛИЦАМИ	178

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ:	
ВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ.....	181
БЮДЖЕТ КОРОЛЕВСТВА.....	185

КХМЕРЫ

V. ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО	197
ЕДИНИЦЫ ВРЕМЕНИ.....	197
ДАТИРОВКА СОБЫТИЙ И ДОКУМЕНТОВ.....	201
ВРЕМЕННЫЕ РИТМЫ.....	203
ПРАЗДНИКИ	205
ОРИЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА.....	211
ПРОСТРАНСТВО ХРАМА.....	216
ПРОСТРАНСТВО ЗЕМЕЛЬНЫХ НАДЕЛОВ.....	218
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	219
VI. РЕЛИГИЯ	224
БРАХМАНИЗМ.....	228
БУДДИЗМ.....	231
ШИВАИЗМ И КОНЕЦ МАХАЯНЫ	237
ПАНТЕОН ИНДИЙСКИХ БОГОВ.....	241
ШИВА И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ	243
ВИШНУ И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ	248
ДРУГИЕ БРАХМАНСКИЕ БОГИ.....	255
БУДДА: МАХАЯНА И ТХЕРАВАДА.....	262
АВАЛОКИТЕШВАРА.....	265
ДРУГИЕ БУДДИСТСКИЕ БОЖЕСТВА.....	270
СООБЩЕСТВО БОГОВ.....	273

ПАНТЕОН СКУЛЬПТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ.....	278
ПАНТЕОН МЕСТНЫХ БОГОВ.....	283
РЕЛИГИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КХМЕРОВ	286
МИР СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА.....	289
VII. ЛИТЕРАТУРА.....	293
ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА НА САНСКРИТЕ.....	296
АВТОРЫ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	301
ЗАРОЖДЕНИЕ КХМЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	305
VIII. ИСКУССТВО	312
ЗАКАЗ.....	315
БОГИ И ЛЮДИ.....	320
ПОВТОРНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ИНДИЙСКОГО ХРАМА.....	323
ВЕЗДЕСУЩИЕ СКУЛЬПТОРЫ.....	330
СКУЛЬПТУРНАЯ АРХИТЕКТУРА	336
ХРОНОЛОГИЯ.....	338
ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ИНДИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ (VI—IX ВЕКА).....	341
ФОРМИРОВАНИЕ КХМЕРСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА (IX—XI ВЕКА).....	347
ИМПЕРСКОЕ ИСКУССТВО (XII ВЕК).....	355
ЗАКАТ КХМЕРСКОГО ИСКУССТВА	363
МУЗЫКА И ТАНЦЫ	365
IX. ЖИЗНЬ КХМЕРОВ	369
ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ОТРОЧЕСТВА.....	370

БРАК, СЕМЬЯ И ФЕМИНИЗМ	372
СТАРОСТЬ И СМЕРТЬ	374
ЖИЛИЩЕ КХМЕРОВ	377
ПИЩА КХМЕРОВ И ЕЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ	378
ГОРОД	380
ЛЕС В ЖИЗНИ КХМЕРОВ И ПУТЕШЕСТВИЯ	381
ДОСУГ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ	384
ЗДОРОВЬЕ И МЕДИЦИНА	387
ЛЕЧЕБНИЦЫ	391
ВРАЧИ И БОЛЕЗНИ	394
СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ	395
УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ	398
ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ	399
БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК	402

Научно-популярное издание

Гиды цивилизаций

Дажан Брюно

КХМЕРЫ

Выпускающий редактор *Е.С. Лазарев*

Корректор *О.Н. Богачева*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.03.2009. Формат 84 × 108^{1/32}.

Гарнитура «NewBaskervilleC». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Печ. л. 13,5. Тираж 3000 экз. Заказ В-440.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

Брюно Дажан

КХМЕРЫ

Камбоджа, Кампучия, Земля кхмеров...

Маленькое государство с долгой и трудной судьбой подарило миру великую, неповторимую культуру, в которой сочетались тысячелетние традиции индуизма и буддизма. Храмовый комплекс Ангкор Ват, бесценная жемчужина среди вечнозеленых роскошных лесов, — это неразгаданная тайна, оставленная нам зодчими и ваятелями, священный образ мироздания. Традиции национальной музыки и танцев, литературы и восточной медицины, — все это ожидает читателя на страницах книги, которая поистине может стать для него путеводителем по удивительному миру кхмеров.

ISBN 978-5-9533-2738-1

9 785953 327381

